

Э. ЛЕ РУА ЛАДЮРИ

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ ФРАНЦИИ

EMMANUEL LE ROY LADURIE

HISTOIRE DE FRANCE DES RÉGIONS

LA PÉRIPHÉRIE FRANÇAISE
DES ORIGINES À NOS JOURS

ÉDITIONS DU SEUL
27, RUE JACOB, PARIS VIe

Э. ЛЕ РУА ЛАДЮРИ

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ ФРАНЦИИ

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ
РЕГИОНЫ ФРАНЦИИ
ОТ ИСТОКОВ
ДО НАШИХ ДНЕЙ

МОСКВА
РОССПЭН
2005

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и Посольства Франции в России

Перевод с французского *М.Б. Ивановой*

Ле Руа Ладюри Э.

**Л 49 История регионов Франции: Периферийные ре-
гионы Франции от истоков до наших дней / Пер.
с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН), 2005. – 432 с.**

Эмманюэль Ле Руа Ладюри, историк, продолжающий традицию Броделя, дает в этой книге обзор истории различных регионов Франции, рассказывает об их одновременной или поэтапной интеграции, благодаря политике «Старого режима» и режимов, установившихся после Французской революции. Национальному государству во Франции удалось добиться общности, несмотря на различия составляющих ее регионов. В наши дни эта общность иногда начинает колебаться из-за более или менее активных требований национального самоопределения, выдвигаемых периферийными областями: Эльзасом, Лотарингией, Бретанью, Корсикой и др. Не рождается ли сейчас «новый цикл протеста в регионах», задается вопросом автор.

Предисловие

Не стоит смешивать проблему «периферийных меньшинств», по собственному выражению Эмманюэля Ле Руа Ладюри, взятому из этой книги, с давним вопросом о централизации Франции и о сопротивлении этой централизации. Второй вопрос, который можно квалифицировать как «проблематика Токвилля», — прежде всего административного и политического свойства. Он затрагивает не только наиболее удаленные провинции республики, «нашего королевства Французского», как сказал бы Пегги. Результаты централизации, будь она под эгидой монархии или республики, сказываются по всей территории страны, и даже в самом сердце государства, то есть в Париже. Итак, приходилось ли какому-либо другому городу в такой же мере страдать от национального авторитаризма, как Парижу, со времен Лиги до Коммуны? Бесспорно, что среди европейских столиц Париж больше всего поддерживали, украшали и прославляли, но при этом ни один город не находился под таким подозрением, не подвергался такому надзору и жестокому обращению. Таким образом, «проблематика Токвилля» красной нитью проходит сквозь все многообразие тем этой книги, выпуском которой я руководил. Она проявляется как в ходе социальных столкновений, так и во время религиозной борьбы. Французское государство всегда имело своей целью, каждый раз с требовавшейся в данных обстоятельствах долей авторитарности, чтобы в каждой из частей, составлявших общность государства, присутствовал свой центр.

Проблематика Ле Руа Ладюри — очень специфический частный случай упомянутой проблематики. Здесь в меньшей степени речь идет о власти центра, а по большей части — об однородности отдельных частей. Здесь не говорится совсем, или говорится крайне мало, об административных или политических проблемах. Наибольшее внимание

сосредоточено на географических, лингвистических и культурологических аспектах. Другими словами, любой из режимов и каждое из правительств, которые сменяли друг друга на этой земле за ее более чем тысячелетнюю историю, ожидали от ее населения не только наиболее полного подчинения центральной власти, но и требовали от народов принятия определенного духа, то есть стремились достичь интеллектуального и духовного единообразия французского народа.

Удалось ли им это? В большой степени удалось. Об этом можно сожалеть или радоваться тому факту, что Франция, возможно, никогда ранее не была настолько единой в политическом и культурном отношении, как сейчас. Чтобы достичь этого, около сорока королей, «которые в течение тысячи лет делали Францию», по выражению Морра, взяли на себя наиболее тяжелый труд, иногда встречавший только негативную реакцию в народе. Чередую в своей политике принуждение и заманчивые обещания, силовые меры и политику переговоров, они терпеливо разрушали, изолировали, ослабляли и раздробляли очаги местного партикуляризма. Часто они в таких крупнейших периферийных областях, как Бретань и Окситания, позволяли выжить островкам местной автономии, которые во время Французской революции безжалостно уничтожались и рассеивались при полном сознании добросовестности и демократичности этих мер, проводимых во имя той пользы, которую не стоит в целом отрицать.

Добавим, что более или менее добровольное сотрудничество некоторых движений за автономию и независимость, как, например, в Эльзасе, Фландрии, Бретани, с нацистскими оккупантами надолго, но не навечно дискредитировало некоторые организации, выступающие за автономию, в политическом плане. После Второй мировой войны эти организации (после мощного подъема в 1968 году) избрали для себя путь экономических и культурных манифестаций, в частности в семидесятые годы. Еще десяток лет назад движения за культурную автономию на периферии, кроме Корсики, казались не слишком сильными. Вмешательство третьей силы, а именно единой Европы, в противостояние централизованного государства и периферийных регионов постепенно преобразует данную проблему, при этом не лишая ее прежней остроты. В понятиях диалектики кон-

фликт-интеграция, проходящей в прекрасной работе Эмманюэля Ле Руа Ладюри, оказалось более выгодным вернуться к интеграции, в частности во время двойного президентского срока Франсуа Миттерана. Но кризис на Корсике в конце прошлого века, кажется, развернул ситуацию в другом направлении и послужил толчком для возобновления дебатов по вопросам автономии периферийных регионов, таких как Бретань, Эльзас, Баскская область и даже Савойя.

Сейчас, учитывая объединение Европы, оба пути развития представляются возможными. Желательно, чтобы децентрализация продолжалась и даже расширялась, но не приобретала подчеркнуто националистических черт, настроений ненависти к французам на Корсике и ненависти к корсиканцам в континентальной Франции. Подобное развитие событий, несущее в себе ростки ксенофобии и даже расизма, было бы шагом назад. В данном случае возможности достаточно ограничены. Проблема требует от политиков полного хладнокровия, от интеллектуалов — рассудительности, а от наций — ясного видения приоритетов. Дебаты, то есть диалектический конфликт мировой интеграции и регионального разделения, в различных своих формах захватывают все большее число регионов на планете. Они будут доминировать в наступающем столетии. Пожелаем, чтобы везде удалось прийти к приемлемым решениям проблемы, не прибегая к насилию.

Жак Жюльяр

Благодарность... и разъяснения

Появлением этой книги я во многом обязан моим друзьям Андре Бюргеру, Жаку Ревелю, Жаку Жюльеру и Мишелю Виноку, которые курировали публикацию «первой версии», гораздо меньшей по объему, в книге «Государство и конфликты в истории Франции», вышедшей в издательстве «Сей» в 1990 году.

Непременные требования публикации не всегда соответствуют современной действительности, которая меняется очень быстро, в частности это касается постоянно меняющихся обстоятельств корсиканского вопроса. Мы уже указывали в «окончательной» редакции данной работы на молчаливую выжидательную позицию, которую заняла французская администрация по отношению к Матиньону^{*} по вопросу о новом статусе (2000 г.) Острова красоты. В 2001 году ситуация изменилась, и между двумя высшими органами власти Республики обнаружились существенные расхождения по данному вопросу.

Поскольку речь идет о более общей проблеме периферийных и/или языковых меньшинств во Франции и в других областях, стоит также упомянуть совсем недавно появившуюся интересную работу Жана-Мишеля Барро «Виши против республиканской школы» («Фламмарьон», 2001). В этой книге затрагиваются вопросы, сильно отличающиеся от тех, о которых пойдет речь далее, однако она предоставляет нам очень ценный хронологический материал из различных текстов и законодательных документов, уставов, университетских источников, содержащих сведения о преподавании местных языков в период с начала XIX века до 1940-х годов.

Также из современных публикаций стоит упомянуть работу английского лингвиста Дэвида Кристала «Смерть языка»: согласно ей, каждые две недели в мире исчезает один язык из тысяч языков, на которых в наши дни говорят люди в мире.

^{*} Матиньонский дворец – резиденция правительства Франции.

Введение

24 июня 2000 года в одной крупной парижской газете¹ можно было увидеть целый набор броских заголовков, призванных привлечь взгляд читателя, среди них были такие названия, как «Благодаря сумо Ширак переубеждает Путина (др. значение — переворачивает)», «Городские роллеры ищут свой путь», «Бетон уродует французские берега» и др. При этом в самом центре первой страницы просила читателя о внимании скромная статья, озаглавленная «Корсиканская закваска в регионах». Смысл этого небольшого по объему текста был предельно ясен и сводился к тому, что уступки корсиканским националистам, на которые в случае необходимости может пойти Матиньон, кажутся чрезмерными, среди них по возможности обязательное преподавание корсиканского языка, совместное с островитянами осуществление законодательной власти и др. Особенно в газете слышались завуалированные упреки в адрес правительства в уступках требованиям «в других регионах, традиционно привязанных к идее сохранения своей самобытности» (читайте — в провинциях или отдельных областях провинций, где существует свой национальный язык, как, например, бретонский или баскский, и плюс к тому имеются в виду один-два исключительных случая, как, например, Савойя, чья языковая индивидуальность менее выражена). За этой врезкой, на этот раз на четвертой странице, следовала целая серия попыток исследований по данному вопросу, необыкновенно поучительные, несмотря на некоторые преувеличения и искажение реальной обстановки на месте. Первой вступает в спор Жюдит Вайнтрауб и задает тон, используя спорные цитаты с нестандартной точкой зрения, а Жан-Луи Дебре высказывает пожелания об организации референдума на Корсике. Клод Гоасген, выразитель идей либеральных демократов, в свою очередь выступает против министра внутренних дел и говорит:

«Жан-Пьер Шевенман открывает рот, но так и не уходит в отставку». На самом деле этот политик подвергал достаточно резкой критике жоспеновские позиции по корсиканскому вопросу, но к тому времени еще не вернул свой портфель. Анри Пайяр в свою очередь выгодно использовал автономистские настроения и представлялся абсолютно беспристрастным выразителем душевного состояния французских басков. Он цитировал Рено д'Элиссагарая, президента Ассоциации департамента Страны басков, президента, который «кипел от негодования» со времени объявления плана Жоспена по корсиканскому вопросу и которого в этом поддержал Жак Сен-Мартен, бывший директор фирмы «Изарра» — производителя знаменитого местного ликера. Естественно, д'Элиссагарай позаботился о том, чтобы отгородиться от террористов из организации ЕТА: он рассудительно подчеркивал, что из 263 000 жителей Страны басков во Франции примерно половина не являются по происхождению басками, «что, однако, лишает их равенства в правах и возможности пользоваться теми правами, которыми пользуются или должны пользоваться их сограждане, являющиеся настоящими басками». Обстановка в Западных Пиренеях была бы еще сложнее, чем можно подумать, из-за давления, естественно, достаточно сдержанного, со стороны правительства Испании, которое не сильно вдохновляет перспектива утверждения на северной границе страны крепкой баскско-французской единицы, хотя бы речь шла всего лишь о таком образовании в рамках одного департамента. Плюс к этому стоит принимать во внимание еще одну помеху в лице президента Генерального совета департамента Атлантические Пиренеи Франсуа Бейру, политика общенационального масштаба, который, как заключает Пайяр, не слишком тепло воспринимает возможность того, что его департамент будет «разрублен на две части», и таким образом юго-западные владения лидера UDF могут сократиться на 50%.

Журналист Френсис Пюйяльт, в свою очередь, в статье для той же газеты обращает свой взгляд на ситуацию на полуострове Бретань. Из Бреста, где находилась его корреспондентская база, он передавал: «Бретонцы хотят говорить по-бретонски» — немного упрощенный заголовок, учитывая тот факт, и мы к этому еще вернемся, что только западная половина этого крупного полуострова

исконно говорит на бретонском языке. В восточной части, сконцентрированной вокруг Ренна, существует свой собственный диалект *галло* — диалект очевидно галло-романского происхождения и близкий к французскому языку, который лишил этот региональный диалект чистоты и самобытности на протяжении вот уже примерно тысячелетия. По этому поводу Пюйяльт отмечает, что Жан-Ив Козан, «большой друг Ширака» и генеральный советник в Уэссане, желал отныне, чтобы преподавание бретонского языка стало обязательным в школах в Финистере, Морбигане и в Кот-д'Армор и, с другой стороны, факультативным в Луар-Атлантик и Иль-э-Вилен. Отметим по этому поводу, что причисление Луар-Атлантик к Бретани не является признанным фактом, и к тому же еще одна проблема заключается в том, что если в Финистере можно утверждать, что 100% говорят по-бретонски, то несколько по-другому обстоят дела в Кот-д'Армор или в Морбигане, где восточные части относятся к системе диалекта галло. В конце концов, мы не решаемся заметить, настолько болезненным стало отношение к этой «теме» (как раз пора об этом сказать), мы не решаемся заметить, насколько трудно теперь стало заставить наших детей учить не то что английский, а попросту родной французский язык! Разве не говорил нам г-н Клод Аллегр не так давно (позор тому, кто дурно об этом подумает!), что английский язык стал такой же неотъемлемой частью культуры и молодежи, и взрослых, как алгебра... Не будем обращать на это внимание... Даже г-н Пьер Меэньри, мягчайший человек, и он туда же, в тех же газетных статьях ударяется в регионалистские проповеди, так уж обязывает христианская демократия, зайдя еще дальше, он даже без всяческих колебаний поздравляет себя с принятием проекта Жоспена на Корсике! «Закон должен быть двигателем, однако часто он служит корсетом,» — добавляет он, пользуясь метафорами и даже аллитерацией. UDB, «близкая к армориканским автономистам», возможно, хотя бы гипотетически, будет выступать за «автономный статус для всей Бретани» на ближайших выборах в законодательные органы власти. Только Анганн, другая организация, весьма таинственная, «хранит осторожное молчание о Контра-ре», или по меньшей мере хранила на момент 24 июля 2000 года. Ее можно понять, поскольку ее лидеров

затаскали по тюрьмам с момента апрельского террористического акта, в результате которого погибла несчастная служащая фаст-фуда.

В Анниси (как утверждает Серж Пюэйо) вдохновитель савойских сторонников независимости Патрис Абей на данный момент говорит об ограниченном суверенитете, при этом полностью отрицая насилие. Умеренные, такие как Мишель Барнье и Бернар Боссон, всячески превозносят воссоединение Савойи в рамках департамента или области. Депутат RPR Мишель Бувар занимает мирную позицию, но с некоторыми нюансами. Он также горячо ратует за создание «Савойского региона», но своевременно напоминает, что не стоит слишком играть в суверенитет, поскольку «Савойя многим обязана Республике в своем развитии». Эту позицию разделяет полностью видный левый историк Савойи и не только Жан Николя, родившийся в Арденн, но альпиец в своем сердце. Жан Николя подчеркивает необходимость принадлежности Савойи к Республике, то есть к Франции и ... к Европе.

Требования независимости регионов стали понемногу проявляться повсюду. Даже в Эльзасе не склонный к революционным идеям Даниэль Ёффель, бывший министр, просит о праве на эксперимент, что обозначает желание объединить два департамента (и провинцию) в одну эльзасскую общность. Регионалист Роберт Шпилер выражает желание удерживать часть НДС, собранного *in situ*, на местах и использовать его в интересах этой большой территории, расположенной на равнине между Рейном и Vogезами. Что касается южан и сторонников независимости Окситании, собравшихся в свои конклавы в городах Лангедока по указке Робера Лафона весной 2000 года, то им, бесспорно, есть и будет, что сказать... Даже притом что в наше время «окситанизм» кажется бедным родственником по сравнению с «пробуждением» самосознания или даже немного раздутым. Действительно, «Окситания» — слишком широкое понятие по сравнению с гораздо более конкретными патриотическими чувствами ее жителей из Лангедока, Прованса, Лимузена и Оверни...

Подводя итог, можно сказать, что своими мерами и проектами мер по отношению к Корсике французское правительство открыло ящик Пандоры, по словам сенатора Юбера Айнеля, также уроженца Эльзаса. Для нас в нашей

книге ни в коем случае не является целью вновь закрыть этот ящик, чья злободневность проявляется в наши дни как никогда, мы просто стремимся его описать и терпеливо выявить его содержимое; он не потерял нисколько от своей силы и, в некоторых случаях, от своего яда.

Набросок настоящей работы появился несколько лет назад в одном из томов «Истории Франции», выпущенной под руководством Андре Бюргера, Жака Ревеля и в особых случаях Жака Жюльера. Мы до последнего времени работали над нашим текстом, учитывая среди других пожеланий и стремление предоставить желающим сформировать свою точку зрения по вопросам регионов периферийных областей, некоторые ориентиры, помогающие разобраться в этих сюжетах, сложность которых иногда трудно себе представить. Периферийный ни в коем случае не обозначает незначительный, как раз наоборот. Действительно, проблемы иммиграции с востока (с другой стороны бывшего «железного занавеса»), и особенно с юга, другими словами, из ближних и дальних африканских стран, гораздо серьезнее и сложнее даже тех вопросов, которыми мы здесь занимаемся. Но манера, с которой монархические власти, а затем и республиканские, умели разрешать (хотя бы отчасти) трудности, связанные с национальными меньшинствами на периферии, эта манера, то грубая (мы не из числа ее сторонников), то изысканная, может послужить уроком, позитивным или негативным, для французских политиков, выступающих против африканцев и арабов, и при этом против корсиканцев и басков, сколь бы различными они ни были.

Вступление

История каждой нации —
это великий синокизм.*

Теодор Моммзен

Римская история (изд. 1874, 1, 6).

История французских национальных меньшинств, их конфликтов с «подавляющим большинством» и часто удававшейся им интеграции в национальную общность может рассматриваться на двух уровнях. В первую очередь речь пойдет о языковых меньшинствах, которые все располагались, *ipso facto*¹, на периферии (конечно, в широком смысле слова) королевства, а затем республики. Если привести исчерпывающий список, то к ним принадлежат германоговорящие жители Эльзаса и Лотарингии (их язык называется альманским, или франсийским); говорящие по-голландски жители Дюнкерка и Хазбрука; жители западной Бретани со своим кельтским языком; французские баски из Лабура, Нижней Наварры и Суля; северные каталонцы из Руссильона (Восточные Пиренеи); корсиканцы; говорящие на франко-провансальском диалекте в Савойе и Дофине, и наконец окситанцы, находящиеся за приблизительно очерченной границей, к югу от которой лежат Бордо, Лимож, Клермон-Ферран, Валенс и прованские Альпы¹.

Во вторую очередь можно упомянуть различные «меньшинства» совсем другого свойства, как раз в том смысле

* В Древней Греции — процесс слияния нескольких прежде самостоятельных населений или городов в единый полис (БСЭ. Т. 23. С. 422).

¹ В силу самого факта (лат.)

этого слова, который подразумевают английские публицисты. В этой второй группе речь пойдет об объединениях, во многих случаях, но не всегда, воинствующих. Они привязаны к этническим, религиозным или сексуальным общностям, у них во Франции нет своей собственной территории (в отличие от эльзасцев, корсиканцев, басков и др.). Среди этих групп, не обязательно территориальных, отметим протестантов, евреев, армян², разных иммигрантов, европейцев (например, португальцев или поляков), но также выходцев из магрибских государств, африканцев, тамилы, не забывая и о волнах иммиграции в прошлом, среди которых были ирландские якобиты и католики в XVII и даже XVIII веках, бежавшие от преследований со стороны английской протестантской власти. Таким образом *Эрин*, притесняемый *Альбионом*, поспособствовал заселению как знатными людьми, так и простонародьем того, что стало впоследствии *Марианной* — достаточно об этом задуматься³. К этим разнообразным «человеческим пополнениям», происходящим от многочисленных наций и этносов, от цыган до алжирцев, не забывая также португальцев, стоило бы добавить (в качестве одних из многочисленных меньшинств различного рода, не имеющих своей собственной территории во Франции) две категории, вызывающих достаточно удивления своим присутствием в этом списке, но которые все же стоит упомянуть здесь, учитывая недавние агрессивные выступления этих групп, особенно на североамериканском континенте — речь идет о гомосексуалистах и женщинах⁴. Статус меньшинства первых и воинствующий характер их выступлений ни у кого не может вызвать сомнений. Женщины же, напротив, в демографическом плане имеют некоторое численное превосходство, но то, как феминизм, иногда с идеологической точки зрения, интерпретирует их положение и насущные требования, представляет активный интерес лишь для меньшинства, конечно, находящегося на виду.

Выскажемся прямо — в данной работе мы совсем не будем рассматривать эту вторую категорию. Что касается групп с сексуальной доминантой или групп иммигрантов, то сами по себе они представляют собой по многим признакам проблему достаточно недавнюю. Если, конечно, не упоминать в главах, посвященных экономической истории Франции, роль немецких банкиров и итальянских

купцов в Лионе в XVIII веке или пионеров голландской торговли в Нанте в XVIII веке. Но это не входит в наши задачи в этой книге.

На последующих страницах речь пойдет исключительно о языковых, географических, периферийных меньшинствах. Их, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы.

В северных частях Франции, близких к старинным областям диалектов «ойл», эти культурные и территориальные единицы привязаны (или были привязаны), за одним исключением, к административным округам и провинциям, которые включали их в себя, охватывая большую территорию. Конечно, было одно исключение — Эльзас. Со времен возникновения в VIII веке Герцогства Эльзасского и через многочисленные метаморфозы жители этого региона сохранили свое самосознание как провинции в полном смысле слова, что гораздо позднее выразилось в «Эльзасском интендантстве» в XVII и XVIII веках. А судьба германоговорящего меньшинства в Лотарингии неотделима сначала от независимого существования, потом от присоединения к Франции обширной территории Лотарингии с преобладающим количеством франкоговорящего населения, которая делилась раньше на герцогство, различные епископства и др. Небольшая область в окрестностях Дюнкерка, где говорят по-фламандски, не имеет никакой административной связности, только принадлежит к достаточно обширной территории Южных Нидерландов (франкоговорящей), уничтоженной Королем-Солнцем в XVII веке. Нижняя Бретань (говорящая на кельтском языке) неотрывна от герцогства Бретонского, в восточной части которого говорят по-французски.

А к югу от Луары, а точнее к югу от границы диалектов «ойл» и «ок», мы в различных формах имеем дело с меньшинствами, или по меньшей мере с полноправными территориями, среди которых офранцуживание (ставшее в наше время повсеместным, свойственным большинству и даже практически полным) распространялось *извне*, как новшество, передаваемое со времен «языкового антициклона», идущего от Парижского бассейна.

Отсюда с нашей стороны появляются два различных подхода, как если речь идет о Лотарингии в первой части нашей работы, или, например, о Руссильоне во второй части исследования.

Другая форма классификации, более простая, состоит в том, чтобы разделить в рамках *нелатинских* меньшинств меньшинства на северо-востоке, севере и западе (в Эльзасе, в германоговорящей части Лотарингии, в говорящей по-фламандски части Фландрии, говорящей по-кельтски части Бретани и басков) и меньшинства, языки которых происходят из латинского или романского источника — они включают в себя жителей Руссильона, *в другое время* Северной Каталонии, корсиканцев, франко-провансальскую область Дофине⁵, Бресс, Савойи, а в старину и Лиона. И наконец, в особенности, окситанцев. Именно они, кому так трудно дать четкое определение, составляют самую большую языковую зону, сильно превосходящую остальные по численности населения и по территории из всех областей диалектов «ойл». Но она разделена, еще раз повторим, на различные провинции или менее обширные территории, чье «самосознание» выражено более четко — люди рождаются или ощущают себя гасконцами или жителями Прованса в большей степени и скорее, чем окситанцами.

Для Бретани и «Французской Фландрии, говорящей на фламандском языке» мы сохранили старые лингвистические границы: 1880-х годов для Арморики и 1873 года для фламандцев. С того времени эти границы в обоих случаях «отступили», в первом случае на запад, во втором на восток. «Франко-провансальская» область включает в себя, помимо Савойи, области Лиона, Сен-Стефан, Гренобля и юг Юра.

В северной Лотарингии «франкский диалект», несмотря на свое название, принадлежит к германской группе, по образцу древних франков, говоривших на германском языке.

Само собой разумеется, что французский язык распространяется сейчас на

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖЕЛАТИНОВЫЕ МЕДИЦИНЫ

Эльзас

Название Эльзас-Лотарингия, существующее уже долгое время, не должно создавать иллюзий. Поскольку эти две области, из которых состоит данная общность, существенно отличаются друг от друга. С одной стороны, это двуязычное герцогство со столицей в Нанси. С другой стороны, регион Эльзас, который в XVI веке, прежде чем перейти к Франции, был «немецким», или, если брать значение этого слова в то время, «германским», или «алеманским», притом что в Шампани и Пикардии не говорили по-немецки.

На самом деле немецкий язык в Эльзасе — явление совсем не раннее в истории! В Эльзасе в древности говорили по-кельтски, как и во всей остальной Галлии, а в первые века нашей эры он был галло-романским. Но начиная с VI века целая серия завоеваний (особенно алеманнами и франками) привела к полной германизации этого региона: это явилось общим результатом военных или мирных миграций, идущих с другого берега Рейна, и ассимиляции местного населения, до того времени романизованного. Этот процесс культурного смешения можно считать полностью завершившимся во второй половине VI века. Именно в это время Григорий Турский говорит о «городе Аргенторате, доньше галло-романском, а сейчас называемом Страсбург». В 640 году франкские короли¹ в военных целях создают герцогство Эльзас, которое помимо территорий, входящих в эту область в наши дни, включало в себя дополнительно земли, находящиеся по направлению к Белфору и к Берну в горах Юра. В эпоху Каролингов оформляются два епископства — в Базеле и в Страсбурге. Границы последнего продержались в более менее стабильном виде до 1801 года². Это значит, что не стоит преувеличивать значение Страсбурга как столицы провинции на закате первого тысячелетия: этот главный город диоцеза, единственный «важный город» в Эльзасе, в то время состоявшем почти полностью из деревень, насчитывал, насколько можно судить, всего примерно 3 000 жителей в IX веке!

¹ Епархия.

Незадолго до тысячного года Эльзас стал ключевой позицией для императоров Оттонов, и, следовательно, находился вне области притязаний, в то время еще скромных и надолго остававшихся таковыми, *Francia occidentalis* первого Капетинга³.

Гогенштауфены в свою очередь демонстрировали явную заинтересованность в этих территориях, расположенных сразу за левым берегом Рейна. Фридрих II (1194–1250) даже рассматривал Эльзас как «самое дорогое из своих фамильных владений» и берег его, как зеницу ока. Несколько позже притязания Габсбургов устремились на восток, и таким образом, значение Эльзаса стало менее важным. В XIII веке этот регион относился к прирейнской области «правовых отношений» (*Weistümer*), или обычного права, для крестьян; таким образом пытались ограничить волну крестьянской независимости, при этом однако не удалось помешать ее постепенному утверждению. В то же время Страсбург достиг почетного статуса имперского города и свободного города, не отставала в развитии и городская культура: поэт Готфрид Страсбургский, умерший около 1210 года, был автором немецкоязычной версии «Тристана и Изольды». Со своей стороны прирейнская мистика, нежный цветок немецкой культуры, нашла свое пристанище в страсбургском доминиканском монастыре в лице Экхарда, приора этого монастыря с 1314 года.

Итак, Эльзас немецкая область в лучших своих проявлениях, ...и в худших тоже: в 1349 году, сразу после эпидемии чумы, массовые убийства евреев в городах этого региона проходили по той же «модели» (если можно так выразиться), что и по ту сторону Вогезов и Рейна в то время.

Впрочем, чисто французские веяния стали проникать в долину Рейна в эпоху позднего Средневековья иногда в достаточно сомнительной форме: «визит» в Верхний Эльзас в 1444 году французского дофина Людовика, будущего Людовика XI, во главе банды головорезов не стал для потомков одним из самых замечательных свидетельств французской славы или гения за пределами ее границ.

Что касается книгопечатания, как раз тогда изобретенного Гутенбергом, оно начало использоваться в Страсбурге с 1458 года, на десятилетие раньше, чем в Париже, бывшем «светочем» французской культуры!

В начале XVIII века монахи из Изенхайма, рядом с Кольмаром, столицей южного Эльзаса, решили заказать художникам работы для их картинной галереи, а также роспись их большого алтаря, так они пригласили Шонгауэра и Грюневальда, но конечно не Бурдишона или Перреаля. Идеи Реформации стали распространяться в Страсбурге с 1523 года при содействии Мартина Бусера и Вольфганга Капитона. На несколько лет лютеранские идеи привлекли некоторых нон-конформистов из французской церкви, и в их числе Жана Кальвина.

В 1525 году Эльзас явился одним из оплотов немецкой крестьянской войны, или «мятежа простолюдинов», подавленного, правда, герцогом, добровольно говорящим по-французски, Антуаном Лотарингским, проникшим в долину Рейна через перевал Саверн. Боялся ли добрый герцог, на этот раз обагривший свои руки кровью, что восстание, до того вспыхнувшее лишь в германских областях, перекинется во франкоговорящие регионы? В эти годы власть в Эльзасе была поделена между Габсбургами, Страсбургским епископством, фьефами имперских дворян и Декаполисом (союзом десяти городов этого региона). С грехом пополам *Landtage*, эльзасские генеральные штаты, часто созывавшиеся в период с 1528 по 1616 год, ввели представительную единицу, которой угрожали религиозные раздоры: на 900 городов и деревень этой провинции в 1585 году 300 были протестантскими, но остальные оставались католическими и впоследствии держались в лоне Римской церкви. В любом случае Эльзас в XVI веке почти не вмешивался во французскую политику, только в Лионе Минкель и Обрехт, банкиры-протестанты из Страсбурга, поселившиеся у слияния Соны и Роны, своими займами в экю поддерживали династию Валуа, последние же, несмотря на то, что были католиками, по воле этих финансистов стали естественными соперниками воинствующих католиков Габсбургов: «Враги моих врагов — мои друзья». Иначе говоря, попытки французских властей вторгнуться в Эльзас были в то время еще робкими. И, например, «путешествие в Германию» Генриха II, последствия которого явились очень важными для Ло-

* Феод, вотчина.

тарингии, не имело продолжительного воздействия на территорию между Вогезами и Рейном.

Однако с приходом династии Бурбонов стиль изменился: они не гонялись, как некоторые Валуа, за огромным мифическим наследством в Италии. Их интересы были более всего направлены на восточные границы: уже Генрих IV около 1600 года хотел вмешаться в незначительные конфликты, в которых противостоящими сторонами выступали страсбургские клирики и местные протестанты. Не было ли это первым предвестником грозы, которая впоследствии перевернет жизнь, или по меньшей мере, изменит национальную принадлежность следующих поколений?

Около 1630 года один учитель из Арденн, Даниэль Мартен, преподает французский язык в Страсбурге. Мартен — всего лишь одна из мелких симптоматичных черт. Главное, конечно, в событиях дипломатической и военной истории, сопровождавших Тридцатилетнюю войну. Начиная с 1620-х годов власти свободного города Страсбурга, обеспокоенные императорским планом возвращения предметов культа католикам, ведут переговоры с Францией, испрашивая у Людовика XIII денежной и военной помощи. Итак, французское вторжение за Вогезы изначально было акцией по поддержке протестантов против Габсбургов. Продолжение франко-эльзасских отношений во многом было отмечено именно этим начальным фактом. В регионе, насчитывавшем всего четыре крупных протестантских города (Виссембург, Ландау, Мюнстер и Страсбург) против пяти католических и двух смешанных городов, «ересь» стала уделом меньшинства, хотя и активного. Это меньшинство должно было найти себе поддержку извне, и если нужно, вплоть до Лувра. Франкофильскую, или франкоцентристскую роль, которую в двуязычной Лотарингии сыграл изначально присутствовавший там французский язык, в Эльзасе, до того на сто процентов немецком, как ни парадоксально это звучит, сыграл протестантизм, использовавший, однако, немецкий язык. От того, что Страсбургский епископат (католический) с 1625 года попал под управление австрийского эрцгерцога Леопольда, сына императора, жители этого города с особой поспешностью стали просить помощи у Франции, сами в большинстве своем увлеченные антипапскими настроениями. Режиму Вены не было места в их сердцах.

Все произойдет за восемь лет (1633–1640). Это были годы переворота и обращения в сторону королевства! Они зачеркнули, и надолго, восемь веков полного немецкого владычества. Это резкое вторжение французов за Вогезы, осуществленное как *Blitzkrieg*, отличалось от медленного утверждения владычества королевства Капетингов над Лотарингией, на это утверждение потребовалось в общей сложности более двух веков (1552–1766).

Швеция, о парадокс, тоже ввязывается в войну: в 1632 году солдаты Густава-Адольфа, государя этой страны, располагаются в Эльзасе и вплоть до Кольмара, чтобы защищать регион от имперской и католической угрозы. Но Густав-Адольф умер (1632), и великодушные протестанты потерпели поражение при Нордлингене (1634). Такие города, как Мюльхауз и Страсбург, напуганные перспективой завоевания их «папистами», согласились на то, чтобы установить контакт с Францией. Франция, пришедшая на смену Швеции, представляла собой наименьшее зло: конечно, это была католическая власть, но терпимая к протестантам и враждебная по отношению к Габсбургам. Со своей стороны Ришелье поначалу думал только о том, чтобы проложить себе дорогу в Германию через Страсбург; но в 1639 году умер Бернард Саксен-Веймарский, который, если бы он прожил больше, стал бы для Франции очень представительным немецким ландграфом Эльзаса, и после его смерти оккупация или просто военное вмешательство Франции в Эльзас, осуществленное в 1633 году, начиная с 1640 года трансформировалось в прямое управление *de facto*, с присланными правителями и интендантами. После этого естественная граница перестала быть самостоятельной целью. На самом деле имело место что-то наподобие «функциональной» логики: поскольку не все было в необходимой степени продумано, она заменила менее чем за десятилетие изначальное простое «получение гарантий» на плохо скрываемую аннексию.

Мюнстерские соглашения 1648 года признают уступку Эльзаса Франции свершившимся фактом. Габсбурги предпочли такое решение (хирургическое), чем удержание этого региона во власти своей империи: им казалось, что если допустить второй путь, то Эльзас станет таким Троянским конем, который позволит власти Бурбонов вмешаться в дела Германии в ущерб вполне конкретным интересам

Габсбургов, особенно это представляло бы собой угрозу их обладанию императорской короной. Иронизируя, можно вменить Вене в вину потерю Эльзаса по отношению к чисто политической общности «Германии», притом что она была еще сильно раздробленной. Также стоит принимать во внимание, что во время первого вхождения Эльзаса во французское государство парижские власти признали *status quo* установившихся в регионе религий: в будущем это признание гарантировало достаточную преданность и католической, и протестантской церквей по отношению к королевской власти. По правде говоря, такое уравновешенное положение дел в религиозной области, установившееся таким образом, было достаточно слабым утешительным фактором в стране, которая после двадцати лет войны к 1650 году осталась малонаселенной и опустошенной грабежами и проходившими по ее территории войсками. С 1672 по 1678 годы война в Голландии, такая же разрушительная для всех регионов в долине Рейна, не исправила положение. Конечно, Франция укрепляла там то, что она получила в Мюнстере, несмотря на протесты, возникшие по этому поводу со стороны муниципии Кольмара* (в Эльзасе в это время присутствовали некоторые настроения франкофобии, даже националистические, если только можно применить к ним этот эпитет). В 1681 году Страсбург под военным давлением вынужден был признать власть французского короля и согласиться на то, чтобы его собор вновь стал католическим, но при обязательном условии, что протестанты сохраняют в городе большинство своих позиций, в том числе в университете.

В Эльзасе, понимаемом как единое целое, «Господин Интендант», присылаемый из Франции, не был скроен, однако, по образцу исключительно грубого проконсула, который был бы малопривлекательным: стоящие над ним люди, как в Лувре, так и в Версале, им советовали насколько возможно следовать образцу австрийских эрцгерцогов, которые до них выполняли управленческие функции на месте; в 1701 году генеральный инспектор по финансам произнес свою знаменитую фразу: «Ни в коем случае нельзя нарушать обычаи Эльзаса». При этом интендант Людовика XIV

* Муниципия — город, подчиненный властям Рима, на который распространялось римское право.

был главным образом королевским комиссаром перед различными местными органами власти, будь то правительственные инстанции или представительные органы, многие из которых были организованы еще до прихода французов.

Обуславливали и готовили мирное урегулирование конфликтов факторы религиозного характера. «В Эльзасе Святой Дух состоит на королевской службе» — без смеха заявил интендант Шарль Кольбер. Католики, конечно, да и как могло быть иначе при Людовике Богоданном, пользовались покровительством новой власти, пришедшей из Парижского бассейна: в их пользу учредили *simultaneum* (практикующийся до наших дней), благодаря которому они могут сосуществовать или скорее поочередно пользоваться одним культовым сооружением — церковью — с протестантской общиной. Официальные должности были в большей или меньшей степени (по правде говоря, скорее в большей, чем в меньшей) распределены между верующими римской конфессии, что подвигло многих протестантов, стремящихся к политической карьере, принять католическое крещение. Особенным образом неудобное для населения и дорогостоящее размещение войск распределяли по «еретическим» районам. Однако соблюдался главный принцип религиозной свободы: удел многочисленного лютеранского меньшинства в Эльзасе казался завидным по сравнению со заключениями гугенотов-кальвинистов во внутренних районах королевства; они могли существовать исключительно подпольно после отмены Нантского эдикта. И речи не было о том, чтобы Король-Солнце применил этот акт в Эльзасе, где плюс ко всему само понятие «Нантский эдикт» не существовало, поскольку он был присоединен к Франции позднее, чем Генрих IV подписал этот либеральный документ в бретонском городе Нанте (1598). Король-Солнце, а впоследствии Людовик XV правили в Эльзасе так, как до того справедливо правили во Франции Старый Повеса (Генрих IV) и Людовик XIII. Они поощряли одну Церковь (католическую), но позволяли существовать и даже процветать конкурирующей конфессии (протестантам). Сам по себе такой дуализм, о котором можно пожалеть в том плане, что он не сохранился к западу от Вогезов, во многом способствовал верноподданническим чувствам со стороны жителей Эльзаса. Против таких чувств играли лишь слабые проявления языкового национализма,

поскольку большая территория за Рейном не подверглась унификации, и она могла послужить желанным полюсом для определенно придерживавшихся прогерманских настроений жителей Эльзаса. В любом случае, около 1700 года население хранит верность в большей степени принцу или монарху, нежели национальному языку. «Преданность языку» еще не пришла на смену «преданности королю» (де Серто).

В XVIII веке между Вогезами и Рейном наблюдался значительный рост населения, притом что в политическом плане это не причиняло никаких особенных неудобств. В эпоху Просвещения население этой провинции почти удвоилось по сравнению с теми небольшими цифрами, что были в предшествующую эпоху из-за последовавших тогда катастроф (в период с Тридцатилетней войны и до конфликтов времен Людовика XIV). Это увеличение численности населения содействует новому наступлению мира под властью французов, освященного эпохой Просвещения. Благодаря выращиванию картофеля, более интенсивному засеву новых территорий и некоторому развитию промышленности в Милхаузе столь сильное увеличение численности населения не принесло с собой особых трудностей (но все же неурожайное начало 1770-х годов было тяжелым). Относительно гармоничное сосуществование двух языков и культур, обеспечивало быстрое распространение элементарной грамотности на немецком языке, а также высокой образованности, развивавшейся благодаря системе высшего образования, на французском и на немецком языках, и началу *Sturm und Drang* на местах. Звезда Пруссии восходит в зенит. Одновременно сближение Франции с Австрией (в частности во время бракосочетания будущего Людовика XVI с Марией-Антуанеттой) положило конец старой борьбе против Габсбургов, которая с XVI века поддерживала противостояние «галлов» и «германцев». В случае сохранения противостояния Эльзас могли разорвать на части. Кроме того, провинция, даже притом что она находилась под правительственной и военной властью Версаля, сохраняла свои специфические формы управления (правда, под эгидой интенданта и правителя). Аристократическая иерархия по немецкому образцу, «каскады презрения» оставались гораздо более обременительными, чем во «внутренней» Франции. Несмотря на офици-

альную поддержку, оказываемую католической церкви, в XVIII веке *simultaneum* католиков и протестантов продолжает функционировать в этой провинции вполне удовлетворительно, тем более что ближе к концу эпохи Старого режима дух терпимости усилился.

Во время Французской революции на празднике Федерации (14 июля 1790 года) появляется теоретическое свидетельство того, что эльзасцы добровольно встают на сторону того, что вначале было всего лишь фактической аннексией, предписанной Ришелье, затем Людовиком XIV и Лувуа, не посоветовавшись с местными жителями. Однако в ходе революции с 4 августа 1789 года были разрушены партикуляристские структуры страны. Гораздо в большей степени, чем того хотели короли, революция иногда хотела дискредитировать (в пользу единства французского языка) то, что в ее представлении было «патуа», местные германские диалекты, остававшиеся, однако, в массовом употреблении. На местах она поднимает якобинцев против протестантской и говорящей на диалектах элиты: они же сначала попали под власть либеральной идеологии 1789 года, затем они позволили вовлечь себя, увлечь и утопить в движении монтаньяров, шедшем дальше их возможностей, и в конце этого пути их ожидала гильотина. Упомянем также такой неутешительный факт, что революционеры боролись с духовенством, таким могущественным к востоку от Вогезов. Таким образом, революция создавала предпосылки, в то время пока лишь умозрительные, к тому, чтобы Эльзас опять обратил свои помыслы в сторону Германии в политическом плане, эти условия оставались лишь теоретическими, но уже прослеживались в местных контрреволюционно настроенных источниках. Правда в том, что Наполеон внес в эту ситуацию порядок: благодаря своим завоеваниям, император создал на большой территории, находившейся в непосредственном соседстве с землями Священной Римской империи немцев, возможности карьеры и перспективного роста для эльзасцев, достигших высокого социального и культурного уровня — стихийное знание немецкого языка стоило им на обоих берегах Рейна множества должностей префектов, генералов, судей. В то время местные католики переживали не самый славный период

* Местное наречие.

своей истории, им было далеко до знаменитых епископских семей Страсбургского диоцеза, которые были либо сторонниками французов (как Фюрстенберги в XVII веке), либо сами были французами (Роаны в XVIII веке). Сторонникам Римской Церкви приходилось отныне довольствоваться, конечно, менее широкими возможностями, но все же они сохраняли видные позиции по конкордату 1801 года в государственных и местных управленческих органах провинции. Протестанты, получившие полную свободу в последние десятилетия XVIII века, и евреи, частично освобожденные, благодаря этому добровольно встали в ряды ревностных сторонников послереволюционного режима.

Начиная со времени царствования Луи-Филиппа более быстрыми темпами идет офранцуживание (еще неполное) Эльзаса благодаря более углубленному изучению французского языка в школах, в которых, однако, еще много лет немецкий язык занимает очень важное место. Естественно, со стороны некоторых поборников немецкого языка высказывается недовольство по поводу такого расцвета «инострannого влияния», которое они считают чрезмерным и империалистическим. Когда в 1859 году ректор Страсбургской академии на некоторых уровнях обучения позволял вводить только тридцать пять минут обучения немецкому языку в день, он тем самым спровоцировал горячие жалобы, в частности со стороны духовенства, которому, как и во Фландрии, Бретани и Стране басков, местный язык помогал противостоять бурному распространению во франкоговорящей среде антиклерикальных «Светочей»⁴. Такое недовольство, однако, по поводу некоторого «офранцуживания» Эльзаса высказывалось в основном не в данном регионе, а в самой Германии, на другом берегу Рейна, вплоть до Пруссии. Немецкие языковые притязания законно возникли во время «подъема национального самосознания» XIX века и пробудили ностальгию: они заставили немцев после 1850 года пожалеть о том, что они потеряли эту провинцию, которую Людовик XIII и Людовик XIV вырвали из единой германской общности в то время, когда Германия не сознавала своего фундаментального единства и была не в состоянии отреагировать с достаточной силой. Но вернемся к эльзасскому вопросу, от которого мы отвлеклись. Пусть это не понравится тем, кто охотно переносит на прошлые эпохи

типичные конфликты современности (особенно когда речь идет о «колониальном» централизме и ответных «антиколониальных» выступлениях со стороны тех, кого они считают угнетенными), так вот, пусть это не понравится сторонникам систематического анахронизма, но основная драма в Эльзасе завязалась после 1870 года, а получила свое разрешение лишь в 1945.

Сначала была аннексия: в 1870–1871 годах Бисмарк «посеял зубы дракона», другими словами, захватил Эльзас и часть Лотарингии, что стало роковым поступком, которого избежали более мудрые союзники в 1815 году. Они удовлетворились тем, что отняли у Франции только Саар, где говорили по-немецки, после абсурдной вылазки Ста Дней, из-за которой их терпение иссякло. Аннексия Эльзаса после франко-прусской войны 1870 года отождествлялась, как эхом, желаниями, уже сформулированными по другую сторону Рейна начиная с 1850 года. Она как молния упала на провинцию, где меньшинство говорило по-французски, но в большинстве было германоговорящим ... и настроенным за Францию: как показали несколько свободных выборов 1870-х годов, протестующие кандидаты, поддерживавшие бывшую власть французов, получили три четверти голосов. Это горький знак глубокого «успеха» ...задним числом: он характеризовал два значительных столетия французской политической власти на левом берегу Рейна⁵.

У новых хозяев Германии, однако, не было недостатка в аргументах и козырях, чтобы после 1870 года проводить в Эльзасе ту же политику завлечения...или переваривания (но в противоположном направлении), которую раньше практиковали французские правители — от Ришелье до Наполеона III. Немцы постепенно привозили в своих обозах экономическое процветание, социальные законы, многочисленных эмигрантов, родившихся между Эльбой и Рейном, наконец, общность языка, развитие всех уровней образования ...и поддержку Конкордата. Призраки французского прошлого удалялись тем дальше из-за того еще, что католическое население Эльзаса, представлявшее собой вначале основную часть сочувствующих французам, было глубоко шокировано антиклерикальными настроениями, нетерпимыми, даже неумеренными, которые насаждала III Республика.

Несмотря ни на что Германская империя держала эту провинцию долгое время в исключительном положении. В 1911 году в Эльзасе, наконец, немцы позволили избрать две региональных ассамблеи: недовольные охотно подчеркнут, даже в наше время, что французские власти не шли и никогда не пойдут так далеко в вопросе децентрализации, как во время Второй империи, так и после 1919 года, к концу III Республики⁶. Накануне войны 1914 года местные жители в своих желаниях отошли от «невозможного» возврата к французской родине-матери, они в большей степени стремились к автономии в рамках немецкой имперской системы Гогенцоллернов. И снова Эльзас шел по пути экзистенциального присоединения к германскому сообществу, даже притом, что значительная часть буржуазии в Страсбурге или Мюльхаузе продолжала говорить по-французски и обучать своих детей языку Расина; многие французы к западу от Вогезов приняли существующее положение, поскольку ситуация, справедливо это было или нет, казалась необратимой — первые антигерманские выступления талантливого рисовальщика Анси, несмотря на успех его изданий, не нашли широкого отклика.

В результате Первой мировой войны немецкая власть в Эльзасе стала жестче, вплоть до того, что некоторые высокопоставленные лица берлинской администрации мечтали напрямую присоединить этот регион к Пруссии. Однако, когда немцы потерпели поражение в войне, в 1918–1919 годах Эльзас вернулся под власть Франции, немецкое влияние в этом регионе в то время омолодилось после полувека ассимиляции, уже даже завершенной, и хотя германское население не представляло собой в те годы большинства *a priori*, тем более не было монополией, оно выступало неустранимой общностью.

Из-за этого Франция не могла с 1919 года найти в Эльзасе ту спокойную психологическую среду, которую можно было бы сравнить с тем гармоничным правлением, которое Франция проводила вплоть до конца Второй империи. (Еще раз повторим, что, чтобы доказать существование этого «потерянного рая», исполненного согласия, достаточно обратиться *a posteriori* к неопровержимым результатам выборов 1870-х годов и обратить внимание на количество протестующих и настроенных за французов голосов в то время, когда прусская оккупация уже полно-

стью жестко утвердилась в регионе). В середине XIX века тот факт, что в регионе народные массы преимущественно говорили по-немецки, а французский язык уже в достаточной степени распространился среди элитарных слоев общества, в конечном итоге представляет собой лишь второстепенные мотивы национального самоопределения или попросту верного служения французским властям. Но сразу после Первой мировой войны законное преобладание германоговорящего населения, усиленное в течение сорока восьми лет отторжения от французского сообщества в период с 1870 по 1919 годы, становится *post factum* крайне важным политическим мотивом на весь период между двумя мировыми войнами. Другим осложняющим элементом выступил тот факт, что начиная со времен Людовика XIV и до долгого периода власти Конкордата, утвержденного в 1801 году, французы всегда появлялись в Эльзасе в качестве мощной поддержки католической церкви, но эта поддержка помимо прочего не исключала проявления по прошествии некоторого времени знаков дружественного расположения по отношению к местным протестантам и сторонникам иудаизма. Но такая позиция официальной Франции по отношению к Римской Церкви прошла и сменилась в отношении Эльзаса, «антиклерикальной аллергией» в период 1920–1930-х годов, в частности во время Картеля левых сил (1924) и Народного фронта (1936). В этих двух случаях некоторые радикально настроенные политики социалистического толка во «внутренней Франции» говорили о том, чтобы ввести светское законодательство в Эльзасе, в котором большинство населения хотело сохранить прокатолический режим Конкордата. Одновременно с этим между 1924 и 1939 годами начинает обозначаться стремление к автономии, в одних аспектах изначально региональное, но в скрытой форме прогерманское в других моментах; крайне левые автономистские движения даже находят поддержку у эльзасских коммунистов, они же в свою очередь выступают в данном регионе наследниками левого движения Социал-демократической партии Германии, а также примитивными толкователями ленинской теории о праве на самоопределение «угнетенных» народов. На самом деле, несмотря на приукрашенную роль «большевистских» движений, живое сердце автономистских движений стоит

скорее искать со стороны областей католических и германоговорящих этнических общностей. В некоторые годы в период заката III Республики этим сложным, но направленным в одну сторону тенденциям удавалось переключать муниципалитеты Страсбурга и Кольмара в сторону воинствующего регионализма⁷.

Начиная с 1933 года нацисты «ловят рыбу в мутной воде», несмотря на то, что никто не может разобрать их истинных целей, абсурдно и с неоправданным обобщением путая их со стремлением к независимости региона в чистом виде. Автономизм же часто украшается привлекательными моментами стремления к независимости региона, но часто также в нем присутствуют отталкивающие краски антисемитизма, конечно, маргинального.

И вот Франция потерпела поражение в 1940 году, и в отличие от германизации 1871–1918 годов, которая осуществлялась по различным каналам (язык, религия, законы Бисмарка, направленные на защиту интересов рабочих, социализм), нацистская власть над Эльзасом между 1940 и 1944 годами не только уничтожает то, что могло еще сохраниться от французского прошлого этого региона. Она направляет свои силы против самой идеи единства провинции. Молодых людей отправляют на русский фронт, и из них 35 000 не вернулись оттуда. Иудаизм по возможности обрекался на гибель, и Ян Кершау в своей знаменитой биографии Гитлера рассказывает о поспешности немецкой антисемитской политики в Эльзасе. «С июля 1940 года, — пишет он, — Роберт Вагнер, гаулейтер Баденской области, в то время помимо этого управлявший Эльзасом, а затем Жозеф Бюркель, гаулейтер Сар-Палатинга и глава гражданской администрации в Лотарингии, оба они оказывали давление на Гитлера, чтобы он разрешил высылать на запад, во Францию, где тогда господствовал режим Виши, евреев из вверенных им областей». Фюрер дал свое согласие, и в том же месяце 3 000 евреев из Эльзаса и Лотарингии были депортированы в западном направлении. Остальные, увы, не стали терять время в ожидании⁸. Помимо этого Третий рейх притеснял эльзасских католиков и подрывал экономику региона; провинция управлялась как зависимая территория за пределами Германии нацистскими чиновниками, многие из которых, в особенности те, кто принимали важные

решения, не были «из местных». Особо непокорных местных жителей депортировали или убивали. Осенью 1940 года была создана организация «Опферринг», или кружок жертв, *ad hoc* полностью находившаяся под контролем нацистов. В кругах сторонников Сопротивления ее назовут «кружком жертв нацистской пропаганды». У «Опферринга» были свои лидеры на хуторах, руководители на несколько домов, главы по кварталам, деревням, коммунам и округам. Эта организация представляла собой вырожденное отражение Национал-социалистической партии, старательно опекаемое нацистами. В нее войдут 100 000 человек в 1941–1942 годах, из которых подавляющее большинство, даже почти все были фиктивными членам, вынужденно вступившими в организацию или оппортунистами. Таким образом, это вымышленное число растает, как снег на солнце, в первые месяцы 1944 года⁹.

Эльзасская элита в таких условиях переживала свои тяжелые времена, если, по меньшей мере, говорить о тех ее представителях, которые в эти четыре или пять «свинцовых лет» остались в регионе, будь то по собственному законному выбору или в силу необходимости¹⁰. Некий Жозеф Росс, сын булочника, выходец из семьи, где было тринадцать детей, школьный учитель и синдикалист, стал в период между двумя мировыми войнами борцом за автономию Эльзаса и горячим приверженцем сближения с Германией. В июле 1940 года он ставит свою подпись (вынужденно?) под манифестом, требующим вхождения Эльзаса в Третий рейх. После аннексии Эльзаса он занимал несколько ответственных постов и в то время высказался за создание государства-буфера из Эльзаса и Лотарингии: эта идея при посредничестве посольства Соединенных Штатов в Виши выдвигалась несколько раз, в неосознанно комической форме, самим президентом Рузвельтом! Впоследствии Росс поддерживал контакты с немецким Сопротивлением. Он был арестован французскими властями в 1945 году, и ему был вынесен тяжелый приговор — пятнадцать лет принудительных работ; он умер в тюрьме в 1951 году. Пастор Карл Морер пытался, со своей стороны, поддерживать некоторую автономию Эльзаса с помощью лютеранской церкви во время почти

⁹ Для определенной цели (лат.).

пятилетнего господства нацистов. Однако по той причине, что немецкие власти назначили его на пост президента региональной церковной администрации Аугсбургской конфессии, ему впоследствии из-за этого приписали, и возможно неправомерно, поведение, которое, по красивой формулировке Бернара Воглера, «не всегда воспринималось в годы Освобождения». Морер был осужден в это время, но впоследствии получил помилование. Некий Жан Кеппи, борец христианского демократического «Центра» Эльзаса (до 1914 года), затем в 1930-е годы основал агентство католической прессы, а после 1940 года балансировал между своими обязанностями, которыми его наделили германские власти, и немецким Сопротивлением лета 1944 года. Опасное балансирование, и долгое, как можно себе представить! Впоследствии это превратилось в двойную опасность, поскольку Кеппи осенью 1944 года стало разыскивать гестапо, а французы вынесли ему приговор в 1947 году, но затем сразу реабилитировали за очевидные услуги, которые он оказал Сопротивлению. Менее удачливым оказался аббат Жозеф Браунер, который был осужден за «сотрудничество» с новыми хозяевами региона, хотя это сотрудничество и было, оно было прогерманским, но не пронацистским, что, однако, не помешало бросить этого проповедника в конце 1944 года в лагерь Стратхоф, где плохие условия оказались причиной его скорой смерти, наступившей в июне 1945 года. И наконец, известный политик Марсель Штюर्मель, сторонник автономии с 1929 по 1939 годы, также подписал (вынужденно...) манифест «Трех Колосьев», имеющий целью вхождение Эльзаса в состав Великой Германии, затем он стал помощником мэра Мюльхауза, «под каблуком». Несмотря на свои связи с немецким Сопротивлением в лице Кольмарской группы, которые могли бы искупить его прошлые поступки, Штюर्मель был арестован в апреле 1945 года, а в 1947 году приговорен к восьми годам принудительных работ, освободили его в 1951 году. Стоит заметить, что из этих четверых трое были католиками, а четвертый был связан с протестантской Реформацией, и таким образом можно подчеркнуть, насколько в данном случае были важны «христианские вопросы», обостренные в 1920-е годы иногда неуклюжей антиклерикальной политикой III Республики. В этом был мотив, конечно,

совершенно неправильный, для некоторых людей (среди христиан), по доброй воле очень рано занявших различные позиции среди крайних сторонников автономии. Нацистская администрация, как можно было увидеть, начиная с 1940 года пыталась привлечь этих борцов за автономию на свою сторону, что ей удавалось с умеренным успехом... и впоследствии оборачивалось проблемами для заинтересованных лиц, и особенно чувствительными и болезненными эти проблемы обострились после 1945 года. Стоит сказать о невероятной наивности некоторых сторонников автономии Эльзаса, которую все-таки по отношению к ним нельзя охарактеризовать как легковерие. Одно дело наивность, и совсем другое — чистое и простое сотрудничество с немцами: в этом случае стоит вспомнить о Германе Биклере (1904–1984), родившемся в Мозеле; он был немецкого происхождения, чем и объясняются некоторые эпизоды из его последующей жизни. Он был страсбургским юристом и до войны поддерживал движение за автономию, а после поражения Франции стал «крайслайтером» (главой кружка) Национал-социалистической партии в столице Эльзаса и членом СС. Но очень скоро судьба увела его из района за Вогезами, и он принял на себя чин высокопоставленного фашистского полицейского чиновника по особым поручениям в Париже. Ему удалось бежать в Германию в 1944 году, в 1947 году он был заочно приговорен к смертной казни, но мирно прожил остаток своей жизни в Северной Италии в должности руководителя предприятия¹¹, «спасаясь от розыска», как Марсель Деа. Он умер в своей постели в 1984 году. Вот удивительная судьба борца-экстремиста, конечно, мало достойного уважения, кидавшегося от одной карьеры к другой без особого личного ущерба...

Если отойти от этих конечных преобразований, то ситуация в Эльзасе была даже еще более сложной, чем это могло показаться, поскольку еще в начале 1942 года один из храбрых лидеров подпольной антигитлеровской оппозиции Горделер не представлял себе то, что должно было случиться само собой после уничтожения нацизма, а именно возврат Эльзаса и Лотарингии к Франции. Горделер желал переговоров по поводу этой двойной провинции между Францией и Германией. Это было достаточно смешной иллюзией для человека, который помимо всего

был великим противником диктатуры¹². В конце этого несчастливого периода, Страсбург был освобожден в последние недели ноября 1944 года, но на севере Эльзаса первые дни 1945 года были еще отмечены немецкой операцией «Северный ветер», последовавшей за наступлением в Арденнах. Операция «Северный ветер» началась в январе 1945 года. «Это было последнее и наименее успешное наступление Гитлера. Немецкие войска не смогли продвинуться дальше, чем примерно на тридцать километров». В один момент возникли опасения за Страсбург, что послужило причиной конфликта между Эйзенхауэром и де Голлем, который хотел любой ценой защитить столицу Эльзаса, недавно освобожденную союзниками. Но немецкое наступление увязло. «Северный ветер едва ли оказался сильным бризом»¹³.

* * *

В то время, когда пала немецкая оккупация благодаря антигитлеровскому освобождению, плохие воспоминания, укоренившиеся за последние четыре года, были настолько сильны, что можно было говорить о том, что произошло самое настоящее «самоубийство», или культурный «автогеноцид» немецких влияний в Эльзасе *a posteriori*. В любом случае, пошел значительный процесс, когда немецкие веяния стали терять свою законную силу (но при этом местный диалект находил упорную поддержку). Обратимся всего лишь к одному примеру: симпатии Коммунистической партии Эльзаса и Лотарингии к автономии, выявившиеся до 1940 года, в 1945 году уже не имели места в этой партии. Таким образом рухнул один из спорных вопросов в отношениях с французскими властями, каким он обозначился в период между двумя войнами.

Пойдет ли речь по окончании Второй мировой войны о возвращении франко-эльзасской идилии, какой она была в XVIII и XIX веках? Тень германской агрессии полностью развеялась после 1945 года, и в любом случае, после этих событий перед нами предстает сосуществование самоопределения Эльзаса как провинции, все еще живого, и власти французской государственности, отныне безраздельной. Устойчивость диалекта (как в городах немецкой Швейцарии), процветание прессы на немецком языке, к несчастью, терпящей сейчас упадок¹⁴, специаль-

ное преподавание немецкого языка в средней, а в некоторых случаях даже в начальной школе, развитие туристической индустрии, экономики, экологии и масс-медиа во Французской Республике Эльзас остаются базовыми фактами. Даже, что касается некоторых отраслей, неизменными. Но эльзасская политика остается строго французской с преобладанием национальных партий (MRP, затем партия де Голля, наконец Социалистическая партия). Либо она европейская (ассамблея в Страсбурге), что позволяет снова ввести — почему бы и нет, на самом деле? — разумную дозу прогерманских симпатий. Любые намеки на нацизм остаются, естественно, наделенными резко отрицательной коннотацией*. И абсолютно по-другому, чем до войны, случилось на выборах в 1968 году: сторонники автономии и возвращения к «эльзасским корням» и отдаления от «внутренней части страны», получили очень скромные результаты, несравнимые с мощной волной движения за автономию, присутствовавшей до войны. В 1978 году сторонники эльзасской автономии получили всего 1,04% голосов избирателей. Западная Германия в любой ситуации ведет себя крайне осторожно по отношению к удручающим фактам националистической инициативы, возникавшим раньше на территории между Вогезами и Рейном. Она воздерживается, *grosso modo***, от любого вмешательства в политическую ситуацию в Эльзасе, в противоположность гитлеровской и даже веймарской Германии. ФРГ довольствуется той важной ролью, которая ей законно уготована за ее западными границами благодаря ее высокому культурному, и в особенности экономическому уровню.

Пойдем еще дальше, обратимся к более поздним событиям: в Эльзасе 2000 года требования культурного характера сохраняют свою жизненность, но на данный момент они почти не выходят на политический уровень. Объединения, которые имеют или могли бы иметь некоторые тенденции к автономии, набирают, как и в прошедшие десятилетия, не более 2–3% голосов на выборах, как, например, «Союз эльзасского народа», издающий газету «Rot und Wiss». Что касается регионалистского

* Коннотация — то, что подразумевается.

** В общем (лат.).

движения в Эльзасе, созданного Робертом Шпилером, бывшим депутатом Национального фронта, то по последним сведениям, оно насчитывает четырех избранных в Региональный совет, что нельзя недооценивать, но при этом это также не впечатляющее число. В любом случае, каждый раз кажется, что избирательный пятипроцентный барьер для них трудно преодолеть. Депутаты — сторонники Ле Пена и Мегре (последние близки к регионалистам) специализируются на защите диалекта. Более важной представляется деятельность умеренного Даниэля Хёффеля: он до сих пор, как всегда, бьется, вместе с другими эльзасскими политическими деятелями, за объединение двух департаментов, Нижний Рейн и Верхний Рейн, на таких условиях, которые вызывают дебаты среди юристов и политиков¹⁵. В свою очередь Мадам Траутманн, которая была мэром Страсбурга, пожелала большей децентрализации. Это говорит о том, что у вопроса есть будущее, и пример Корсики может оставить «круги на воде» и докатиться до восточных Вогец, притом даже, что жители Эльзаса, со своей стороны, питают отвращение к насилию, сохранив на этот счет отталкивающие воспоминания полувековой давности.

2

Лотарингия

Лотарингия, конечно, не фигурировала бы в нашей работе среди меньшинств нелатинского происхождения, если не было бы такого важного эпизода в истории вторжения германских племен в VI веке, когда франки и алеманны пересекли Рейн и осели на галло-романской земле. До этого времени Лотарингия (это название появилось в таком виде позже, лишь в эпоху Каролингов) принадлежала к галльской общности, сначала кельтской, а затем романской. Можно предположить, что вторжение армии Цезаря в эту прирейнскую область с 58 по 52 годы до нашей эры ко всему прочему имело целью (в частности) сдержать дальнейшее продвижение германцев, которое все равно произошло несколько столетий спустя. В I и II веках нашей эры город Мец и его окрестности переживали период процветания,

что показывают открытые в ходе современных раскопок останки терм, амфитеатров, мозаик. Однако начиная с середины III века и до начала V века народы «германского» происхождения (как сказали бы в наше время) перемещаются к западу, не без насилия, и передвигают языковую границу: она отныне движется к юго-западу в нижнем течении Рейна и сокращает галло-романскую «шагреновую кожу». Таким образом, еще в наше время германоговорящее население присутствует в районе Тионвилля, Сент-Авольда, Форбаха, Сарегемина, Биче и Саребурга. Семантический пунктир мог претерпеть некоторые изменения с конца 1-го тысячелетия¹: из латинского языка родились диалекты, а затем французский язык, и он вобрал в себя несколько населенных пунктов на северо-восточной границе немецких диалектов; однако наследие масштабных перемещений германцев и франков наложило значительный отпечаток. В любом случае германские влияния развиваются в эпоху поздней Античности и при Меровингах в пределах ограниченной территории ... и даже в ограничивающих пределах. В противовес германизации выступают, синхронно или нет, процессы романизации, характеризующие эпоху конца Римской империи. Таким образом, виноградники, принесенные с юга, были посажены недалеко от Меца именно в последние десятилетия III века (лотарингские «серые вина» останутся знаменитыми). И прежде всего в это время происходит становление христианства, и главное его продвижение на территории между Мёзой и Сааром приходится в основном на период после 300–350 годов; для окончательного утверждения и приобретения статуса единственной религии ему понадобится еще несколько веков.

Факты «вульгарного», или местного, языка должны быть рассмотрены на их истинном месте: клерикальная элита региона, как и повсюду, в середине первого тысячелетия говорила на латыни, и ее мало занимали патуа, как тевтонские, так и романские, на которых «бормотала» чернь. Крупные политические образования (Австразия в VI веке, Лотарингия в IX веке, откуда происходит современное французское название «Lorraine») с радостью перешагивают символические барьеры, которые нарисует *post fastum* Атлас диалектов: они формируют объединения двух культур (из которых Бельгия сохранилась до сих пор, к

северу от Одён-ле-Тиш или Муаёвр, как самое значительное из остаточных явлений этого процесса).

Естественно, мы не будем рассматривать телеологическую точку зрения на историю. В том, что Лотарингия в конце концов стала французской, было бы неправильно видеть, что таким было ее скрытое подсознательное призвание. На самом деле, в начале X века Лотарингия еще склонялась к германской общности², но внутри нее начиная с 959 года обособлялась верхняя Лотарингия, которую позже и называли «Loggaine», то есть собственно говоря нынешняя Лотарингия. При воцарении династии Капетингов с 987 года к востоку от Мёзы и Соны все больше проявляются тенденции к независимости так называемой *Francia media*, которая впоследствии в Лотарингии, Бургундии, Франш-Конте будет противостоять всевозможным соблазнам со стороны королей и императоров, как западных, так и восточных. Это было чудо политического равновесия, но все же время от времени приходилось выбирать себе лагерь: «герцогство Лотарингское» упоминается под таким названием с начала X века, а в 1214 году при Бувине герцог Лотарингский вместе с императором Оттоном дает сражение против Филиппа-Августа... и оказывается в стане побежденных. На протяжении эпохи Средневековья выбор в пользу императора остается основным: например, во второй половине XIII века герцог Лотарингский Ферри III на своих северо-восточных землях, от Биче до Сьерка, утверждает «немецкий суд бальи» (окружной суд. — *Прим. пер.*), говорящий в основном по-немецки. Само герцогство функционирует как спутник (в большинстве своем говорящий на романском языке) имперского конгломерата, где начинает уже заниматься заря эпохи германизации Габсбургов. И напротив, графы Бар, что на западных склонах лотарингских земель, с начала XIV века проявляют склонность оказывать знаки почитания французскому королю за свои владения на левом берегу Мёзы³. Таким образом материализуются несколько общностей разных культур! Они делают из Лотарингии *духовный* фьеф «Романии», спонтанно обращенной к Бургундии, Шампани, области Льежа и Франции, однако в плане *власти* в строгом смысле слова, главные сюзерены находятся все же к востоку от Рейна. Плюс ко всему, власть француз-

ской монархии уже начинает распространяться по другую сторону Мёзы: клирики и лотарингские дворяне получают свои пребенды и владения как от немецких князей, так и у Капетингов. За Мёзой, от самой Шампани располагаются тамплиеры и госпитальеры. Лотарингские епископы, полуцерковные, полусветские феодалы, начиная с XIII века все чаще являются выходцами из аристократических семей королевства Французского. Местные дворяне женятся на девушках с запада. Вот сколько было причин для «глубинного» офранцуживания — социальных, аристократических; в ходе этих процессов немецкий язык был оттеснен к северо-восточным границам герцогства и занимал достаточно скромное место. И огромная поэма «Деяния лотарингцев» (XII–XIII вв.) — эпическое произведение в стихах с невероятным количеством добавок в тексте, относящихся к разному времени, было гораздо ближе (учитывая разное время написания) к «Песне о Роланде» или к произведениям Кретьена де Труа, чем к «Нибелунгам». А в области искусства в Лотарингии всем известный переход от романского стиля в архитектуре к готике связан с преобладанием французских влияний в зодчестве, которые пришли на смену старому стилю постройки церквей, более всего находившемуся под влиянием архитектуры Прирейнской области, Трира или Италии. Есть и более прозаические примеры: около 1300 года представители Капетингов проникли в Верден, Туль и Барруа под предлогом того, чтобы утвердиться там в качестве третейских судей или честных «посредников» при разрешении местных конфликтов. В 1346 и 1356, когда уже рассеялись все воспоминания о Бувине, лотарингская армия выступила вместе с французами и потерпела сокрушительное поражение при Креси и при Пуатье — в несчастье тоже могут рождаться союзы. Вместе оказаться наголову разбитыми... Несмотря ни на что герцогство Лотарингское играет роль амортизатора: оно сглаживает возможные столкновения между Империей и Францией, при этом не становясь полностью частью одного или другого из этих государств. Крестьянские свободы, в соответствии с хартиями вольностей Гатине или Аргонны, могли, конечно, распространиться за Мёзу, но

* Доход с церковного имущества.

в очень малой степени — на Мозель. Из-за Столетней войны, ослабившей Францию, Туль и Верден вновь оказались в гравитационной зоне Империи. Но в XV веке эта короткая склонность к Германии, казалось, рассеялась: Лотарингия, где выросла Жанна д'Арк, символ французской девы, уже оказалась одной из сторон в гражданских войнах Французского королевства; графы Бар поддерживали Арманьяков, герцог Карл II — Бургиньонов. Как только закончилась война с англичанами, анжуйские принцы, происходившие из рода Капетингов, благодаря выгодному династическому браку получили в свои руки Лотарингию и, как и их предшественники, продолжали балансировать между двумя лагерями. Но на этот раз им пришлось балансировать между французами и бургундцами (и те, и другие говорили по-французски), отчего тень Германии, и так далекая, совсем исчезла. Что касается собственно культуры, то здесь нет места для двусмысленности: автор автобиографии и историк Филипп де Виньо́ль, родившийся в 1471 году, когда писал о прошлом Меца, решил заменить в своих текстах французский язык местным диалектом, имеющим романское происхождение.

Однако коренной стратегический переворот случился позднее, а именно его можно датировать 1551–1553 годами («путешествие в Германию» Генриха II и результативные завоевания этого короля, оставившего погоню за итальянскими миражами в пользу города Мец). Вплоть до середины XVIII века «Франция» могла проникать со своими влияниями в лотарингский край всеми возможными способами, однако она оставалась, несмотря на присоединение некоторых значительных владений, в своих действующих границах (Мёза, Сона, Рона ...), и эти границы лишь немного передвинулись за пределы восточной границы, установленной по Верденскому договору (843) во времена Карла Лысого. Конечно, в состав королевства вошли Дофине (1349), Бургундия (1477) и Прованс (1482). Но после потери Франш-Конте (1493) эти завоевания «за пределами Соны и Роны» обозначают геополитический путь, ведущий в юго-восточном направлении, короче говоря, в сторону Италии (по достаточно новому, но ставшему впоследствии каноническим, маршруту «Париж-Лион-Марсель») более, чем в сторону лотарингского, даже

германского востока. И лишь тогда, когда протестантская религия ворвалась в Германию, и французскому королю представились возможности маневров и союзов с немецкими князьями-лютеранами против католического императора, именно с 1551 года стал проходить процесс мучительного пересмотра политики Валуа. Используя поддержку Саксонии и некоторых других государей-протестантов, Генрих II и Франциск де Гиз, непревзойденный полководец из рода герцогов Лотарингских, вырвали Мец из рук Карла Пятого (1552–1553). Это продвижение французов способствовало еще большему ослаблению влияния Габсбургов в регионах: они только что⁴ вынуждены были придерживаться умеренной политики в Швейцарии, в Нидерландах... Также после 1550–1560 годов проблемы в самой Франции (борьба с гугенотами и др.) привели к тому, что в восточных ее провинциях осознавали все больше и больше их значимость: во время религиозных войн наши лотарингские герцоги при непосредственном участии своих двоюродных братьев Гизов, придерживавшихся ультракатолической направленности, оказались замешанными в сеть интриг времен гражданских войн Валуа. Одновременно в Нанси Карл III (умер в 1608 году) ударился в подражание абсолютистским образцам, как их практиковал (в большей или меньшей степени...) Генрих IV в Париже. Епископат Меца и герцогство Лотарингское уже были сами по себе носителями французского культурного влияния, однако к северу от границы Лонгви-Сарбург рядом с ними присутствовало германоговорящее меньшинство в архидиаконате Сарбурга, если быть точными, а также в области «немецкого суда бальи», который оставался наследием древней традиции⁵; он был сосредоточен в местности Водреванж⁶. В 1609 году Генрих IV выдвинул идею (вскоре осуществленную на практике) о создании французского центристского парламента, заседающего в Меце.

Перед лицом религиозных противоречий, как в Лотарингии, так и в Германии, Ришелье, гениальный человек, ограничился тем, что пошел по стопам Генриха II и Франциска де Гиза при взятии Меца. Но на этот раз, учитывая личность кардинала, он шел семимильными шагами. Лотарингский герцог Карл IV, владевший этим титулом с 1624–1626 года, сражался при Белой горе⁷ вместе с

императорскими католическими войсками против богемских протестантов. Большого и не понадобилось, чтобы вызвать у Ришелье неискоренимый агрессивный рефлекс, направленный против Габсбургов, который обрушился на этого их сторонника из Нанси, происходящего из венской династии. Тогда Ришелье стал рассматривать план «укрепиться в Меце» (где французские силы уже присутствовали) «и продвигаться, если возможно, к Страсбургу, чтобы обеспечить себе вход в Германию». Это не значило восстановить естественные границы, а означало завладеть «по ходу дела» (как в шахматах, еще один раз) в северо-восточном направлении романскими и германскими полями той Франции, которую еще невозможно было предвидеть, которой только предстояло родиться; все это имело целью повлиять на судьбы Германии и избежать того, чтобы клешни Габсбургов (империя плюс Испания) не захлопнулись над Францией. Был ли это параноидальный страх или предлог для территориальной экспансии королевства? Вероятно, и то, и другое понемногу. Эти умопостроения Ришелье стояли у истоков достаточно существенного территориального расширения Франции, «приумножения владений государства», как в предшествующую эпоху выразилась Кристина Пизанская.

В период с 1630-х по 1660-е годы монархия Бурбонов, в равной степени со своими тогдашними главными врагами, была виновницей нескольких военных кампаний, негативно сказавшихся на экономической и демографической ситуации в герцогстве, которое в это время служило перевалочным пунктом для войск и подвергалось жестокому разграблению; чтобы убедиться в этом, достаточно будет посмотреть гравюры Калло; таким образом, королевская власть захватила Лотарингию, установила там парламент (наконец реализовалась идея Генриха IV), интендантскую службу, суд бальи, и наконец, укрепившуюся структуру знаменитых «трех епископатов» (Мец, Туль и Верден). Открылись пути для французской интервенции в Голландию, на немецкие прирейнские территории, в Эльзас. Устанавливается новый французский «Северо-восточный союз» (Лотарингия, Эльзас, а вскоре Франш-Конте), и в нем достаточно большое количество населения (в Эльзасе и на территориях, из которых сформировался нынешний департамент Мозель) говорило по-немецки или на некоем

подобии немецкого языка. Продолжение проходило иногда в менее трагическом духе, но было таким же. «Если бы в Лотарингии были Альпы, она была бы Савойей», — достаточно красиво выразился герцог Сен-Симон, чью формулировку я здесь привожу. Но эта крупная восточная провинция, расположенная на равнине, доступной всем ветрам, несмотря на несколько горных склонов, теперь была безвозвратно отдана на разграбление периодически проходившим через нее войскам, и кроме того, династические и другие конфликты привели к окончательному переходу герцогства в руки французов (однако оно попыталось воссоздаться в 1660-х годах, но эта недолговременная попытка была несколько смешной).

С 1670 по 1737 годы серия военных вторжений Людовика XIV и Людовика XV в Лотарингию (в результате которых то терял свою власть, то вновь восстанавливал свои полномочия герцогский род) привела к принятию изобретательного решения, которое в период с 1737 по 1766 годы подготовило окончательное присоединение провинции к французской государственной системе: король заключил соглашение со Станиславом Лещинским, бывшим королем Польши, ставшим в начале упомянутого периода герцогом в Нанси, что непосредственно после его смерти его владения перейдут к французской короне. Два талантливейших человека, маршал Бель-Иль и интендант Ла Галезьер, управляли эти последние годы так, что условия в Лотарингии стали гораздо более благоприятными, если сравнивать с прискорбными событиями XVII века. Население региона растет, растет и уровень грамотности. Прекрасная площадь Станислава в Нанси построена в рамках перспективы, изображающей литургию принца⁸: она «находит свое логическое завершение в статуе Людовика XV», на которого все указывает как на нового хозяина положения, он невидимо управляет Станиславом⁹. На более низких ступенях социальной лестницы можно говорить о том, что благодаря выращиванию и широкому потреблению, как у немцев, картофеля могли поддерживать свою жизнь крестьяне и городская беднота, чей уровень жизни не всегда был достойным.

В период с 1766 по 1871 годы в Лотарингии присутствие и могущество власти французов сочетается с тем, что в Мозельском регионе продолжают говорить по-немецки, хотя подчиняются французам почти без проблем. Мозель

при Людовике XVIII, если руководствоваться цифрами, был одним из департаментов, где менее всего сопротивлялись записи на обязательную военную службу, а также этот департамент давал армии наибольшее количество добровольцев¹⁰: таким образом, интеграция Мозельского департамента во французскую государственную систему прошла без особенных конфликтов, при соблюдении уважения к языковому своеобразию этого небольшого региона. Это был, вероятно, процесс национального «осознания»: революционные церемонии в Федерации в 1790 году превратили «подданных» в «граждан», которые отныне могли становиться подданными (в принципе...) по своей доброй воле. Особенно вставал вопрос законности: еще примерно за двадцать лет до революции население Форбаха или Сарбурга шло, не жалуясь, по пути своего Лотарингского государства, Франция же его «проглотила» самым что ни на есть законным путем благодаря тому самому элегантному решению, которое по этому вопросу состряпало Версальское правительство с помощью Станислава, столь же покорного, сколь и выступающего его сообщником, поскольку он был тестем короля. Тот факт, что наполовину лотарингский аристократ Шуазёль сумел на несколько лет обеспечить французскому государству министерское управление, облегчил северо-восточным областям, присоединенным к Франции в 1766 году (время смерти Станислава), переход к тому, что вскоре стало «великой нацией». И какие бы потрясения ни пережила Лотарингия во время Французской революции и позже, во время маленьких революций XIX века (1830, 1848), эти проблемы коснулись лишь в незначительной степени языковых различий — эти различия делают регион неоднородным, но не делят его на части. Помимо прочего наблюдаются вполне понятные различия в поведении между говорящими на разных языках. Говорящие по-немецки жители Лотарингии, от времени правления Людовика XVIII до III Республики, гораздо охотнее эмигрировали в Северную Америку, чем их соотечественники, говорившие по-французски. Германоговорящая Лотарингия, более сельская и традиционная, чем другая ее часть, из-за этого оставалась менее грамотной, чем ее «соперница».

Из-за аннексии Лотарингии Бисмарком в 1871 году выходит на поверхность, или возникает, без далеко

идуших последствий, но не без трагедий, затянувшихся на годы, политико-языковой вопрос, касающийся Лотарингии, или, если быть точным, Мозеля, где ранее наличие местного диалекта не создавало исторических проблем и не провоцировало конфликтов, достойных называться конфликтами.

Присоединение к Германии в 1871 году мозельской Лотарингии, от Тионвилля до Сарбурга и от Меца до Биче, сформировало из всех этих областей «Эльзас-Лотарингию» (немецкую), которая до этого времени не существовала как «единство в двойственности»; эти области были поставлены под управление штатгальтера в Страсбурге и в отдельных местах под власть президента (немецкого) Лотарингии. В то время, когда, как мы уже сказали «преданность королю» постепенно уступает место «преданности языку» как критерию национальной принадлежности, это присоединение двойной провинции к рейху, которое осуществили на основе языковых данных или придуманных вокруг этой проблемы предлогов, грозило грядущими несчастьями: этим во многом объясняются причины взаимных противоречий между Францией и Германией, послуживших одной из причин Первой и даже Второй мировых войн. Эти войны оставили после себя миллионы и даже десятки миллионов погибших (1914–1945).

С 1871 по 1913 годы из-за тяжело устанавливающейся политики завоевателей (см. количество протестующих голосов на выборах в Лотарингии в первые годы периода присоединения к Германии) часть говоривших по-французски жителей эмигрировала, в частности многие представители элиты; также можно констатировать развитие германского большинства в городе Мец (который до того времени был полностью латинским, затем романским, и наконец французским — со времен Римской империи и до эпохи Наполеона III).

За бешеной милитаризацией аннексированной территории в период с 1871 по 1913 годы последовала новая мощная волна германизации Мозеля с 1914 по 1918 годы. Таким образом новый, «тевтонский» Мозель, родившийся при военной и промышленной поддержке империи Вильгельма в эпоху быстрого развития черной металлургии, противостоит сельской и архаичной германогворящей Лотарингии, какой она была всегда. Немецкий ирреден

тизм, проявившийся эффектом бумеранга в период между двумя мировыми войнами, когда Франция восстановила свои силы, заранее получил решительную поддержку благодаря такой германизации «второй волны», которая легла на мирный германский субстрат, который, в свою очередь, обязан своим возникновением завоеваниям позднеримской эпохи. В то же время в другой области, вокруг Нанси, усиливаются проявления французского национализма, певцом которого был Морис Барре со своей «Колетт Бодош» — героической девушкой из Меца, которая, руководствуясь патриотическими соображениями, отказалась от брака с очаровательным профессором-педантом, происходившим прямиком из Пруссии в Мозеле.

Какими бы ни были отклики со стороны приверженцев французского влияния, которые вполне можно понять, нельзя отрицать, что в эпоху Бисмарка и Вильгельма германизм, одновременно старый и новый, набирал силу или восстанавливал былую мощь в Лотарингии, сосредоточенный вокруг Меца. В ретроспективном порядке это наглядно иллюстрируют события периода между двумя мировыми войнами; в 1923 году в новом французском департаменте Мозель прошел ряд забастовок в знак солидарности с рурскими шахтерами, недовольными французской оккупацией. В 1926 году германоязычные крестьяне, обеспокоенные антирелигиозным и направленным против конкордата (и безрассудным) наступлением Картеля левых сил, не остались равнодушными к манифесту «Хайматбунд», который требовал для них «Хайматрехт»¹¹. А осенью 1939 года французские военные в Мозеле, посланные издалека и расположившиеся на франко-германской границе, столкнулись в этих местах с некоторыми проявлениями агрессии в свой адрес и с преданностью Германии в рамках крошечного, даже микроскопического региона¹².

1940–1944! Как и в Эльзасе, здесь понадобилось быть завоеванными (и это завоевание, если подводить итоги, оказалось на редкость непродуктивным и самоубийственным) нацистской Германией, отправлявшей молодых жителей Мозеля на верную гибель на русский фронт и по-

¹¹ Ирредентизм — политическое и общественное движение в Италии (конец XIX — начало XX века) за присоединение к Италии пограничных земель с итальянским населением (БСЭ. Т. 10. С. 449).

ставившей Лотарингию в подчинение гитлеровскому пангерманизму, радикальному и угнетающему, чтобы искоренить впоследствии, начиная с 1945 года (Мец был освобожден только в ноябре 1944 года), ирредентизм, который внедрила в регионе за столетие до того власть Бисмарка, проявившая себя как ученик чародея в грядущих катастрофах: это последнее немецкое завоевание в 1940–1944 годах отмечено *in situ* созданием, трагического и одновременно народного события, германского общества Лотарингии — *Deutsche Volksgemeinschaft in Lothringen* — которое позже обрело силу (в июне 1942 года) и несколько недель спустя объявило, что в нем насчитывалось 217 000 членов (конечно, это были фантастические цифры на 700 000 жителей аннексированной территории!). Естественно, за этим последовали массовые исключения и вычеркивания из списков, что не могло не случиться в подобном процессе, во многом напоминающем политическую фикцию. В частности, номинальными лидерами этого Volksgemeinschaft числились скульптор, агроном и почтовый служащий, местные жители или из приграничной области¹³. Настоящим лидером, очевидно, был печально известный Жозеф Бюркель, гаулейтер Вестмарка (Западной Марки), включавшей в себя Саар, часть Палатината и в чисто административном порядке, хотя и в таком порядке это причиняло много вреда, аннексированную часть Лотарингии¹⁴.

Сейчас германоязычное меньшинство в Лотарингии продолжает существовать (хотя и переживает свой закат). Там есть или были местные газеты на Hochdeutsch. Там смешались законный культ маленькой области и преданность и неукоснительное подчинение французской власти. В лице политика Роберта Шумана, наследника двух культур, ностальгия по славным временам счастливо трансформировалась в общеевропейский идеал, способный наконец преодолевать границы.

Шуазёль

Лотарингия подарила Франции Шуазёля: после Филиппа Орлеанского, Флёри и Аржансона, до Мопу, Шуазёль явился как

¹³ Там же. (лат.).

один из тех людей, которыми были отмечены несколько этапов царствования Людовика XV.

Шуазёль был выходцем из лотарингской аристократической семьи, укрепленной родственными связями в соседнем королевстве, и с 1743 года был образцовым офицером во французской армии, а затем послом в Вене и Риме. Его фамилия была Стенвиль; его отметил король и придворные, и летом 1758 года он стал герцогом де Шуазёлем, затем в период с декабря 1758 года и по декабрь 1770 года он играет роль главного министра. Вместе со своим двоюродным братом Шуазёль-Прасленом он занимает солидные посты в управлении иностранными делами, военном ведомстве, флоте. Помимо этого король назначил его правителем Турени и суперинтендантом почтового ведомства. Короче говоря, в течение десятилетия, в 1760-е годы, он во Франции «заправлял всей лавочкой».

Рыжий, не наделенный ни красотой, ни состоянием, он разбогател на подарках от государства, несмотря на то, что тратил деньги на широкую ногу и делал крупные долги; он не признавал жадности, которая для него олицетворяла, как для многих аристократов, один из главных антиобщественных пороков. В этом вопросе Шуазёль был ближе к Фуке, чем к Кольберу. Он принес в свет свой вздернутый нос, живой ум и умение по-настоящему дружить. Без особого труда он по праву своего происхождения, а также благодаря пылкости характера и житейской сметливости приобрел связи в высших кругах. Будучи достаточно язвительным человеком, он сумел понравиться или заставить себя бояться как в салонах, так и при дворе. Благодаря природной непоседливости и знанию всемирной культуры он разбирался в вопросах австрийской монархии, знал немецких князьков, турецкую армию, китайскую архитектуру, фламандскую живопись и английское парковое искусство. Кругозор этого лотарингца был безбрежным! Этот друг философов, нисколько не отличавшийся набожностью, демонстрировал некоторую терпимость по отношению к иноверцам — евреям или протестантам. Грубоватый человек дела, никогда не унывающий любовник, он завоевывал женские сердца в среде аристократок, в отличие от Людовика XV, отдававшего предпочтение кокоткам. Однако Шуазёль, чтобы достичь своей цели в любовных делах, без колебаний сделал свою сестру любовницей Людовика XV и шпионил за своей красавицей-кузиной. В версальских придворных интригах он пользовался поддержкой маркизы де Помпадур, но забыл о ней сразу же после ее смерти. Обычная неблагодарность профессионального политика? К тому

же он сам был на заре своей военной карьеры протее старого Ноая, который, в свою очередь, в начале своего продвижения появился в качестве сводного племянника и клиента королевской фаворитки Ментенон. От одной маркизы к другой! Шуазёлю было с кого брать пример. Логично, что при своей «заговорщической» или «помпадурской» позиции он противостоял клерикальной группировке, близкой к иезуитам, дофину и его слуге Ла Вогьюону, ответственному за воспитание будущего Людовика XVI. Но этот бывший лотарингец был разносторонним человеком: в армии его очень ценили сначала как офицера рядового состава, а затем как штабного офицера. И однако он никоим образом не был сторонником войны. Проявив себя дипломатом, в чьей политике мешались ловкость и авторитарность, он вырвал у папы Бенедикта XIV, к несказанной своей выгоде, на редкость мягкий по содержанию документ (*Ex omnibus*), касающийся жестокого конфликта, связанного с антиянсенизмом. Его жена, которую он любил и которой он изменял, была урожденной Кроза. С ее помощью он породнился с финансовыми кругами; его противники, не всегда объективные и добросовестные (он был благородного происхождения), ставят его в один ряд с вымогателями незаконных налогов: если верить пуристам в этом вопросе, то «бочонок для сельдей», даже если он принадлежит жене, «всегда пахнет селедкой», то есть кто не родился благородным, тот им уже никогда не станет.

В старости Шуазель, лишившийся милостей государя и ставший наполовину физиократом в отставке, откармливал швейцарских коров на лугах Шантелу, совсем не лотарингских. В плане политической экономии он ставил на первый план вопросы торговли, «мягкую торговую политику» на море. Поэтому он пожертвовал интересами Квебека, остававшегося сельским и удаленного от моря, в пользу несущих прибыль интересов экспортеров из Сан-Доминго и рыбаков, ловивших треску на Новой Земле. Он поддерживал таким образом французскую экспансию «на финикийский манер». Он проповедовал националистическое галликанство, полулиберальное, окрашенное злобой, направленной против иезуитов, и симпатиями по отношению к парламенту — в этом его огромное отличие от д'Аржансона, жившего до него, и от Мопу после. Деспотизм, освященный по-французски, в стиле постбарокко или пострококо? Или скорее это был либерализм в манере Генриха IV, Филиппа Орлеанского, Дюбуа... И вот мы уже очень далеко от площади Станислава, *a fortiori* от Тионвиля и Сент-Авольда!

Фландрия

Французская Фландрия, где говорили на фламандском языке, или Вестхук, в Средние века включала в себя владения Байёль, Берг, Бурбур и Кассель. В 1856 году, когда фламандский диалект был в регионе более сильным, чем в наше время, собственно говоря «франко-фламандская» область с административной точки зрения находилась в похожем положении с большей частью округов Дюнкерка и Хазбрука: и та, и другие были расположены к западу от бельгийской границы и к северу от Лилльского округа (в основном франкоязычного). В 1940 году Эмиль Коорнарт, лучший историк этой микропровинции, утверждал, что примерно 150 000 человек там все еще говорили по-фламандски¹. Вестхук, прежде чем стать таковым, был вначале кельтским, затем галло-романским (в точности как Эльзас). Затем он подвергся глубокому германскому влиянию (или протонидерландскому...) в период с III по V века, и этот процесс полностью завершился во второй половине 1 тысячелетия. Но превратности истории, расслоения и расхождения диалектов привели к тому, что Эльзас примкнул к немецкой общности, затем к французской, не без колебаний между этими двумя сторонами. Вестхук же в наше время в политическом плане, конечно, находится во французских пределах, а в языковом плане он лежит на культурной периферии нидерландского и фламандского сообществ. Если вернуться к более ранним эпохам, можно констатировать, что в период с конца IX века и по 1384 год (начало бургундского владычества) фламандское сообщество, взятое в комплексе, тяготело к различным видам власти: «графской» автономии, созданной на базе говорящей по-фламандски этнической общности, и с другой стороны, на границах проявлялись влияния большие и жадные до завоеваний страны (императорская Германия и Франция Капетингов), которые с юго-востока и с юго-запада показывали свое желание расширить свои владения к северным равнинам.

Вестхук, скромная часть более обширной территории Фландрии, отвоеванная у моря и польдеризированная,

¹ осушенная, возделанная.

проявил себя как область инициативы и высоких показателей сельскохозяйственного производства с высокой плотностью населения. С первой трети XIV века там начинают свирепствовать крестьянские восстания, направленные против феодалов, и освободительные войны: в то время французы в этом регионе представляются врагами и угнетателями, даже притом, что в это самое время в числе местного населения присутствовало профранцузское меньшинство.

Можно ли в качестве исходного символа Вестхука XIV века, незадолго до присоединения его к Бургундии, принять такую удивительную личность², как Иоланда де Бар (1326–1395)?

Удивительная судьба этой женщины в своем роде отражает трагедии ее маленькой родины: она была дамой из Касселя, владельницей Дюнкерка, в восемнадцать лет осталась вдовой с двумя детьми, вновь вышла замуж в 1353 году — за брата Карла Злого, восстановила местный замок Мотт-о-Буа, ее красоту воспел поэт Евстахий Дешан, у нее была вторая резиденция в Париже, на улице Кассет (искаженное «Кассель»?), она то питала вражду к французам, то выступала их союзницей, то же самое по отношению к графу Фландрии; за свою долгую жизнь Иоланда, как о ней рассказывают, отливала фальшивые монеты, бросила в колодец двух каноников и убила третьего (на самом деле он был не кем иным, как головорезом), освободила, а затем бросила в тюрьму своего собственного сына, убила королевского судебного исполнителя и одного рыцаря, несмотря на право на убежище, вытаскала из церкви человека, которого приказала умертвить. Трижды папа Римский отлучал ее от Церкви, ее дважды лишали прав на ее земли, Карл V заключил ее в тюрьму, откуда она была освобождена после выплаты выкупа в 18 000 ливров, в самый год ее смерти ее арестовали за долги и она увидела, как ее замок занимают новые бургундские хозяева в 1395 году. И при этом ...она присутствовала на мессе каждый день, соблюдала пост по пятницам, жертвовала много денег неимущим девушкам, чтобы они могли выйти замуж, и не меньшие суммы — бедным рабочим, то есть, в общем, «занималась благотворительностью»! Она судила частные конфликты в своих владениях и жаловала привилегии и освободительные уступки жителям Дюнкерка и Касселя. Она была в своем роде

примером фламандского феодализма перед лицом первых смутных проявлений, ростков современного государства в области, находившейся в столь раннее время уже на пути современного развития...

Такой романтический и необыкновенно живописный образ этой неординарной личности представляет нам историк Эмиль Коорнерт, непревзойденный франко-фламандский эрудит, не побоимся тавтологии, из ФФЯ (французской области фламандского языка). В недавно написанной и стоящей внимания диссертации, поддержанной Национальной Школой Хартий, Мишель Бюбенсек предложил внести некоторые поправки по этому вопросу, рассмотреть некоторые нюансы и уточнил ряд моментов. И снова из этого прекрасного анализа перед нами предстает на первый взгляд образ сильной женщины, сравнимый с другими принцессами той эпохи: можно вспомнить Эрменгарду Нарбоннскую, Альенор Аквитанскую, Бланку Наваррскую, Бланку Кастильскую, Маргариту Прованскую. И при этом не забыть о трудностях, стоявших перед женщинами, исполнявшими регентские функции, будь то по праву или фактически. Стремление этих женщин-индивидуалисток к власти, их раннее и трудное вдовство, их сверхчеловеческую энергию (веретено сильнее шпаги!), их «мужскую храбрость и львиное сердце»... Иоланда была «крупным феодалом, увлеченным своими правами и своей властью», помимо этого она была способна из Фландрии и своего графства Бар вести самостоятельную политическую деятельность, но при этом попадала в конфликтные ситуации с крупными государствами — графством Фландрским, гораздо более сильным, чем она, затем с герцогством Бургундским, а в особенности с французским королевством. Ее широкие возможности поглощали и направляли в различные области силы, способные к независимости, при случае воплощенные в *Virago*^{*}, в том благородном значении, которое этому понятию дала эпоха Ренессанса.

В Вестхукке бургундский, а затем испанский периоды прошли с 1384 года (приход к власти в регионе Филиппа Храброго) по 1659 год (Пиренейский договор, который

^{*} *Virago* — девушка или женщина с внешностью и манерами мужчины (фр.).

объявлял о французской аннексии в ущерб испанцам). Этот период был охарактеризован, это всем известно, бесчисленными войнами, следовавшими за различными конфликтами и инициативами: бурный натиск французов после смерти Карла Смелого (1477), репрессии против протестантов со стороны испанцев во времена религиозных войн, победные вторжения армий Ришелье, затем Мазарини в течение десятилетий 1630, 1640, 1650. эти военные катастрофы (а также эпидемии) нанесли значительный, но ни в коем случае не глубокий, ущерб фламандской демографии, население все равно оставалось многочисленным. Они также не нарушили продуктивность сельского хозяйства региона. На этой земле пестрые пастбища с рыжими коровами перемежались «хорошо осушенными полями, засеянными злаками, хмелем, красным клевером»³. Текстильная промышленность, примером которой может служить мануфактура в Хондшооте, приносила дополнительные средства обогащения как небольшим городам, так и деревням. Основным языком, естественно, был фламандский, но французский, начиная с эпохи Позднего средневековья, перестал быть чем-то совершенно незнакомым в стране, усеянной школами, где преподавание велось на местном наречии. Ученость процветала на всех ступенях, будь то низшие ступени — простое обучение грамоте, или высшие — фольклор «риторических залов» и библиотек для интеллектуалов, присутствовавших в достаточно значительном количестве; они получали свое образование в университетах Дуэ, Лувена, даже Парижа... Повсюду царил религиозный дуализм: в XV веке католическая религия была очень сильна, что тем не менее не исключало вольности нравов как народа, так и клириков⁴. В XVI веке на волне протестантизма и иконоборчества Южные Нидерланды, казалось, моментально устремились в лоно Реформации. С тем же пылом, но следуя в противоположном направлении, в XVII веке католическая контрреформация превращает Вестхук в новый Иерусалим, верный Папе, храмы там украшаются вычурной барочной живописью Рубенса, Йорданса, а в глубинке — Реина из Дюнкерка или Ван Ооста-младшего, жившего в Брюгге и Лилле. И те, и другие в большом количестве писали портреты и картины на религиозные сюжеты.

Процесс французской аннексии в регионе с 1659 года сопровождается обычными для этого проявлениями насилия. Начиная с первых лет единоличного правления Людовика XIV и до Утрехтского мирного договора (1713) войны в Вестхуке были частыми и опустошительными. В течение полувека граница с Нидерландами, сначала испанскими, а потом попавшими под власть Австрии, сильно изменилась, какой бы она ни была нестойкой, разделы были болезненными, в частности для местных землевладельцев, когда через их территорию проходила начерченная кем-то граница. Очень часто эти границы не были определены с желаемой точностью на картах. Не будем брать в пример Дюнкерк, находящийся на полном подъеме своего развития благодаря деятельности корсаров и знаменитого Жана Барта. Маленькая гавань станет большим портом! В этом порту в 1661 году насчитывалось 5 000 жителей, а к 1706 году — уже 14 000, и на этом рост населения не останавливался⁵. Заметим походя, что такова была характерная особенность эпохи Людовика XIV в масштабах Франции. Это «солнечное» царствование было несказанно благоприятно для морских портов, но иногда невыгодно для интересов крестьянского хозяйства из-за высоких налоговых поборов, взимавшихся с жителей деревень⁶. На самом деле Вестхук, исключая Дюнкерк, в период между 1659 и 1713 годами страдал от опустошения и массового оттока населения. Боевые рейды воюющих сторон оставляли после себя в момент опустевшие земли, покинутые каналы и ярмарки. Однако на местах к королевской власти Бурбонов не испытывали ненависти *a priori*. Естественно, после аннексии то здесь, то там еще в течение некоторого времени оставались ростки старой преданности испанским хозяевам. Добросовестные наблюдатели, посещавшие эту область, которая должна была стать «севером королевства», всегда считали, что там «нужно освободить умы от испанского влияния». Но Мадрид был далеко, гораздо дальше от Берга или Дюнкерка, чем Париж. Да и Вена, где была резиденция императоров Леопольда, Карла или Иосифа, новых хозяев австрийских Нидерландов (территории, в *общих чертах* соответствующей современной Бельгии), тоже не была ближайшим соседом. Кроме того, австрийский монарх в XVIII веке взял

в привычку в письменной форме общаться *по-французски* со своими нидерландскими подданными через представителей своей администрации на местах.

Вестхук, с этого времени интегрированный во французское королевство, оказался географически отрезанным от говорящего по-нидерландски населения Голландии «австро-бельгийским» блоком, и по этой причине этому региону пришлось склониться (кстати, на достаточно добровольной основе) к наиболее близкой господствующей культурной традиции, к культуре соседей, другими словами, французов; французская культура распространялась от Парижа через Лилль и захватывала на границе университет Дуэ. Крупные аристократические семьи Фландрии, как, например, Робек, ведущие свой род от Монморанси, сначала выражали недовольство по отношению к новой французской власти Бурбонов, но в конечном итоге породнились с французами душой и телом, вплоть до того, что из их рода происходили (они дали своему региону и даже всей области французских Нидерландов правителей) члены военной администрации, прославившие семью Робек в эпоху Людовика XV и Людовика XVI. Плюс к тому, христианнейший предок этих двух королей отменил в 1685 году Нантский эдикт. В самом начале он слыл самым добрым католиком из числа монархов. При таких условиях он не мог не вызывать симпатии у жителей крайнего запада Фландрии, поскольку они уже давно избавились от скандального протестантского меньшинства, объявившегося на их землях в период борьбы с иконами. Хотя они и сохранили, соблюдая крайне малую пропорцию, нескольких торговцев — кальвинистов или англикан в торговом сообществе Дюнкерка. Еще один аргумент работал в пользу французского королевства — французское присутствие в регионе нисколько не вредило достаточному его процветанию, начавшемуся после того, как миновал восьмидесятилетний период непрекращавшихся войн (1635–1713). Сельское хозяйство Вестхука продолжало развиваться, оно давало лучшие показатели производства в пределах французских границ, особенное внимание уделяя промежуточным культурам, отказавшись от полей под паром и выращивая крупный рогатый скот в хлевах. Производство сукна, конечно, приходит в упадок, но его успешно

заменяют производство льняных тканей и изготовление кружев, которые практикуют в деревнях со свободным трудом, освобожденных от мальтузианских корпораций. По правде говоря, торговые возможности Вестхука были ограниченными из-за плохого состояния дорог, которые часто были грязными и покрытыми рытвинами. Но вместо этого — о везение! — можно было рассчитывать на водные пути передвижения, бывшие достопримечательностью этих мест, товары перевозились, и торговля шла по великолепным каналам, ничуть не уступавшим антверпенским или голландским.

Короли и их представители воздерживались от вмешательства в систему местной власти. Нотабли страны продолжали следить за бесперебойным функционированием местных органов власти, которые работали еще до французского вторжения и не прекратили своего существования и после установления власти французов: среди них были муниципалитеты, или «эшевенажи» (то есть подвластные эшевену), многочисленные сеньориальные владения, феодальные пережитки, которые еще кое-где выжили, и наконец представители городской и торговой олигархии, объединившиеся в региональную ассамблею, называвшуюся здесь *департаментом*. «Венчали» эту иерархию интендант, присылаемый из Парижа, и его уполномоченные (часто «местного» происхождения), которые разными способами поддерживали контакт с элитой региона; без лишней грубости они проникали в низшие инстанции исполнительного самоуправления, обходили их и манипулировали ими свыше, а органы местного самоуправления были традиционными и разобщенными. В 1764 году муниципальная реформа Лаверди (так и не проведенная) была нацелена на то, чтобы разрушить существующие порядки: в ходе ее предполагалось увеличить ответственность и самостоятельность состоятельных граждан в городских ратушах. В Вестхуке, где наблюдалось смутное недовольство существующей ситуацией, вдруг стал проявляться интерес к государственности и к тому, выполняет ли она свои функции или нет. И в этом данная область находится в согласии с общей тенденцией, поскольку, в соседних небольших областях, также чувствительных к духу времени, наблюдается тенденция к выражению недовольства.

Образцовая преданность властям со стороны всемогущего духовенства (несмотря на попытки светских сообществ держаться от него подальше) гарантирует поддержание порядка в пользу спокойствия в регионе, плюс к тому это выгодно далекому французскому правительству. Однако, волнения, ознаменовавшие собой десятилетие 1760-х годов, вносят некоторый элемент нестабильности в образцовую фламандскую церковь. Через некоторое время профессора колледжей, напигованные идеями ораторов-янсенистов и священников, проповедовавших жизнь среди мирян, при Людовике XIV раскрываются для восприятия новых взглядов (конечно, с некоторой долей сдержанности!), эти идеи впоследствии одержат верх после 1789 года.

Система образования в Вестхуке, скажем так, была для своего времени очень хорошо развита: почти в каждой деревне была своя школа с учителями в треуголках, в восьми колледжах, дававших среднее образование, в головы ученикам вдальбливали латынь, фламандский язык и совсем чуть-чуть французского, тогда как университеты в Дуэ и Лувене заботились об обучении студентов. В местной системе преподавания французский язык не был обязательным предметом. Несколько указов Людовика XIV по этому вопросу остались практически мертвыми словами. Но в регионе настолько престижно стало говорить на национальном языке Парижа и Версаля, что элита в таких городах, как Дюнкерк, Кассель или Берг, стала двуязычной; аристократы собирали свои библиотеки, в которых 95% книг были напечатаны на языке французского королевства и лишь 5% — по-фламандски или по-латыни.

В этом крошечном периферийном регионе Франции, где говорили по-фламандски, Французская революция нашла себе некоторую поддержку. В селах образуются народные сообщества, зажиточная буржуазия берет в свои руки значительную часть национальных богатств, фаланга адвокатов, врачей, крупных фермеров, почтовых чиновников составляет конкуренцию многочисленным старым аристократам в местных органах власти. Некий Бушетт, сорокалетний адвокат, проповедует лозунги и идеи якобинского клуба. Но в массе своей местные священники, за исключением нескольких профессоров колледжей, отказываются от клятвы духовенства в верности гражданской

конституции. Едва языковая изоляция была подорвана, как это стоило клирикам их незыблемого положения. Помимо этого, в результате рекрутского набора среди молодых людей стало проявляться почти шуанство, и последствия этого стали ощущаться в 1813 году в выступлении против «корсиканского чудовища» Наполеона, любителя фламандского пушечного мяса, солдат, так глупо отдававших себя в огонь сражений в России, Германии, Франции. Кризисы, произошедшие из-за революции, войны, континентальной блокады на некоторое время явились причинами упадка порта Дюнкерка, такого процветавшего до этого периода: так называемые «патриоты», считавшие свои действия полностью правильными, даже не переименовали «Свободную дюну»! Преподавание, несмотря на тщетную попытку офранцуживания со стороны членов Конвента во II году (1794), продолжало вестись на фламандском языке, который был языком церкви и данного региона. Правящие классы, поверхностно поддерживавшие Наполеона, поскольку он нисколько не угрожал их материальным интересам, после 1815 года без всяких угрызений совести присоединились к разумному лагерю цензовой монархии.

В XIX веке в результате промышленной революции область Дюнкерка заметно выделяется из региона и вскоре склоняется к республиканским идеям и социализму. В деревнях Вестхука крестьяне, чей труд был эффективным и производительным, управлявшие своими современными плугами, остаются, однако, без всяких раздумий верными местному наречию и традиционной религии. Таково было гармоничное сочетание экономической динамики и консерватизма в области языка. Тем не менее проблема выживания фламандского языка встала в 1833 году, поскольку по закону Гизо региональный диалект, как во Фландрии, так и в других областях, немного оттеснялся в системе начального образования. Это оттеснение возобновилось в 1866 году Виктором Дюрюи. Естественно, между законодательными актами и реальными действиями и фактами существовала большая дистанция, которую в один прекрасный день сократили законы об образовании Жюля Ферри. Они сделали образование бесплатным, светским и ведущимся на французском языке. Обязательная военная служба, принятая в полной мере в годы роста III Республи-

ки, могла лишь ускорить процесс смешения молодого населения и облегчить волей-неволей восприятие национального языка.

Еще задолго до того, как стали приниматься крайние меры, при Второй империи, примерно за двадцать лет до закона Гизо, обозначилось движение в защиту языка, культуры и традиций Фландрии. В 1853 году, в то самое время, когда в Европе процветало национальное самосознание, Эдмонд де Куссмакер (из Байёля), чартист и судья, основал Французский Фламандский комитет, который стал выпускать периодический бюллетень, отмеченный высоким уровнем эрудиции. Сначала он преследовал культурные цели. В нем прослеживалось общее настроение двойного патриотизма: культ малой родины (Фландрии), заключенной в большую родину (Францию). Территория полномочий комитета простиралась, с точки зрения закона, в пределах франкоговорящей Фландрии (на самом деле, в области «валлонского» диалекта), за пределами языковой границы. Речь шла о том, чтобы оживить региональное самосознание, найти свои корни, это относилось к южным Нидерландам, как к областям, где говорили по-нидерландски, так и к областям романского языка. У одного из основателей Комитета Луи де Бекера с того времени стали проявляться, отдельно от общей идеи, тенденции к автономии (достаточно робкие). В 1896 году руководство Фламандским комитетом берет на себя каноник Лоотен. Этот священник был другом аббата Лемира, блестящего политика рубежа веков. Роль духовенства во фламандском национальном движении (также как на другом конце французской территории, в воинствующем движении басков) стала крайне важной. В чисто политическом плане волна (или легкое волнение?) ирредентизма обозначилась в Дюнкерке с 1888 года под руководством Анри Бланкерта, направленная против кандидатуры генерала Буланже на местных выборах. Их девизом были слова:

«Мы фламандцы, Франция — не наша родина. Это насос⁷, выкачивающий себе наш пот в течение долгих веков (*sic*)».

Буланже победил на выборах, но выступления Бланкерта стали симптоматичными. Антиклерикальная политика республиканцев в 1880-е годы, а затем в период с 1902 по 1905 годы могла лишь вызвать раздражение у некоторых католиков и сподвигнуть их на защиту языка, притом что

епископы дошли до того, что отказались говорить на «диалекте» во время своих проповедей и служб. Языковая ситуация усложнялась еще и тем, что самобытности «западно-фламандских» диалектов Вестхука угрожал, конечно, не только французский язык, но и экспансия других широко используемых языков, таких как нидерландский в Голландии и фламандский в Антверпене и Брюгге.

По окончании войны 1914–1918 присутствовали все предпосылки для разворачивания маленькой семантической драмы, разыгравшейся в последующие тридцать лет. Ставка не была велика: речь шла об общем количестве говорящего по-фламандски населения, которое к 1935 году сократилось до 150 000 человек (также как и количество говоривших на баскском языке во Франции). К ним прибавилось достаточно большое количество французских или франкоговорящих горожан — жителей Лилля, Сент-Омера и других городов. Они сохранили сознание (историческое) своей принадлежности к бывшим «юго-западным Нидерландам», помимо их воли присоединенным к Франции при Людовике XIV. Суть проблемы не лишена, однако, типологического интереса: речь идет о том, чтобы узнать, во что может превратиться достаточно компактная языковая группа в сельскохозяйственном и индустриальном обществе продвинутого типа (Северный регион — одна из самых оживленных частей Франции в период с 1910 по 1960 годы с точки зрения экономической модернизации и роста ферм и заводов). В этой пьесе есть центральное действующее лицо, и последние исследования пролили достаточно света на его фигуру — это аббат Жан-Мари Гантуа⁸.

Гантуа родился в 1904 году в семье врача в Ваттене и выучил фламандский язык, который изначально не был для него родным, в 1926 году при помощи своих друзей, по большей части священников или семинаристов, основал «Vlaamsch Verbond Van Frankrijk», а в 1929 году — ежемесячную газету, названную «Фламандский лев». Однозначно, это общество имело католическую ориентацию, то есть правую и консервативную (предположительно, в наше время оно было бы ориентировано по-другому, поскольку развитие Церкви со времен II Ватиканского собора в аналогичном контексте предполагало бы совсем другие методы работы). Гантуа со своей стороны со всей очевидностью держится вдали от левого регионального сепаратизма

Валентина Бресля⁹ и его «Фламандского Меркурия», который существовал в то же время, что и «Vlaamsch Verbond». Напротив, аббат с самого начала присоединяется к французскому регионалистскому движению, которое процветало в период между двумя мировыми войнами, и завязывает дружеские связи в его лотарингском ответвлении, в газете «Die Heimat», а также в Бретани, в Провансе...

В 1930-е годы аббат прекращает полностью свое сотрудничество с французским движением, поскольку оно децентрализовано, и отныне он представляется активистом от лица «великих Нидерландов», или голландского народа, который, помимо Амстердама, Антверпена и Дюнкерка, живет за пределами языковых границ фламандского языка, в направлении Булони, Лилля¹⁰ и вплоть до старинной границы Пикардии и Франции по течению Соммы. Борьба Гантуа и его друзей за фламандский язык проявляется, естественно, в пропаганде фольклора и различных мероприятиях по сохранению местных особенностей языка; он сторонник католицизма, не приемлющего антиклерикальных и централизаторских выпадов Республики. Во всем этом прослеживается иерархический и «холистический» расчет по социальным вопросам, заимствованный у Морра, но применение ему находится гораздо более широкое: одновременно Гантуа отрицает свободу совести, как ее проповедовали гуманисты и сторонники Реформации, не признает философию Просвещения и революции, светское мировоззрение в чистом виде, «якобинство абсолютизма и Конвента». Раздувание национальных сюжетов приводило читателей «Фламандского льва» к выводу о том, что они принадлежали не к галло-романской общности, как считали раньше, а вели свое происхождение от франков, среди которых фламандцы, во главе с Хлодвигом (?), были истинными и лучшими примерами. Завершает картину штрих сдержанного антикоммунизма, ведь в это время, никто не станет это отрицать, сталинская Россия подавала на редкость малопривлекательный «пример».

Сумасшедший скачок в мировоззрении случился к концу 1930-х годов, когда Гантуа и часть его окружения, зачарованные нацизмом, «пересекли рубеж» — от законных требований национального характера их путь вел в направлении прогерманских воинствующих настроений. У этих людей изначально безобидные грезы о голландских героях,

белокурых и романтических, затем превратились в бред, пронизанный некоторым расизмом. Проигранная война только усугубила положение: в декабре 1940 года Гантуа пишет Гитлеру удивительное письмо, в котором просит для французских фламандцев права быть принятыми, отныне вне Франции, «в качестве членов нового германского сообщества». По мере того, как положение аббата в мире духовенства становилось все более нестабильным (кардинал Льенар освободил Гантуа от его богослужебных обязанностей), он очевидно растерялся. В его газете в тот период, когда оккупанты угрожали (в большей или меньшей степени) отобрать у Франции ее северные департаменты, слышались достаточно низкие оскорбления в адрес французов, которых называли «потасканными щеголями», а еще больше в адрес южан, которых обзывали «полумаврами» и даже «арабами», — в контексте данного периода такие характеристики были крайне неслестными. Аббат и его друзья организовали фламандский институт, фламандские конгрессы, которые вписывались в контекст «Новой Европы». Немецкие власти, державшие в своих руках французский Север, не доверяли инициативам пламенного лидера националистов (они, или некоторые из их числа, сразу заняли сдержанную позицию, также как и в Бретани). Напротив, «Пропаганда Штаффель» и комендатура СС в Брюсселе оказали приспешникам Гантуа поддержку, надеясь завербовать себе помощников на местах из их числа. Отсюда возник раскол между Гантуа, враждебно отнесшимся к такому позорному сотрудничеству, и наиболее экстремистски настроенными его сторонниками.

Влияние «Vlaamsch Verbond», каким бы свирепым оно ни было, где-то в большей, где-то в меньшей степени, в начале сороковых годов, оставалось ограниченным, несмотря на все усилия пламенного проповедника, стоявшего во главе. Эта группа, даже в своем маленьком регионе, так и не приобрела настоящей известности (неприятной) ... вплоть до «чистки» 1944 года, в ходе которой она послужила, естественно, легкой мишенью. Парадоксально, но деятельность этой организации, представлявшей собой крошечную сеть (однако, не лишенную символической важности), во время оккупации максимально развернулась в регионе Лилля-Рубе-Туркуана, который оказался более восприимчивым к такого рода пропаганде, чем сама

область нидерландского языка в Дюнкерке и Касселе. В Лилле и его окрестностях выплаты членских взносов и подписка составляли, тем не менее, примерно несколько тысяч человек; многие сочувствующие данной организации довоенного времени, обеспокоенные прогерманской направленностью, которую приняли ее лидеры, поспешили от нее отвернуться. Аббат превратился (по старой своей привычке) в «многофункционального деятеля», писавшего в своей газете и для других издателей под несколькими различными псевдонимами; он сам написал, прикрывшись одним из своих псевдонимов, рецензию на свои собственные книги, в которой галантно упрекал самого себя в избытке терпимости... Примечательный факт — сторонники движения, та самая горстка людей, были далеки от того, чтобы питать глубокую и настоящую симпатию к нацизму, даже если они и выражали ее так глупо, как того требовали их интересы. На самом деле они оставались католиками и консерваторами, наполовину подверженными влиянию Морра. Их настоящая идеология имела мало общего с идеологией Гитлера.

В период после освобождения от нацистов эту интеллектуальную и политическую команду ждала довольно жестокая расправа, поскольку она, как и множество других, попала в западню, расставленную историей. После нескольких лет тюремного заключения Гантуа в 1949 и 1954 годах публикует под псевдонимами (опять!) разные книги, в которых он отныне предстает сторонником европейского федерализма и упорным регионалистом. Учитывая его жизненный путь и его изначальные успехи, после которых он «оступился на ровном месте», этот двойной выбор представляется достаточно разумной уловкой.

Гораздо более тяжелыми оказались судьбы некоторых из руководителей крошечной «Лиги прав Севера», родившейся в результате отделения¹¹ от Гантуа в конце 1943 года; эта «мятежная группировка» была ультраколлаборационистской, во многом превосходя в своей правой направленности (но стоит ли говорить о правой направленности в данном случае?) удивительного аббата из «Vlaamsch Verbond»; главой этой Лиги Севера был доктор Пьер К., «фанатичный расист», считавший себя немцем, перепрыгнув через промежуточный этап (ставший бесполезным) фламандского языка, чтобы телом и душой

привязаться к тевтонскому языку! Пьер К. был персонажем в духе Брейгеля, но брейгелевский дух у него был катастрофически поражен крайним нацизмом. «Моложавый, задиристый, вспыльчивый, неорганизованный... чистой воды нацист!» Он пытался, без особого успеха, вести вербовку в войска СС. Его приговорили к смерти и расстреляли в июле 1946 года, также как и двух других лидеров его группки, Пьера М., ветерана Восточного фронта, казненного в августе 1946 года, и Антуана С., ответственного за вербовку, расстрелянного в Лилльской крепости в июне 1947 года за участие в некой «бригаде Ангелов» (*sic*)^{*}. Эти трое ни в коем случае не были ангелами, как раз наоборот, но финальный «счет» — три расстрела — кажется тем не менее *a posteriori* несколько чрезмерным, особенно в глазах «мягкосердечных», каковыми мы в действительности стали, оправдывая название, со времени «бадинтеровской» отмены смертной казни¹².

К великому счастью, судьба «Zuid Vlaamsch Jeugd», регионалистской молодежной организации, сложилась не так печально. Ее члены должны были в обязательном порядке быть «местного» происхождения, то есть родиться к северу от Соммы, и юноши назывались там «львятами», а девушки — «чайками». Странное сочетание... Сначала они собрались в Лилле (1943), их объединяющим кличем было «Nou Zeel» (Держись на море!). Поскольку они испытывали смутную враждебность по отношению к союзникам, «шестое чувство» подсказало им привести в порядок организационные структуры, которые они посчитали необходимыми (генеральный секретариат и др.), в июне 1944 года... Руководители ZVJ, *alias* JRF, «оказались в тюрьме несколько недель спустя», и в конце концов в декабре 1946 года получили свои приговоры, но их сроки заключения уже были в достаточной мере перекрыты долгим заключением до суда¹³.

Мишель Дельбарр

Мишель Дельбарр родился в 1946 году. Бесспорно, это человек, представляющий регион, южные Нидерланды, но также французскую Фландрию, прежде говорившую по-фламандски,

* Важно (лат.).

** Иначе (лат.).

даже притом что лично он «потерял» практику нидерландского языка или его дюнкеркской разновидности, на котором говорили его предки. Отец этого политика работал агентом по недвижимости в Байёле. Его дед и бабка происходили из Мало-ле-Бен. Юный Мишель получил образование в лицее в Лилле и стал изучать географию в местном университете, где он доучился до степени магистра. Должность профессора, которая могла стать логическим завершением его обучения, казалось, не сильно его привлекала. Он последовал, более всего в мэрии Лилля, а затем в регионе Север-Па-де-Кале, за Пьером Моруа, при котором он был, под разными названиями должностей, иногда почетными, а иногда самыми обычными, но всегда наполненными реальным содержанием, долгое время «уполномоченным». Его «покровитель» стал премьер-министром в 1981 году, Дельбарр последовал за ним. И вот он в Матиньонском дворце. Изучает региональные и местные документы, занимается делами Севера-Па-де-Кале. А также он ответствен за секретные дела, которые называют «делами безопасности»... В 1982 году Робер Лион, руководитель аппарата правительства, уходит в Депозитный банк, и Дельбарр заменяет его и следует по тому же пути. Когда его назначили префектом, ему не представилась возможность управлять какой-либо территорией, даже притом что ему пришлось рассматривать в национальном плане данные по регионализации. В 1984 году правительство Фабиуса доверило ему Министерство труда, и это в период значительной безработицы. Для него таким образом представился случай создать свои особенные рабочие места, такие как ОПТ (общественно-полезный труд, оплачиваемый государством, для безработной молодежи). Его также сильно занимали вопросы гибкой оплаты труда и рабочих графиков, что привело к некоторой полемике с Коммунистической партией. Впоследствии он был избран депутатом и одновременно вице-президентом Регионального совета Севера-Па-де-Кале, где он взял на себя заботу об образовании, профессиональном обучении, о молодежи, о спорте и в то же время о современном искусстве. С 1987 года он также является одним из национальных секретарей Социалистической партии (их насчитывается двенадцать). В 1988 году он становится министром транспорта, оборудования и жилищного хозяйства, взяв под свое руководство министерские сектора, которые покинул Морис Фор, перешедший в Конституционный совет. Он держит в своем подчинении в этом огромном министерстве полмиллиона чиновников и государственных служащих. Таков путь от региона до центральной власти... В Дюнкерке, мэром которого он

является с 1989 года, он получил в наследство от своих предшественников город, практически разрушенный в результате последней войны, и где с тех пор, «в последний период времени», свирепствовал экономический кризис. Высшие органы местной власти сначала должны были привлечь сюда предприятия («Кока Кола», «Pechiney») и позаботиться о развитии культурной деятельности (библиотеки, футбол...). Фламандский язык в такой ситуации дремал, что никого не удивляло. Но министр-мэр произвел впечатление на северян и на французов в целом своей уверенностью, холодным юмором, оттененными умом и внимательной приветливостью. Он не отказался от того, чтобы в веселое время Карнавала в Дюнкерке кидать в своих подданных селедку с балкона мэрии. Традиция обязывает! В общем, прекрасная карьера, еще не завершенная, конечно, к счастью для этого человека в расцвете лет, который, по примеру далекой Иоланды де Бар, дамы из Касселя, владельницы Дюнкерка, умеет «стоять одной ногой в приморской Фландрии и иногда другой в столице». Несмотря на всю привлекательность парижского «пульсара», депутат не забывает о том, что он еще и мэр и что вопросы побережья, отношений с Соединенным Королевством на берегах Канала и занятости в регионе фламандского языка имеют большой вес в его *curriculum*^{*}.

В наши дни фламандское движение во Франции, получившее жестокий урок в результате своих неудачных выступлений, благоразумно сосредоточило свои усилия в области культуры, где никто не может оспаривать его законность: поскольку также верно и то, что в Вестхуке «мертвое тело диалекта еще шевелится». Говорящие по-фламандски не являются и не хотят оставаться последними из могикиан в своей языковой области; бельгийский пример придает им некоторую храбрость по данному поводу. И пример поражения, если смотреть объективно, или скорее катастрофа, произошедшая с таким вдохновленным изначально добрыми побуждениями лидером, как Гантуа (чья карьера была сломана из-за последующего обращения на неверный путь в ходе его деятельности), и примерно аналогичное падение главы сторонников автономии Росссе в Эльзасе (хороший был человек, в глубине души, в начале своей карьеры) показывает тупиковый путь. И на самом деле трудно в XX

^{*} Биография (лат.).

веке вновь поднимать вопрос о завоеваниях, которые приняли Ришелье и Людовик XIV в XVII веке на периферии германоязычных стран и на голландских границах. И однако в то время эти аннексии, происходившие в напряженный период для Старого Режима, тоже не были единодушно положительно восприняты. Взять, например, принципиально отрицательную позицию по этому вопросу Фенелона и его друзей...

Этот самый Фенелон, архиепископ Камбре, оценил бы он культурное обновление «наших» Нидерландов таким, каким оно предстает перед нами около 2000 года? Во всяком случае, отметим как выражение заботы о сохранении традиции преподавание фламандского языка в его диалектной форме, распространенной в говорящей по-фламандски области французской Фландрии, Жаном-Луи Мартелем в университете на побережье Дюнкерка; этот профессор — сам сын моряка-рыбака из окрестностей Дюнкерка; его занятия, поначалу с частицей «не», начались примерно четверть века назад, и лишь недавно получили официальное одобрение со стороны *alma mater*. В 1991–1992 годах Мартель опубликовал методику изучения фламандского языка во Франции, эта публикация получила финансовую поддержку со стороны г-на Дельбарра, мэра Дюнкерка, который сам происходил из семьи в Байёле с фламандскими корнями. В этой связи стоит также упомянуть об обаятельном и неутомимом д-ре Коллаше и его супруге, вдохновителях языковой и культурной ассоциации «Het Rensekor»: эти люди совместными усилиями со своими приверженцами стараются оживить музыкальные традиции Фландрии. Маленькая местная радиостанция, снабженная не очень мощным передатчиком, называется «Uylens Spiegel» («Уленшпигель») и распространяет свое вещание на двух языках на франко-фламандскую область, конечно, не огромную, с одной из самых высоких точек региона, в котором, по правде говоря, высота расположения не превышает нескольких десятков метров. «Фламандский комитет» («Француз я есть, фламандцем остаюсь»), чья история насчитывает более ста лет, часто играет блестящую роль в традиционной ученой среде, в частности, он процветает в Лилле, где насчитывает несколько сотен почитателей. И наконец, фламандская федералистская партия, имеющая ярко выраженные

регионалистские устремления, заставила о себе заговорить примерно пятнадцать лет назад, но сейчас она, кажется, находится в дремлющем состоянии. В общем и целом, воспоминания о некоторых позорных моментах периода оккупации, кажется, стремятся постепенно раствориться без особых сожалений в благотворном забвении. Долг памяти в данном случае не является категорическим приказанием...

4

Бретань

Самостоятельная история Бретани¹ началась в период между 460 и 570 годами нашей эры. Именно на это время пришелся процесс миграции островных бретонцев, происходивших из Уэльса, а также некоторых из Корнуолла и Девона, на Армориканский полуостров. Что касается дольменов, менгиров, аллей менгиров с Карнаке, этих памятников эпохи неолита, они могут вызвать некоторую мечтательность у прогуливающих туристов; на самом деле, в них нет ничего специфически бретонского — просто полуостров следовал той же судьбе, что и Галлия: здесь, как и в других местах, история делилась на докельтскую, затем кельтскую, наконец, галло-романскую; недавняя выставка (в 2000 году) в Ренне², посвященная древнему городу Кондат, на месте которого возник современный Ренн, пролила достаточно света на этот вопрос. Кондат, древнее укрепленное поселение галлов, управлялось в тот период, во II веке нашей эры, дуумвирами, правителями из местной аристократии, местного происхождения, но более или менее романизированной, аристократии декурионов и сенаторов (название могло меняться). В будущей столице региона прижились римские боги под именами *Меркурий Атепомарус* или *Марс Мулло*, смешавшись с богами древнего кельтского пантеона; они могли принимать двойные имена, одно римское, другое галльское, одно из тех, которые были обессмерчены — высечены на гранитных постаментах, извлеченных недавно из-под земли нашими археологами. Одно из самых прекрасных произведений прикладного искусства, оставшее-

ся нам в наследство от латинского периода в Арморике, — это патера^{*} из целого куска золота, датированная концом III века, украшенная монетами, была извлечена из земли в 1774 году; впоследствии она была помещена в Кабинет медалей в Национальной библиотеке; в центре на ней — изображение Вакха в обществе Геркулеса.

Эта патера, выполненная по канонам классической или постклассической античности, была сделана в то время, когда набеги германцев (260–277) служили источником всяческих кризисов и страхов, и поэтому богатые люди были вынуждены прятать в земле свои сокровища, среди которых фигурирует и знаменитое золотое блюдо, с геркулесовскими и дионисийскими мотивами, инкрустированное монетами, также золотыми. Вторжения германцев с противоположного берега Рейна, конечно, не уничтожили латинский язык; можно даже вообразить, как это сделал каноник Фальк'ун, если население в регионе Ванн³ также продолжало говорить на кельтском языке, несмотря на римлян, а затем и германцев, пока не дождалось прибытия своих братьев-кельтов, пришедших в V–VI веках с Британских островов в западные области полуострова.

Эти переселенцы поздней эпохи, объединенные в кланы под управлением крупных аристократов, возможно, уплыли за море в поисках спасения от скоттов, которые, в тот период или немного ранее, спустились из Шотландии в Англию, двигаясь с севера на юг. Галло-романский или галло-франкский субстрат даже в Бретани не был полностью перекрыт этой новой волной кельтского населения. Он выжил без особых трудностей ближе к востоку Армориканского полуострова как на морском побережье, так и в бассейне реки Вилен.

Позднее Каролинги с недоверием относились к этим «бретонцам», которые к тому времени уже не были новыми поселенцами. Империя Каролингов имела в своем владении, плохо или хорошо управляемую, «Бретонскую марку». В 831 году Номиноэ, двуличный военачальник, смог добиться союза бретонского княжества, объединявшего под своей властью собственно кельтские земли на западе, и «галльскую» область на востоке полуострова.

^{*} Патера — кубок (*прим. ред.*).

Этот Номиноэ, из которого бретонские националисты сделали героя, трудился ли он в своих собственных интересах или для императора? Скорее всего, он и сам об этом точно не знал. И другие князья в ту же самую эпоху осуществляли аналогичные задачи на таких обширных полуавтономных территориях, которые можно сравнить с Бретанью, как Фландрия, Бургундия, Каталония...

В конце IX века появился Ален, граф Ванский, который даже называл себя «Божьей милостью королем бретонцев»! Стоит ли датировать возвышение Ренна, столицы региона, последними годами X века? В это время графский род этого города распространяет свою власть на достаточно значительную часть полуострова. И притом в районе тысячного года, несмотря на некоторые попытки подчинения со стороны государства Капетингов, невозможно обнаружить хоть какие-нибудь следы покорности у армориканцев по отношению к французскому королевству, будь она всего лишь принципом.

И однако будущее Бретани шло с востока. Вторжения норманнов в конце I тысячелетия практически разрушили там католицизм в его кельтском варианте. Но на ее руинах вскоре воцарится Армориканская Латинская Церковь, связанная с монастырями в долине Луары и в Нормандии. Бретонское духовенство, долгое время игравшее посредственную роль, обновилось благодаря примеру св. Ива (XIII век) и стало выступать спутником французского христианства. Бретонские колледжи формировались в Парижском университете. «Бретонский материал» служил источником вдохновения для поэзии Марии Французской. С точки зрения политики, или суверенитета, постепенно канули в прошлое те времена, когда Бретань, как писал Рауль Глабер (XI век) считалась «концом света, населенным варварами и невеждами». Три различных тенденции соревновались в своем влиянии на Бретань (англо-анжуйские Плантагенеты, собственно Англия и Франция), но полуостров, особенно после 1230-х годов, склонился в сторону французского королевства, вплоть до того, что бретонский герцог принес клятву верности капетингскому монарху, уехал с ним в крестовый поход, принял и применил эдикты Филиппа Красивого, направленные против тамплиеров. В начале XIV века ситуация выглядит решенной: армориканская шляпка кажется плотно и окончательно закреплен-

ной на борту французского корабля. На самом деле, она была закреплена лишь наполовину. И в этом нет ничего удивительного. В ту же самую эпоху Лангедок, другой периферийный регион, тоже был присоединен к французскому королевству.

То, что королевская лилия поглотила Бретань, не исключает, однако, некоторого утверждения (в государственном смысле) бретонского суверенитета. Герцоги устанавливают административную систему, «костяк» нескольких областей суда бальи и сенешальств. Их легисты приносят на полуостров частицу римского права с централизаторскими устремлениями; бретонское государство пользуется, несмотря на постоянные налоги, правом на чеканку своей собственной монеты, правом собственности на затонувшие предметы и на остатки кораблей, потерпевших крушение, а также там наблюдается подъем герцогской власти.

Развитие Бретани основывается также на ее хозяйстве: конечно, производство продовольственных культур, а также перевозка по морю вин из Аквитании до прибрежных территорий Ла Манша, рост, начиная с 1300 года, производства и экспорта тканей — «они дают кораблям паруса, рубашки живым и саваны мертвым». Языковой самобытности региона нет угрозы из-за роста французского владычества, граница диалектов остается стабильной; франкоговорящие светские власти и говорящие на латыни церковные с уважением относятся к самобытности говорящего на кельтском языке населения западных районов, где с тысячного года наблюдается демографический всплеск: слово «*ker*», обозначавшее в IX веке «дом», в XII веке служит уже для обозначения хутора — невозможно привести лучший пример.

Тем не менее французское влияние ослабевает после 1341 года, когда королевство понемногу начинает исчерпывать свои силы в борьбе против англичан, когда, с другой стороны, полуостров находится во власти череды кризисов наследования, в результате которых в период с 1341 по 1381 год там выступают друг против друга враждующие группировки сторонников Монфора, проанглийская группировка и профранцузски настроенные «блезисты». В «Бретани пяти герцогов», начиная с Иоанна V (с 1399 года) и до Франциска I (умер в 1488 году) культивируются, в отрыве от Франции, а иногда и в противоречии с ней,

реальность или мираж независимости. Арморика, конечно, оставалась под властью имперских влияний (безвредных) континентальной культуры, ближайшей к ней, и этот великий свет с востока неизбежно загораживал весь горизонт. В хозяйственном плане взоры бретонцев были устремлены в сторону Лондона, где жили потребители вина, которое грузилось на корабли бретонских моряков, курсировавших от Гаронны до Темзы.

Новое возвышение французской государственности Валуа при Людовике XI и Карле VIII положило конец мечтам о самоопределении, возможно, беспочвенным, однако, они украшались чудесными формами поздней готики, исходившими из архитектурной и скульптурной школы Фольгоета. Насильственное замужество Анны Бретонской, этой удивительной «герцогини в деревянных башмаках», выданной за Карла VIII, затем свадьба по любви и по расчету одновременно этой же дамы с Людовиком XII и в довершении всего, союзный договор 1532 года придали полуострову в некотором роде статус провинции, на самом деле такое ощущение всегда хранилось в сердцах как простолюдинов, так и аристократов, как говорящих на бретонском диалекте жителей Морлэ, так и франкоговорящего населения Сен-Мало.

Кристиан-Ж. Гийонвар'ч

Кристиан-Ж. Гийонвар'ч — один из лучших знатоков кельтского прошлого Европы, как островной, так и континентальной; поэтому он заслуживает того, чтобы фигурировать в этой короткой заметке, призванной проиллюстрировать, или даже осветить широту, международный размах связей бретонской культуры. Кристиан-Ж. Гийонвар'ч родился в 1926 году в Оре, в Морбигане, менее чем в лье от места паломничества Сант-Анн-д'Оре. Его отец был главным инспектором по косвенным налогам. Юный Кристиан имел все возможности выучить бретонский язык в детстве, поскольку его отец и мать «пристраивали» его на лето к дедушке и бабушке, которые не говорили ни на одном языке, кроме местного диалекта Западной Бретани. Несмотря на то, что Гийонвар'ч не был аристократического происхождения, его имя известно с VII века и обозначает «достойный иметь лошадь» или «достойный быть всадником». На самом деле, наш автор происходил из простого народа, поскольку его отец был в свое время

рабочим на оружейном заводе в Лориане, но затем успешно представил себя на конкурсе «налогов». После учебы в лицее в Ренне и, попробовав себя в разных сферах и различных профессиях, в 1954 году Гийонвар'ч становится учителем младших классов в Бель-Иль-ан-Мер и вновь берется за учебу. Он получает степень лиценциата по немецкому языку и преподает затем в Бель-Иле, а после этого в Кестамбере до 1970 года. События мая 1968 года подтолкнули его к тому, чтобы самому заняться преподаванием в высшей школе. Он пишет диссертацию третьего цикла под эгидой Университета Верхней Бретани в Ренне и под руководством г-на Ганьпена, профессора общей лингвистики. Тема диссертации касается «выражения отношения в кельтских языках». На самом деле, относительное местоимение, как может показаться, отсутствует в этой группе языков, и Гийонвар'ч, выучивший к тому времени гальский и ирландский языки, пытается показать, как в этих языках выражают (все-таки) отношение. В 1972 году он защитил диссертацию как соискатель перед комиссией, в которой сидели специалисты по ирландскому языкознанию и по древнебретонскому языку. После этой знаменательной даты Гийонвар'ч преподает в Университете Верхней Бретани в Ренне.

Супруга и коллега Кристиана-Ж. Гийонвар'ча, Франсуаза Ле Ру — наполовину бретонка, наполовину фламандка. Эти двое ученых примерно в 1950 году познакомились с Жоржем Дюмезилем, который проникся к ним уважением как к специалистам и дружеской симпатией; постепенно он уступил им кельтское направление в широкой области исследований трифункциональности индоевропейского пантеона. Дюмезиль считал Гийонвар'ча кем-то вроде человека эпохи Ренессанса, который сам писал, печатал, издавал, сам распространял свои произведения и работы своих друзей...

Основные произведения Кристиана-Ж. Гийонвар'ча (написанные самостоятельно или в соавторстве с Франсуазой Ле Ру) — о друидах, ирландской мифологии, кельтской цивилизации и издание «Католикона» Жеана Лагадейка — трехязычный словарь (бретонский, латинский, французский), вышедший в Трегье в эпоху Возрождения, произведение, представляющее высокую ценность. В любом случае, «три функции», по Дюмезилю, присутствуют в кельтской мифологии, истоки которой — прежде всего античные или ирландские, а бретонская культура — одно из благородных ее воплощений. Тройная роль, по мнению Гийонвар'ча, представлена «на вершине» богом Люгом: он венчает пантеон и превосходит все другие божества этого пантеона, который был

распространен в Ирландии, Уэльсе, то есть у предков арморикан: его следы еще можно обнаружить в современном фольклоре полуострова.

Первая функция, в частности, относится к царствованию, жречеству, регулированию; ее держит в своих руках Дагда, бог-друид; в частом виде царская роль, как ни парадоксально, возвращается к воину Нуада. На втором месте стоит функция воина в чистом виде, которая превращается в царскую роль, конечно, регулирующую и распределяющую, но она занята как раз (в этой воинственной религии никто никогда не считался слишком вооруженным!) полководцем Нуада, который сам не сражается, но следит, как хороший верховный главнокомандующий, за военными действиями. Его начальник штаба — Огм («победитель»), он также больше полководец, чем сам по себе воин. Наконец, герой Кухулайн напрямую тратит свои силы в рукопашном бою в кровавых схватках. Что касается третьей функции, то она имеет отношение к хозяйству, плодородию, и то, и другое находится на службе двух предыдущих функций. Она воплощается главным образом в божествах различных ремесел (кельты и вправду были очень хорошими ремесленниками). Среди них на почетных местах можно обнаружить кузнеца Гойбниу, мастера по бронзе Кредне и плотника Лухта, поскольку как дерево, так и металл были основными материалами для народов, родственных бретонцам и для самих бретонцев. Странно, но среди этих богов не представлены сельскохозяйственные божества, несмотря на то, что кельты, как островные, так и живущие на полуострове, были изначально превосходными скотоводами¹.

Был ли все-таки в Бретани «золотой век» или даже два столетия процветания? Если и правда был, то эти прекрасные двести лет пришлось, удивительная вещь (?), на период во время и после политического процесса французской аннексии, на тот период, о котором мы только что рассказали, и который современные местные националисты рассматривают как источник всех бед и несчастий их региона. На самом деле, в этот период попали в основном шесть или семь поколений, живших с 1465 по 1675 годы (в этот последний год произошло восстание Красных колпаков, что послужило поворотной датой, надолго обусловившей политическую

¹ Бретань, как мы знаем, в наши дни, к сожалению, сильно пострадала от эпидемии, названной «коровьим бешенством», что отразилось на ее многочисленных стадах крупного рогатого скота.

ситуацию). Как раз в этот период протяженностью в двести десять лет происходил постепенный значительный рост населения: в последней четверти XVIII века армориканское население достигло отметки в 1 800 000 человек, то есть 8,6% населения Франции. Конечно, войны Лиги в конце XVI века принесли много несчастий, вплоть до того, что они свели на нет этот рост населения, который впоследствии как ни в чем не бывало возобновился в новый период, наконец мирный, когда царствовал Генрих IV. В общем и целом, глобальное явление долгого роста населения можно назвать позитивным: оно объясняется ранним возрастом бретонских женщин к моменту их первого замужества: этот возраст приходится на 22–23 года в XVI и XVII веках против 25–26 лет на остальной территории королевства. Период роста населения, завершившийся в континентальных районах Франции к 1560 году, смог таким образом продолжиться в течение еще целого столетия на полуострове. Он стих только к концу царствования Людовика XIV, а затем в XVIII веке, когда бретонки решили выходить замуж поздно, как это делали уже с конца эпохи Возрождения их нормандские или бургундские современницы. Большие города, такие как Нант, Ренн (45 000 жителей в XVII веке), Сен-Мало (25 000 в 1705 году) развиваются необыкновенно бурно по сравнению с городами кельтской нижней Бретани, которые остаются небольшими.

Независимо от подобных нюансов в регионе, общий рост бретонского населения происходил не без кризисов, связанных с внезапной массовой смертностью (назовем их «неожиданными осложнениями»? на этот раз это выражение буквально точное). Среди них, помимо эпидемий чумы во времена Валуа и первых Бурбонов, фигурируют дизентерия 1639 года (смертоносная) и голод 1661–1662 годов. Общая демографическая ситуация в долговременном рассмотрении от этого не слишком пострадала. Но люди и семьи, получившие удар в виде такой ужасной эпидемии чумы или дизентерии, в этой ситуации получили свою огромную долю страданий. Нижняя Бретань все еще оставалась менее урбанизированной, следовательно, там лучше питались, поскольку благодаря морю она была богата различными ресурсами; ее меньше затрагивали продовольственные кризисы, происходившие, когда в регионе наступало тяжелое положение, чем «верхние» районы Нанта, Ренна, Шатолена.

Если рассматривать в подробностях фазы кризисных испытаний, то их можно разложить на знаменитый «трехчлен» — война, чума, голод. Первая фаза мало коснулась населения полуострова. Долгий двухсотлетний, даже трехсотлетний, период «французского мира» (1491–1793) пришел на смену временам войн местных герцогов, которых несчастливое стечение обстоятельств многократно принуждало вести боевые действия по собственной инициативе или из-за монархов династии Валуа. Отныне театр военных конфликтов удаляется от берегов Куэснона и перемещается в прирейнские долины и на берега реки По. Грех было бы на это жаловаться в Морле, Кимпере, Сен-Бриёке. Одно лишь осложнение, но крупное, серьезно подрывает — но не навсегда! — период нескончаемого мира: войны Лиги в 1588–1595 годах, даже в 1598 году, наносят мощный, скажем так, но непродолжительный удар по экономическому и демографическому развитию полуострова. Эти войны явились в данном регионе местным продолжением, гораздо более коротким, религиозных войн, которые к востоку отсюда разоряли королевство в течение тридцати пяти лет.

Во время многочисленных эпидемий чумы, как, например, тяжелые вспышки в 1629–1632 годах, принимались особые меры, не более и не менее эффективные, чем в других регионах. Вину сваливали на дыни, которые, состоя большей частью из воды, поддерживали «влажную» среду, считавшуюся благоприятной для развития эпидемии (?). Больных изолировали в специальные бараки, называемые «санитатами». Именно здесь велась тройная служба (этот факт очаровал Жоржа Дюмезиля, охотника за проявлением структур с тройным назначением): по трое священников, хирургов, вооруженных ножами вместо шпаг, и наконец, слуг, которые по мере своих возможностей заботились о больных. Последних кормили великолепными цыплятами, их тогда еще не расстраивал избыток гормонов. Процессии, колокольный звон были призваны изгнать вирусное бедствие силой молитв. Города влезали в астрономические долги, чтобы раздобыть себе олений рог или другое подобное чудодейственное лекарство. Монахи-капуцины прославились благодаря своему мужеству и благочестию. И наконец после 1650 года прогресс в методах изоляции (карантин, санитарный кордон), получивший поддержку монархической централизации, помог отправить Белую

даму (чуму) дальше на восточные территории, отвести ее от Бретани и даже от Франции. Марсельская чума 1750 года была лишь далеким сигналом тревоги.

Голод, более свирепый в Ренне, менее тяжелый в Дуарнене, заставил о себе говорить в 1531, 1562, 1596, 1630, 1661 годах... В этой провинции, обычно хорошо снабжаемой продовольствием, настоящей житнице, с этим Незваным гостем кое-как боролся парламент, в то время как в этом вопросе эшевены показали себя медлительными и неэффективными. Продовольственные бунты, во время которых толпа пытается взять в свои руки распределение хлеба, были достаточно немногочисленными в бретонских областях; бретонцы обычно показывали себя консервативными людьми, спокойными, противниками уличных беспорядков. Периодически повторяющиеся голодные годы и дороговизна способствовали, тем не менее, увеличению количества бедняков и их распространению по региону. Отсюда тот факт, что неизмеримо растет роль приютов для бедных в XVII веке в Бретани; они развивались в том же темпе, что и подобные заведения в остальных районах Франции, и это указывало на значительные изменения и существенный общий прогресс по сравнению с чисто благотворительными действиями прошлых времен, например, с практикой, существовавшей в Ренне или Ванне в Средние века.

В своем роде Бретань ни в коем случае не являлась аутсайдером в развитии различных сфер, в том числе организационной, по сравнению с другими французскими регионами в постсредневековый период. Ее развитие шло даже очень энергично, и этот период продлился дольше, чем в других провинциях. С этой точки зрения убедительные доказательства можно найти в экономической области, в частности, в секторе морской торговли: треска и мех в огромных количествах вводились с Новой Земли и из Канады. Армориканские корабли совершали транзитные перевозки соли из Бурнеф и итальянских квасцов. Триста баркасов ловили сардины, а затем отправлялись к югу вплоть до Средиземного моря; устрицы из Канкаля в некоторой степени помогли покрыть недостаток хлеба в неурожайные годы. Наличие около шестидесяти гаваней в Бретани свидетельствовало об отсутствии централизованных портовых структур, что имело место также в Лангедоке и Провансе, как и в Арморике. Появилась, однако, некоторая тенденция к возвышению

Нанта и особенно Сен-Мало, чья завораживающая звезда в то время начинала свое восхождение. Внезапно благодаря экспорту продовольственных товаров и текстильной продукции из бретонских бухт, в ответ на ее побережье и даже во внутренние районы обрушился целый денежный поток. В период с 1551 по 1610 годы 35% французских серебряных монет были отлиты в государственных мастерских, или на «монетных дворах» в Ренне и Нанте. Удивительное превращение для провинции, население которой едва ли составляло десятую часть жителей всего королевства.

Начиная со второй половины XVII века Париж и Нормандия превосходят Бретань в чеканке монет и, соответственно, в морской торговле. С этого времени растут тенденции к централизму. Верно будет заметить, что лидерство Арморики в конце XVI века в области чеканки золотых и серебряных монет объяснялось также религиозными войнами. На протяжении всего этого периода эти войны были менее жестокими в бассейне Вилен или в Аркоа, чем в Лангедоке, Провансе или в район Орлеана. (Но такое положение дел существовало лишь в период, предшествовавший 1588–1589 годам, когда начались вышеупомянутые войны Лиги в Бретани). Что касается чисто промышленных основ роста, весьма показательного в общей массе, то в период с 1550 по 1630 год они остаются, с одной стороны, сконцентрированы вокруг производства холста, а побочно — бумаги. Сельскохозяйственная фундаментальная структура была в то время весьма впечатляющей и осталась таковой до нашего времени. Бретань при Валуа, затем при Бурбонах была империей зерна, гречихи, сидра, сливочного масла. На юге культура виноделия не могла не играть роли: она неминуемо порождала алкоголизм среди мирян и даже, о ужас!, среди клириков. В общем и целом, эта провинция достаточно снабжалась продовольствием, как минимум в нормальные годы, в противоположность коротким неурожайным периодам.

Во всем этом есть один недостаток, но большой: бретонский феодализм достаточно силен. На западе провинции архаический способ держания земли, называемый «срочным правом собственности», причинял массу неудобств крестьянам. На востоке обилие крепостей и замков свидетельствует о тех стратегических нуждах, теперь ставших устаревшими, которые вызывало устройство военной границы с Францией.

Затрагивают ли «различия» между Бретанью и остальными регионами королевства в это время вопросы «менталитета»? По этому вопросу историк Анатоль Ле Браз собрал старые культурные традиции полуострова, связанные со смертью; он охотно объяснил их происхождение остатками кельтского наследия, сохранившегося у населения нижней Бретани. Ален Круа по этому вопросу остужает фольклорный пыл старых местных эрудитов: в своих самых тщательных исследованиях, посвященным XVI и XVII векам, этот крупный демограф обнаружил в общей сложности всего два случая самоубийства! Это были ткач из Нанта и трактирщик из Ренна. Таким образом, это общество, крайне интегрированное, общинное и традиционное, нелегко позволяло своим членам уходить по роковой наклонной плоскости личного саморазрушения. Выверенные этими критериями, в высшей степени объективными, направленными против самоубийства, навязчивые идеи смерти не были настолько повсеместными, как это вообразил Ле Браз. Но при этом верно и то, что в Бретани в классическую эпоху присутствовали все элементы барочной пышности погребальной церемонии: свечи, тысячи факелов, черепа, черный покров, усеянный серебряными «слезами» — короче говоря, все известные внешние атрибуты, которые можно было встретить и в других странах католической Западной Европы. Плюс к тому можно добавить, и здесь стоит отдать должное Ле Бразу, что Арморика, считавшаяся «концом света», сохранила свои погребальные традиции дольше, чем другие страны. Также там сохранились следы кельтского словаря, связанного со смертью. Вокруг монументальных кладбищ, прилегавших к деревенским церквям в нижней Бретани, бродила на самом деле не «она», смерть в женском облике с косой, как считали на латинском Западе, а мужское скелетообразное существо Анку, потрясающее дротиком, острой палкой, копьем или стрелой; таким оно предстает не только в древней литературе Бретани, но и в Уэльсе и на кельто-британском полуострове Корнуолл, матрице бретонских влияний. Иными словами, старые кельтские представления из Финистера распространяют общее эхо дохристианской традиции; изначально она проходила через Уэльс и Корнуолл.

В культурной сфере, можно ли говорить о единой Бретани в XVI и XVII веках? На востоке находится зона французского языка, ориентированная в сторону письменной

культуры, на обучение населения грамотности до некоторого предела; люди благородного происхождения и представители буржуазии ведут там торговые книги, врачи менее рассеяны территориально, чем на западе, священники охотно составляют приходские регистры, элита испытывает на себе смутное (очень смутное!) влияние протестантизма; из верхней Бретани вышли несколько хороших писателей, среди которых, в первую очередь, стоит отметить сказочника и юриста Ноэля дю Фая (годы творчества примерно 1547–1573). С другой стороны, на западных склонах полуострова, в нижней Бретани, люди производили не письменные документы, а произведения искусства (бережно собранные в наше время в музеях народных традиций); в это время на западе почитали гораздо большее число святых, чем на востоке; устная литературная традиция (на бретонском языке) играла ведущую роль. Именно таким способом до наших дней сохранились, переходя от поколения к поколению в чисто устной форме, рассказы об одном преступлении, восходящие к XVI веку, или даже уэльская эпическая поэма о герое Сколане, вышедшем из чистилища, фольклорные истоки которой восходят к эпохе высокого Средневековья!

Бретань была и надолго осталась коллективным святилищем сформировавшегося католицизма, имея по полдюжины священников на приход во времена Генриха IV и Людовика XIII; часто эти клирики происходили по своему рождению из крестьянской среды, в которой они и служили; они были местного происхождения, их корни связывали их с родиной, и триентская Церковь управляла ими. Под воздействием таких проповедников, обязательно говоривших на бретонском языке, как отец Монуар, в этой церкви поведенческое христианство, идущее изнутри, постепенно уступило место тому, что долгое время оставалось всего лишь «религией простых жестов», о которых современные историки утверждают, что они были в большей степени автоматическими, чем глубоко осознанными (?).

Решимся ли мы сказать, что в общем Бретань во время своего «золотого века» длиной в несколько столетий немного напоминала Испанию, другой полуостров, только больший по размеру? Конечно, может показаться чересчур смелым проведение параллелей между региональной общностью и иберийским государством, чьи притязания вышли на всемирный уровень начиная с эпохи Габсбургов,

Карла Пятого или Филиппа II. И однако, в обоих случаях имеет место бурное развитие мореплавания, та же неспособность модернизировать на глубинном уровне отдаленные районы, то же преобладание «шокового» католицизма с иезуитской окраской.

И вот ритм развития изменился: в Бретани такой точкой отсчета можно считать 1675 год. Знаменитое восстание Красных колпаков, которое нельзя назвать в полном смысле слова «бретонским националистическим», поднялось в тот год против новых налогов (гербовая бумага) и против аристократии. Государство (французское) и правящая верхушка (местная) подверглись сильному натиску. В период до восстания и во время него Бретанью управлял герцог Шольн. В его обычае было управлять своим округом несколько свысока, руками преданных ему дворян: он предоставил полную свободу действий местному благородному сословию, а также парламенту Ренна, который также полностью состоял из аристократов и охотно вел текущие дела. Однако система Шольна долго не выдержала перед лицом глубоких потрясений, которые открыли или спровоцировали мятежники 1675 года. Таким образом, центральные власти вынуждены были отдать предпочтение другим формам управления, так чтобы геополитический контекст, в котором шло развитие полуострова, смог быстро измениться.

На самом деле, с конца XVII века, когда началась война Аугсбургской Лиги (1688), обозначилась опасность со стороны Англии, вплоть до этого времени остававшаяся незначительной. Как это показал Жан Мейер, Бретань превратилась в отправную точку конфликтов между двумя коронами, французской и британской. Эти разногласия оживали с различными интервалами, вплоть до их угасания сто двадцать пять лет спустя, в 1815 году, во время полного поражения Франции.

Сама провинция в своих внутренних областях превратилась в лагерь достаточно настойчивого военного присутствия королевской армии, направленной против иностранной угрозы, но также неминуемо ...против местного населения. Если выражаться по-военному, то полуостров был «пришвартован» к Франции по второму разу, привязан теснее, чем в прошлом. «Куеснона больше нет». Однако этому появился досадный противовес: за близость с Францией пришлось платить ценой регионального упадка, относительная

автономия, практиковавшаяся *де факто* в XVI веке и в три первые четверти XVII века, переживала период своего заката, по ней наносили мощные удары два или три поколения интендантов, чья политика стала более жесткой после мятежа 1675 года. Апостол централизма, интендант Бешамель де Нуантель, начиная с 1680 года стремится действовать через голову правителя. Интенданты устанавливают свою власть через систему субинтендантов, которые не являются, как было бы сейчас, субсидируемыми супрефектами, а выступают (утешение для местной элиты) «именитыми гражданами на общественных началах». С другой стороны, население отныне обязано соглашаться с новыми налоговыми ставками, от которых в 1675 году они могли бы отказаться. Волей-неволей жителям приходится смириться: они покоряются (все труднее) подушной подати в 1694 году, десятине в 1710 году, выплатам двадцатой части дохода за недвижимое имущество после 1750 года.

Учитывая все вышесказанное, можно увидеть, что вопреки (или по причине?) жесткой политической, административной и военной ситуации Бретань в эпоху Просвещения не скатывается к систематическому отставанию в своем развитии, а как раз наоборот. Напомним на этот счет удивительные данные, касающиеся мореплавания. В XVIII веке армориканские корабли составляли 27% французского торгового флота — огромная цифра, если учитывать протяженность французского побережья. На бретонских верфях построили более трети новых кораблей из числа спущенных на воду по всей Франции во времена Людовика XV. Впечатляющим был и расцвет таких крупных портов, как Нант, Лорьян, Брест и особенно Сен-Мало: в Нанте благодаря такой аморальной деятельности, как перевозки чернокожих рабов из Африки в Америку, население увеличилось с 45 000 жителей в XVII веке до 85 000 к 1789 году. В кельтской части Бретани, в Бресте ситуация изменилась мало, и он остался портом практически исключительно военного назначения, но и там численность населения достигла 40 000 к 1785 году. Сен-Мало, напротив, достиг своего звездного часа. Таким образом, бурное развитие океанического флота и колониальных завоеваний продолжало служить мощным стимулом для очагов активности на армориканском побережье.

Можно ли сказать, что промышленная база оставалась посредственной, за исключением производства полотна?

На самом деле, современные местные историки, последователи школы Франсуа Лебрена пытаются разрушить миф о том, что бретонское хозяйство было исключительно крестьянским, что промышленное производство было сконцентрировано на одном только изготовлении полотна, и что его миновало индустриальное развитие: это неверно, поскольку в XVIII веке процветало производство серебра и железа, в XIX веке установилась даже замещающая промышленная структура с ее маслобойнями и кожевенными заводами в деревнях, но и одновременно с металлургическими заводами в Эннебоне, сталелитейными мастерскими в Триньяке, шахтами в Пон-Пеан и др.

Во времена Людовика XV экспорт оставался, тем не менее, «с небольшой добавленной стоимостью». Из провинции вывозились, преимущественно морским путем, почти необработанные товары, особенно сельскохозяйственная продукция и сырье — зерно, вино, спирт, соль, но также полотно. Контрабанда, морская, а еще больше сухопутная, направленная на континент, сквозь проницаемые кордоны внутренней таможни, остается одной из активных областей деятельности в регионе, в частности в том, что касается торговли солью. В конце эпохи абсолютизма контрабандисты солью предвосхищали шуанство революционного времени. Экономическое оживление остановилось в рамках определенных ограничений: это можно хорошо рассмотреть по некоторой вялости населения Бретани, которое в XVIII веке увеличилось всего лишь на 12,5%; плюс к тому, лишь меньшинство могло пользоваться теми удовольствиями, которые предоставляла в их распоряжение новая цивилизация нравов, и некоторыми предметами или продуктами питания: на 2 300 000 жителей, которые насчитывала провинция в 1770 году, только около сотни тысяч человек пользовались хоть немного поставками чая, фарфора, табака, пряностей, сахара, кофе, шоколада... Внутри больших городов (Ренн, Нант, Сен-Мало и Брест во главе списка) урбанизация затронула практически только 225 000 человек, всего десятую часть от общего числа жителей региона; развитие мореходства в этой провинции, несмотря на то, что было интенсивным, не поколебало глубинные экономические устои. Сильно чувствуется отличие Бретани от Нидерландов или от Англии: конечно, мореходство было одинаково интенсивным, но если говорить об

этих двух северных странах, то там «следствия развития» были гораздо более существенными.

Во всех отношениях период, наступивший в Бретани после 1675 года, был тяжелым. Она страдала от кризисов конца царствования Людовика XIV, которые из-за войны и налогов затянулись до 1713–1715 годов. Впоследствии смерть старого короля послужила началом новой эры для королевства, эры нового экономического подъема, затем экономического роста, «оживления и разрядки»; в прибрежных областях Бретани вновь наступил период мощного расцвета, но все также им не удалось увлечь за собой в развитии внутренние районы провинции, остававшиеся сельскими и косными, которые, несмотря на некоторый прогресс, продолжали отставать в своем развитии по сравнению с другими регионами Франции. Вспомним, в частности, о проблеме неграмотности в Бретани: ее уровень очень заметен, если сопоставить данные с ситуацией в соседней Нормандии, достигшей такого высокого уровня образования⁴. Отношение к королевской армии, может ли оно служить еще одним проверочным пунктом? Конечно, бретонцы служат на кораблях «морского флота» Ост- и Вест-Индской компании в качестве матросов, офицеров, капитанов дальнего плавания. Столь многочисленное присутствие во флоте может, таким образом, «извинить» уклонение армориканцев от службы в сухопутных войсках Его Величества, маневрирующих или воюющих на суше на южных или восточных границах королевства. Бретонские солдаты и офицеры во французской армии часто были неграмотными, охотно дезертировали, их становилось все меньше и меньше в сухопутных войсках в течение всего XVIII века, и это, возможно, свидетельствует о том, что у этих солдат и офицеров, а в еще большей степени у их соотечественников на полуострове, массово отказывающихся поступать на армейскую службу, все больше растет неприятие военного и политического централизма королевской власти в десятилетия, предшествовавшие революции. Или стоит говорить и повторять еще и еще, что именно флот был главным полюсом притяжения в ущерб сухопутным войскам?

*

Жизнеспособность провинции зато проявляется, в том, что касается власти, в том, чтобы брать и бороться. Монархический «центр» представлен очень энергично то в виде

интендантской службы, пришедшей, однако, в упадок после 1753 года, то в лице правителя или военного коменданта, блестящим образцом которого выступил герцог д'Эгийон, сын внучатого племянника кардинала Ришелье; д'Эгийон правил в Бретани с 1753 по 1768 год. Перед лицом «правительственных» притязаний абсолютистского государства Бурбонов, преобладающей тенденцией в истории Бретани в XVIII веке явился подъем или восстановление мощного влияния местной элиты полуострова с аристократией во главе. Она опиралась на солидные государственные учреждения, в их числе парламент в Ренне, который полностью находился под управлением бретонского дворянства: этот высокий суд объединял двойственные привилегии шпаги, платья и сеньориальных земель, не разделяя военное и судебское дворянство, что было в данной ситуации невозможно. Элита была также представлена штатами Бретани, другими словами, ассамблеей трех сословий (дворянство, духовенство, третье сословие): последние, как говорящие на кельтском языке, так и франкофоны, регулярно собирались на заседания в городе Ренне. Штаты, как и в Лангедоке и Провансе, придавали провинции неоспоримую самобытность по сравнению с «выборными» регионами «внутренних» частей Франции, которые управлялись в более авторитарном порядке; в Ренне в их рядах выкристаллизовалось специфическое дворянское лобби; его называли «Бастион», и оно явилось во второй половине XVIII века подстрекателем, а затем пало первой жертвой предреволюционных, и в конце концов, революционных событий в 1789 году. Ученик колдуна...

Аристократия региона, экономически динамичная, разбогатела, была гибкой, мобильной, владела не только серебром, но и культурой; в их руках были, по меньшей мере в городах, прекрасные библиотеки и роскошные особняки; они без комплексов занимались на редкость доходной колониальной торговлей, их сыновья женились на наследницах работорговцев из Нанта с богатым приданым; и вот эта группа, наделенная такими привилегиями, открыла «эпоху после Людовика XIV» мятежными выступлениями против властей. Принимая во внимание высокое положение их зачинщиков, эти выступления были более результативными, чем в 1675 году оказалась злосчастная и короткая крестьянская жакерия Красных колпаков. С декабря 1717 года на полуострове обозначаются некоторые аристократические «вол-

нения», которые со временем могли бы вылиться в автономистские выступления, иначе говоря, выступления за независимость (?). Они потерпели провал. Единственные, кто что-то потерял во время мятежа (против налогов), это несколько мелкопоместных дворян из аграрной Бретани во главе с Клеманом Кризогоном де Гер, маркизом де Понкаллек. Их изолировали, затем арестовали, четверо из них были казнены по указу королевской палаты⁵, которую созвал в Нанте регент Филипп Орлеанский, обычно менее жестокий (1720). Дворянская фронда, но чисто юридическая и мирная, вновь началась с 1730 года: парламент в Ренне отказался утверждать присланное из Парижа антиянсенистское законодательство. Штатам провинции, со своей стороны, не нравились новые налоги (подушная подать, налог на недвижимость в размере двадцатой доли стоимости имущества). Элита в 1759 году предприняла «налоговые забастовки», получившие поддержку «Бастиона» и парламента. Генеральный прокурор Ла Шалоте (которого, помимо этого, можно считать реакционером из-за его враждебного отношения к народному образованию) повел от имени провинции борьбу против герцога д'Эгийона, правителя Бретани. Ему удалось, после множества различных происшествий, вынудить этого важного господина покинуть свой пост. Д'Эгийон, став министром, начинает мстить с 1770 года, действуя в ущерб парламентским структурам⁶: но это первое понижение местной верхушки было недолгим. Со смертью Людовика XV штаты со своей решительной посреднической комиссией⁷ добиваются широких полномочий по вопросам контроля за ростом налогов. Интенданта оставили в стороне. Казалось, что времена абсолютизма Людовика XIV и Бешамеля де Нуантеля давно миновали. Дворяне воспользовались этим, не без некоторого эгоизма, чтобы утвердить свои привилегии в налогообложении в ущерб разночинцам и буржуазии Ренна; она же начиная с 1780-х годов отходит от второго сословия и принимает эстафету волнений.

Из крупных северных регионов, которые мы уже упомянули выше — Эльзас, Лотарингия, Фландрия, Бретань — зашла дальше всех за последние десятилетия перед революцией в своей воле и способности к протестам против центральной власти. Этот «толчок» проходил в легальных условиях, не настолько отмеченных абсолютизмом и централизмом со стороны монархии, как это утверждает Ток-

виль. Чисто лингвистические требования (касающиеся бретонского языка) составляют лишь очень скромную долю в этих выступлениях, несмотря на волну кельтомании, захватившую начиная с 1720 года провинцию в области истории, грамматики, перевода, когда язык стал объектом ностальгии и почитания. Авторы благочестивых книг в этом вопросе пошли проторенным путем, используя местный язык в религиозном образовании так, как это указал отец Монуар в предыдущем столетии.

Обстановка французской революции оказалась в итоге менее благоприятной для бретонской национальной общности, чем был прежний режим: она подрывала до сих пор бывший единым фронт местных уроженцев. Он уже дал первую трещину в 1770–1780 годы, когда между разночинцами и аристократией возникли разногласия по вопросам налогов. Начиная с 1788–1789 годов эти конфликты приобретают драматическую окраску: дворянство, так долго стоявшее во главе противостояния региональных сил централизованному государству, которое оно считало стесняющим условием, в конечном счете вытеснили и лишили этой роли — его «изгнали из рядов суверенного народа» буржуазная интеллигенция и адвокатская клика в Ренне и в других городах верхней Бретани.

Также проявился региональный парадокс. Было бы резонно предположить, что шуанство, этот хрупкий цветок контрреволюционно настроенной черни, был призван укорениться в кельтской нижней Бретани, также сосредоточенной вокруг некоторой архаической традиции, по меньшей мере, языковой (естественно, слово «архаический» берется в самом благородном его значении). Однако это прекрасное соответствие «не работает». Говорящих на кельтском языке крестьян западной Бретани сеньоры «обдирали» гораздо более жестоко, чем на востоке. За исключением Ваннетэ, в других районах они не считают себя обязанными принимать массовое участие в шуанских операциях, объективно или субъективно для них связанных с сохранением старого режима, в том числе «феодалного». Из-за их неучастия шуанская контрреволюция получила меньшее распространение в кельтской среде, которая только из-за этого обеднела и значительно уменьшилась. В этом было негативное или «минусовое» влияние на самосознание жителей полуострова.

С другой стороны, революция подорвала силы аристократии, костяка армориканского общества. Тем не менее, оно не было окончательно сломлено. Но относительное ослабление местной аристократии (ставшее неотвратимым, и одной из причин этого явилось упразднение парламента в Ренне) отныне привело к тому, что только католическая Церковь получила первую и центральную роль, практически монополию, в деле сохранения старинных идеологических и иерархических структур; эти структуры в прошлом характеризовали общественные отношения, строившиеся на почтении, уничтоженные намертво в период с 1789 по 1794 годы. Однако в таком положении Церковь желала видеть свое всеобщее превосходство над всеми кадрами, даже национальными. Из-за этого Церкви не удалось полностью принять, несмотря на добрую волю многих ректоров⁸, цели возрождения бретонского этноса, которые подрывала модернизация своим существованием и своим безостановочным продолжением. Добавим также, что именно католический священник, правда, достаточно неординарная личность, аббат Грегуар одним из первых высказал пожелание, чтобы контрреволюционные силы «говорили на языке нижней Бретани», и это было «ударом ниже пояса», неприкрытым, против кельтского языка региона. Со стороны аббата Грегуара, галликанца, то есть с французской направленностью во всех смыслах слова, в том числе и в том, что касается языка, подобная позиция не была удивительной⁹.

В XIX веке можно было заметить, как это привело к процессу некоторой потери Бретанью своих отличительных черт, но, к счастью, этот процесс так и не был завершен. На полуострове, как и в других французских регионах, можно было наблюдать экономический рост и рост численности населения, с тех пор как революционные потрясения, а за ними и потрясения наполеоновской эпохи, остались позади. Но то, что было отличительным знаком «прибрежной»¹⁰ Арморики, ее прошлые достижения в колониальной торговле и торговле с далекими странами, несколько снизились. Грубое или постепенное уничтожение рабства на Антильских островах негативно сказалось на процветании Нанта, которое в XVIII веке было основано на малопривлекательном бизнесе торговцев человеческой плотью. Многие гавани в то время окончательно остановили свою деятельность. Но помимо этого на южном и

западном берегах полуострова, в Лорьяне, Бресте и особенно в Сен-Назере, новом быстро растущем городе, развивается достаточно интенсивно система больших портов. А также активное присутствие там военного флота (но справедливости ради заметим, что речь идет о государственном флоте, поскольку он военный: как бы много бретонских моряков и офицеров там ни служили, они исполняли там свои обязанности в качестве инструментов той власти, чьи полномочия выходили за пределы региона). Тем не менее в других областях, одновременно неосязаемых, но крайне важных, утверждается неумолимое осознание существования «вне Парижа»: Шатобриан, Ламеннэ и Ренан открыли широкой публике отличительные черты той земли, где они родились ... и которую поспешили покинуть. Эрсар де Ла Вильмарке воскресил, иногда в достаточно импрессионистической манере, старинные кельтские эпические произведения и речитативы, сохранившиеся до того времени в устной традиции в одном из департаментов на континенте.

Период с 1880-х годов до 1930-х ознаменовался максимальным ростом численности населения, в 1911 году насчитывалось примерно 100 человек на квадратный километр. Это был скачок в увеличении численности населения, естественно вызванный тем, что рождаемость оставалась высокой, но, однако, он несколько ослаблялся тем, что замуж выходили поздно, а также эмиграцией во французскую столицу или в Нью-Йорк. К сожалению, к этому добавился некоторый рост алкоголизма и особенно потери бретонцев на войне 1914 года, составившие 150 000 человек¹¹. Как часто бывало с эпохи Средневековья, несмотря на некоторые промежуточные периоды упадка, океан играл свою роль: различные виды деятельности, связанные с морем (а конкретно, в частности, корабельные верфи на суше в Сен-Назер и консервные заводы, где готовили сардины, находившиеся под контролем нантского капитала), еще в 1919 году давали работу 65 000 морякам всех профессий. И на граните, в принципе бесплодном, захватившем панцирем эту территорию, развилось сельское хозяйство, бывшее в ряду самых развитых в республике!

В политических вопросах местные жители были больше склонны к умеренности, не считая нескольких «красных пятен» в избирательной географии региона. Но религиозный консерватизм несколько не мешал проявлениям

некоторого новаторского духа, который, в зависимости от обстоятельств, касался технологий или прессы. В этом отношении Бретань была ничуть не хуже Фландрии. Аббат Мансель, соперничая с аристократией, дал толчок развитию сельскохозяйственного синдикализма. Аббат Феликс Трошю основал «Уэст Эклер» («Западная Молния»), которая впоследствии, под именем «Уэст-Франс» («Запад Франции»), стала одной из крупнейших французских газет. До 1789 года бретонская элита занималась регионализмом, сама того не подозревая, как г-н Журден говорил прозой. Этот регионализм оправился наконец от ран, которые нанесла ему долгая Французская революция (1789–1880), разрушавшая автономии в провинциях. В период с 1898 по 1914 годы в эфемерных, но показательных формах, рождаются союз, потом федерация бретонских регионалистов, колледж друидов и бардов, ассоциация «Брюйер блё» («Голубой вереск») и даже Бретонская национальная партия.

Поскольку в конце XIX или в начале XX века в этническом и лингвистическом смысле существовало две или три Бретани — та, в которой говорили на галло и на французском языке, на востоке; и та, где говорили по-бретонски (и по-французски), к западу от линии, соединяющей Ванн и Плуа (место, расположенное на полпути, по оси восток-запад, между Сен-Бриёк и Трегье); удобно использовать названия старинных епископатов, чтобы разграничить эти две области: то есть диоцезы Кимпер, Трегье, Ванн и Сен-Поль-де-Леон были *бретонскими*, а с другой стороны, епархии Ренн, Дол, Сен-Мало, Сен-Бриёк и Нант (последний служил яблоком раздора) относились к области *галло*. Лингвистическое пространство собственно бретонского языка подразделяется, или подразделялось, на две диалектные зоны — КЛТ (семантическое пространство Корнуолл-Леон-Трегор) и Ваннетэ (область Ванн), расположенную в южных областях центральной части полуострова.

*

Обновление ... и традиция: из этого родился (в противовес, конечно!) в эпоху модерна такой неоспоримо бретонский персонаж, по меньшей мере, сначала, как Бекассин. Официально ее следов практически не видно в современной Бретани, даже если и осталась маленькая доля нежности к ней хотя бы в самых огрубевших сердцах ирреденти-

стов с полуострова. Однако стоит упомянуть здесь об этой героине, хотя бы в целях поношения, поскольку она во Франции представляется как один из самых негативных образов Бретани для многих.

В основе своей, в любом случае, в принципе, Бекассин — бретонка, говорящая по-бретонски, и даже гордится этим. Между Аркотом и Армором, внутренними областями Бретани и побережьем, она сделала свой выбор — героиня предпочла Аркот Армору. Изначально она была мелкой фермершей, и ее больше интересовали цены на свинину и картофель¹², чем рыбные рынки в Конкарно или консервные заводы по производству сардин в окрестностях Нанта. Эта молодая армориканка изначально говорила на кельтском языке. Но в начальной школе получила свои знания по французскому языку (этим они и ограничились), и обладая таким двойным багажом, она охотно проповедовала свою принадлежность к бретонцам, которая выражалась (?) во многих атрибутах: Бекассин носила чепец с кружевными воланами по бокам или без них и у нее был клетчатый платок, превращавшийся в дорожный узелок, и этот облик довершался громадным красным зонтиком, доставшимся ей в наследство от бабушки.

Бекассин не имела больших способностей к флирту, *a fortiori** к браку, и еще менее была способна на свободный союз (католицизм полуострова обязывает). Вместо этого она прекрасно приспособлена к семейной жизни и уходу за младенцами. Какой бы она ни была «кормилицей без молока», поскольку решительно была обречена остаться девственницей, но родившейся в стране, где хорошая рождаемость, ее переполняла нежность к малышам, и она питала самую нежную привязанность к своим двоюродным братьям и сестрам. В политическом плане ее нелестное мнение об арабах, коммунистах и профсоюзах говорит о том, что, о ужас, она принадлежала правым, не решаясь сказать, что к монархистам. Она была служанкой у одной маркизы, как и множество ее соотечественниц, попавших в изгнание в Париж, однако, по прошествии долгого времени стала летчицей, автомобилисткой, туристом в Америке и даже участницей Соппротивления во время Второй мировой войны. Она проявляла, больше чем это можно было предположить, свидетельств активных качеств бретонской «поро-

* Тем более (лат.).

ды», или этноса. Из этого можно заключить, что она не была такой невежественной, достойной таких уничижительных отзывов, какие о ней высказывали, и о ее родине тоже, и поэтому на территории между Ренном и Брестом, Сен-Бриёком и Лорьяном она до сих пор сохранила некоторую популярность. Но ее слава, идущая из очага, сконцентрированного на кельтской традиции, даже будучи карикатурной, так практически и не преодолела языковых границ французского языка. Бекассин не удалось приобрести мировой масштаб Астерикса или Тентена. Возможно, это произошло из-за слишком узких границ ее родной области, какими бы значительными ни были ее этнос, духовность, культура...

*

После Первой мировой войны, повлекшей за собой огромное количество жертв, но не больше и не меньше, чем в других аграрных регионах Франции, не говоря уже о наших парижских и других высших учебных заведениях, в которых ряды слушателей также заметно поредели, так вот, после 1914–18 годов наступили «славные одиннадцать лет» (одиннадцать лет экономического процветания — 1919–1929), в которые оживились и восстановились различные воинствующие организации, как профсоюзные, так и региональные, имевшие часто религиозные и правые истоки. Эти воинствующие организации, в случае с регионалистской направленностью, были в той же мере активны и в других районах национальной периферии. Бретань в этом отношении не была исключением. Возьмемся сначала, в любом случае, за синдикализм, крестьянский, в том, что касается этого аспекта жизни в Арморике. На самом деле, полуостров, в сравнении с Францией целиком, — одна из избирательных территорий корпоративных сельскохозяйственных движений. До 1914 года они находились в зачаточном состоянии, в период между двумя мировыми войнами они уже обладали достаточной силой, в последние полвека они выступали активными и воинствующими, вплоть до 2000 года ...и далее. Главным лидером¹³ этих организаций в бретонском масштабе начиная с 1920-х годов выступает Эрве Бюд де Гебриан. Очень богатый землевладелец, этот герой — выходец из «лучшей части дворянства» Бретани. И его семья связана родственными узами с французской аристократией. Его

необыкновенно высокое происхождение ни в коем случае не обозначает, что между этим «сеньором» и крестьянами Финистера существует непреодолимая социальная пропасть или что никакой диалог между ними невозможен. Как раз наоборот! В стране, остающейся католической и иногда почти феодальной, связи, основанные на покровительстве, облегчают контакты, кажущиеся на первый взгляд панибратскими, а на самом деле построенные на иерархии, между крупными дворянскими родами и крестьянами — главами семейств и хозяевами своих угодий. Инициатива этих контактов часто исходит сверху. А принимают их и соглашались снизу. Достаточно желать их и поставить на службу таким целям, как защита социального христианства, унаследованного за пределами Бретани от Лакордера и отчасти Монталамбера, через Сийон и Марка Санниера. Тот факт, что Гебриан говорил по-бретонски, представлял собой дополнительное значительное преимущество. Это не значило, что «кельтская принадлежность» богатого землевладельца дошла бы до того, чтобы он отдал свою дочь в жены молодому крестьянину. Некоторые социальные ограничения все же оставались на месте. Гебриан был «святым» в миру, могущественной и щедрой личностью, но, однако, он был далек от образца для подражания: в его языке, при удобном случае, хватало резкости. Он выступал великодушным и достаточно щедрым покровителем своих профсоюзов и занимался сельским хозяйством при помощи денег, а не делал деньги на сельском хозяйстве. Он был талантливым организатором и активным борцом — поскольку перед нами именно активный борец — и ему без особых усилий удалось примирить в себе исконный консерватизм крупного землевладельца дворянского происхождения и требования, которые выдвигало развитие крестьянского населения, за стимулирование которого он взялся. Он сразу же решил, что продвижение крестьянства должно осуществляться на провинциальном (в лучшем смысле этого слова) и национальном масштабе, и он отдал предпочтение некоторого рода синтезу. Отказавшись от всякого экстремизма, поскольку этот благородный лидер аграрных сил, изначально говоривший на бретонском языке, ни в коем случае не был бретонским националистом и даже не принадлежал армориканским автономистам. Ему свойственны корпоративный регионализм (не политический) и патриотизм по отношению к Франции.

Очень интересным для понимания аграрной борьбы (в Бретани) с 1920–1930-х годов становится рассмотрение противостояния Гебриана и Манселя. Аббат Мансель, также «родом с полуострова», тоже к 1920-м годам собирает в Федерации западных крестьянских профсоюзов «земледельцев-хлеборобов» своей родной Бретани, другими словами, владельцев обрабатываемых угодий, собственно исконно бретонских крестьян: таким образом, священник отказывается от «классового сотрудничества» между арендодателями (собственниками земли, часто «голубых кровей») и нанимателями (фермерами). И напротив, именно за такую кооперацию ратует, в частности, в Финистере, Эрве Бюд де Гебриан. В начале аббат Мансель одержал несколько побед. Его «Федерации» удалось даже взять верх на некоторое время над организацией «Герцогов», как называли аристократов-агров из Финистера, сторонников Гебриана. Но аббат, пользуясь поддержкой своих сторонников и христианских демократов, имел в числе своих противников «Аксьон франсез» и высшее духовенство: «Не доверяйте этим крестьянским лигам (аббата Манселя), — коротко заявил в то время преподаватель Шаро, кардинал-епископ Ренна, превосходящий по иерархии аббата. — Раз они не могут ужалить ваши профсоюзы (крестьянские), они стремятся оплестись вокруг них змеиными извивами. Единственное, что поддерживает Церковь, — это доктрина Иисуса Христа, которая рекомендует союз между классами¹⁴». На самом деле перед лицом Гебриана Мансель не имел достаточного веса. Возможно, это результат первой волны антиклерикальной политики? Замок, как это ни необычно, стал преобладать над домом священника. Это из-за того, что служба «Ландерно», основанная незадолго до четырнадцатого года, вдохновляемая Гебрианом (это департаментская служба Финистера по сельскохозяйственным кооперативным движениям и профсоюзам), работает с рационализмом, присущим крупному экономическому организму: она продает сортовые семена и зерно, сельскохозяйственную технику производителям, покупает оптом и перепродает в розницу удобрения ... Эстафету «Ландерно» приняли, уже вне рамок местного дворянства, активисты молодежного аграрно-христианского движения, исконные крестьяне, такие как Марсель Леон и Алексис Гурвеннек: с 1950-х годов в их руках сосредоточилась власть в службе Ландерно. Они были то организаторами жестких манифестаций, то «королями ар-

тишоков», и, сумев управлять путями сбыта своих основных продуктов, начиная со времени правления Помпиду, они удачно сумели вновь выплачивать крестьянам-производителям часть чистой прибыли, до того времени уходившую в руки торговых посредников.

*

Можно ли говорить о бретонских крестьянах наших дней и даже предыдущих эпох (первая служба «Ландерно» была в эпоху модерна), упоминая лишь об их синдикализме, насколько бы он ни был горячим? В общем, речь идет только о «надстроечной структуре» со всеми свойственными таким структурам достоинствами и недостатками. Для любителей нижеследующих структур монография несколько не потеряла своей привлекательности, а деревня — своего блеска. Плозеве Эдгара Морена и Андре Бюргера, в бухте Одьерн и по всей Бретани, где носили бигудены¹, остается с этой точки зрения вынужденным пунктом высадки, которому следует бросить якорь в исконной Бретани, как аграрной, так и постаграрной. Плозеве — это прежде всего демография: около 1800–1820 годов в этой местности «возрастная пирамида» была небольшой на вершине и просторной у основания: было огромное количество молодежи и малое число стариков. Спустя полтора века эти пропорции изменились с точностью до наоборот. Конечно, сыграли свою роль военные потери Первой мировой войны. Но последовавшие за всемирной катастрофой десятилетия также не принесли улучшения: эмиграция, падение рождаемости, старение населения. В 1975 году Плозеве был городом стариков.

Однако в XIX веке демографический взрыв доброго старого времени привел к делению территории по фламандскому, если не китайскому, образцу. Поля делились между людьми до предела. И на этих кусочках земли, небольших по протяженности, влачили свое существование местные фермеры, называемые «доманье» (владельцы наделов). И не всегда их жизнь была праздником. Сыновья иногда оказывались беднее отцов, из-за все того же деления земельного угодья при получении наследства, что лишь отчасти компенсировалось благодаря росту, медленно идущему в течение веков, доходности сельского хозяйства.

¹ Чепцы, которые носили женщины (*прим. пер.*).

В XX веке ситуация кардинально меняется. Население становится более плотным, а деятельность — более разнообразной. Собирают морские водоросли, ловят лангуст, производят бруски соды. В мастерских, в топках, в садах и на заводах начинают производить кружево, выращивать зеленый горошек, готовить макрель в белом вине. Развитие системы бакалейных лавок с баром и продажей газет (которой позже составило конкуренцию телевидение) символизировали их обогащение или хотя бы снижение уровня общей бедности. Происходило всеобщее приобщение к культуре, а в некоторых случаях и к алкоголю: «Уэст-Франс» и кофе с алкоголем захватывают местность. Во всем этом проявляется повышение уровня жизни. Даже в неимущих семьях наблюдаются постепенные изменения к лучшему. Они касались той бедности, как ее понимали раньше. Например, находившиеся на самом низу социальной лестницы Плозеве три неженатых брата в 1930-е годы имели в своем жилище пол из утрамбованной земли и спали на кроватях с соломенными матрасами. Однако эти братья в 1935 году купили себе велосипед, в 1947 году — картофелекопалку, в 1950 году — газовую плитку. Смехотворные «новшества», подумаете вы... но в 1950-е, а особенно в 1960-е годы современный комфорт (вода из раковины, бытовая техника) осуществляет свое триумфальное восхождение в городах, а затем в деревнях, где любят модернизацию... стратегия выживания несколько стирается перед стратегией комфорта¹⁵ ...

Плозеве — это также конфликт между красными и белыми. Если говорить о земледельцах, то мы имеем в наличии антагонизм или, по меньшей мере, контраст между *красными, мелкими и старыми* с одной стороны и *белыми, крупными и молодыми* с другой: обновление сельского хозяйства на местах проводилось, на самом деле, молодыми земледельцами, католиками и прежде принадлежавшими к правым силам, и именно они управляли наиболее крупными земельными наделами, в то время как мелкие земледельцы «из левых» долгое время оставались в состоянии технической отсталости, которая, ко всему прочему, прикрывалась прекрасными секретами ремесла и традиционной ловкостью. В общем и целом, со времен Французской революции Плозеве был островком красных республиканцев в Бретани, долгое время остававшейся «белой» и роялистской. Откуда идет эта тяга к «красным»? Что это, ошибка Церкви? Именно об

этом и заявляли. Утверждали, что при старом режиме она обирала жителей Плозеве до нитки, налагая на них непосильную десятину. Возможно, отсюда и пошло сто лет спустя народное недовольство? Стоит, однако, напомнить, что в Англии десятина сохранилась до XX века, но в этой стране не наблюдается ничего похожего, или совсем немного... И к тому же до 1789 года Плозеве был независимым и населенным преступниками. Город не подчинялся никакому сеньору. Не было местной сеньории! Местное население, таким образом, давным-давно (?) уже вступало в конфликты с духовенством, которое в своих ответных действиях в период с 1814 по 1914 годы показало себя невероятно неуклюжим. Время от времени епископ лишал жителей Плозеве, этих «безбожников», местного священника, таинств и даже рождественской мессы. Этим он думал их «обуздать»... Естественно, все это производило эффект бумеранга. Но, вероятно, убедительным объяснением, столь дорогим для Андре Бургера, послужит то, что династия именитых граждан «красной» направленности, Ле Бай, учредила в городе светскую школу, дающую образование от начального до высшего. Примерно до 1920 годов они сделали свое дело в пользу левых сил. Одновременно они стали собственниками значительных земельных угодий. Они оторвали жителей Плозеве от того, что у них еще оставалось от «обскурантизма».

Что касается крестьян, то они на некоторое время пробудились от сна, благодаря смелой инициативе, также профсоюзной, исходившей от борцов Христианской сельскохозяйственной молодежи. Но борцы устали, и крестьяне исчезли, за исключением самых богатых и крупных производителей. Такое «исчезновение» отсылает нас от аграрной истории (Арморики) к общей истории (Бретани). Понемногу образование направляет умы Плозеве в сторону парижского чиновничества. Раньше коммуна производила зеленый горошек, теперь она начинает выпускать преподавателей лицеев. Бывшие плантации клубники застраиваются загородными домами и особняками в деревенском стиле. Это «мир загородных домов», как сказал Эдгар Морен, Гарж-ле-Гонесс на океанском побережье. На этом берегу с глубокими заливами бетон вытеснил хлорофилл. В подтексте этих глубоких продуктивных изменений продолжает негласно существовать конфликт между «красными» и «белыми» — их борьба приняла более мягкие формы, но

все равно оставалась на месте. Она окрашивала жизнь в Плозеве в свои осенние оттенки.

*

Продолжала существовать языковая проблема, даже этническая, а для некоторых и национальная. Поскольку коммуны Плозеве немало досталось от светского образования и *масс-медиа*. Это была шоковая терапия: коммуна безболезненно, но не без ущерба для себя, рассталась с использованием бретонского языка, который искореняли учителя начальной школы (сами бретонцы), а с течением времени и телевидение¹⁶. Вот что нас привело, на самом деле, к тому, чтобы отступить от сельской истории в сторону общей истории провинции, поскольку она претерпела значительные потрясения в ходе трагического XX века из-за проблем, связанных с языком и региональным самосознанием, как кельтским, так и общим для всего полуострова. Начиная с 1920-х годов, на заре «славного одиннадцатилетия» факел национальной традиции, возможно, искусственно созданный от начала до конца (это было знаменитое «изобретение традиции»), перешел из рук аристократов-петиционеров, таких как маркиз д'Эстурбейон, в руки румяных простолюдинов вроде Дебове и Мордреля: они создали в 1927 году Бретонскую автономистскую партию. Очевидной была хронологическая связь с первым выступлением аббата Гантуа около Дюнкерка. Отметим, что в этот период с конца 1920-х годов основатели этой новой армориканской партии в некотором роде двигались против течения, и никто не ставил им это в упрек: поскольку начиная с 1928 года бретонская католическая Церковь, по просьбам родителей, уже постепенно расширяла преподавание катехизиса на французском языке. Этот процесс окончательно завершился тем, что Церковь отказалась от использования бретонского языка для своих нужд в 1950-е годы, то есть тогда, когда все дети, получившие свое религиозное образование на французском языке, достигли взрослого состояния¹⁷.

Как и во Фландрии, как и в Эльзасе, возвышение, а затем и апогей нацизма воздвигли перед ослепленными народами жестокую обольстительную приманку, ловушку для простаков, и многие бойцы оказались ее жертвами, сообщниками и убийцами, получившими навсегда клеймо на теле и душах. Не будем углубляться в этом кратком обзоре

в сложную расстановку сил и в биографические подробности. Ян Фуэре, затем Дебове, Мордрель, еще несколько человек в течение двенадцати лет, с 1932 по 1944 годы, старались оживить то, что некоторые определяли как «движение—подъем—освобождение» (EMSAV) бретонских народов, которые в большинстве своем ничего об этом не знали. Говоря о той деятельности, порой бестолковой, которую в то время развернули эти люди, ограничимся тем, что приведем суровое суждение, возможно, слишком резкое, одного историка, знакомого с архивными материалами, и которого никто серьезно не упрекал на этот счет:

Нужно продолжать утверждать, как это делают с 1944 года некоторые представители прессы, что движение на полуострове (если рассматривать часть его воинствующего авангарда) направило свои надежды в сторону Европы, перекроенной немцами, несмотря на то, что народные массы выражали по отношению к нему самое резкое неприятие. Антинацистская позиция подавляющего большинства бретонцев слишком известна, чтобы на этом настаивать; это еще больше подчеркивает нелепость той политики, которой следовало EMSAV¹⁸.

Мы позволили себе несколько смягчить не подлежащую обжалованию формулировку, из уважения к заблуждавшимся борцам, которую предложил в своем тексте и в свое время Мишель Дени.

На практике «националистическое армориканское» движение начиная с 1930-х годов в своей деятельности сочетало терроризм «в гомеопатических дозах» и на детском уровне (разрушение с помощью бомб профранцузских памятников, в частности, относившихся к герцогине Анне) с пропагандой, охотно воспринимающей темы, занесенные расистскими, фашистскими и национал-социалистическими течениями. Более разумный пример Ирландии оставался для них основным источником вдохновения. В период с 1940 по 1944 годы немецкие оккупанты то поддерживали, то смещали некоторых бретонских активистов, которые время от времени предлагали им свои услуги в иллюзорной надежде добиться своих собственных целей. Чистка 1944 года, в частности в ее одиозной форме массовых казней, сильно ударила, хоть и рикошетом, по высшим и низшим деятелям EMSAV, сплошь и рядом расстреливаемых как коллаборационисты или как «бретонские националисты».

Что касается деталей... которые, несомненно, крайне важны, историки Бретани (и других областей) в своих недавних публикациях дают более подробное освещение этого периода, который как в регионе, так и вообще, был мрачным временем. Их вклад в изучение вопроса открывает менее однозначный подход, чем точка зрения профессора Мишеля Дени, остающаяся уместной, но поданная без прикрас. В связи с этим упомянем вместе с Ивом Жезекелем, преподавателем в лицее Ланньон, личность Яна Фуэре, супрефекта Морле в 1940 году: он почти не верил в независимость бретонского государства, но в крайне популярных изданиях, где он сотрудничал («Бретань», 1941 год, затем «Депеша Бреста», контроль над которой он взял в свои руки в 1942 году), он всюду размахивал знаменем сепаратизма, возможно, просто для того, чтобы «поиграть на нервах» у правительства Виши¹⁹. Гораздо более заметной фигурой был Оливье Мордрель, который вместе с Дебове был одним из основателей Бретонской национальной партии. В 1940 году он написал поразительное стихотворение в честь шести немецких безымянных солдат, погибших в день июньского солнцестояния за освобождение Бретани (!).

После них мы подняли голову

После них упали наши цепи.

Виши, да и сами немцы тоже, считали, «однако», Мордрея чересчур беспокойным, вплоть до того, что ему было предписано жить на востоке Франции, даже в Германии. В 1946 году он был заочно приговорен к смерти, но в 1971 году его дело было прекращено за сроком давности. Более значительной фигурой, хотя и менее известной, был Селестен Лене: химик, исполнитель террористических актов в 1932 году, он во время немецкой оккупации, в частности, с 1943 года, искал полного сотрудничества с немцами, включая сотрудничество в военной области, естественно, ограниченное. В конечном итоге он бежал в Германию, затем в Ирландию²⁰. В тени Селестена Лене, также стоит упомянуть о такой на протяжении долгого периода представлявшей интерес, но также попавшей под власть несчастного заблуждения личности, как Франсуа Дебове. Он был достаточно иллюзорным председателем одного из бретонских национальных советов и еще в 1943 году говорил о своей «кельто-германской вере в победу немцев». Преждевременная смерть (в марте 1944 года) спасла его от ужасов

чистки, и были бы они заслуженными в его случае, принимая во внимание его небольшую долю участия в политической деятельности в те роковые годы?

Эти люди, такие разные, развивались вокруг, даже на периферии, «Бретонской национальной партии»: на самом деле эта партия много раз умеряла свои претензии под руководством Раймона Делапорта, борца прежде всего католической направленности и поэтому враждебно настроенного по отношению к экстремистским или неоязыческим тезисам какого-нибудь Мордреля. Старое разделение в стане «ультраправых», которое в наши дни снова проявляется, но уже в других обстоятельствах. Убийство (абсолютно неоправданное) в декабре 1943 года приходского священника, или кюре, Перро, который в 1905 году явился основателем «Bleung-Brug» («Цветок вереска»), послужило предлогом для создания гораздо более опасной «Belen Perrot» («Формирование Перро»), ожесточенно выступавшей против партизан начиная с марта 1944 года²¹.

*

Стоит, конечно, частично опровергнуть суждения о вышеупомянутых организациях: мы говорили уже о «Бретонской национальной партии», о которой, или о том, во что она превратилась во время немецкой оккупации, Ламбер и Ле Марек²² в очень спорной, но иногда полезной своей работе используют формулировки, время от времени, по меньшей мере, странные; говоря о не удавшемся, даже провалившемся, провозглашении Бретонской республики в июле 1940 года, они пишут, и глазом не моргнув, что «упущенная раз возможность больше не представилась» (*sic*), и еще «после Монтуара (октябрь 1940 года) Гитлер разыграл французскую, но уже не бретонскую карту», и опять, «после разрушенных надежд 1940 года, они вновь засияли в 1942 году (!)». Вслед за Бретонской национальной партией отметим также «*Багаду Штурм*» (боевые группы БНП), один из лидеров которых, Ян Гуле, талантливый скульптор, впоследствии был заочно приговорен к смерти после войны и закончил свою карьеру в Ирландии; также Бретонское национальное рабочее движение, преждевременное «отклонение» от БНП: оно проявило себя в 1941 году; один из его лидеров, Теофиль Жёссе, впоследствии, в июле 1944 года, присоединился к силам милиции и был заключен в тюрьму

после оккупации, где пробыл до начала 1950-х годов; существоваа также «Брезона», мертворожденная организация, которая объявляла себя бретонским ответвлением национал-социалистической партии южной Арморики и департамента Атлантическая Луара; и еще несколько...

*

В итоге именно начиная с этого жестокого периода, главным образом, берут свое начало попытки, пока еще очень скромные, введения факультативного преподавания бретонского языка (арестованный в 1941 году Каркопино), а также «восстановление» кафедры (университетской) истории Бретани в Ренне, на законных основаниях доверенной Б. Поке из О-Жюссе. Также стоит сказать в дополнение к этому об очень важном вкладе бретонков и бретонцев, или по рождению не бретонцев, в дело французского Сопротивления (только в Морбиане движение Сопротивления потеряло 2 200 человек летом 1944 года, когда американская армия и бойцы французского Сопротивления, по-братски объединившись, вместе освобождали полуостров (Ботерф, стр. 510–511); в 1940–1942 годы некий «Иларион», будущий адмирал Филиппон, от самого Бреста выслеживал немецкие военные корабли, тем самым подвергая себя смертельному риску²³). Но, к сожалению, это не относится к сюжету этой работы, узко региональной, даже ограничивающейся рамками региона, даже притом что этот вклад в дело Сопротивления, на самом деле, уравновешивает в достаточной мере те противоположные тенденции, о которых мы говорили выше. Что касается масштабов чистки, то, если верить Олье Мордрелю (но стоит ли полагаться на приведенные им цифры?), в результате ее погибло около сорока человек (?) в рядах бретонского автономистского и националистического движения, и из них примерно четверть получили законный смертный приговор, а остальные были расстреляны без суда и следствия (?).

Естественно, все это оставило в Бретани болезненный след... и даже докатилось до Ирландии, где по преимуществу искали убежища выжившие из злосчастной EMSAV, встречавшие по отношению к себе наихудшее обращение, какое только могло быть. Они сами этого добивались, можно сказать²⁴... Возможно... Однако раны не зажили, и шрамы все еще оставались видны... Каких дел в конечном итоге

натворили бретонские националисты, на четыре года избравшие своей эмблемой свастику. Но и те, кто проводил чистку, были немногим лучше: многие из тех, кого казнили или кто бежал в Ирландию, были во многих отношениях одаренными людьми и могли бы, в другой ситуации, после коротких и неминуемых бесплодных блужданий, сделать хорошую карьеру или, по меньшей мере, совершить полезные дела для своей провинции. История распорядилась иначе..., и историография последующего периода сама (будь то научная точка зрения или так называемая спонтанная, просто исходящая от известных образованных людей) остается неоднозначной в своих мнениях: в наше время один из крупных руководителей французского телеканала, сам бретонского происхождения, считает армориканских националистов сороковых годов с конкретной прогерманской направленностью всего лишь «заблуждавшимися бой-скаутами». Напротив, Паскаль Ори, известный историк коллаборационистского движения²⁵, относит свое недвусмысленное суждение к Раймону Деллапорту, считающемуся более умеренным, но ставшему лидером бретонского движения в последние года правительства Виши: Паскаль Ори считает, что «нет никакого сомнения в коллаборационистских устремлениях Деллапорта, и еще более ясно они проявляются в период серьезных порывов Мордреля, и, несомненно, в наилучшем согласии с властями оккупантов». И еще Паскаль Ори, безжалостный, но всегда хорошо информированный, продолжает рассказывать, что в 1924 году на полуострове некоторые носили кельтские кресты, похожие на свастику (на самом деле, это была древняя кельтская эмблема, и те, кто ее носили в Бретани, нисколько не воспринимали себя в качестве нацистов). И Ори делает вывод, продолжая в том же духе и упоминая еще и о «легионе Перро»²⁶, который в глазах оккупантов был не чем иным, как «очень второстепенным бретонским боевым отрядом СС», в чьи задачи входила «очистка» Бретани от партизан «рука об руку с милицией, парашютистами СС и другими германо-бретонскими группами с неприглядной репутацией»: группой Виссо де Кётлогон или Коммандо Ландерно (апрель 1944 года). «Дело в том, что эти вспомогательные войска, чьи бойцы набирались на местах, сражались под бретонским знаменем ...XV века, и иногда их бойцы вербовались из числа бывших учеников духовного училища Плёрмеля». Но этот факт, или эти два

факта, несколько в глазах такого беспощадного обвинителя, каким был Паскаль Ори, не являются смягчающим обстоятельством²⁷. Можно ли и следует ли его за это считать полностью неправым? Скажем так, что, в любом случае, эти неприятности еще не закончились и что злосчастные истории о сотрудничестве между оккупантами и националистами с полуострова еще оставляют после себя волнение и вновь всплывают на поверхность — даже после стольких лет. По информации, полученной из газеты «Еврейская трибуна» (номер за май-июнь 2000 года), Генеральный совет Финистера, после своего недавнего заседания, направил просьбу к «Диван», законной и очень уважаемой организации, обучающей тысячи людей бретонскому языку. Генеральный совет высказал пожелание, чтобы «Диван» переименовал одно из своих учебных заведений, находящееся на окраине Бреста, — колледж Ропарз-Эмон: это имя прекрасного писателя, но о его «сотрудничестве с нацистским режимом» (я цитирую «Трибуну») со всей очевидностью говорили в университетских кругах, вплоть до того, что об этом недавно упоминали в прессе. Решение о выдвижении такой просьбы, было, вероятнее всего, единодушным; оно созрело еще до весны 2000 года, но эта острая проблема вновь выплыла на поверхность после террористического акта, повлекшего за собой человеческие жертвы (против ресторана Макдоналдс в Кевере²⁸), который приписали сторонникам движения за независимость. В исследованиях, которые провел историк Ронан Кальвез, автор диссертации об Эмоне, показано, что он получал жалование за службу германской пропаганде начиная с 1941 года. Возможно, гораздо более интересными, чем эти действия Совета Финистера *ad hominem* и *post mortem*²⁹, что-то вроде извлечения старых трупов из земли, могут послужить размышления, также запоздалые, бывших борцов, таким образом морально уничтоженных начиная с 1944–1945 годов.

Я подразумеваю, в частности, прекрасную работу, которую опубликовал Пьер Ригуло и где речь идет о «второй жизни» Олье Мордреля после его окончательного падения в 1944–1945 годы, во время освобождения территории Бретани. Сначала это было его неминуемое бегство в восточ-

* Применительно к человеку (лат.).

** Посмертно (лат.).

ном направлении. В августе 1944 года (Ренн был освобожден 4 августа) Мордрель находился на прирейнской территории, где его семья присутствовала на параде «гитлер-югенд». Он переехал в Баден, затем в окрестности Сигмарингена, здесь он снова наладил контакты с крошечной частью уже не бретонцев, а французов, которые были коллаборационистами, сторонниками Виши и тоже оказались в изгнании. Это бегство в Германию повторилось второй раз, поскольку в 1939–1940 годы этот бретонский борец уже жил по другую сторону Рейна во время тогдашней странной войны²⁹. Во время нового пребывания в Германии в 1945 году, когда он «прославил» своим присутствием Сигмаринген, Мордрель даже подписал протокол соглашения, достаточно смехотворный, с Жаком Дорио на берегах озера Констанс, а впоследствии он был в числе присутствовавших вскоре после этого на похоронах этого самого Дорио, погибшего насильственной смертью. В апреле 1945 года Мордрель был в Италии, сначала он обосновался в Тироле в южных Альпах, затем в Милане и Риме. После этого он оказался в Аргентине (июнь 1948 года). Одному из сыновей Мордреля крайне не нравилось то, что они обосновались в Южной Америке; он хотел остановить отца и при этом чтит память деда (отца Олье), который был не кем иным, как французским генералом Жильбером Мордрелем, гордым и старым французским военачальником, чьи потомки оказались непредвиденно ... настроенными против Франции. Олье Мордрель, со своей стороны, предпочел бы жить в Ирландии, но там уже находился его главный соперник Селестен Лене. В ирландском болоте не хватало места для этих двух крокодилов одновременно. В 1971 году французское правосудие помиловало Мордреля, и он вернулся в Арморику, где его более или менее хорошо приняли. Чтобы обеспечить себе средства к существованию, наш герой стал торговать блинами. Бретонцы, оставаясь автономистами, однако, смотрели на него свысока из-за его неприглядного прошлого. Чтобы восстановить свою активную жизнь, Мордрелю пришлось сблизиться с GRECE, Клубом французских интеллектуалов ультраправой направленности, конечно, более общезападным, чем кельтоцентрическим. Второй сын Мордреля отныне видит в старом Олье, претерпевшем столько несчастий, человека, ставшего здравомыслящим и умеренным; Олье воспринял

в качестве своего девиза высказывание бывшего бойца LVF, которого в «Горе и жалости» спрашивают, как вести себя после Второй мировой войны: «Я посоветую осторожность...». Осмелимся сказать: семья Мордрель не стала в некотором роде персонажами из романа, будь то даже дешевый черный роман, или фильма категории «В»; они требуют некоторой литературной обработки³⁰, смягченной сочувствием, прежде всего, и это будет лучше, чем безжалостный приговор или неизбежные проклятия в их адрес.

*

Как бы то ни было, но все эти сведения счетов, из которых далеко не все проходили на литературном уровне, породили у бывших участников военных событий целую серию болезненных воспоминаний. При IV и V Республике силы борцов за «бретонское дело» пополнялись долгое время только за счет CELIB³¹, организации, которая больше всего интересовалась производительностью региона: это формирование оказывало сильное влияние на экономическую экспансию в Бретани и в других регионах в течение четверти века до де Голля, во времена де Голля и Помпиду. «Обжегшийся на молоке дует на воду»: CELIB запретил себе любые выпады в пользу независимости Бретани, какими бы мало обозначенными они ни были. Однако, заявили о себе другие организации, включавшие в себя меньшинство, как, например, БДС (Бретонский демократический союз): он пошел легальным путем для утверждения автономистских позиций. FLB, шумная группка, — не более чем бледная, но производящая вокруг себя много шума, подделка под ИРА в Северной Ирландии — еще один бастион кельтской ностальгии. Дух шестьдесят восьмого года моментально пробудил на несколько пятилетий активные тенденции. К тому времени уже завершился тот переход, который привел бретонское движение от правого клерикального и монархического в стан левых, и даже ультралевых, где оно находится в наши дни. Этот переход привлекает здесь и там горстку тех, кто поддерживает местный национализм в сочетании с крайним радикализмом. В массе своей бретонцы, напротив, долгое время голосовали за «правых», несмотря на то, что значительные «сектора» социалистов выделились, в частности, с 1981 года, в Ренне, Бресте и других местах. В культурном отношении³² «бре-

тонское дело» остается актуальным, в частности, благодаря замечательной исторической школе, которую украшают имена Жана Мейера, Алена Круа, Франсуа Лебрена.

И что сказать о 2000 годе, вездесущем, как всегда...: БДС, представители автономистов, которые не признают терроризм, насчитывают 400 «настоящих» бойцов, и им удастся «взять» примерно 4% голосов; БДС также поддерживает контакты с Коммунистической партией и Социалистической партией во время предвыборных периодов. После официального коммюнике Матиньона (20 июля 2000 года) о будущем Корсики — этого текста, о котором можно было в то время спросить, видя его последствия в периферийных регионах на континенте, все ли в нем правильно, — все тот же БДС через своего официального представителя³³ заявил, что статус Жоспена «явился прекрасным стимулом для Бретани», уточнив даже, что «уже свершившимся фактом является то, что вопрос о статусе внутренней автономии для полуострова будет основной политической ставкой» на региональных выборах 2004 года; БДС удержался от того, чтобы представить план, нацеленный на то, чтобы в наилучших деталях Бретань смогла «достичь автономии власти, которой требуют ее культурная сущность и ее географическое положение». Однако, БДС затронул очень серьезную проблему упадка родного языка, и это несмотря на создание школ с бретонским языком («Диван») на различных уровнях образования, начиная с начальной школы, — в 1997 году в западной Бретани едва ли 1% жителей в возрасте от 15 до 19 лет заявили о том, что могут хотя бы изъясняться по-бретонски³⁴.

Говоря о нынешних организациях гораздо более экстремистского толка, какими бы малочисленными они не были, скажем только, что «Энганн», организация, которая время от времени подкладывает бомбы, состоит из примерно пятидесяти террористов, разделенных на приблизительно двенадцать отрядов, количество боевиков в которых колеблется от трех до пяти человек в каждом (?).

Региональные политики³⁵ из крупных национальных партий, наконец, которые, со своей стороны, не являются ни автономистами, ни националистами (Жан-Ив Ле Дриан, Ивон Бурж), требуют прежде всего децентрализации для культурной деятельности, обустройства территории и транспорта. Настал ли момент напомнить, ведь некоторые

имеют тенденцию об этом «забывать», что хозяйственные ведомства департаментов внесли огромный вклад в то, чтобы развить в Бретани великолепную систему дорог и шоссе (не будем даже говорить о скоростных поездах), такую сеть, что ей бы охотно позавидовала моя родная Нормандия, полностью чистая как от бомб, так и от терроризма, и которая даже не требует нового объединения старой провинции, которая сейчас как никогда разбита на два региона, Нижнюю и Верхнюю Нормандию, со столицами в Кане и Руане... Это значит, что в нашей Бретани к концу 2000 года обозначились также признаки пацифизма, или, точнее, некоторого успокоения: 28 ноября нынешнего года поступила информация, что БРА (Бретонская революционная армия, действующая иногда достаточно жестокими методами...) вернула некоторую часть от восьми тонн ранее украденной взрывчатки, а остальную часть она до того переехала своим баскским «товарищам»...

5

Страна басков

Закончим рассказом о басках наш обзор нелатинских народностей Франции – германских, фламандских, кельтских, баскских. И те, и другие жили на периферии Римской империи, некоторые из них оставались на своих землях, как баски, некоторые вернулись издалека, как кельты; они входили во владения этой упругой короны, вмещавшей в себя обширные германские пространства, кельтские провинции, а еще, на юге, басков... В других областях на юге и юго-востоке языки более чистого латинского происхождения восторжествовали без примесей, или почти без примесей, в частности, в современных южной Франции, в Испании и в Италии.

Страна басков во Франции, если говорить об этнической принадлежности, лишь небольшой «придаток» земли басков в Испании (Бискай, Алава, Гипузкоа, Наварра), где в 1981 году проживало более 2 600 000 человек, из которых, плюс к тому, значительная часть говорила на кастильском диалекте. В состав Франции входят три баскских провинции – Лабур, Нижняя Наварра и Суль, все

они входят в департамент Атлантические Пиренеи, их населяют, если округлить цифры, 260 000 человек, из которых минимум 80 000, а максимум 150 000 жителей говорят на языке «ёскара» (баскском), или, по меньшей мере, хорошо знакомы с ним.

Во всем, начиная с доисторических времен, баскский народ был абсолютно отличен от других. Если говорить о составе крови коренных жителей области басков, то по часто встречающейся группе O и отрицательного резуса они четко отличаются от окружающих их окситанских, гасконских или испанских народностей.

С другой стороны, баски сохранили с далеких времен неолита несколько значимых понятий: баскские слова «топор», «нож», «мотыга», «долото» образованы, каждое по-своему, от корня «*aitz*» («камень»). Вот что отсылает к давно прошедшей эпохе, дометаллической, когда тупые инструменты еще вырезались или шлифовались из каменного сырья. Таким же образом, понятия, относящиеся к домашнему скоту, в этой стране горных пастбищ и скотоводства – баскского происхождения, но это не относится к земледельческим понятиям, где латинские корни позже в конце концов взяли верх. Не исключено, что баскский язык находится в родстве с языком берберов (?), иберийскими, даже кавказскими или алтайскими языками¹! Специалисты до сих пор спорят об этом. Наследие доисторической эпохи, материализовавшееся местами в памятниках эпохи мегалита, помогает понять первоисточники этого региона, небольшого по площади, но поразительно непохожего на другие.

Римское завоевание оказалось здесь в некоторых отношениях поверхностным; оно развернулось в стране басков, к северу и к югу, между 75 и 16 годами до нашей эры. Возможно говорящие на баскском языке народы заселяли на севере всю «аквитанскую» область в треугольнике Атлантика-Гаронна-Пиренеи. Современный Северный Ёскади (Суль, Лабур, Нижняя Наварра) принадлежал к Новемпопулании, части Римской империи, – с экологической точки зрения этот округ относился к тому, что иногда называли «*saltus Vasconum*» (Васконский лес). По отношению к «*ager Vasconum*» (Васконская деревня) эта территория была в меньшей степени романизирована, менее богата археологическими памятниками римской эпохи и переполнена латинскими топонимами на -os (Бизанос, Бискаросс и др.).

На территории «*saltus Vasconum*», которая много позднее стала в своей северной части современной французской Страной басков, еще в начале нашей эры сохранялись некоторые элементы специфического пантеона. Там произошли заимствования из латинского языка сельскохозяйственных понятий, а также слов, имеющих отношение к управлению и политике.

Начиная с IV века нашей эры начались вторжения варваров. Неглубокое римское влияние отпало, и на поверхность вышла этническая или диалектная первооснова, гораздо более ранняя, чем приход римских легионов, и даже чем древние кельтские племена. Во времена Римской империи баски были мирными; они стали воинственными в новом мире, разрушенном, поделенном, находившемся во власти непрекращавшихся конфликтов, про которые было трудно сказать, являются ли они гражданской войной или войнами с внешним врагом. Баски воевали на два фронта, и им пришлось столкнуться по очереди с вестготами в V веке, с франками с конца VI века, и, наконец, с арабами в VII веке. В 778 году аррьергард войска Карла Великого, возвращавшийся после осады Сарагосы, был наголову разбит басками в Ронсевальском ущелье. Они убили сенешаля императора; графа, служившего при его дворе, и наместника Бретонской марки (Роланда). Ранее эти трое были в традиционной подобающей манере назначены к столу, судебной и военной практике великого императора. Несмотря на этот временный успех, племена, жившие в Западных Пиренеях, были зажаты между французским молотом и исламской наковальней. Оставаясь верными своей первоначальной этнической принадлежности, однако, приняв христианство, баски стали расширять свою территорию, и в период с IX по XI века они создали свои собственные княжества или такие, которые, по меньшей мере, соответствовали территории их обитания.

В общем и целом, северные васконцы того времени начинали подразделяться на две ветви, и из этого первоначального названия получились баски, которые стали жить в северо-западных областях Аквитании, и гасконцы, в полной мере латинизированные, дальше к северу и к востоку.

Страна басков, находившаяся по обе стороны склонов Пиренеев, получила свое освещение в хрониках во время

утверждения королевства Наварры, происходившее в районе тысячного года: территория этого государства заходила за гребни гор и включала в себя, по меньшей мере, Бискай и область Памплоны на юге и Нижнюю Наварру (сейчас принадлежащую Франции) на севере. Санчо Великий в XIII веке, а позже великан Санчо Сильный, прославили, в одном ряду с другими представителями рода наваррских королей династию, боровшуюся с маврами во времена Реконкисты. В дальнейшем судьбы Наварры попадут под контроль различных сеньориальных и королевских родов, периодически появлявшихся с севера, главным образом из Шампани, Франции, Эврё, Фуа, Альбре. Их представители обычно уважали конституционные привилегии этой маленькой страны, которые подробно описаны в «*Fuero viejo*» 1238 года (который напоминает в некоторых отношениях «*Magna Carta*» Англии 1215 года). Местные привилегии, не решимся говорить о народных свободах, тем лучше сохранились, потому что система кортесов, или представительных собраний, включавших в себя в различном количестве представителей дворянства, горожан и духовенства, просуществовала до XIV века. С другой стороны, регион был открытым для многочисленных влияний, в частности, идущих с севера, благодаря толпам пилигримов, приходящих в Компостелу.

Что собственно с исторической точки зрения представляют (помимо Нижней Наварры) Лабур и Суль, поскольку эти три округа создали современную французскую Страну басков? Виконтство Лабур, основанное Санчо Великим в 1023 году, около 1193 года вошло в состав земель герцогства Аквитанского. Тогдашнего виконта Лабура со временем заменили на бальи, которого назначал Аквитанский герцог, а он был не кем иным, как Плантагенетом..., английским королем собственной персоной. Бальи, назначенный таким образом, был не более английским ставленником, чем впоследствии ими станут махараджи в колониальной Индии! Бальи упорно искали среди гасконской или баскской знати, его власть передавалась по наследству, и он находился в иерархическом подчинении сенешаля Гаскони. Впоследствии передача власти осуществилась практически автоматическим путем: в 1450-е годы, в конце Столетней войны, Лабур таким образом перешел под власть французской короны, как и другие регионы Аквитании.

Изменения, связанные с «аннексией», не сильно отразились на судьбах местных органов управления: в Лабуре все еще оставалась своя народная милиция², Армандат. Также в нем существовало свое представительное собрание от городов, или скорее укрепленных поселений, и общин – Билцар. Оно выполняло военные, налоговые и административные функции. У местных дворянства и духовенства, зажатых в тисках между властями на исконной местной «основе» (Билцар) и королевской властью в чистом виде (суд бальи, который установил далекий монарх в качестве судебного органа), практически отсутствовало поле для маневра; они также пользовались классической привилегией – освобождением от дополнительных расходов и налогов. Таким образом, они не платили налоги и одновременно... были «освобождены от ответственности».

Положение в виконтстве Суль почти ничем не отличалось: английские короли поставили в Малеоне капитана-кастеляна вместо виконта. Затем, в середине XV века эта область была присоединена к Франции. На удивление, учреждения в Суле были «лесными»! Суд вершил «ореховый двор», в большинстве своем сеньориальный; народное собрание «Сильвье» (от слова «лесной»), собиравшееся в лесу, как показывает его название, слилось с «большой частью» дворянства и духовенства в рамках суда, и его половинчатый суверенитет обеспечивал, по меньшей мере, региональную власть. Перегон овец на горные пастбища и коллективное управление в производстве молочных продуктов вынуждали местных жителей утверждать исконные демократические свободы, связанные с производством сыра.

В конечном итоге, эти местные учреждения в Лабуре или Суле кажутся похожими на те, которые существовали в Нижней Наварре (или в Наварре в целом). Возможно, они даже были списаны с их образцов. Нижняя Наварра представляла собой что-то вроде федерации долинных земель, и в конце эпохи Средневековья она обладала своей общей привилегией, или «*фуэро*»; там также был свой кастеллан в Сен-Жан-Пье-де-Пор, который подчинялся наваррскому королю и выступал его представителем на всей территории северных долин, также там присутствовали местные и муниципальные представители власти (бальи и алькады), сборщики дорожной подати и другие

сборщики налогов собирали подати в пользу казны монарха. Суд вершили алькады, и прежде всего королевский двор (для дворян), долинные суды (с особым географическим положением), и, наконец, Наваррская канцелярия и члены городского правления в некоторых городах. Различные народные собрания, которые называли себя «генеральными дворами», почти не отличались по своей сути от «Сильвье» в Суле или от «Билцара» в Лабуре, о которых мы уже упоминали. Прежде всего на них лежала ответственность за управление обширными территориями коммун (представительная власть и власть коммун шли рука об руку в этом горном регионе). Бойцы местной милиции набирались среди крестьян и были хорошо вооружены. В общую картину общества вписывалось также духовенство, что само собой разумеется (но оно более или менее исключалось из общих собраний); также в нее включалось дворянство, «*инфансоны*» (полудворяне), владельцы хозяйств (которые формировали сословие привилегированных, хотя и не «благородных» крестьян), и наконец, на более низком уровне мы обнаруживаем «*фиватье*» (простых арендаторов земли, находившихся в подчинении у сеньоров-дворян) и даже, до 1400 года, «*колласос*», или сервов (но их уделом было исчезнуть в то время, когда, в качестве одной из причин, малая плотность населения вынудила всех сеньоров отменить для своих крестьян последние пережитки феодального подчинения, чтобы избежать массового оттока крестьян в другие земли, менее враждебно относящиеся к их свободам).

Рост городов в Стране басков, принадлежавший Франции, начался с развития одного важного города (но не только его) – Байонны, столицы виконтства Лабур. Она расположена, что вполне логично, на пересечении осей восток-запад (речная сеть Адур) и север-юг (дороги из Франции в Испанию и, в частности, в Компостеллу). Общий подъем этого города наблюдался в XI–XIII веках, когда в разные годы город обзавелся собором, деревянным мостом через Адур, монастырями нищенствующих орденов и приютами для паломников из Сант-Яго. В плане управления, город был местом резиденции виконта Лабура, затем его место занял прево короля Англии, а после, начиная со второй половины XV века, – правитель, назначаемый королем Франции. При Валуа и

первых Бурбонах Байонна становится все более и более укрепленным городом (чтобы противостоять испанцам, которых долгое время рассматривали как врагов). Укрепления перемещались к пригородам, остававшимся до того времени средневековыми, иногда их сносили по приказам представителей Франции и заменяли, вплоть до эпохи Вобана, толстыми защитными городскими стенами. В Байонне были свои верфи, они использовали в качестве строительного материала стволы деревьев из окрестных пиренейских лесов. Многочисленные моряки, которых набирали в городе и его окрестностях, перевозили вплоть до британских островов бордосские вина и пряности, которые, на первом этапе развития, импортировались по Средиземному морю. Моряки-китобой из Биаррица и других мест были на 100% басками; они уничтожали такое количество китов, что те практически исчезли в Гасконском заливе к XVII веку. Пока не наступила экологическая катастрофа, в Средние века и в эпоху Возрождения охота на китов оставалась монополией, по меньшей мере в регионе баскских рыбаков. В судьбе Байонны наступил, однако, резкий поворот после 1451–1453 годов, периода французского завоевания, а особенно после 1578 года, когда занялись, наконец (благодаря постройке «Новых ворот порта»), развитием порта, который к тому времени уже успел увязнуть в иле. Новые виды деятельности, связанные с Америкой (ловля трески у побережья Ньюфаундленда и выращивание привезенной кукурузы), а также активность корсаров способствовали динамичному развитию города. Главное заключается, однако, в разрыве, уже упомянутом, байоннского сообщества, идущего по пути окситанского влияния, или, если точнее, гасконского (латинский язык!), и остальной области Лабур, остававшейся полностью баскской. Это постепенное движение к разрыву на раннем этапе обозначилось начиная с 1200–1215 годов, после пожалования главному городу особых обычаев, отличавшихся от собственно лабурских обычаев. Этот «схизматический» разрыв углубился с течением веков.

«Автономное» будущее Байонны или Сен-Жан-Пье-де-Пор в течение долгого времени было типичным для судьбы некоторого количества новых городов и других укрепленных пунктов («бастид») Страны басков, созданных

на пустом месте или восстановленных на пути в Компостеллу во время общего подъема Западной Европы в XI веке. Эти городские центры страдали от своих конфликтов с окружающими сельскими жителями, говорившими на диалекте. Случай «языкового разрыва» из-за гасконского влияния на жителей Байонны, который мы уже рассмотрели, – это крайний пример; но и в других местах, еще в 1661 году, можно было увидеть, как восставшие крестьяне Суля выступали с криками: «*Herria, Herria*» (страна, страна) против представителей Людовика XIV, конечно, но прежде всего и особенно сильно – против «фурий из Молеона», крошечного главного города в Суле.

«Декорация» из городов и мини-крепостей, или, если можно так выразиться, их «вкрапление» в средневековый пейзаж Страны басков не должно вводить в заблуждение: на всем протяжении периода Средневековья в Стране басков, в сети ее приходов и укрепленных крестьянских поселений грохотала междоусобная борьба между разными кланами и семействами (и те, и другие могли включать в себя сотни человек, или даже больше, имеющих общего отдаленного предка); эти семейства владели землями, замками, зависимыми крестьянами, имели родственников... Такая вражда охватывала достаточно большие территории и могла продолжаться, из поколения в поколение, вплоть до двух веков и даже дольше; иногда эти конфликты завершались хеппиендом с заключением брака, скреплявшего примирение бывших враждующих партий. Все это, сначала грустные события, затем веселые, служили сюжетами для песен, лирической поэзии, фрагментов эпических произведений, передаваемых в устной традиции. И лирическая поэзия, и эпос долгое время оставались лучшими творениями культурной традиции басков: в них рассказывалось много раз о драматических перипетиях любви, которой не дают осуществиться, о трагедиях тех юношей и девушек, которых соединяет страсть, но разделяют ссоры между их семьями. В этой сфере баски достаточно немногим отличались от других средиземноморских народов, чьи герои вроде Ромео и Джульетты или Сиды, послужили источником вдохновения как экзотика для таких северных драматургов, как Шекспир и Корнель. В конце Средних веков и в начале Нового времени эмиграция в Америку, создание народной милиции («Эрмандац», или

«Армандац»), призванной силой поддерживать мир, и наконец, репрессивные операции, проводимые время от времени французскими властями на севере Пиренеев, успокоили эти кровавые междоусобицы, но не уничтожили их полностью. Традиции вендетты, про меньшей мере, лучше сохранились на Корсике (более традиционной?), чем в Стране басков, в конце концов обреченной последовать по пути глубокой модернизации.

Старинные родовые структуры были фактом скотоводческого общества: крупный и мелкий рогатый скот свободно переходил через гребень Пиренеев; местные свиньи, из которых делали знаменитую байоннскую ветчину, кормились плодами буковых деревьев и желудями на лесистых склонах. Также мы обязаны баскам, вероятно, открытием секрета приготовления сидра (или «помад»). В этой местности долгое время сидра производили больше, чем вина. Затем приготовлению сидра научились нормандцы и бретонцы, привезя секрет его производства из западно-пиренейских портов.

Северные баски, принявшие христианство, перешедшие от племенного строя к монархическому благодаря правительству Наварры, со временем влились фактически, но не всегда по доброй воле (а еще в меньшей степени по своему языку), во французскую государственную общность, после 1451–1453 годов, когда Суль и Лабур были присоединены к королевству Карла VII. Еще четче подчинение региона Франции обозначилось начиная с 1512 года, когда Кастилия отобрала себе часть наваррской территории. Она забрала себе обширную часть территории, выходящую на Средиземное море, и оставила роду Альбре, раньше владевшему всей территорией Наварры, маленький кусок земли «за Портами (перевалами)», другими словами, Нижнюю Наварру. В результате двух браков отпрысков рода Альбре – сначала с принцессой из рода Валуа, потом с принцем-Бурбоном – Нижняя Наварра становится на путь «синтеза» с Францией, который завершился в период с 1589 года по 1610 год, когда Генрих Наваррский, ставший Генрихом IV, взял в свои руки скипетр и надел на себя корону.

Вполне правдоподобно, что XVI век был периодом бурного развития Страны басков, как испанской, так и французской. Треска и кукуруза, «американские подар-

ки», оказались там весьма кстати. В плане законов в то время их больше кодифицировали, чем модифицировали. Страна басков оказалась на пороге Нового времени с «редакциями» обычаев; в 1454 году Карл VII принял решение и приказал переписать начисто местные законы в различных регионах королевства. Этими своими действиями он показал, что он желал не утвердить то, что должно было быть, оставив только королевские суды, какие бы рациональные решения они ни принимали бы, но принять то, что делалось на практике. Обычаи Суля (существовавшие до того в устной традиции) были расписаны черным по белому в 1520 году. Следом были записаны законы Нижней Наварры, называемые «Форс», и Лабура. Этот процесс записи редакций законов завершился ... к 1633 году. Величественное и спокойное завершение! Королевская власть терпеливо ждет и не торопит работу. На 1 038 статей законов, собранных таким образом в трех исторических областях Страны басков, 30,5% касаются семьи, а 15,2% – общинных земель. Сфера «частной собственности», или, по меньшей мере, вопросы, не имеющие отношения к политике, остается обширной в практике местных юристов. Эти практики действуют в пастушеских общинах, но еще больше (в интимной обстановке) в «доме и семье», как подчеркивают Ле Плей и Бурдьё. В домашней иерархии был свой глава – *pater familias*^{*}, иногда *mater familias*^{**}. Он (или она) вступали в свои права по праву старшинства, установленного для старшего сына, для старшей дочери (в этом отличие от северных регионов Франции, где право наследования по старшинству распространялось практически исключительно на потомков мужского пола среди дворян; а в южных областях практика наследования по старшинству была в некоторых районах распространена даже в третьем сословии). Глава семьи обычно женил своего единственного наследника, или старшего, которому должна была перейти по наследству собственность, на младшей дочери из другого семейства; при этом он старался устроить браки своих младших детей с наследниками или наследницами других кланов, или, в худшем случае, с младшими детьми из других се-

* Отец семейства (лат.).

** Мать семейства (лат.).

мей. Напротив, брак наследника состояния с наследницей другой семьи нарушал устоявшийся обычай; это приводило к слиянию двух семейств, следовательно, к уменьшению на одну количества семейно-хозяйственных ячеек, остававшихся в распоряжении общества; такой поступок городская община или даже власти региона считали предосудительным по отношению к общественному благу и наказывали ослушавшихся, в случае необходимости, всеобщим осуждением («шаривари»). Структуры, функционировавшие таким образом, были достаточно угнетающими для отдельной личности, но им удавалось обеспечивать с минимальными изменениями и потерями воспроизведение нерушимого общественного строя, или почти так. В других местах также можно было найти подобную практику наследования, в частности, в романоязычных пиренейских регионах, таких как Беарн, но баскский народ, из-за своего языкового солипсизма, показывает себя в этом вопросе более консервативным и лучше защищенным от уравнительных нововведений, чем соседние народы, латинизированные, следовательно, более восприимчивые (давно) к принятию того или иного юридического новшества.

Помимо этого, социальная и моральная структура брака как основы баскского общества сильно опиралась на такие обычаи, как «шаривари», один из способов шумной борьбы, в частности, против повторных браков вдовцов, которые тем самым лишали молодых людей девушки; еще одним обычаем было насыпание кучи из муки, извести, соломы и папоротников («бердурак»), соединявшей два дома незаконных любовников; такой обычай утверждал, от противного, законную силу настоящего супружеского союза³. Баскская семья была также местом игровой подготовки к спортивной деятельности, и во главе предпочтений местных жителей стояла благородная пелота, игра в мяч: эта игра способствовала тому, чтобы простолюдины приобретали себе благородные бицепсы. А каталонцы в Испании были последователями Цицерона, «ораторами с Форума», в совершенстве владевшими всеми самыми блестящими оборотами их постлатинского языка риторики. Баски, напротив, охотно становились чемпионами, способными говорить, если представлялся случай, на разных языках физической силы. Эта традиция физического развития и

силы обозначилась на западе Пиренеев еще со времен боев в Ронсевале, жертвой которых оказался злосчастный Роланд, и она долго существовала с тех пор. «*Sy falt la geste que Thuroldeus declinet...*»⁴. («Вот жесте и конец. Турольд умолкнул»).

*

Во главе обширного «посева» семей в трех основных областях стояли старинные представительные органы власти, которые уже после окончания средневековой эпохи упорно продолжали свое существование: лабурский Билцар установил, передавая законы то в одну, то в другую сторону, связь, одновременно гибкую и сильную, с частными собраниями в приходах, или, точнее, в крестьянских общинах, которые также играли в баскскую пелоту. Они традиционно посылали на «блицарское» собрание своих «*аббатов*». На самом деле, речь шла об абсолютно светских делегатах, славных крестьянах или горцах, но их обряжали, для данного случая, в духовное, или «аббатское» платье, что было не более чем фантазия. При королевской власти любили такие семантические маскарады, настолько вошедшие в обычай, что забывали о том, что они изначально были фарсовыми и прикрывали собой подлинное содержание.

Над этими неуступчивыми учреждениями, остававшимися полуавтономными, зацвело, не всегда успешно, начало монархической централизации. Герцог д'Эпернон, могущественный на юго-западе, который до того был помощником и выполнял все поручения Генриха III, борясь с анархией принцев, прилагал усилия к тому, чтобы поставить Билцар в подчинение к бальи, главного королевского представителя в Лабуре. Бальи же, чья власть почти передавалась по наследству, пользовался некоторой независимостью и не всегда выступал покорной марионеткой центральной власти, как того, вероятно, желал д'Эпернон. В 1660 году юный Людовик XIV приехал во французскую Страну басков, чтобы там взять в жены Марию-Терезу. После произошедших волнений он жаловал региону некоторый суверенитет. В этом тексте он отныне поставил Билцар в подчинение к *desiderata* бальи, которого в свою очередь опекал интендант. Эти изъявления королевской воли

⁴ Пожелания (лат.).

потребовали много энергии для составления редакций. До какого предела они на самом деле были воплощены в жизнь? Это вопрос перевода королевских приказов, возможно, не во всех случаях ясно «переданных» на языке местных жителей, который был очень трудным для тех, кто говорил по-французски...

Что касается религиозной (и антирелигиозной) жизни в Северном Ёскади, то начиная с 1567–1569 годов королева Жанна д'Альбре решила навязать, не без принуждения, бескомпромиссный кальвинизм своим подданным в Беарне и Нижней Наварре. Беарнцы, чья культура была более проницаемой для влияний, согласились, часто неискренне, принять новую доктрину. Баски же, сильные своей языковой изоляцией, остались стойкими перед инициативой дамы из По. Они не чувствовали срочной нужды избавиться от католицизма. Однако, Жанне и ее преданному слуге Жану де Лейцаррага мы обязаны появлением перевода на баскский язык Нового Завета, сделанного на основе французского протестантского варианта. Эта основная публикация, появившаяся на свет... в Ла Рошели в 1571 году, явилась одним из первых памятников письменной литературы на местном языке в западных Пиренеях.

Примерно сорок лет спустя религиозные противоречия обозначили удивительный контраст между Южным Ёскади и Северным Ёскади. Два баска с юга, Игнатий Лойола и Франциск-Ксаверий, – один основал Орден иезуитов, а второй обеспечил ему мировую славу (в Азии, в частности). По правде говоря, эти два человека не были озабочены тем, к какой национальности они изначально принадлежали в дни своего детства; и наоборот, в Байонне, городе если не баскском, то, по меньшей мере, наполовину замешанном на языковой принадлежности к северным баскам, появились некоторые из первых ростков янсенизма. Одним из первых адептов этой доктрины был Дювержье де Оран: он родился в маленьком главном портовом городе будущего департамента Пирене-Атлантик в 1581 году, и он зашел так далеко, что на несколько лет (1612–1614) поставил своего друга Корнелиуса Янсена («Янсениуса») во главе колледжа в Байонне. Байоннская семинария Ларессор оставалась еще при Людовике XV «зараженной» августинианством. Истоки различий в судьбах этих двух регионов, выходящих за масштабы ре-

гионов, очевидно, идут издалека. С одной стороны – Пор-Рояль и Париж, с другой стороны – Мадрид и Рим, через посредничество Корнелиуса Янсена и Игнатия Лойолы, тянули каждый в свою сторону паству по обе стороны Пиренеев. Обеим сторонам пришлось приспособливаться, каждой для своих целей, к специфическим требованиям той или иной доминирующей культуры: испанскому и иезуитскому влиянию в Бильбао, французскому и склонному к янсенизму обществу в Байонне.

Меньшей славой пользовалось дело о колдовстве, разразившееся в 1609 году в Лабуре; и во время этого дела проявилось истинное отношение в регионе к местным, или «обобщающим» властям. Случаи колдовства здесь, как и в других местах, сами по себе не были чем-то необычным. Но кажется, что в 1609 году конфликты между кланами в Сен-Жан-де-Люс, между двумя основными группировками, между отстраненными от муниципальной власти и ее держателями, сподвигли их главных действующих лиц к тому, чтобы выдвигать друг против друга серьезные обвинения. Королевская власть в лице своих представителей на местах не преминула вмешаться в это дело, будто бы всего лишь с целью подтвердить свои полномочия. Напротив, духовенство данного диоцеза и испанская инквизиция (по другую сторону границы) показали себя беспристрастными и с пониманием отнеслись к подозреваемым. Французские власти передали дело Пьеру де Ланкру, судье из Бордо, чьи предки-баски достигли успехов в торговых делах. Де Ланкр был безжалостен и страдал навязчивыми идеями; он взялся за дело с удивительным усердием и показал себя виртуозом в области пыток и казней. Жертвами его преследований стали в нескольких случаях, но таких было меньшинство, не сравнимое с остальными, настоящие колдуны и колдуньи; они до того беспрепятственно жили на земле, где господствовала древняя культура, и рационализм, идущий из Франции, был от них еще далек и не успел «модернизировать» эти земли. На местах люди были немногим менее жестокими, чем судьи, к тем, кого они подозревали в сверхъестественных способностях. В отношении колдунов люди легко устраивали погромы, более или менее спонтанные, с убийствами, незаконные, и они были еще более опасными, чем те законные процедуры, конечно, жестокие и мучительные, которые проводил де Ланкр. К большому

облегчению, после 1622 года ситуация стала более спокойной. Судьи перестали надоедать «волшебникам», которые, однако, продолжали свою тайную деятельность, как в Лабуре, так и в других местах, отныне не рискуя подвергнуться издевательствам или быть «поджаренными».

Шабаш и костры перестали нагнетать страсти в этой маленькой стране. Лабур, однако, полностью не успокоился: в царствование Людовика XIV и Людовика XV на местах люди постоянно жаловались на налоговый произвол властей, будь то новые или старые подати; а еще из-за налогового права на кожи, табак, нотариальные акты; и наконец, из-за продажи недавно организованных предприятий, которые жители Лабура пытались сбыть по завышенным ценам, требуя денежной суммы за «соглашение о повинностях», установленное раз и навсегда. Билцар, в свою очередь, любой ценой пытался сохранить свое существование; королевские представители пытались повлиять на ход процедуры выборов в этот орган, но их полное незнание местного языка нимало не способствовало таким попыткам манипуляций сверху.

Отсутствие дворян (которые, как кажется, были малозаметными для народа) и духовенства на собраниях Билцара вызывало, помимо всего прочего, постоянное негодование со стороны представителей администрации. Их, происходивших из других провинций, королевская власть «забросила» в эти места. Итак, в глазах этих людей присутствие двух привилегированных сословий должно было быть само собой разумеющимся на любом региональном собрании, претендующим на звание представительного органа. Возможно, баски в этом предвосхитили знаменитую фразу Сиейеса: «А что такое третье сословие?» В Лабуре же третье сословие уже было если не «всем», то, по меньшей мере, центром всего.

В Суле обозначились вначале значительные противоречия между сообществом баскских общин, состоявших поголовно из католиков, и парламентом (беарнским) Наварры, который основал Людовик XIII с резиденцией в По; этот высокий судебный орган в большинстве своем состоял из гугенотов; такова была воля Его Величества, в противовес, или по принципу «ты мне, я тебе», чтобы вновь ввести королевской волей в 1620 году католицизм в Беарне (эта область со времен Жанны д'Альбре остава-

лась практически под монопольным контролем гугенотов). Поэтому национальные вопросы, какими бы незначительными они ни были в данном случае в Суле, не дожидаясь современных кризисов (посмотрите на ситуацию в Ирландии), самым запутанным образом переплелись с религиозной борьбой.

Около 1691 года вопрос о По изменился: парламент в По стал на 100% католическим благодаря политике увольнений, которую проводил Людовик XIV. Жители Суля, преданные католицизму, смогли наконец, без церемоний, принять королевский указ, изданный в том году; в этом указе их освобождали от защитной эгиды, которую разворачивал над их головами парламент Бордо, и передавали их в ведение наваррского высокого суда в По, территориально находившегося ближе. В свою очередь великодушные судьи из По согласились отныне использовать местные обычаи Суля для разбора любого спорного вопроса именно в этом районе.

Давление централизации стало чувствоваться несколько позже, во время кризиса 1727–1733 годов; в этот самый период Сильвье (полуавтономное представительное собрание простолюдинов в Суле) перестало существовать из-за враждебных действий со стороны королевской власти (правителя и интенданта); королевскую власть в данном случае поддерживали дворянство, духовенство, некоторые именитые горожане. В данном конкретном случае, против обычного, монархический централизм не был направлен против дворян: напротив, он обрушился на учреждение, включавшее в себя местных простолюдинов.

Начиная с XVII века репрессивная деятельность против местных свобод породила в противовес «различные движения»: с 1650 по 1660 годы Шурио, лабурский синдик в Блицаре, спорил с Уртьюби, честолюбивым бальи, поддерживавшим интендантскую службу Гиени и парламент Бордо, фуражиров деятельности монархии. Справедливо отметить также, что Блицар шел по пути вырождения. Накануне революции 1789 года он был в полном упадке.

Но здесь речь шла только о Представительной ассамблее Лабура, находившейся в упадке. С другой стороны, в Суле в XVII веке в нескольких приходах затаили злобу на Труавилля (Тревиля у Александра Дюма). Этот «враг баскского народа» происходил из семьи торговцев; находясь у

короля на службе, он стал крупным военным и обогатился за счет легкого получения королевских земель (по правде говоря, они состояли из общинных владений). Восстание против Тревиля, для которого он послужил скорее предлогом, поднялось под руководством кюре Матала; его войско, состоявшее из нескольких тысяч крестьян, не устояло перед королевской армией. Матала отрубили голову, несмотря на тщетные просьбы епископа о его помиловании. Официальное прощение было выпущено в 1661 году, как только Матала оказался вне игры. Эта амнистия узаконила новые отношения между различными силами, установившиеся в регионе. Они были неблагоприятны для местных свобод, которые сократились, но полностью не были уничтожены. В обоих случаях, и с Шурио, и с Матала, мятежники выступали за местные законы («Эрлег» или «Эрри-леж»). Не стоит исключать также враждебный настрой по отношению к городам: в частности, Матала выдвигал обвинения, скажем так, против «мегер» из Молеона, другими словами – офицеров, дворян или именитых граждан этого небольшого городка. Если верить ему, то они вошли в сговор с парламентом Бордо против сельского населения.

Суль и Лабур были слегка обезличены французской властью. И напротив, в центре Нижняя Наварра оставалась *королевством* в буквальном смысле слова; учреждения там были более устойчивыми и престижными, чем в обеих вышеупомянутых областях. В порядке наследования наваррское государство было передано Альбре, затем Бурбонам, а после 1589 года – королю Франции. Катастрофа 1512 года разорвала все связи между обширной территорией Южной Наварры, отошедшей к Испании, и северной частью того, что было когда-то единым Наваррским королевством. Еще продолжает существовать государство-придаток (конечно, речь о Нижней Наварре), которое само по себе соединяет долинные земли, состоит из *нескольких* небольших областей, в то время как Суль и Лабур каждый сам по себе составляют *одну* небольшую область, в свою очередь являющуюся федерацией приходов. Офранцузивание (конечно, лишь частичное) этой Нижней Наварры не обходилось без некоторых затруднений в период после 1589–1600 годов, когда государем Наварры Альбре-Бурбон стал сам Генрих IV: «Король Франции и Наварры». Однако процесс шел: в 1620 году под личным давлением Людовика XIII канцеля-

рия (Нижней) Наварры слилась, поневоле, с независимым советом Беарна, и таким образом сформировался парламент По, находившийся на беарнской территории, и отныне его называли, чтобы польстить северным баскам, «парламентом Наварры». Это слияние басков-католиков и гугенотского Беарна спровоцировало (как мы уже видели) некоторые трения, которые продолжали существовать и впоследствии, в наше время, в том, что касается проблемы департамента – единого или двойного... Еще одна деталь: в Нижней Наварре в течение всего этого периода существовали свои собственные монеты, на основании чего жители гор дошли до того, что, о святотатство!, определяли на них Генриха IV как «короля Наварры и Франции», против канонической формулировки («король Франции и Наварры»). Эти местные деньги были отменены фактически начиная с 1634 года, но периодически все же появлялись в последующие годы, но затем в 1663 году они были официально упразднены. После этой даты было несколько попыток их восстановления. Таким образом, региональные учреждения подверглись нападкам, но только в плане чеканки монеты. В остальном они стойко держались, и конечно, лучше, чем в Суле.

Также в этом контексте функционировали сеньоры-посредники (Грамоны) и представительные органы региона (штаты Наварры).

Кстати о сеньорах-посредниках: из знатного местного рода Грамон происходила любовница Генриха IV Кори-занда. В ответ король пожаловал Грамонам должность генерального правителя Беарна и Наварры, и эту должность занимали один за другим восемь представителей этого рода: это была роскошная плата! Правитель, таким образом избранный из членов знатного местного семейства, получал солидные денежные подношения, причем вполне на законном основании, от представителей трех сословий Нижней Наварры, собирающихся регулярно на свои ассамблеи. В благодарность за это герцог де Грамон играл роль успешного заступника при версальском дворе, где он ходатайствовал по просьбам жителей Пиренеев, являвшихся его «подданными». Без него они бы не так преуспели: система Людовика XIV, привлекавшего ко двору в Версале местных магнатов, оказалась не «только» плодящей паразитов.

С другой стороны существовали представительные собрания: «штаты Наварры» (мы бы более охотно назвали их, даже рискуя шокировать читателей, «провинциальными штатами Наварры») были основаны Генрихом д'Альбре в 1523 году, то есть спустя двенадцать лет после «катастрофы 1512 года». Бурбоны, став королями Франции, нисколько не пытались разрушить это коллективное учреждение, притом что они, ничтоже сумняшеся, упразднили, например, в XVII веке штаты в Нормандии. Наваррские штаты находились под контролем практически наследственной олигархии. Они не состояли из представителей одного сословия, не основывались на присутствии только сельских жителей, достаточно демократично настроенных, как это было на собраниях в Суле или Лабуре, что придавало им скромное очарование. Они вынуждены были терпеть присутствие в своих рядах, помимо представителей третьего сословия, большого количества дворян, что давало ассамблее в целом некоторую возможность «на элитарном уровне» противостоять «господину интенданту». Они собирали в королевскую казну налоги со всевозможных товаров; ассамблея настояла на том, чтобы установить разумную сумму налога, так что в 1779 году в Нижней Наварре каждый житель платил всего от 6 до 7 ливров налога, для сравнения, средний француз платил от 15 до 23 ливров.

Если говорить о косвенных налогах, можно отметить в 1685 году попытку королевской службы по сбору налога на соль («габель») захватить некоторые соляные копи в Нижней Наварре. До того времени они принадлежали общине местных жителей. Ответной реакцией на насилие со стороны королевских сборщиков налогов было народное восстание, двое предводителей которого были повешены по приказу жестокого интенданта Фуко. Но спустя два года государство вернуло соляные копи их бывшим владельцам. Любопытными и частыми были такие методы при старом режиме, и трудно их понять нашими современными умами. Предводителей казнят..., а затем, чуть позднее, удовлетворяют их требования! Попытаемся представить себе такое в «Рено» или в «Национальном обществе французского кредита» во время забастовки...

Существенному укреплению централизма в XVIII веке способствовало дорожное ведомство: в Нижней Наварре и Лабуре (1778 год) оно взяло на себя строительство дорог,

конечно, для выгоды населения, но в ущерб местным учреждениям, таким как Билцар, который, на самом деле, немного заботился о местных трактах. Добавим в тот же «централизаторский» список введение новых полицейских формирований в ограниченном количестве, они стали «коннополицейской стражей». Это вполне законно в стране, где было мало воров, зато много разбойников. В 1784 году стал даже рассматриваться проект о слиянии трех баскских провинций с Беарном: этот замысел, в то время не реализованный, предвосхитил создание в дальнейшем департамента Нижние Пиренеи, что заслуживает сожаления с точки зрения баскской истории, как считают националисты в наше время. В любом случае постоянство королевской власти и ее учреждений обеспечивалось в последние столетия старого режима бальи, относившимся к военному дворянству, и его помощниками, начальниками полиции и судьями по уголовным делам; эти обязанности часто передавались из поколения в поколение в одной семье.

Перипетии административного управления отражались на неспешном ритме жизни пастухов, основанной на перегонах стад на горные пастбища и эксплуатации огромных общинных выгонов. Когда завезли кукурузу, которая появилась уже с 1570 года, это дало мощный толчок развитию местного сельского хозяйства. Кукуруза – это капризное растение, требующее много сил и труда; расширение площадей, отданных под эту культуру, логично сопровождалось ростом количества рабочей силы. Растущее потребление мяса в городах, где уровень жизни повысился, привело, в другой стороны, к посадке репы, или *турнепса*; они были предназначены на корм скоту во время зимнего содержания его в стойле⁵; это было типично для нового севооборота, более интенсивного. Таким образом, до XVIII века включительно наблюдается развитие как животноводства, так и растениеводства. Отсюда неминуемо происходят конфликты между оседлыми крестьянами и пастухами; последние хотят неприкосновенности общинных лугов, также они желают сохранить право прохода для своих заблудившихся или перегоняемых животных, в том числе по засеянным или засаженным землям, рискуя вызвать гнев земледельцев; можно подумать, что эти события происходили на *Диком Западе*! Однако, в не-

которых пунктах между оседлыми крестьянами и пастухами-кочевниками, между Каином и Авелем, наблюдалось согласие (не всегда безоблачное). На самом деле, и те, и другие участвовали в общей борьбе с деревьями, в вырубке пиренейских лесов, которые пали жертвой одновременно и распашки целины, и чрезмерного выпаса. Кроме того, древесина без всякой меры поставлялась для удовлетворения appetites кораблестроителей и кузнецов, любителей древесного угля (поскольку век каменного угля еще не наступил). Что касается рыболовства в Стране басков (из Сен-Жан-де-Люс, в частности), о развитии которого за океаном мы знаем, то оно происходило в виде сменявших друг друга циклов: китобойного цикла, начавшегося в Средние века в Гасконском заливе, затем в течение XVII века продолжившегося на Шпицбергене и в Гренландии из-за уничтожения китовых популяций в ближайших водах; затем был тресковый цикл, у Ньюфаундленда и в других местах, достигший кульминации в период между 1500 годом и Революцией, а затем в XIX веке мода на этот промысел проходит; и наконец, цикл сардин, он более типичен для нашего времени, несмотря на то, что был открыт в годы царствования Людовика XV.

«Событие» 1789 года в Стране басков последовало за дворянским выступлением: штаты Наварры и парламентарии в По были когда-то в плохих отношениях между собой. Однако, им удалось создать единый фронт, и небезуспешно, чтобы защитить местные свободы от незаконного вмешательства монархического централизма. Революция застала штаты и парламент врасплох и без особых трудностей сразу вывела их из игры.

На выборах в генеральные штаты в 1789 году встала лишь одна более или менее важная проблема – о Нижней Наварре. Она всегда требовала от Франции статуса независимого королевства. В принципе она была согласна послать своих делегатов к Людовику XVI, но не на заседание генеральных штатов как таковое. Катастрофа же, по мнению сторонников местной этнической традиции, была, однако, в другом. Менее чем за год, начиная с той ночи 4 августа 1789 года, были по очереди уничтожены, потому что были «привилегированными», представительные учреждения баскского народа (Билцар и др.), а также был упразднен титул короля Наварры и соответствующее ему коро-

левство. Неравенство в системе наследования было осуждено. Но фактически оно сохранилось: его потеря обозначала бы крах семейной системы, существовавшей неотделимо от местных обычаев.

В 1790 году был сформирован департамент Нижние Пиренеи. В нем слились три баскских области и романоговорящая зона в Беарне. Протест Доминика-Жозефа Гара, человека, о котором еще пойдет речь далее, ничего не изменил. Конечно, баски смогли извлечь выгоду из уравнительных и других достижений Революции, но их национальное своеобразие понесло от этого потери, которые некоторые в наше время рассматривают как слишком тяжелые. Кроме того, в стране, охотно принимающей власть духовенства, где язык и проповеди неразрывно шли рука об руку, отделение церкви от государства вызвало разочарование и досаду. Революционный террор обрушился на тех юных басков, которые сопротивлялись обязательной службе в армии; в это время даже приняли решение о поголовной депортации (которая, к счастью, не осуществилась) жителей некоторых «гнусных коммун», обвиненных в сговоре с Испанией. Барер и Грегуар отказываются от западно-пиренейского диалекта как орудия суеверия и фанатизма. Несмотря ни на что, революционное десятилетие напрямую дало толчок развитию баскского языка, который с того времени стал широко использоваться в официальных публикациях.

Соотношение письменной и устной традиции стимулирует изучение диалектов. Кельтовед и баскофил, капитан Ла Тур д'Овернь происходил из побочной ветви известной семьи де Тюренн. Он увлекся народами, жившими на окраинах Франции и не воспринявшими диалект «ойл». В своем труде, изданном в Байонне в 1790 году, он предлагает рациональный подход, который опровергает версию о родстве языков Бретани и Лабура. Таким образом он показывает пример рассудительности, в то время как Доминик-Жозеф Гара считает себя обязанным приписать своим соотечественникам таинственных финикийских предков...

Во времена революции проявили себя несколько лидеров, исконных басков, которые впервые вышли на общенациональный уровень. В частности, среди них оказался Доминик Гара (1749–1833). Он был выходцем из лабурской

семьи, члены которой были торговцами, врачами, музыкантами, спортсменами, преподавателями, юристами, игроками в пелоту, соблазнителями (один из представителей этого семейства был даже любовником Эме де Куаньи, «юной пленницы» Андре Шенье, и это была победа, бесспорно, лестная для регионального национализма, и эту историю не преминули вспомнить, почти два века спустя после событий, добросовестные хроникеры). В 1789 году Гара был депутатом, затем членом конвента, идеологом, академиком, короче говоря, это была типичная судьба именитого горожанина, и десятки их проявили себя в эти «огненные и свинцовые годы» (1789–1815). При империи он был автором проекта административного слияния двух областей Страны басков, испанской и французской. Его предложение было вновь подхвачено в наши дни, независимо от его памяти, националистами из Памплоны и Сен-Себастьяна, даже из Сен-Жан-де-Люс.

В XIX веке в период «после 1815 года» во французской Стране басков наблюдался подъем национального самосознания, который еще более укрепляли изыскания лингвистов из других областей. Среди них можно отметить, помимо Вильгельма Гумбольдта, князя Луи Люсьена Бонапарта, сына Люсьена Бонапарта, который прослыл «гигантом баскологии». Все большая интеграция во французское сообщество, от Наполеона до де Голля, характеризовалась постоянным развитием грамотности, приобщением к французскому языку, который сосуществовал печально рядом с местными наречиями, сохранявшими свою силу в горных убежищах. Электорат, с тех пор, как существовало всеобщее избирательное право, демонстрировал в целом «умеренные» тенденции: во время президентских выборов в 1981 году в Стране басков 55,76% отдали свои голоса за Валери Жискар д'Эстена, и это процентное соотношение дошло до 62,42% «во внутренних областях» и упало до 52,62% на побережье, более открытом для левых влияний⁶.

В какой мере на французскую Страну басков повлиял националистический дух, такой ядовитый за пределами границ, в Бискайе и Гипускоа? Оставим в стороне, но не совсем, ... вопрос, конечно, животрепещущий, о роли «нижнего основания», который занимает Северный Ёскади в стратегии террористов из ЕТА: подпольные бойцы, появившись с другой стороны Пиренеев, отсиживаются в

Нижней Наварре⁷, в Лабуре и Суле, откуда их периодически выгоняет французский министр внутренних дел и затем *принудительно* высылают их. Но когда речь идет о выборах⁸, это совсем другой вопрос: на выборах в законодательные органы в 1967 году кандидаты от Энбата, националистического баскского движения на французской территории, получили 5 035 голосов из 108 662 проголосовавших, то есть 4,63%. Этот процент снизился до 3,59% в 1978 году, когда голосовали за кандидатов от EHAS, фракции с наиболее левой ориентацией из Энбата⁹. Приверженцы национальной самобытности добиваются гораздо более существенных результатов в области культуры и образования благодаря созданию школ, где преподавание ведется на баскском языке.

И наконец, знак «Ипарретаррак» в регионе ассоциируется с жестоким экстремизмом на чисто (?) локальной основе; он отделился (в принципе) от Южного Ёскади и ЕТА, но он также активно полагается на подпольные насильственные действия. «Ипарретаррак» вот уже несколько лет является оплотом малочисленных воинственно настроенных членов, которых мы не решаемся квалифицировать как «отчаявшихся»; иногда он вербует своих бойцов из числа бывших семинаристов и пользуется поддержкой, естественно издалека, некоторых представителей регионального духовенства. Это один повод напомнить о связях, которые с незапамятных времен установились между баскским языком и католической религией, иногда на основе воинствующего мистицизма. И плюс к тому, результаты более близких к нам по времени выборов иногда показали на местах, что националисты добились в некоторых случаях несколько больших результатов, чем те, которые мы привели выше, а в некоторых деревнях...

«Ипарретаррак» (северный) – это подпольная организация во французской Стране басков¹⁰, которая заставила о себе впервые заговорить в 1972–1973 годах. Изначально речь шла об организации, «вдохновленной» баскско-иберийской ЕТА, или, будем точными, «политико-военным ответвлением» этой организации (у терроризма бывают подобные нюансы!). В течение нескольких лет между этими группами, большой и маленькой, северной и южной, располагавшимися по обе стороны Пиренеев, было полное взаимопонимание. Но с конца 1970-х годов начали

возникать некоторые разногласия, которые время от времени разрешались взрывами бомб. ЕТА, конечно, желала, вместе с «французскими товарищами», чтобы был сформирован, каким бы маленьким он ни оказался, чисто баскский департамент на крайнем юго-западе Франции. Эта новая административная единица должна была послужить прелюдией к последующей окончательной «эмансипации» Северного Ёскади и его присоединения (путем аннексии) к гораздо более обширной территории Южного Ёскади. Тем не менее у ЕТА были и другие заботы: французская Страна басков была для нее одновременно святилищем, где ее бойцы, которых там не преследовали, как в Испании, могли отдохнуть, поправить здоровье и организовать новые террористические акты, где бы они затем ни осуществились – в Памплоне ли, в Бильбао или даже в Мадриде. Если они хотели жить спокойно, то им не следовало доходить до крайностей и разжигать на севере огонь «национального освобождения», чтобы не доводить до взрыва. Из-за этого неминуемым оказался разрыв или, по меньшей мере, охлаждение в отношениях между ЕТА и ее братьев по эту сторону гор. Именно это и произошло в марте 1980 года: когда ЕТА получила информацию о неудачном террористическом акте «Ипарретаррака», когда последние потеряли двух своих бойцов, оказавшихся жертвами своих же собственных смертоносных механизмов, ЕТА оставалось лишь констатировать досадный непрофессионализм своих французских друзей, которые, плюс к тому, из-за своих громких и кровавых акций ставили под угрозу священную неприкосновенность атлантических Пиренеев, столь дорогую сердцу товарищей с юга. Запахло жареным! С 1981 года «Ипарретаррак» стал жаловаться на то, что ЕТА, слишком озабоченная тем, чтобы в пользу сторонников северной политики нанести «главный удар» в своей области и больше нигде, оттеснила его на задний план. Чтобы действительно убедить «Ипарретаррак» знать свое место и отныне обязать его быть скромным и сохранять подчиненное положение, даже быть мирным ввиду стратегических требований средиземноморской зоны, ЕТА без колебаний пускает в ход хлесткие аргументы и даже «дружеские тумачи» по отношению к «Ипарретарраку». В 1985 году двое бойцов подверглись нападению, в частности, с использованием взрывчатки, и

один из них в результате получил тяжелые ранения. Это был удар со стороны ЕТА, таким образом показывающий «империалистический» настрой по отношению к бойцам с неиспанского склона Пиренеев. Они всегда выражали свои империалистические требования по отношению к кому-нибудь. Эти братские стычки не помешали, однако, «Ипарретарраку» осуществить некоторые свои инициативы. В то время среди членов этой организации насчитывалось примерно двадцать решительно настроенных и способных на жестокие действия личностей. Среди этих мужчин...или женщин, отметим некую Мари-Франс, организатора террористических актов, которая была заключена в тюрьму, затем бежала из тюрьмы в По в 1986 году и трагически погибла под колесами поезда в 1987 году во время своего второго ареста около железнодорожной линии. ...Упомянем также некоего Габриэля М., сбежавшего из «застенка» в По в тех же условиях, что и Мари-Франс, а затем пойманного за особо тяжкое убийство (полицейского) при выходе из туристического лагеря и приговоренного в конце концов в марте 2000 года к пятнадцати годам лишения свободы. И еще, конечно, Филиппа Бидара, выходца из очень религиозной католической семьи (Миттеран охотно инкриминировал духовенству участие в жестокостях басков, в том числе и в атлантических Пиренеях). Это была также националистская семья, постепенно избавлявшаяся, если этому верить, от своей принадлежности к французам, как от старого тряпья. Бидар был в числе участников перестрелки в Сен-Этьен-де-Бегорри¹¹ в 1982 году; несчастный святой из Бегорри, один из самых славных героев агиографии Страны басков, немало повидал на своем веку. Сам Бидар много раз выходил сухим из воды, когда вокруг него погибали¹²: «Двое боевиков застрелены при невыясненных обстоятельствах; под поезд подложена бомба, которая могла бы привести к множеству жертв; двое полицейских убиты выстрелами; пятеро соратников по оружию обезврежены сначала силами правопорядка... а затем своими собственными бомбами» (все та же «неловкость» членов «Ипарретаррака», на которую жаловалась ЕТА). По словам журналиста, «бравшего интервью» у этого самого Бидара, «никогда не было речи о том, чтобы убивать, ни о какой-либо причастности к убийствам полицейских, но очень быстро ситуация вышла

из-под контроля». На протяжении 1980-х годов Филипп Бидар был примером самого буйного насилия. Он представлял собой противоположность некоторым хладнокровным фанатикам, не решимся назвать их упрямыми, которых достаточно можно было встретить на Корсике: они действовали тихо, поскольку «никто никогда не знает, револьвер выстрелил так быстро». Контраст проявлялся с такими людьми, но также, в совсем другом смысле, ярко выражены были различия и с тем или иным славным малым, таким улыбчивым, всеми средствами пытающимся пробудить к себе интерес, и ему это очень хорошо удавалось, с таким милым молодым человеком, какого можно было встретить, например, в савойском движении. Здесь, в Савойе, девиз такого человека мог быть вдохновлен знаменитой фразой: «обычно я не прибегаю к насилию», с таким подтекстом, что есть другие, более молодые, более пылкие, которые могли бы со своей стороны предаться насилию, если парижские власти не выслушают мою аргументацию, исключительно и рационально реформистскую...

Итак, вернемся к Филиппу Бидару: на самом деле, как нам сообщают, находясь в тюремной камере, этот боец сильно изменился. Он отказался от «неприемлемого марксизма» (*sic*)^{*} первых лет. Сейчас он ратует за менее агрессивные формы, которые воплощает собой недавно созданное движение «Abertzalen Batasuna» (AB). Родина превыше нации, Дерулед превыше Барре. Новые автономисты иногда боятся ETA, и их можно прекрасно понять: они превысили избирательную планку в 10% голосов, в частности, в Бегорри, и школы, где преподавание ведется на баскском языке, насчитывают уже третье десятилетие своего существования.

В любом случае, французская Страна басков перестала (?), как говорят, быть святилищем для ETA; департамент Атлантические Пиренеи перестал (?) играть роль убежища, которую ему пришлось поневоле принять на себя в давние годы, когда президентом был Миттеран.

На самом деле, у французских басков практически не оставалось выбора. В любом случае, роптали ли они или были, как меньшинство, согласны, их кровавые старшие

* Важно (лат.).

братья с юга не давали себе труда спросить их мнение. И иногда они использовали некоторых из французских басков в своей деятельности даже в Испании, гораздо южнее даже испанской баскской этнической области: некий Х.П. из Байонны, мирный французский гражданин, писал таким образом в прессу статьи, показывая себя прекрасно информированным о террористических актах на юге Пиренеев,...в которых он, не говоря об этом, он сам участвовал¹²! Он вместе со своим сообщниками перевозил в Севилью 300 кг взрывчатки, в Испании он был замешан в общей сложности примерно в тридцати террористических актах и в убийстве двух судей, трех генералов и одного вице-адмирала (все они были испанцами), не считая взрыва в Сарагосе, в результате которого погибли одиннадцать человек, из которых пятеро – дети, и машины с подложенной взрывчаткой (еще один погибший). В 1990 году Н.П. был арестован, а в 1994 году испанский суд приговорил его в целом к 1 802 годам тюремного заключения, из которых 121 год был только за машину с заложённой взрывчаткой (мы знаем, что в Испании, как и в Соединенных Штатах, в отличие от французской системы, сроки тюремного заключения суммируются).

Это значит, что надо сохранять здравый смысл. Терроризм «Ипарретаррака» время от времени бывает громким¹³, но все равно остается принадлежностью небольшой группы. Некоторая помощь со стороны ЕТА имеет больший вес, но остается замкнутой в определенных границах. Наконец, смутный национализм, или скорее этноцентризм, распространение которого можно увидеть повсюду во французской Стране басков, не приводит в такой степени к раздуванию результатов выборов в списках автономистов, скрытых или явных националистов, тех результатов, скромные данные которых мы приводили выше; сейчас число отданных за них голосов еще больше сократилось, иногда оказываясь значительно ниже знаменитого десятипроцентного барьера. И вот контраст! Такая ситуация с меньшинством, даже незначительным меньшинством, во французской зоне сильно отличается от положения вещей, царящего к югу от пиренейских гребней. Целый ряд партий, называющих себя баскскими, с 1977 года находятся в процессе постоянного развития и получили в целом 65,6% голосов на региональных выборах в 1984 году; эти многочисленные голоса

распределялись в течение этого времени по трем фракциям: умеренной центристской, социалистической и даже еврокоммунистической и, наконец, радикальной фракции, выступающей за независимость и связанной с террористической деятельностью ЕТА.

Как объяснить масштаб интеграции французских басков по отношению к Франции, возможно, уменьшающийся, но, однако, превосходящий интеграцию их испанских собратьев, которые в двух третях случаев ориентированы в сторону националистического движения? Вероятно, стоит подумать о том, что разрушение региональных привилегий во французской Стране басков в 1789 году, несмотря на то, что было достойным сожаления, ее жители постепенно стали воспринимать как «плюс» из-за тех позитивных изменений, которые привнесла Революция, а в особенности следующие за ней полтора века, в области демократических прав и достижений в области образования и либерализма. Этого нельзя сказать, можно утверждать лишь обратное, об уничтожении баскских «фуэрос» испанским правительством в период с 1839 по 1876 годы; это уничтожение местные жители ощутили как агрессивное действие, которое мадридские власти, связанные со старым режимом, сотворили против малочисленного народа, но гордого и свободолюбивого, даже притом, что с 1512 года он уже не обладал суверенитетом.

С другой стороны, французские баски пережили войны (1870–1871; 1914–1918; 1939–1945) бок о бок с другими жителями республики. У испанских же басков отношения с Кастилией во время военных конфликтов носили характер антагонизма, который выливался в жестокие гражданские войны, сначала карлистские (1833–1839 и 1872–1876), а в конце концов франкистские. Чувствуется огромная разница. Эти различия, конечно, не мешают существованию во французской Стране басков сильного чувства самобытности и национальной принадлежности. И иногда происходит воскрешение «святилища», как во время некоторых террористических актов ЕТА в 2000 году, когда подготовка шла на севере, а взрывы были на юге... В последние годы французская и испанская полиция разработала и провела серию совместных антитеррористических операций, приведших к аресту многих баскских террористов. Так в сентябре 2000 года был арестован предполагаемый глава

испанской ETA в Бидаре в Атлантических Пиренеях. Тогда же в результате расследования, проведенного французами, удалось выявить подпольную лабораторию по изготовлению взрывчатки для сообщников с юга («Монд», 19 сентября 2000 года). Но полиция, противостоящая терроризму, – это одно, а политика – совсем другое дело, даже несмотря на то, что в данном контексте политика и террор неизбежно накладываются друг на друга...

*

Отметим, однако, в этой области, или в этой приграничной зоне, уже не террористическую деятельность, а символические правонарушения, которые тем менее подлежат наказанию, так как не выходят за рамки грубых шуток, когда Гиньоль, ставший баскофилом, колотит или просто надувает комиссара полиции. В данном случае речь идет о краже столь желанных документов, относящихся к «баскам в департаменте», эта кража была совершена весной 2000 года смельчаком в капюшоне из Архивов департамента в лучших традициях псевдоагрессии героев комиксов, естественно, нисколько не кровавой в данном случае! Документы, похищенные таким образом, были затем представлены в Байонне в ходе пресс-конференции, и с их помощью пытались продвинуть идею создания вышеупомянутого баскского департамента¹⁴. У полицейских и судебных властей были другие, более важные заботы¹⁵, они благородно не проявили никакого интереса к этому проступку¹⁶. Плюс к тому, машины муниципальной полиции в Байонне в том же первом году нового столетия кто-то покрасил в три цвета, и отнюдь не в синий-белый-красный, конечно, а в красный-белый-зеленый – баскские цвета в лучших традициях.

Что касается молодого поколения автономистов или националистов в Стране басков, они всегда примыкают к «Abertzalen Batasuna» (АБ). Иногда они принимают политическое насилие («Либерасьон», 10 августа 2000 года). Но их нынешние требования, очевидно, с последующими добавлениями, охватывают три порядка: создание баскского департамента, получение баскским языком статуса официального и (как того же требуют корсиканские борцы) пересмотр дел политических заключенных. Кажется, что проблемы бегства заключенных и убийств, которые перепол-

нили тюрьму Аяччо, не наводят на размышления и не вызывают особых колебаний у активистов из области Байонны: они во всех отношениях остаются партизанами и собирают заключенных в тюрьмах своей малой родины или, по меньшей мере, региона. Пожелание о формировании баскского департамента пользуется также поддержкой со стороны многочисленных мэров городов Страны басков. Но эти влиятельные лица в большинстве случаев не выражают симпатии в адрес АБ, ни *тем более* ЕТА. Что касается населения Беарна с Франсуа Бейру во главе, оно скорее выступает против разделения того, что остается до сих пор еще (август 2000 года) единым департаментом Атлантические Пиренеи.

Чтобы не отвлекаться от французских басков в целом, скажем, что, однако, как может показаться, не возникает такого чувства, чтобы они очень горячо желали слияния Северного и Южного Ёскади, поскольку оно могло бы дать власть криминальным элементам из ЕТА, которые не всегда могут «поить молоком человеческой нежности». Но эти опасения, если они и вправду существуют, скрыта за завесой молчания, о чем можно с достоверностью судить, если опросить различных людей, живущих между Бидаш и Ларро, Сен-Жан-де-Люс и Молеоном. Сдержанность в данном случае представляет собой одну из главных добродетелей (и какую приятную!) жителей Лабура, Нижней Наварры и Суля, примерно половина из которых, повторим, не баскского происхождения. Но бывает и так, в разных местах, что сдержанность, по собственной воле или насильно, превращается в самую настоящую круговую поруку...

Поскольку мы говорим о молчании...и еще о языке, то как обстоят дела в наши дни с языковой ситуацией во французской Стране басков? Скажем так, что не очень благоприятно для регионального наречия, несмотря на такой интересный факт, как создание сети школ, где преподавание ведется на баскском языке, «Икастола»... Поскольку соотношение говорящих на баскском языке в рамках населения данного региона, если верить серьезному исследованию, проведенному в 1991 году, с возрастом «уменьшается» весьма заметно. От трети среди тех, кому свыше 65 лет (37,5%), оно снижается до 11,5% у тех, кому от 16 до 24 лет¹⁷. Все происходит в этих условиях так, как если бы некоторое число молодых басков «из нашей стра-

ны», настроенных на национализм, использовали французский язык, традиционное средство передачи любого вида идеологии, для защиты баскского языка, на котором они, по правде говоря, не говорят совсем, или мало, или плохо.

Во французской Стране басков, в любом случае, самобытная экономическая структура немногим отличается от структуры в Беарне. Туризм очень развит на баскских берегах, в горах – крепкое сельское хозяйство. Отличные предпочтения были и в ориентировании студентов: до создания современного университета в По и в области Адур студенты-уроженцы французской Страны басков поступали в университет в Бордо. Жители Беарна были в большей степени ориентированы в сторону тулузской «альма-матер»...

Говоря опять же о проблемах местной молодежи или молодежи региона, скажем, что многие сочувствующие ЕТА, приехавшие с юга, поселились во французской Стране басков, где они находятся, на «очень законных основаниях», в большей безопасности от преследований со стороны испанской полиции и правосудия. Какой будет реакция детей этих «иммигрантов», детей, родившихся во Франции и достигших сейчас подросткового возраста или ставших уже старше? Симпатии к Франции? Или к ЕТА? Или же одновременно и к тем и к другим? Очень трудно в данной ситуации предсказать, в какую сторону будут ориентированы те молодые люди, о которых мы сейчас говорим... маятник может качнуться в одну сторону, ...а может и в другую, и нас ждет немало сюрпризов. Эти молодые люди, оставаясь очень милыми, захотят ли они, достигнув зрелого возраста, вести себя как французские «ангелочки»? В этом вопросе у нас нет уверенности... Перейдя на более нейтральный уровень, мы можем упомянуть также, что часть добропорядочной баскской буржуазии из Испании, которую мало прельщает ЕТА, отправляет своих отпрысков учиться в европейских классах в лицеях Сен-Жан-де-Люс, чтобы избежать достойной сожаления идеологической заразы...

В любом случае, кажется, в последнее время установилась тенденция к «наплыву» молодых басков, выходцев из Испании, и на месте они получают поддержку со стороны сочувствующих французов. Выступая против европейского саммита в Байонне (октябрь 2000 года), манифестанты,

одетые в капюшоны, многие из которых были привезены из испанской баскской области, бросали камни и бутылки с зажигательной смесью; в этом главном городе царила такая атмосфера, как во время комендантского часа... Понадобилось мобилизовать силы 3 000 полицейских, среди которых элитные формирования «RAID». Борцы, которых они попытались контролировать, стали вести против них уличные бои (*Kalle boroca*) в столице французской Страны басков. Были ли жители Байонны в восхищении от этого и от вторжения «гостей» с противоположной стороны границы? Ответ на этот вопрос не обязательно утвердительный. Нужно ли напоминать о том, что на той же самой неделе в Испании во многих провинциях свыше 100 000 человек в тишине и спокойствии провели манифестации против бесконечных преступлений ЕТА? Эти демонстрации, вероятно, вернули на разумный уровень представление, или же «баскскую интифаду»¹⁸ молодежи, «заполонившей город». Среди манифестантов в Байонне, а также в Англе (французская Страна басков), которые в подавляющем большинстве своем были из Южных Пиренеев, можно было отметить во главе руководителей ХБ (Herri Batasuna из Испании) и «Abertzalen Batasuna» вместе с АБ (Франция); эти две организации имеют на своем «идеологическом заднем дворе» некоторое число активистов, иногда очень заинтересованных, но совсем незаметных, скажем даже, действующих из подполья на южных и даже на северных склонах приграничной пиренейской горной цепи¹⁹. Все еще остается резким несогласие, разделяющее ХБ и АБ в вопросах о мере оправданности или неоправданности «насилия в борьбе»²⁰...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАМЯТНЫЕ МЕМОРИАЛЫ

Руссильон

Начиная говорить о Руссильоне, мы впервые подходим к тем многочисленным южным меньшинствам, чей язык не германского, не кельтского, не доиндоевропейского происхождения, а напрямую происходит из латыни. Этот регион, расположенный в «самом сердце юга» Франции (современной), был населен раньше иберийскими, или, по меньшей мере, подвергшимися иберийскому влиянию в течение последнего тысячелетия до Рождества Христова¹ племенами. Он получил первые элементы своей будущей культуры (латинской, позже ориентированной на Каталонию) во времена римского завоевания; оно осуществилось благодаря усилиям Домиция Агенобарба в конце II века до нашей эры. Дорога Домиция, которую начали строить в 121 году, соединила постепенно и поэтапно Италию с Южной Галлией, затем с юго-востоком Испании, и прошла по Руссильону, увековечив хотя бы имя, если не память Агенобарба. Этимология названия «Руссильон» восходит к названию укрепленного римского города «Руссино», где в древние времена занимались металлургией. Руссино стал римским городом с форумом, курией, термами и главным городом «городка», на самом деле представлявшего собой значительную по территории область, разделенную на несколько «областей» (*pagi*); они, в свою очередь, соответствовали историческим зонам Валлеспир, Конфлан, Сердань и собственно Руссильон. Пшеница с равнины и железо, добываемое из местной руды, экспортировались в Рим. Плюс к тому, в то время этот регион не имел особо оригинальных характеристик, поскольку был латинизирован в том же порядке, что и обширная нарбоннская территория. Там продолжали существовать старинные культы сельскохозяйственных богов, когда обожествляли озера, источники, деревья, скалы. Также там почитались в классических традициях и боги, привнесенные римлянами, то есть Юпитер, Меркурий, Венера, Диана и Аполлон. Все это продолжается до тех пор, пока на местах не вводится христианство, а происходит это в III и особенно в IV веках. Из-за вторжений германцев городские структуры приходят в состояние серьезного упадка в период с III по V век. На самом деле, ослабление городов началось еще до прихода племен с другого берега

Рейна. Среди них наиболее многочисленной группой завоевателей были вестготы, которые начиная с 413 года обосновались на современном юге Франции и на севере Испании. Они явились одним из многочисленных элементов, придавших Руссильону и Окситании характерные особенности, отличавшие их от галло-франкского смешанного населения, слегка делатинизированного, которое в ту эпоху можно было увидеть в северной части «Франции». Вестготская элита смешалась с местной аристократией; благодаря этому она без труда взяла в свои руки местные рычаги управления империи, Церкви и денежного оборота. Начало вассальной системы подчинения родилось под властью новых хозяев. Не являлось ли это в примитивной форме тем, что превратилось потом в средневековый феодализм?

Что касается мусульманского завоевания, то оно в целом оказалось всего лишь коротким эпизодом, с 720 по 759 годы нашей эры. Однако оно было. В большей степени, чем это ранее предполагали историки, настоящим катаклизмом, «разрывом цепи, мало которых примеров в истории²»: на самом деле, из архивов исчезли тексты, списки епископов прервались, происходило искоренение вестготских монастырей, носителей блестящей латинской культуры, от которой ничего не осталось; память о местоположении и даже название того или иного аббатства множество раз были стерты. Когда христианская армия Пипина Короткого вновь отвоевала эти земли у мусульман, в 759 году произошла повторная интеграция этих территорий на этот раз уже в галло-франкскую общность, где вызрела впоследствии средневековая Каталония. Изгнание Пипином арабов позднее расценят как предтечу каролингского освобождения. Благодаря ему на современной территории Каталонии была образована Испанская марка, созданная после 801 года, одновременно с которой появился Готский маркизат, в состав которого входили руссильонские земли. Это был род защитной зоны против мусульманской угрозы, которая еще долго продолжала нависать над этим регионом. В VIII веке образовалось собственно графство Руссильон, чей административный центр совпал с древним Руссино. Вестготская традиция умерла, несмотря на то, что она оставила после себя след в области права³: регион стал вновь тем, чем никогда не переставал быть —

латинской землей. Романская традиция будущей «северной» Каталонии еще больше усилилась благодаря иммиграции испанцев, идущей с юга (Hispani). Часто это были знатные люди, спасавшиеся от мусульманского владычества. Среди них можно было встретить и арабов, обращенных в христианство. По договору на владение землей («*апризион*»), заключенному на выгодных условиях, эти новые поселенцы должны были распахивать новые, нетронутые земли, которых в малонаселенном Руссильоне было еще много. Плюс к тому, вся область была покрыта сетью бенедиктинских аббатств, из которых часто уходили беглые монахи, также происходившие из Испании, и вскоре бенедиктинцы прославили себя романской архитектурой Сен-Мишель-де-Кюкса.

На массиве между Валенсией и Нарбонной тысячный год совпал со временем некоторой раздробленности – это постепенно зарождалась Каталония. Регион был разорван на разнообразные графства, среди которых был и Руссильон. Местные «касики» того времени были крупными землевладельцами или военачальниками: часто в обеих категориях выступали члены одной семьи, одни и те же люди. В полукрепостнической зависимости от них находилась крестьянская чернь, вынужденная следовать «дурным обычаям». В такой обстановке раздробленности обозначилась попытка региональной централизации, которую осуществили, с юга на север, графы Барселоны. Они не проявили активности в вопросе *реконкисты* против ислама. Но начиная с XII века они добились прямого господства над северокаталонскими графствами; им даже удалось около 1120 года установить свою власть над всем побережьем Лионского залива от Прованса до подступов к устью Эбра. По окончании долгой процедуры, начавшейся в 1137 году, Рамон Беренгер IV, граф Барселоны, взял в жены Петрониllu, наследницу Арагонского королевства. В следующем столетии, несмотря на некоторые преходящие неурядицы, арагонско-каталонский королевский дом, объединенный, таким образом, изначально династическим союзом, представлял во всем своем королевском блеске (в прямом смысле слова). Власть и могущество этой династии опирались на устойчивую базу – стабильный рост населения, мелиорацию земель, которые по необходимости орошали или осушали, торговлю с исламским Магрибом,

письменную фиксацию местных обычаев, представительную власть кортесов. В городе Перпиньяне, чье название известно с 927 года, существовал муниципальный орган власти, другими словами, консулат, с 1157 года, даже раньше, чем в Барселоне. Каталанский язык, появившийся из неуступчивой латыни, постепенно, кусками и отрывками, возникает в письменных документах начиная с XI–XII веков. В 1258 году договор в Корбей знаменует собой важнейшее дипломатическое событие. Поскольку Франция «спустилась» в Лангедок, чтобы направить крестовый поход против альбигойцев. По общему соглашению граница между каталонцами и французами установилась по ущелью Сальс, между Нарбонне и Руссильоном. Так утвердилось приграничное положение региона, которое, плохо ли, хорошо ли, продолжалось до окончательной аннексии будущего департамента Восточные Пиренеи, осуществленной Мазарини в 1659 году.

Это был долгий стабильный период, отмеченный различными событиями. В 1276 году младший отпрыск царствующей арагонско-каталонской семьи воспользовался привилегированным положением у своих родителей и мерами по наследованию, ему предназначенными: тем временем, пока старший его брат Педро III держал в своих руках всю власть в Барселоне, младший, Яков II, прозванный «Майоркским», получил для себя и для своих потомков маленькое «майоркское» королевство, специально отделенное для него, включавшее в себя Монпелье, Балеарские острова, и действительно «королевский кусок» – Руссильон, Конфьян, Валлеспир, Сердан, то есть важнейшие территории северокаталонских земель. Столицей этого «тришкиного кафтана» был не больше, не меньше как Перпиньян. Государство-спутник, которое таким образом выкристаллизовалось вокруг долин Теш, Те и Агли, на самом деле, оставалось не более чем спутником Арагона и даже получило такую «награду», как короткое вторжение французов в 1285 году (были и другие), которое произошло под предлогом «крестового похода» против Педро III Арагонского, на которого обрушились громы и молнии папского отлучения от церкви. Конец был близок – в 1344 году Яков III Майоркский вынужден был уступить свое королевство Педро IV Арагонскому. Вот и ушло с исторической сцены майоркское государство, но однако три четверти века своего

существования оно оставалось ве рным «духу времени», поскольку период позднего Средневековья, до эры окончательного утверждения крупных национальных государств, породил множество независимых региональных образований. Педро IV, в некотором смысле «проглотивший» своего двоюродного брата Якова III, мог ли он подозревать, что впоследствии кастильцы в свою очередь проглотят его Каталонию с Арагоном впридачу? Поглощение по цепочке... Вот какие были пиры у принцев!

В короткий период самоопределения, который свел в единое государство Б алеарские острова и Руссильон с 1276 по 1344 годы, были, однако, достигнуты некоторые неплохие успехи: был возведен замок в Перпиньяне, некоторое время служивший королевской резиденцией, шел процесс роста населения, отмеченный, конечно, продовольственными кризисами и смертностью; велась широкая торговля, сукном и другими товарами со средиземноморским Востоком, Северной Африкой, Италией, Фландрией; в конце XIII века начали появляться первые мануфактуры по производству сукна в Перпиньяне; местные евреи давали деньги под проценты; активной была и деятельность городских монастырей; придворная жизнь была хорошо организована: руссильонская микрокультура стала служить образцом Арагону Педро Чопорного, а отсюда уже для всей Западной Европы (Бургундия, Франция...). Да, действительно, было дело в Перпиньяне с 1276 по 1344 годы!

Начиная с 1344 года и вплоть до 1463 года Руссильон и его спутники (Сердань, Валлеспир) вновь на юге оказались сплавленными с Каталонией и находились под властью арагонской династии. Каталонское государство было архипелагом городов, федерацией коммун, на вершине которой население (как и в Стране басков) было представлено в относительно «демократическом» (для того времени) виде кортесами – общим собранием, неизбежно платившим по дань государю. Оно делилось на три «ветви», это был классический тройственный союз – дворянство, духовенство и городская буржуазия; последняя, в свою очередь, подразделялась, по меньшей мере, в некоторых городах, на три подветви (высшую, среднюю и низшую); эти три подветви символически представляли различные ступени социальной лестницы, сверху до самого низа, от патрициев до

«низших классов», между которыми разделялись семьи непривилегированного сословия. Когда в 1410 году (после смерти Мартина I Справедливого) угасла правящая династия, новый государь был избран, после разнообразных интриг, из правящего дома Кастилии. Долгое время местная монархия показывала себя в роли высоких покровителей, царствовавших над кортесами. После 1410 года обозначилось стремление королевской власти обособиться от судеб своих подданных, что в качестве ответной реакции вызвало достаточно серьезные восстания. XIV и XV века, когда недалеко находился театр военных действий Столетней войны, разорявшей соседнюю Францию, были к тому же небезопасным периодом. И таким образом можно объяснить строительство достаточно большого количества крепостей.

Невозможно описать ситуацию ни в Руссильоне, ни в Каталонии в Средние века в розовых красках: за долгий период, последовавший за Черной чумой (1348) и сопровождавшийся последующими эпидемиями, общее количество населения Каталонии сократилось на 55% (со 125 000 до 56 000 дворов). Производство шерсти в Перпиньяне приходит в упадок, множатся заброшенные фермы, или *mas ropess*. Серебра и золота не хватает, как и во всей Европе; погромы обрушиваются на евреев, оказавшихся в роли козла отпущения, народные и крестьянские восстания следуют одно за другим. Если рассматривать только Каталонию, то в 1462 году эти выступления приводят к катастрофе: в тот год жители Барселоны и прилегающей области затеяли гражданскую войну против своего государя Хуана II, графа Барселоны и короля Арагона. Он же вступил в союз с Людовиком XI, который стал его последним спасением от восставших подданных. Хуан за заключение союза отдал Людовику «свои города, замки и суверенные права в Руссильоне и Сердане»⁴. Хитрый французский король не мог и желать лучшего, как завладеть Перпиньяном, на который, как он считал (как позже Карл VIII по отношению к Неаполю), имел право наследования по линии своей бабки с материнской стороны Виоланты, дочери графа и короля Хуана I. С двух попыток, в 1462–1463, а затем в 1472–1473 годах, войска Людовика захватили город. Период второй французской оккупации продлился до 1493 года, когда Карл VIII, желая освободить свои силы для войны в Италии, возвратил Руссильон его прежним хозяевам, другими

словами, объединенной каталонской и арагонской короне, Фердинанду и Изабелле, которые были, помимо прочего, связаны с Кастилией, как всем известно; в сентябре того же года эти двое с триумфом вошли в Перпиньян; эти тяжелые двадцать лет пришлось на период неприкрытой французской экспансии на юге или стали ее предвестниками; она воплотилась в середине XV века, когда Валуа взяли в свои руки власть над частью Страны басков, затем она продвинулась немного восточнее (не считая моментального порабощения Руссильона) в виде нескончаемых войн в Италии, продлившихся с 1493 по 1559 год. Королевство Капетингов, ставшее вновь великой европейской державой по окончании Столетней войны, оказывало значительное давление на территории, находившиеся за его южными границами. Направление этого давления, по правде говоря, менялось с годами или с десятилетиями, поскольку оно перемещалось то на Пиренеи, то в Альпы и заальпийские территории.

Тринадцатого сентября 1493 года состоялся триумфальный въезд католических монархов, Фердинанда и Изабеллы, в замок Перпиньяна, возвращенного им Францией. Неделью спустя (21 сентября) они изгнали из города всех иудеев⁵, которые двинулись в сторону Неаполя и Константинополя. В любом случае, повторная интеграция Руссильона в 1493 году в состав испанской территории после недолгих двух десятилетий поверхностного французского влияния не была простым восстановлением статус-кво. Тем временем испанское государство благодаря слиянию Кастилии и Арагона (следовательно, включая Каталонию) укрепило свое могущество и стало централизованным. Перпиньян отныне стал подчиняться Барселоне, где находилась резиденция королевского наместника католических монархов, который вскоре стал представлять Карла V, а затем мадридских Габсбургов; этот «наместник» выступал в роли вице-короля, даже полновластного князька. Каталонский язык потерял свой официальный престиж и уступил кастильскому, прямо как во Франции, где диалект «ойл» начинал отодвигать так называемые периферийные «патуа».

Эти разнообразные противоречия вели к некоторым проявлениям враждебности: в 1629 году в Перпиньяне проявились агрессивные настроения по отношению к Барселоне. Но это была обычная превратность! Что на самом

деле поражает, так это провинциализация этой небольшой страны. Перпиньян, как и Монпелье, раньше выступал как крупный средиземноморский порт, открытый для любой торговли с мусульманским Востоком. Однако из-за кризисов периода позднего Средневековья численность населения этого города упала с 18 000 жителей еще в 1378 году до 8 000 к XV веку⁶. Впоследствии эта цифра оставалась практически неизменной до примерно 1640 года лишь с небольшой тенденцией к росту. Упадок маскировался пышными барочными празднествами, которыми поражал воображение в течение пасхальной недели склонный к зрелищности католицизм, обновленный вследствие контрреформации и тридентского духа. Перпиньян за своими крепостными стенами был своего рода подступом к Испании, ключом к полуострову, из-за чего он в период между 1496 и 1600 годами (в частности, в 1496, 1502, 1542, 1597 годах) много раз подвергался нападениям со стороны французской армии.

*

За этим последовали (после 1597 года) четыре мирных десятилетия, начало которых ознаменовалось посещением базельским путешественником Томасом Платтером в 1599 году, чьи впечатления о Руссильоне весьма интересны. Он прибыл в Перпиньян из Каталонии (Северной), которая послужила промежуточным пунктом его путешествия от границы, укрепленной с двух сторон – с французской и с испанской. Мул, которого ему одолжил сердобольный житель Лангедока, отчасти облегчил ему тяготы путешествия и избавил от усталости. Повсюду вдоль дороги были скалы, колючие кустарники, пушки и крепости; это были Лёкат на французской стороне и Сальс на испанской. Повсюду «пахло войной», несмотря на то, что она недавно закончилась.

Во время своей первой встречи с испанскими солдатами, охранявшими границу, Платтер выдал себя за купца-экспортера, уроженца Лангедока, желавшего исследовать каталонский рынок, чтобы узнать, есть ли там возможность торговать зерном и вином. Эту ложь приняли за чистую монету, что доказывает, что этот базелец после нескольких лет пребывания в *«Романии»* говорил к тому времени на диалекте Лангедока достаточно чисто и без ярко выраженного немецкого акцента; иначе тонкий слух

каталонских (или кастильских) часовых, привыкших к постоянным «контактам» окситанцев и каталонцев, непременно уличил бы выдумщика. Но эти самые контакты между окситанцами и каталонцами в то время не привели или пока не привели к созданию единства, еще в меньшей степени к созданию «койне», в отличие от того, что мы можем себе представить в 2000 году, когда мы так увлечены языковым братством, которое в наше время объединяет каталонских и окситанских борцов по обе стороны границы. В 1599 году их языки были, конечно, близкими или очень близкими между собой, но национальные границы, располагавшиеся между Лёкат и Перпиньяном, создавали настоящую границу во многих смыслах слова. Наличие этой границы рано привело к тому, что Лангедок стал отличаться от Руссильона, полностью испано-каталонского. Общность различных романских языков в обеих «провинциях», окситанской и каталанской, не была синонимом единства.

Платтер прибыл в Перпиньян 21 января 1599 года. Французские военные много раз пытались, и, скажем так, напрасно, занять этот город, и с этой точки зрения попытки агрессии со стороны Генриха IV оказались не более успешными... Климат в Перпиньяне был мягким, в окнах домов не было стекол, апельсиновые деревья росли в водосточных желобах. Столица Руссильона была не только производителем цитрусовых, но также финансовым центром: недалеко от рыбного рынка Платтер отправился на встречу со своим торговцем-банкиром, чтобы передать ему вексель. На улицах города путешественника поразили «морды» крайне чопорных мужчин, их маленькие шляпы и необъятные платья женщин; они как бы предвосхищали образы Веласкеса. В Лангедоке же, по сравнению с этим, господствовала провинциальная мода в одежде. Что касается языковых различий между каталанским и кастильским диалектами, то для этого базельца, который везде охотно проявлял себя полиглотом и в целом глубоким знатоком романских языков, хоть и были достаточно скромными, но, тем не менее, существовали.

На дороге, ведущей из Перпиньяна в Барселону, Томас и его попутчики (они менялись на разных этапах путешествия) открыли для себя все прелести испанского постоялого двора: еды там не было вообще, стоит сказать об этом, и самым простым решением было принести пищу с собой

или купить в соседних лавках, если они там были. Герцог Сен-Симон, еще более склонный к презрительным отзывам, нежели Платтер, в свою очередь скажет впоследствии об «этих гостиницах в Испании (...); там вам только укажут, где продается (за пределами гостиницы) каждая вещь, которая вам нужна. Мясо обычно «еще бегает», вино густое, выдохшееся и резкое, хлеб прилипает к стене, вода часто никуда не годится».

Переход через Пиренеи; этимология этого слова, данная Платтером, просто фантастична. Наш автор приводит в этой связи греческое слово «πῦρ» (которое читается как «пюр» или «пир»), обозначающее «огонь». Однажды пожар, возникший по вине пастухов, прошелся по всей этой горной цепи. Отсюда происходили и потоки расплавленного серебра, вытекавшие из ущелий, как река, из залежей руды в пиренейском массиве. Тогда местные жители получили фантастические богатства, но только на короткое время. Фольклорное или причудливое, это объяснение названия Пиренеев через пожар, предложенное таким образом (24 января 1599 года) закончилось, как почти каждый вечер в повествовании, на постоялом дворе. Тот постоялый двор, о котором шла речь, держала большая семья, или семья из нескольких поколений, что было типично для средиземноморских народов в то время, будь то испанские или балканские народы: персонал гостиницы состоял из деда, отца и сына, и у каждого из них были жена и дети, которые работали бок о бок с ними. Спать было катастрофически неудобно.

На следующий день (25 января) на заре их ждал отъезд при свете факелов. По дороге Томас запасся провизией. Именно в связи с этим он в своем произведении позволил себе одобрительно отозваться по поводу успешного ведения хозяйства, что, если ему верить, характеризовало Испанию конца XVI века: цены на еду, как он пишет, фиксировались властями, и их предписания строго соблюдались на практике... Совсем в другом ключе в Жероне, каталонском городе, который он посетил по пути, редактора «Описания путешествия» заморозил один необыкновенный барочный особняк – золото и драгоценные камни. Путешествие продолжилось вдоль длинной улицы, на которой стоял ряд виселиц: они свидетельствовали о страхе местных властей и жажде репрессий. Затем был переход через лес,

разоряемый разбойниками, если только можно верить деталям, которые приводит наш автор, любящий на досуге рассказывать захватывающие истории. Эта история об ограблении в лесу (неудачном) кажется почти единственной в долгом рассказе Томаса Платтера. Но, однако, нет причин усомниться в его правдивости; данные (Броделя), которыми мы располагаем об ограблениях «служивых» на пиренейских границах, как южных, так и северных, в любом случае подтверждают тот факт, что проблема безопасности была актуальной в этом регионе. Страхи Томаса в тот вечер 26 января не были лишены оснований.

27 января 1599 года от Остальрика до Баттлории все тянулись ряды виселиц, катастрофически заполненные человеческим материалом. Местные виноградные лозы подвешивались на подпорки из тополя, Томас отметил отличие от Лангедока, где виноградники всегда были ползучими и располагались прямо на земле, без всяких столбов и подпорок.

*

Анналы мирной эпохи в Каталонии, описанной таким образом базельцем, по барочным меркам, продлились, однако, не слишком долго, «всего несколько десятилетий», как сказал бы Эрнест Лабрусс. И на самом деле, спустя примерно сорок лет после путешествия молодого швейцарца, к тому времени успевшего состариться и умереть в своей родной немецкой Швейцарии (Аллемании), храм войны открыл свои двери на пиренейской границе.

В 1640 году восстание каталонцев, положившее начало целой серии мятежей в Европе (Фронда в Париже, выступления в Англии, Неаполе, Португалии и др.), дало Людовику XIII и Ришелье повод для вмешательства; они могли таким образом представить себя защитниками каталонцев против мадридского и кастильского централизма графа и герцога Оливареса. Перпиньян, охранявшийся испанским гарнизоном, был взят в 1642 году после очень тяжелой осады, которой подвергли город французские солдаты кардинала. Простое повторение предыдущей интервенции (при Людовике XI), когда французы также ловко воспользовались враждебностью каталонцев к арагонскому королю... Но на этот раз французское присутствие в Руссильоне приняло уже окончательный характер. *Впоследствии*, в 1659 году,

оно приобрело законные формы благодаря Пиренейскому договору – шедевру дипломатии Мазарини.

Новое присоединение Каталонии к государству Людовика XIV поставило некоторые проблемы в установлении границ; эти проблемы были разрешены несколькими попытками в пользу французских завоевателей, чьи представители показали свою нестигаемость в процессе предварительных переговоров. Делегаты Филиппа IV со своей стороны оказались более гибкими. Тем не менее, несколько маленьких местечек, как, например, крепость или «город» Лливия, остались испанскими, несмотря на то, что они располагались внутри территории, ставшей французской. В любом случае, они находились близко к новым границам. Эти изменения сопровождались небольшим по масштабам переселением жителей, количество которых не превысило 2 000 человек: некоторые каталонцы, настроенные против Габсбургов, эмигрировали на север пиренейской границы, некоторые жители Руссильона с промадридскими настроениями уехали в обратном направлении. Отныне Руссильон стал провинцией, управляемой на французский манер – правителем, выходцем из знатной семьи, которого никогда не было на месте: он больше был занят тем, что бродил по версальским прихожим и коридорам. Этим правителем в данном случае стал представитель герцогского рода де Ноай. Когда его не было на месте, то есть почти всегда, военную власть брал на себя наместник или главнокомандующий провинции: в этой приграничной зоне военными функциями нельзя было пренебрегать; обладание военной властью позволяло облеченному такими полномочиями человеку право вмешиваться в различные области провинциальной жизни. У военной власти был также и светский аспект: граф де Майи, главнокомандующий на протяжении второй половины XVIII века, появлялся в Перпиньяне, практически всегда, как законодатель элегантности и пропагандист северной моды в кругах местной элиты. Тот факт, что время от времени он считал нужным напустить на себя вид героя, несколько не умалял то влияние, которое, как я думаю, ни в чем нельзя назвать пагубным. Перед правителем и наместником интендант в принципе брал на себя административные задачи и налоговые вопросы: в отличие от Лангедока, а впоследствии от Корсики, французские власти ни в коем случае не допускали, чтобы местные

представительные органы провинции в Руссильоне брали в свои руки сбор налогов, предназначенных для Лувра или Версаля; интендант напрямую, или достаточно близко, контролировал приток «накоплений». Однако, от финансовых дел принцев перейдем к богатству региона: Раймон де Сен-Совёр, получивший интендантскую должность во времена де Майи, занялся, как и большинство его коллег, полезными делами; его интересовало благоустройство городов, он выравнивал улицы Перпиньяна совместно с главным инженером мостов и дорог.

В предыдущем веке, в 1660 году, когда Людовик XIV женился, он был проездом в Руссильоне: собирался ли он учредить северокаталонский парламент? На самом деле, он предпочел основать простой независимый совет, региональный апелляционный суд, ставший в провинции высшей судебной инстанцией, в компетенцию которой входил разбор тяжких преступлений (и в особенности преступления, связанные с оскорблением королевского величества), а также ответственной за регистрацию королевских эдиктов⁷.

Монарх назначил новых «советников», которые ни в коей мере не были, в отличие от других французских парламентариев, наделены своими собственными функциями (было бы интересно сравнить данный политический организм с парламентом в Меце, периферийной инстанцией, которую центральные власти также создали от начала до конца для своих хорошо известных целей). Король-Солнце ввел в независимый совет профранцузски настроенных жителей Южной Каталонии, изгнанных из Барселонской области⁸. Судопроизводство, исходившее от этой инстанции, базировалось на местных «*usatges*» (обычаях), «приправленных» капетингским законодательством. Централизация была еще далеко не повсеместной. Однако, кортесы (в форме ассамблей), которые в принципе представляли местное население, остались теперь не более чем воспоминанием, их призрак даже не пытались воскресить. Карл VIII, чье правление было в большей степени регулирующим, нежели абсолютистским, выражал некоторое уважение к муниципальным привилегиям в Перпиньяне. Людовик XIV и его люди, которые правили с большими проявлениями своевластия, вели себя, как интервенты, в местной ратуше: система вытягивания жребиев, которые члены городского муниципалитета вытаскивали из мешка

(«инсакуляция»), конечно, была сохранена; но право окончательного назначения «счастливого избранника» принадлежало интенданту, представителю монарха. Это нискол ько не мешало перпиньянской буржуазии продолжать жить в достаточно хороших условиях. Поскольку также часть старой местной аристократии, настроенной против французов, в начале 1600-х годов переселилась в испанскую Каталонию. Благодаря этому зажиточные буржуа из столицы Руссильона, уже обладавшие понятиями о чести, смогли «заполнить нишу»; они за последнее столетие Старого режима «вскарабкались» наверх, вплоть до уровня дворянства. Одновременно они присоединили к своим земельным угодьям территории с интенсивным земледелием и сады, окружавшие город.

В итоге централизаторская и французская атака была запущена очень далеко, но ее результаты не всегда держались на высоте уровня притязаний и желаний администрации. Людовик XIV занялся тем, что начал размещать на местах монахов, монахинь, епископов, чтобы они были французами или хотя бы верными королевству, как в национальной Церкви, иначе говоря, галликанской. Это было направлено на то, чтобы держать под контролем бесчисленные монастыри и говорящую по-каталански паству деревенских кюре. Отсюда возникли конфликты с местным духовенством. Традиционно «тридентское и ультрамонтанское», местное духовенство было изначально враждебно настроено по отношению к антипапскому галликанизму, практиковавшемуся охотно версальской монархией. Тем не менее, инквизиция была *фактически* уничтожена французскими властями: никто на это не жаловался! Национальные же противоречия внутри духовенства еще долго не исчезали: еще в 1711 году один французский монах, плохо принятый своими бенедиктинскими собратьями в Сен-Жени, выразительно сообщал интенданту об «антипатии каталонцев к монахам, приехавшим с севера»⁹.

Центральные власти, во главе с Ле Теллье и Лувуа, хотели также, в соответствии с классическими духовными нормами, ограничить карнавальные вольности излишества и барочные представления, особенно развитые в Руссильоне во время празднеств пасхальной недели. Поклонение святому Георгию, покровителю Каталонии¹⁰, пытались за-

менить на династический праздник святого Людовика, короля Франции: эта провалилась.

В вопросах языка можно отметить ряд скороспелых экспериментов, которые, плюс ко всему, имели символическое значение: в 1676 году великопостная проповедь в коллегиальной церкви Сен-Жан-де-Перпиньян была впервые прочитана по-французски. В том же году один франкоговорящий адвокат вызвал всеобщее удивление, выражаясь на этом языке в суверенном Совете. Эти два эпизода остались лишь любопытными фактами и не имели успешного продолжения.

В реальности же только упорная деятельность школы и Ордена иезуитов смогла немного пошатнуть бастионы каталанского языка на уровне местной элиты. Начиная с 1690 года иезуиты формируют новые поколения молодых буржуа, хорошо знающих французский язык. Оценки, которые получали слушатели курсов, читавшихся на этом языке, оставались неудовлетворительными в течение 1660-х годов, посредственными около 1670 года, удовлетворительными в районе 1680 года; и наконец удалось подойти к оценкам «хорошо» и «отлично» начиная с 1690 года. Такое восхождение к вершинам успехов говорит само за себя.

Добавим также, что воинствующий антикальвинизм местного духовенства, изначально возмущенного присутствием многочисленных гугенотов во французской армии, мог только обрести свою гармонию с отменой Нантского эдикта (1685 год). Не это ли послужило фактором сближения между Руссильоном и Францией?

Восемнадцатый век в отношении культуры и языка прошел под знаком мирного сосуществования с Испанией, что было исключительно выгодно для монархии Людовиков в Пиренеях. Каталанский диалект (в Руссильоне, на самом деле, близкий к лангедокско-нарбоннскому) оставался в повсеместном использовании в народной среде и, возможно, также среди среднего класса для повседневных нужд. Напротив, на высших ступенях социальной лестницы чувствовалось мощное влияние французского языка, поскольку единственной альтернативой ему мог бы послужить только кастильский диалект, другой универсальный язык; однако оказалось, что последний, в силу исторических событий в регионе, не очень хорошо воспринимался жителя-

ми Руссильона. Каталанский диалект, ставший несколько провинциальным, маргинальным, оказался «между двумя стульями» – кастильским и французским. Последний выглядел привлекательным для тех, кто желал социального продвижения.

Поворот в сторону языка «ойл» на высших ступенях общества сопровождался появлением некоторого количества различных ассоциаций: масонские ложи появились в перпиньянском обществе, среди его правящей верхушки, с 1745 года. Эту моду привезли офицеры гарнизона, обычно чужаки, приехавшие с севера; высшие слои местной буржуазии переняли ее. Пара лож в 1784 году украсили себя названиями «Равенство» и «Общительность». Участники и одной, и другой несколькими годами позже оказались восприимчивыми к революционным идеям. Французское влияние и то, что его окружало, как в политической области, так и в области искусства, отразилось также в архитектуре. Возведение многочисленных монастырей на северо-востоке Пиренеев сопровождало два последних поколения мадридского господства до 1659 года. На французский период пришлось восстановление городской ратуши в 1679 году; городская больница была построена в 1686 году, в 1751 году – театр, а строительство университета началось в 1760 году. Помимо больницы, эту классическую панораму благотворительных и архитектурных «имплантантов» последнего века абсолютизма довершают дом призрения и дом кающихся девиц (проституток или бывших проституток). Вобан и его наследники переделали укрепления Перпиньяна, построили крепость Мон-Луи, оборудовали новую гавань в Пор-Вандр. Начиная с 1705 года установились хорошие отношения с Испанией, которой в то время правил Филипп V, внук Людовика XIV и основатель долго царствующей династии мадридских Бурбонов. Несмотря на некоторые преходящие «облачка» в отношениях при Филиппе Орлеанском, дружба двух государств по обе стороны Пиренеев имела тенденцию к уменьшению значимости приграничных укреплений. Новое двоюродное родство между королями Франции и Испании из династии Бурбонов позволило похоронить топор войны и облегчило мирную интеграцию Руссильона в северное королевство на основе «семейного пакта». Это было одно из по-

зитивных долговременных последствий войны за испанское наследство, которая при этом оказалась такой тяжелой для налогоплательщиков.

Благосостояние также способно снять напряженность в некоторых ситуациях. По этому поводу мы располагаем некоторыми показательными примерами. Это прежде всего касается населения: на территории собственно Руссильонского графства его численность упала до достаточно низкого уровня – в 1553 году насчитывалось 3 725 дворов¹¹. Однако к 1728 году дворов было уже 7 837, затем, в 1740 году – 8 705, а в самом конце XVIII века, в 1798–1799 годы – 12 000. На закате царствования Людовика XIV Вобан внимательно ознакомился с научными исследованиями, проводившимися на местах; тогда он представлял Руссильон как неплодородную и малонаселенную область. Совершенно другую картину показывает накануне Революции Артур Янг: справедливо это или нет, но он описывает этот регион как еще более развитый, чем соседняя Каталония; он видит там мосты, роскошные дороги, интенсивное сельское хозяйство, орошенные земли, практически полное отсутствие земли под паром. Таким образом, доходное и высококачественное производство вина (Гренаш, Ривсалт) стало расти на протяжении периода общего подъема, пришедшегося на эпоху Просвещения. Естественно, имеет смысл внести некоторые нюансы в описание Артура Янга, иногда грешившие поверхностностью. Но основные факты остаются неизменными: начиная с этого периода в Руссильонском регионе сельское хозяйство становится более разнообразным и приобретает коммерческий характер. Экономическая экспансия, пришедшая таким образом, вполне достойна уровня того хозяйства, которое мы видим в то же время при Людовике XV и при Людовике XVI или при Карле III в Барселоне, Нарбонне, Монпелье, Ниме и Тулузе; короче говоря, во всей общности соседних регионов, в чьем бы подчинении они ни находились – в испанском или во французском. С этой точки зрения оба королевства Бурбонов в такой же степени формируют экономическое единство, как и единство правящей династии. Блага экономического роста¹² распределялись по всем слоям населения (но несправедливо), даже если «прилив поднимал все корабли» (Пьер Вилар). Руссильонский простой люд питался совсем неплохо, если учесть, что в день они

принимали пищу раз пять-шесть. На уровне же деревенского пролетариата, столь многочисленного в средиземноморских странах, постоянно присутствовало значительное количество бедняков, даже нищих, вплоть до падения королевской власти. Но в свете нового присоединения или просто присоединения Руссильона к французскому королевству, в итоге решающее значение приобретает консенсус, активный или пассивный, являющийся результатом относительного процветания; он идет от правящих классов, высших или средних: земледельцев, богатых горожан, владельцев ремесленных мастерских, крестьян-собственников — тех, кому по наследству передалась собственность в городах или деревнях Руссильона.

Более того, перпиньянской буржуазии практически не пришлось страдать от конфискации земель, которую неминуемо проводили северяне-завоеватели. Но на самом деле некоторые факты конфискации все же имели место. Несмотря на то, что они были жестокими и несправедливыми, конфискация затронула всего лишь незначительную долю полезной площади региона и нисколько не помешала скупщикам земли, происходившим из местной городской элиты, завладеть виноградниками и полями в достаточно большом радиусе вокруг столицы региона. Таким образом смогло установиться согласие между местной буржуазией и администрацией, приехавшей из Парижа или Версаля: в данной ситуации последние позаботились о том, чтобы ослабить петлю на шее первых, для которых владение землей настолько же или даже больше принималось в расчет, нежели защита местного диалекта, к тому же как никогда живого в глубинных слоях местного населения.

Затрагивая вопрос о принадлежности к той или иной нации или королевству, Руссильон, Валлеспир и Конфьян показывали, если можно так выразиться, экспериментальную модель поведения недавно объединившейся провинции по отношению к властям-захватчикам. Краткий экскурс в прошлое поможет нам оценить некоторые эволюционные явления в психологии. Напомним для начала, как это охотно делал Жозеф Кальмет, что Людовик XIII отвоевал Руссильон¹³ не у его жителей, а у испанцев. Об этом не стоит забывать. При этом первое «восточнопиренейское» или северокаталонское поколение в течение нескольких лет и десятилетий, следовавших сразу за Пиренейским

договором (1659), предпринимало некоторые действия по сопротивлению или, по меньшей мере, вело антифранцузскую партизанскую войну, или, скажем так, войну против централизации: установление налогов на соль, отмененных в 1283 году и восстановленных, несмотря на противоположные обещания, в 1661 году, послужило весомой причиной для волнений, направленных против налогов, или против французов. С 1663 по 1672 годы контрабандисты солью, которых вскоре стали называть «ангелочками», вели в Валлеспире, а затем и в Конфьяне жесточайшую вооруженную борьбу против налога на соль, который представители Короля-Солнца ввели в регионе в 1661 году. В мятеже приняли участие местные священники, консулы, представители муниципальной власти, богатые и не очень горожане, а также значительное число людей, происходивших из низших сословий. В истории этого движения было несколько достаточно жестоких стычек, его тыл находился на испанской территории. Королевская амнистия в 1673 году положила конец боевым действиям, но не контрабанде солью; она продолжалась, как и в Арморике и в других местах, вплоть до Французской революции.

Почти повстанческая борьба контрабандистов солью против сборщиков налогов постепенно накладывалась на заговоры, имевшие в большей степени политическую подоплеку; эти волнения происходили сначала, в 1667 году, в Сен-Жени-де-Фонтен из-за кастильского аббата местного монастыря; затем, в 1674–1675 годы, вспыхнул тайно готовившийся мятеж в Вильфранш-де-Конфлан – регионе, где волнения были еще во время восстания «ангелочков»; затем в Перпиньяне, в котором до той поры волнений не наблюдалось, и, наконец, четвертым примером было выступление в Палалда, недалеко от Фор-ле-Бен, местечке, вопрос о передаче которого испанцам встал в 1675 году, а испанцы, естественно, ничего лучше и представить себе не могли. Среди заговорщиков на разных этапах фигурировали состоятельные крестьяне, именитые горожане, служители церкви, адвокаты, один дворянин, один нотариус, один бывший солдат, один хозяин сапожной мастерской, одна женщина... Испания, находившаяся в то время в состоянии войны с Францией, достаточно открыто поддерживала мятежников. В общем и целом это явление свидетельствует о присутствии активного анти-

французского настроя на протяжении жизни хотя бы одного поколения, если не нескольких.

Однако, период ярко выраженного противостояния и борьбы был ограничен во времени. Поколение буржуазии, взявшей в свои руки дела (местные) после 1690 года, было, на самом деле, другой закалки и обладало другим менталитетом, чем его предшественники. Вскоре установился почти окончательный мир с Испанией; он уничтожил источник заговоров, которыми управляли из Барселоны или Мадрида. Кроме того региональная элита перешла в другой лагерь. В Руссильоне в то время оставалось еще достаточно большое количество светлых умов, которых интенданты и их подчиненные квалифицировали как «республиканцев», и понятие это было обычным для той эпохи и обозначало просто инакомыслящих. Но шел процесс инкорпорации, без настоящей ассимиляции. Высшие слои горожан уже не жаловались, или не так сильно жаловались, на то положение, в которое их поставили. Они практиковали билингвизм без комплексов и использовали французский язык в своих контактах с властями на местах и говорили по-каталански со слугами и фермерами в личных контактах в повседневной жизни. Группы, занимавшие полупривилегированное положение, играли, таким образом, роль посредников, которая не была для них лишена ни выгоды, ни удовольствия. Было приятно говорить на двух языках, — на языке народа и на языке власти. Французское присутствие и французскую культуру теперь приняли, с достаточной степенью согласия, интегрировали, в чем-то даже полюбили немногочисленные интеллектуальные меньшинства, которых привлекал престиж властвующей культуры. Преданность по отношению к монарху также играла роль, как и открытость по отношению к языку «ойл». Если кто-то не практиковался во французском языке, он мог всегда довольствоваться тем, чтобы благоговеть перед Его Величеством или выказывать королю, в двухстах лье от Парижа, минимум необходимого почитания. Ритуальные праздники в честь версальских Бурбонов, фейерверки и церемонии, которыми отмечали траур, бракосочетания и рождение детей в королевском семействе, заменили аналогичные празднества, которыми отмечали раньше выдающиеся события в жизни Габсбургов или смерть кого-нибудь из этого рода в то время, когда они через наместника

еще управляли Перпиньяном. Покорность новому хозяину, принятие то фатальное, то радостное бесспорных выгод, которые принес французский мир¹⁴; соединила и вместе с тем смягчила постоянную некоторую каталонскую ностальгию или сделала ее менее болезненной; однако, она оставалась на уровне настоящего регионального самосознания: посчитать руссильонца французом при Старом режиме – значило оскорбить его человеческое достоинство и задеть его гордость. Это не мешало многим местным жителям пойти на верную смерть в армию наихристианнейшего короля. В целом, сопротивление Северной Каталонии по отношению к версальским властям, каким бы кровавым оно ни было иногда, было еще не таким страшным¹⁵ по сравнению с гражданской войной, которую вели протестанты в Севенн против нетерпимости Людовика XIV, не говоря уже о кровавых войнах в Вандее, которые разразились позже. Периферийные мотивации, какими бы достойными уважения они ни были, в подметки не годятся той неукротимой силе, которую вдохновляли горячая вера, идеологическая или... крестьянская страсть.

Интересное свидетельство некоторой интеграции Руссильона во французскую общность можно поискать в ослепительной карьере, конечно, нетипичной, живописца Гиацинта Риго (Rigaud). Он родился в Перпиньяне в 1659 году, в год присоединения провинции к французскому королевству, и его фамилия писалась как «Rigau», а в результате офранцузивания получила свою конечную букву «d»; он происходил из семьи профессиональных художников и изготовителей заалтарных картин. Молодым он приехал в Париж, в 1682 году получил премию Королевской академии, а в 1685 году – Римскую премию, в 1700 году он был принят в Академию живописи. Он писал блестящие портреты: конечно, Людовика XIV, но также Корнеля, Лафонтена, «Гранд Мадемуазель», Боссюэ, Буало; позже Людовика XV и кардинала Флёри. Тем не менее Риго оставался верным своему южному происхождению, насколько об этом можно судить по прекрасному и трогательному изображению его старой матери-каталонки.

Каким бы престижным он ни был, северокаталанским или просто французским, Старый режим продержался лишь полвека после смерти Гиацинта Риго, который был его почти официальным живописцем. Была ли это лебеди-

ная песня? Да будет нам позволено, и нам тоже, но совсем в другом ключе, отнюдь не строго изобразительном, бросить последний взгляд на повседневную жизнь при этом самом Старом режиме в его заключительной стадии, а если быть точными, то на материальную культуру, которая к тому же сама по себе пережила несколько поколений, во время и после революционных лет. Мадам Алис Марсе, прекрасный историк Северной Каталонии, дает нам на этот счет четкие данные: около 1780 года потребление вина было обильным, и не без оснований, в этом краю виноградников, поскольку в день на человека приходился литр «красного», включая представителей бедных слоев населения и работников, занимавшихся тяжелым физическим трудом. Оливковое масло, как мы знаем, – одна из основных составляющих «критской диеты», которая в наши дни обеспечивает несколько большую продолжительность жизни людей в различных регионах юга Франции и в средиземноморских странах (среди которых, конечно, Крит!). Оливковое масло присутствует в достаточном количестве в руссильонской кухне, например, при приготовлении оладьев или блинчиков, посыпанных сахаром (*beignets, bunyetes, bugnols*). Оляда, густой и сытный суп, мог составлять главное или даже единственное блюдо на столе. Его готовили из «зелени», зерен, прогорклого топленого свиного сала, а в конце XVIII века в него все чаще и чаще стали добавлять картофель. Мяса было немного, и это были говядина и баранина для горожан, но у крестьян в ходу было мясо овец и кастрированных козлов (на праздники). В постные дни, по пятницам, во время Великого поста...) бочонки с соленьями из анчоусов или сардин, выловленных в находившемся поблизости море, обеспечивали повседневный рацион тем, кто мог себе их позволить, в то время как юные представители перпиньянского духовенства «угощались», по выражению, распространенному на Юге, угрями, которых им добывали из местных прудов. Треска, которая доставлялась из района Ньюфаундленда и которой становилось все больше и больше в течение десятилетий царствования Людовика XV и Людовика XVIII, возможно, содействовала падению, здесь, как и в других местах, уровня заболеваемости базедовой болезнью, приобретшей характер эпидемии¹⁶ у горных народов как в Альпах, так и в Пиренеях?

Французская революция в том, что касалось секторов, имевших наибольшее отношение к надстройке, многое сильно изменила: избитая истина! Впервые руссильонское население (или, по меньшей мере, его активные группы) было мобилизовано в политическом плане. Естественно, против налогов, установленных раньше королем; но также, в более широком смысле, против некоторых аспектов суверенной системы; некоторая «демократическая» логика начала делать свое дело. В декабре 1790 года «патриоты» взяли власть в Перпиньяне. В сентябре 1792 года благодаря выборам в Конвент появились местные жирондисты, а затем якобинцы. Война с Испанией сразу обострила или даже искусственно создала в новом департаменте Восточные Пиренеи французский патриотизм, который не был очевидным в предыдущих поколениях. Региональные борцы, такие как Люсия, жирондист, а особенно Кассаньес, монтаньяр, оживили профранцузское сопротивление, ожесточенное и в конце концов завершившееся победой (в сентябре 1793 года), испанскому вторжению. На юге, в маленькой гористой местности Валлеспир, сформировалась «Вандея»: борьба крестьян и католиков против якобинцев пользовалась там непосредственной поддержкой испанцев. Период термидора и Директории вернул регион к умеренности, как это было до того при жирондистах. Но события тяжелых шести лет (1789–1794) оставили свой нестираемый след: Руссильон глубоко слился с судьбой нации. Не без противоречий!

Революционные потрясения повлекли за собой массовую эмиграцию: она охватила девять десятых местного духовенства и 3,4% от общего количества населения, поскольку Испания была близко. Омраченные слишком частыми войнами, парализующими любую возможность роста экономики, годы Империи, однако, были отмечены некоторым процветанием в Перпиньяне, возможно, искусственным; оно обязано прежде всего прохождению войск по направлению к Иберийскому полуострову; солдаты тратили в городе большие суммы денег. Перпиньян – один из редких примеров французских городов, в которых численность населения увеличилась при Наполеоне I. В главном руссильонском городе, также как и в Париже, Нарбонне и Барселоне, торговая семья Дюран сделала себе состояние на доходных делах, связанных с продовольственным

обеспечением наполеоновских армий во время войны в Испании. Французский язык получил некоторые дополнительные возможности развития в еще не очень полноценных группах «профессионалов» в столице региона (адвокатов, врачей, армейских офицеров), в частности, благодаря педагогической работе каноника Жобера, возглавившего муниципальный колледж. Возможно, он наживался на своих учениках, был «делягой», но при этом заметной фигурой в преподавании и выпускал сотнями образованных молодых людей для нужд своего региона или для элитной эмиграции на север. В итоге, удивительная четверть века, продлившаяся от созыва Генеральных штатов до беспорядочного бегства после Ста дней соединила каталонскую буржуазию и крестьянство из Восточных Пиренеев с французской нацией при помощи политических связей, оказавшихся крепкими.

Сразу после тех самых Ста дней, во время Реставрации, Перпиньян оставался или вновь стал на некоторое время еще одним городом Старого режима. Им руководил (представляя собой духовную власть) магистр де Белькастель, бывший эмигрант, который ничему не научился и ничего не забыл; светскую власть представлял Каstellан, военный правитель, который в некоторой степени выполнял те функции в полку и в светском обществе, которые выполнял Майи в XVIII веке. Белый террор был менее кровавым, чем в Лангедоке; однако, он играл достаточно притеснительную роль для семей, замешанных в Революции, среди которых были те самые Араго и Кассаньес. В 1793 году аристократы были испански настроены, но они безупречно восприняли преданность Франции начиная с 1815 года. Плюс к тому, кастильская Испания хорошо понимала, что ее естественная граница проходит по Пиренеям; даже притом что для многих каталонцев их национальная территория располагалась по обоим склонам этих гор. Неизбежные попытки передать власть не представляли собой трудности для поддержания французской власти в неизменном виде: некий Делон, секретарь префектуры со времен Консульства, еще в 1830 году обеспечил административное преобразование в Перпиньяне, во время перехода власти от Карла X к Луи-Филиппу.

В судьбе Руссильона в XIX столетии обозначилось его тройное предназначение. Сначала это было виноделие и

садоводство, затем железные дороги; во-вторых, это было республиканское призвание, затем ставшее социалистическим, и наконец, стоит упомянуть о регионалистских требованиях, или, по меньшей мере, «галло-каталонских», по выражению Жозефа Кальметта. Рост виноделия стал ощущаться начиная с 1820–1840-х годов, и это связано с демографическим ростом, благодаря тому, что на протяжении одного или двух поколений сохранялась высокая рождаемость. Развитие виноделия ускорилось со строительством первой железной дороги до конечной станции линии Париж-Лион-Безье-Нарбонна; в 1858 году железнодорожное сообщение было запущено в Перпиньяне, в 1867 – в Пор-Вандр, в 1868 – в Сербер-Пор-Бу и до испанской границы. Садоводство, старинная местная практика, еще более выиграла от того, что фрукты и овощи, не теряя своей свежести, могли доставляться на поездах в Париж. Однако виноградники оставались главным источником местного процветания; они спустились на равнины; производство вина, отныне рассчитанное на широкие рынки Севера, увеличилось в шесть раз с 1865 по 1904 годы.

Еще даже до этого триумфального развития и начиная со второй трети XIX века республиканский дух стал распространяться среди виноделов, охотно принимавших антиклерикальные позиции. Во многих случаях они отдавали свои голоса за красную партию и отворачивались от традиционного консерватизма крестьян-хлеборобов и крупных собственников бывших сеньориальных земель. Городское население тоже не оставалось в долгу: пятилетие с 1830 по 1834 годы совпало с зарождением в Перпиньяне активного демократического движения. В течение следующих десятилетий семья Араго, которая не с самого начала исповедовала республиканские убеждения, способствовала разрыву в столице региона и в трех округах департамента Восточные Пиренеи (или «В.-П.») смелых проявлений ожесточенного антироялизма, способного, однако, быть гибким. Франсуа Араго (1786–1853), очень видный ученый, воплощал собой типичного представителя «крупной провинциальной буржуазии, естественного избранника своей страны» (Морис Агюлон). Он был по преимуществу и по предчувствию интегратором своего региона в Республику, и дальше, во Францию. В 1846 году сторонники Араго создали против префектуры Луи-Филиппа газету «Ин-

депандан», для этого они соединились с легитимистами; в результате выборов 1846 года Араго получил депутатский пост; либеральная команда, которая заправляла новым печатным органом, захватила власть в департаменте во время революции 1848 года. Республику утвердили в Париже, но также и в «В.-П.»! Она опиралась на сеть расплодившихся новоиспеченных клубов и на крепкую поддержку в среде аграриев. Развернулась новая предвыборная борьба (значимый факт) между банкиром Жюстеном Дюраном, представлявшим правые партии, и Франсуа Араго, который одержал победу в этом турнире. Репрессии Наполеона III после государственного переворота 1851 года ударили по многочисленным демократам на этой равнине, покрытой огородами и виноградниками. Их соперники легко пришли к власти в сентябре 1870 года, когда снова была основана республика.

Регион окончательно выходит из монархистского лагеря после франко-прусской войны. Несколько событий послужили вехами этого поворота в сто рону красных сил: прежде всего это была перпиньянская коммуна, конечно, неудачная, в марте 1871 года, затем открытие в этом же городе в 1879 году статуи Франсуа Араго, как символа региональной демократии, и венчает все это кампания в защиту Дрейфуса, которую развернула газета «Индепандан» в 1899 году; в итоге, вплоть до войны 1914 года и даже после был целый период республиканского господства. Левые силы поэтому могли себе позволить ро скошь «внутренней» борьбы между братьями-единомышленниками, между крайними и умеренными течениями. И равнина, и город переходят постепенно к социализму SFIO начиная с 1906 года. Руссильон в большей степени, чем какой-либо другой периферийный регион, иллюстрирует общие темы массового вовлечения в политику французской провинции, в более частных случаях, на юге, как в XIX, так и в XX веке, и продвижение, вслепую или открытое, политики левых сил; эстафету этой политики, начиная со времен III Республики, передавали друг другу мэры, депутаты и учителя; она скромно процветала в гражданских украшениях сельского убранства¹⁷.

Такая активизация левых политических сил не лучшим образом отразилась на развитии винодельческого хозяйства. Местные виноделы включаются во французский

рынок благодаря все более разветвленной сети железно-дорожных путей местного назначения, соединенных с главной артерией, проходящей через Нарбонну, Безье, Лион и Париж. Смежные отрасли (бочарное производство, дистилляция) развиваются такими же темпами. Сельское хозяйство на равнине росло в ущерб продовольственным поликультурам на склонах и в горах. Избавившись от связей с южной Каталонией, Восточные Пиренеи стали включаться (благодаря географической общности виноградников) в абсолютно новое региональное единство, которое получило название «винодельческого Юга» или, как стали говорить впоследствии, Лангедок-Руссильон. Регион, сформированный таким образом, был особенно «чувствительным». Начиная с 1904 года его начало озарять пламя первых забастовок сельскохозяйственных рабочих, возмущенных кризисом оплаты труда, последовавшим за снижением цен на вино. Положение еще более обострилось в 1907 году, когда виноградари из бассейна Перпиньяна, Безье, Нарбонны, даже из Нима и Монпелье объединились против убыточных продаж «сока лозы» под руководством Марселлина Альбера, экстравагантного и изобретательного лидера. Митинг виноделов в Перпиньяне (май 1907 года) собрал 170 000 человек, по примеру других массовых выступлений в крупных городах в Лангедоке. Манифестанты подожгли перпиньянскую префектуру (июнь 1907 года). В сентябре того же года родилась Общая конфедерация виноделов, объективно в большей степени окситанская, нежели каталонская; она прижилась все же в В.П., также как и в Од, Эро, Гар.

Выступления виноделов вызвали в Лангедоке волну резкой критики против империализма северных баронов и выступлений в поддержку южных земель. Со своей стороны выступления каталонцев были еще более живыми и активными, когда французский язык вошел в период нового мощного развития в Руссильоне; во время голосования за принятие светских законов толпы энт узиастов приветствовали Жюля Ферри во время его поездки в Перпиньян. С 1887 года 35% школьных учителей в Восточных Пиренеях не были уроженцами этого департамента, то есть немного «иностранцами» по отношению к местному языку¹⁸, основы которого в деревне и даже в городе продолжают, однако, присутствовать повсюду в активном со-

стоянии. Такая ситуация сохранялась до того времени, когда возобновилась деятельность научных обществ. В 1833 году родилось Филоматическое общество, которое десять лет спустя было переименовано в Сельскохозяйственное, научное и литературное общество Восточных Пиренеев. Как и другие аналогичные группы, оно публиковало свой бюллетень ... на французском языке. Местные профессора, такие как Пьер Пюигари (1768–1854) и Франсуа Камбулю (1820–1869), интересовались местной грамматикой и литературой региона. Имели место литературные праздники в Баниуль в 1883 году, затем игры «Флоро дю Руссильон» в Сен-Мартен-дю-Канигу, пока не было основано общество каталанских исследований (1906) и «Ревю каталан» (1907), которые отражали интеллектуальные, умственные, поэтические и игровые тональности движения; оно походило, хотя было менее широким и менее талантливым, на деятельность Фредерика Мистрала в Провансе. Связь с католицизмом, которая четко прослеживалась в Эльзасе, Фландрии, Бретани и в Стране басков, в Руссильоне менее видна, но однако, бесспорна. Многие писатели и эрудиты в Северной Каталонии в период перед Первой мировой войной были людьми Церкви. С 1900 по 1932 годы м агистр Карсалад дю Пон, епископ гасконского происхождения, возглавивший перпиньянский диоцез, был вдохновлен языком Восточных Пиренеев и стал использовать его как средство продвижения культуры и евангелизации в приходах и церквях.

Через травмы, увы, частые, двух мировых войн, современная история Руссильона – это история замечательного расцвета солнечного края, «*sunbelt*», население которого выросло от примерно 215 000 жителей в период 1911–1921 годы до 230 000 с 1926 по 1954 годы; и затем, в период бурного роста, это число достигло 392 000 в 1999 году. Овощеводство достигло своего апогея в районе 1930 года, когда за пределы департамента по железной дороге экспортировалось 72 000 тонн овощей против 12 500 тонн около 1910 года. Туризм развивается в горах и особенно на морском побережье. В 1981 году регион принял полтора миллиона туристов, половина из которых были французами, а половина иностранцами. И это не считая ежегодного нашествия миллионов и миллионов «северян», которые проезжают через регион, направляясь на пляжи Коста Брава или

Андалусии и оставляют за собой длинный шлейф стерлингов или марок в обменных пунктах департамента.

Политическая гегемония левых сил сохранилась. Это произошло не без некоего обращения в сторону «рабочих» или «марксистских» партий: на выборах 1936 года радикалы получили 21,5% голосов, тогда как социалисты поднялись до отметки 31,2%, а коммунисты получили 19,8% голосов. «Нелевые» партии были вынуждены довольствоваться скромной поддержкой. В 1981 году Французская Коммунистическая партия имела 28% голосов, социалисты и радикалы – 34%. Соотношение сил стало более благоприятным для правых движений. Через сторонников де Голля позавчера и сторонников Ле Пена вчера им время от времени удастся заметно продвинуться вперед в этом крае, который обуржуазился: обозначился конфликт с иммигрантами, прибывшими из исламского Магриба. В долгий период с 1907 по 1981 годы сближение с винодельческим Югом конкретизировалось в виде интеграции в Красный Юг (*Midi rouge*), по которой красными нитями проходят скачки мнений таких влиятельных местных героев, как Артур Конт и Поль Альдюи, избежавших в то время обольщений социализма.

Что же в таком контексте случилось с национальным чувством руссильонцев или северных каталонцев? Как ни странно, с этой «криптонациональной» точки зрения война 1914–1918 годов стала проблемой. Жозеф-Жак Сезэр Жоффри, родившийся в Ривсальте в 1852 году, воевавший в Тонкине (1884–1889), в черной Африке (1892–1894) и на Мадагаскаре (1900–1903), воплощает собой, после его победы на Марне, удачное слияние французского патриотизма с региональной гордостью.

Если рассматривать проблему под другим углом, то Первая мировая война углубила различия между южными каталонцами, чья интеллигенция охотно выражала прогерманские симпатии, и северными каталонцами, выступавшими патриотами по отношению к Франции, и чей патриотизм еще укреплялся потерями, которые они понесли в сражениях. При подведении горьких итогов обнаружилось, что, на самом деле, в департаменте Восточные Пиренеи в 1918–1919 годы насчитывалось 8 400 жителей Руссильона, павших на полях сражений. Во время войны из-за этого произошел почти невозстановимый разрыв

между магистром Карсаладом, каталонским прелатом Перпиньяна, и А. М. Альковером, южнокаталонским автором словаря каталанского языка; епископ обвинил этого эрудита в том, что он принял «протевтонский» настрой по примеру своих барселонских соотечественников и стал без стыда и совести воспевать романскую филологию на германский манер. Правда и то, что этот разрыв между двумя сегментами возрождения региона, по ту и другую сторону Пиренеев, подготовил необъяснимые конфликты из-за орфографии. Перпиньянцы плохо воспринимали империализм в области орфографии, грамматики и семантики со стороны большой Каталонии, или Каталонии без берегов; она пыталась распространить свое влияние, при помощи филологов, или «филобошей» (*sic*), далеко за пределы собственно испанской зоны и вплоть до французской территории.

Мировая война, таким образом, спровоцировала раскол в чувствах по обе стороны горных склонов. Мы приводили аналогичные факты в истории Страны басков, Северного и Южного Ёскади. Ссоры по поводу орфографии вызывают улыбку, однако они точно попадают в цель. После всего этого они обозначили также в провансальской и окситанской зоне границы между «мистралистами» на востоке и «алибертистами» на западе, по одну и другую стороны от Роны. Расхождения в написании каталонских слов вновь проявились в период между двумя мировыми войнами, во время создания движения «Ностра Терра», которое хотело принять лингвистические проблемы в восточных Пиренеях в духе слияния с Южной Каталонией. Писал же профессор Амад из университета Монпелье в 1936 году вдохновителю «Ностра Терра», жалуясь на «грубое варварство современных норм региональной орфографии», насаждаемых из Барселоны слушателям в Руссильоне исходя из филологических диктатов, пришедших из Германии. Пусть каждый сам оценит степень важности написания «*l'importancia*» вместо «*la importancia*». Но что в данном случае принимается в расчет, так это страсть, с которой люди разжигают некоторые противоречия, а не реальная подоплека, которая, если рассматривать ее извне, кажется смехотворной. Амад в данном случае придерживался рамок франкоцентристской идеологии с «криптофелибристской» или «криptomистралистской» тенденцией.

После 1945 года у ведущих языковую борьбу все еще оставалась солидная опора, достаточная если не для наступления, то для сохранения некоторых «убежищ» для каталанского языка. В лицее Араго в Перпиньяне в 1967 году на местном языке¹⁹ умели писать 2,2% учеников, говорили 32,2%, а понимала его половина молодых людей. В колледже Прад 51% родителей учеников говорили по-каталански. На этот раз новый спрос на язык идет со стороны «левых», что свидетельствует (еще одна перемена) о стратегическом повороте французского регионализма, перешедшего из одной крайности «спектра» политических тенденций в другую. Законопроект Андре Марти (Коммунистическая партия) 1948 года и закон Дейксонна (SFIO) 1951 года имели целью ввести преподавание регионального языка²⁰ в младшей, затем в средней и даже (для каталанского языка) в высшей школе. В 1960 году появилась руссильонская группа каталанских исследований, созданная по образцу Института окситанских исследований. Затем сразу появились на свет Руссильонский институт каталанских исследований в 1968 году и, в 1969 году в Прад, каталанский летний университет. Следующий этап имел прямую политическую направленность; в 1973 году две партии каталанской направленности представили своих кандидатов на выборы в законодательные органы в Руссильоне; речь идет о Левой каталанской партии рабочих, которая представляет собой марксистскую тенденцию, и Каталанском регионалистском движении с федералистскими коннотациями. Первые получили 1,2% голосов, вторые – 2%. Увидев эти скромные результаты, активисты решили моментально отказаться от риска выборной конкуренции между собой. Они ориентировали свою деятельность на стратегию экономических и культурных контактов между, с одной стороны, Руссильоном, который резко изменился благодаря росту потока туристов, развитию перпиньянского агломерата и прибытию «черноногих» (алжирцев французского происхождения) и, с другой стороны, обширным автономным регионом – Каталонией в Испании, подвергшейся демократическим преобразованиям Хуана Карлоса²¹.

В любом случае, горячее каталанское самосознание остается все еще живым, наперекор или благодаря таким модернизаторским импульсам к северу от пиренейского хребта; и сегодня, как и вчера, мы находим региональный

темперамент во всей своей мощи, этот, можно сказать «ультраюжный» темперамент, в лучшем смысле этого неологизма, у Артура Конта, руссильонца как никто, чья интересная работа «Свободные люди» (326 страниц), что-то наподобие политического дневника, была, как нам говорит сам автор, «написана за две недели, печаталась по мере того, как сочинялась, появилась внезапно, как скала из снопа огня»²².

*

К чему пришло каталанское самосознание к началу XXI века? Регион, о котором здесь идет речь (Восточные Пиренеи, другими словами, Руссильон или еще Северная Каталония), насчитывает 392 000 жителей²³, из которых чуть меньше половины – исконные каталонцы и менее 10% – по-настоящему говорят по-каталански (20 000 человек, по подсчетам, которые требуют, естественно, более близкого рассмотрения и, возможно, уточнения). Три автономистские или националистические партии в этом департаменте собирают от 3 до 6% голосов на выборах. Самая характерная из этих групп – не что иное, как партия «Unitat Catalana». Ее программа²⁴ – создание территориального сообщества в Северной Каталонии, «которое станет хозяином своей судьбы» и сольется, в далеком и неясном будущем, с Южной Каталонией. Разрыв с регионом Лангедок-Руссильон, но при этом поддержка субсидий, которые он выделяет (?). Принятие двух официальных языков – каталанского и французского; замена французского флага-триколора на каталонский флаг с четырьмя красными полосами на желтом фоне²⁵. В данный момент, за неимением лучшего, стали проводить крупномасштабную акцию по приданию каталанского звучания названиям улиц в Перпиньяне (108 000 жителей)... и страдают от некоторого равнодушия со стороны большого каталанского региона, той Каталонии, которая находится на северо-востоке Испании (6 миллионов жителей, из них 1,6 миллионов живут в столице, в Барселоне). Безработица в Руссильоне затронула 18% населения, поскольку средиземноморский климат, как и в Лангедоке, привлекает безработных. Иммигранты, прибывшие с крайнего Юга, как показалось, на некоторое время со своей стороны создали более благоприятные условия для Национального фронта. Это не обязательно оказались

благоприятные факторы для распространения каталанского языка путем инициативы со стороны активистов²⁶. Насилие и взрывы, по баскскому или корсиканскому образцу, в любом случае нисколько не являются злобой дня. «Говоря о культурной области», если мне позволят такое ужасное семантическое сочетание, на стороне каталанского языка предпочтения большинства или, по меньшей мере, значительного меньшинства символических «голосов». Но совсем не так обстоят дела, когда это касается вполне материальных и существующих избирательных урн, в избирательной политике и собственно политической жизни, в которой тот же самый «каталанизм» остается на данный момент «бедным родственником» по отношению к крупным партиям общепанцузского масштаба.

7

Корсика

Люди на Корсике поселились сравнительно недавно. Первое серьезное, если не массовое заселение ее народами, хорошо изученными, датированное археологами и с помощью углеродного метода, относится всего лишь к VII и VI тысячелетиям до нашей эры. Жизнь первых поселенцев практически ничем не отличалась от того, что можно было увидеть в ту эпоху на континенте: собирательство, охота, рыболовство; точильные камни и дробилки; возделывание злаковых; разведение быков, коз, свиней. Деревни стоят на отрогах и обносятся оградой. Во II тысячелетии статуи менгиры (Филитоза) связывают культуру острова с мегалитическими цивилизациями; их можно было встретить и в других местах, по средиземноморскому побережью и даже на берегах Атлантики. Древние авторы описывали Корсику как лесной край. Лесов там было больше, чем сейчас! Это были большие деревья: дубы, буки. Много было и дичи: олени, кролики, дикие бараны; рыба в прудах... и ульи с пчелами. Кабаны кормились желудями под зелеными дубами. «Корси» (Corsi) (так называли местных жителей) были охотниками и скотоводами; они употребляли в пищу молоко, мясо, мед. Контакты во время миграций известны из каботажного плавания или из фольклора:

некоторые корсиканцы осели у сардов; одна лигурийская женщина по имени Корса прибыла якобы на остров со стадом коров... В VI веке до нашей эры фокейцы основали греческую колонию Алерия; это эллинское поселение жило за счет продукции своего пригорода и торговли с местными жителями. Алерия – одна из точек проникновения внешнего влияния; колонии были как греческие, так и этрусские, карфагенские, иберийские, латинские. Все они не переставая устремлялись к этой гостеприимной земле; иногда считали, что там ненавидят иностранцев; на самом деле, Корсика была открыта для самых разнообразных веяний с континента. Иностранец на Корсике был одновременно «*hospes*» (гость) и «*hostis*» (враг).

Римское завоевание в III и II веках до нашей эры сопровождалось достаточно тяжелыми эпизодами. Корсиканцы, участвовавшие в местном «сопротивлении» и пленники, привезенные в Рим, исчислялись тысячами. Военные репарации, наложенные на остров, составляли десятки тонн воска. Численность населения, извлекавшего пользу из мира с Римом, возросла с 30 000 или 50 000 жителей до завоевания примерно до 100 000 (?), как только туда переселились представители администрации и колонны с востока. Это гипотетические цифры.

При Римской империи, несмотря на некоторые пережитки, оставшиеся от иберийского языка (отмеченные Сенекой), Корсика идет по пути глубинной романизации. Последствия этого будут чувствоваться еще долго благодаря простому факту принятия на острове латинского языка, из которого впоследствии образовался тот язык, на котором говорят в наши дни на полуострове. Остров поставлял наемников в императорские войска. Он экспортировал вино, раковины, рыбу. Население разделялось на примерно двенадцать племен и около тридцати «сите» (другими словами, территорий). В большинстве своем они располагались вблизи берега. Первые признаки христианства появились в III веке в Алерии: рыба, вырезанная на камне, якорь в форме распятия, саркофаг Доброго Пастыря. На Корсике даже были свои мученики, более или менее легендарные, – святая Юлия, святая Девота, святая Реститута.

После апогея (или считавшегося таковым) римской античности, Корсика в период нашествий варваров переживала период упадка: один из главных ее городов, Але-

рия, полностью пришел в запустение с V века. На острове перестали чеканить монету: упадок городов и сокращение численности населения можно, вероятно, объяснить разрывом части связей и потерей торговых путей, связывавших остров с прибрежными странами западного Средиземноморья. Общий кризис морского хозяйства сыграл в этом такую же, если не большую роль, чем физическое вторжение нескольких шаяк варваров (вандалов, готов и др.). В VI и VII веках «римляне» (на этот раз восточные), которых прославили имена Юстиниана и Велизария, подчинили Корсику себе, и отныне она стала принадлежать к Африканской провинции Византийской империи, но процветание прошлых времен к ней так и не вернулось в полной мере. Продвижение ислама начиная с VII–VIII веков создало небезопасную ситуацию на берегах, где регулярно высаживались мусульманские пираты; они вывозили оттуда рабов; они создавали там укрепленные поселения, служившие базами для последующих рейдов. Легендарный эпос впоследствии прославил деяния, частично вымышленные, семьи Колонна, которые в ту эпоху были вынуждены сражаться в защиту христианских позиций на острове. Местные жители, желая обрести защиту, бросались ли они в руки франкской империи? На самом деле эта империя ограничилась тем, чтобы через тосканскую и лигурийскую марки, которые в большом количестве «поставляли» на остров крупных сеньоров, осуществлять смутную и далекую номинальную власть. Настоящей доминирующей силой на Корсике была папская власть, Церковь: обширные «вотчины святого Петра», активные и владеющие большими территориями монастыри; сеть разбросанных повсюду приходов и церковных округов, называемых «*пьев*»: они образовались со времен первой волны христианизации в течение первого тысячелетия. Главный понтифик возложил свою власть на епископство, а затем архиепископство Пизанское (конец XI века).

Городская и светская пизанская община доминировала на Корсике в течение некоторого времени. Она, в свою очередь, была связана с тосканской зоной: оттуда на рынок поставлялись вина с Мыса, то хорошие, то кислые или посредственного качества. В соответствии с правилами неравноценного обмена остров продавал сельскохозяйственную продукцию (зерно, скот, вино). С берегов Центральной

Италии островитяне получали себе металлы и текстильную продукцию, часто прибывавшую издалека, иногда из Фландрии. Корсиканский «спутник» более или менее выходит из состояния хронического должника по отношению к пизанской метрополии благодаря морским пиратским кампаниям: они восстанавливают «коммерческий баланс» в стране. Диалекты латинского происхождения, насажденные еще давно, подвергаются, в свою очередь, тосканскому влиянию, обусловленному непрекращающимся потоком купцов, переселенцев и священников, приезжающих в страну, чтобы поселиться там временно или навсегда. Внешние «связи», будь они частичными или полными, соединили остров с Ватиканом, Пизой, а позже с Генуей; они характеризуют это пространство, окруженное водой, которое никогда не знало независимости. Эти связи составили цепь событий, описанных в хрониках; но основное движение, в плане внутреннего устройства, базировалось на совместной деятельности феодалов на вершине власти и кланов у основания.

Огромная туча сеньоров, «баронов, дворян и судей», как сказал позднее Джованни Делла Гросса, обрушилась на Корсику или образовалась там начиная с периода упадка империи Каролингов. Речь шла о «крупных хищниках» местного или тоскано-лигурийского происхождения. Под гранями феодальной пирамиды реальность системы тяготела к дроблению, «микробалканизации» острова. Судебную и военную власть держали в своих руках феодальные группировки, находившиеся в состоянии опасного соперничества. «Правосудие» должно было эффективно защищать, но при этом и эксплуатировать мелкий люд – крестьян и пастухов. И те, и другие платили за гарантии безопасности (частичные) в виде оброка; другими словами, они платили за свое половинчатое спокойствие, полученное таким образом, в обмен предоставляя сеньору, по его желанию, натуральный оброк в виде сельскохозяйственной продукции и скота. Враждебно настроенные по отношению к тирании этих феодальных каст, «официальные лица» время от времени восставали и быстро получили титул графов; в конце эпохи Средневековья в этом же русле появились «капралы»; как одни, так и другие вскоре стали вести себя как главы «мафиози», предоставлявшие услуги и требующие взамен повинности, по образцу тех тиранов, бор-

цами с которыми они себя объявляли. В то время как архипелаг церковных округов уступил место россыпи деревень, высоты острова ошетинились замками, в которых после тысячного года укрывались старые и новые бароны, разделенные друг с другом непримиримой «вендеттой», родившейся из ревливой и взаимной¹ зависти, или «*invidia*». Таким образом, на Корсике к классическому феодализму, распространенному по всей Европе, добавился отпечаток средиземноморской и клановой жестокости. На больших островах, находящихся у берегов Италии (Корсика, Сардиния и Сицилия) в течение долгого времени сохранились эти традиции, иногда преступные. Местные военачальники и знать не были способны на национальное единство, ни даже просто на единство в рамках острова; таким образом, они призывали власти извне, чтобы лучше защищать в рамках страны свои семейные и коллективные интересы в повседневной жизни: эта повседневная жизнь — это коммуна или церковный округ, объединенный примитивной солидарностью клана, которым давала некоторые гарантии дорогостоящая защита сеньоров или мафиози, а общественное благо не принималось в расчет.

Это хорошо поняли пизанцы, которые ограничились тем, что по образцу других колониальных держав (как затем поступит Англия по отношению к Индии...) возвысились над феодальной знатью: они установили свое дополнительное господство над местным сплетением страстей и интересов, не изменяя его. Крупные церковные сеньории (епископские, монастырские) оказались, плюс ко всему, в состоянии смягчить жесткие рамки системы, притом что они не стали сообщниками этой власти. Земледельцы и пастухи платили сеньорам оброк, но не отрабатывали барщину: она оставалась характерной только для Северной Франции или для севера Галлии. Огромное каролингское владение, и не без причины, никогда не распространяло своей власти и своих методов вплоть до острова, но также оно не делало этого и на окситанском Юге. Чисто корсиканские структуры обеспечивали местным жителям ряд выгодных условий, но с XIII века положение ухудшилось из-за постоянно возникавших гражданских войн: (а также перенаселенность острова) они вынудили многих людей покинуть свою родину и уехать в Пизу или Ливорно. В конце концов это привело к тому, что некоторые районы

обезлюдели. С этой точки зрения можно сказать, что черная чума 1348 года (возможно, менее опустошительная, чем на континенте) не изменила ситуацию к лучшему.

Пизанское господство оставило после себя в XIV веке что-то наподобие длинного следа ностальгии по этому периоду относительного счастья. Пизанское владычество в своих прекрасных моментах совпало по времени с периодом подъема средневековой экономики на Средиземном море, во всей Европе – благословенный XII век! Пиза также представляла собой дух коммуны. Он понемногу распространялся на острове, где по контрасту с клановым феодализмом люди могли оценить его выгоды. Кроме того, Пиза сохранила свое присутствие на острове еще на долгое время благодаря своим купцам и филиалам больницы Милосердия около Бастии. Но судьба армии, рынка, финансов отныне направляется в сторону Генуи: поворот к северу.

Генуэзские завоевания осуществлялись методом маленьких завоеваний, последовательным и эмпирическим: в первой половине XII века этот лигурийский порт получил от папы Иннокентия II контроль над тремя корсиканскими епископатами, тогда как в руках Пизы оставалась власть над тремя другими. Между 1195 и 1280 годами новая метрополия устанавливает свои укрепленные позиции в Бонифасио, затем в Кальви: церковь Сент-Мари-Мажёр в Бонифачо, построенная в генуэзской манере в готическом стиле, контрастирует с полихромными пизанскими храмами в романском стиле, характеризовавшими *imperium* предыдущего периода.

Благодаря победе при Мелории в 1284 году, за которой спустя полвека после довало глобальное соглашение с Пизой, Генуя получила окончательный контроль над островом. Новая доминирующая сила мимоходом вытеснила Синучелло де Синарка, называемого Гвидиче, который на протяжении второй половины XIII века стремился проводить в масштабах Корсики политику личных интересов. Этот человек в зависимости от обстоятельств играл на поддержке или враждебности со стороны Пизы или Генуи, обращаясь то к одной, то к другой. Конечное поражение Гвидиче символизировало неспособность острова противостоять торговым метрополиям с побережья континен-

* Империю (лат.).

та. Продвижение на территорию острова дополнительной власти генуэзской монархии завершило военную, политическую и торговую атаку этого города купцов. Укрепляя Бонифачо (конец XII века), Генуя обеспечила себе контроль над проливом, отделявшим Корсику от Сардинии, а также контроль над движением судов по вышеупомянутому «каналу».

Более тысячи колонистов насадили таким образом в вольонтаристской манере генуэзское присутствие, установившееся над высоким мысом Бонифачо², маленькой почкой в известковой рудной жиле, напоминавшим скалы Кента, контролировавшим южное направление, как Дувр был «воротами Альбиона». Все это возвышалось над морским проливом между двумя крупными средиземноморскими островами. В этих условиях обеспечивались торговые контакты и доступ генуэзской промышленности к сельскохозяйственным ресурсам сардинской земли под контролем этого «орлиного гнезда», каким была Южная Корсика. И военные структуры в Бонифачо соответствовали замыслу генуэзцев: генуэзская метрополия задумала этот город-спутник и порт, каковым был Бонифачо, какими когда-то были римские лагеря, куда воины уходили поздней осенью, — четырехугольный «*castrum*» с солидными укреплениями, защищенный от противников-пиратов, но также логово пиратов, когда представлялась такая возможность. Церковь тоже получила там свою долю: город, чьи размеры сократились несмотря ни на что, имел только один приход. Но там возвышались довольно многочисленные церкви, оратории... и монастыри нищенствующих орденов, среди которых были две францисканских общины и одна доминиканская; эти три «нищенствующих» монастыря характеризовали городскую культуру (Жак Ле Гофф), свойственную эпохе Высокого Средневековья ... и типичную также для доминирующего влияния, распространяемого из лигурийской столицы.

Начиная с 1359 года общее возмущение против тяжелого гнета со стороны замков и их хозяев закончилось «отказом от обязательств», при котором представители корсиканских общин (называемых «*общинные земли*») охотно пошли под покровительство генуэзского государства. Установление генуэзского владычества оказалось вследствие этого легче, даже его позиции усилились. (Ге-

нуя на постоянной основе стала выполнять, сохранив все соотношения, ту функцию, которую осуществляла «капеллингская» власть по отношению к анархии, организованной кланами, которая время от времени царила на Корсике).

Стали появляться некоторые различия между островными системами: на мысе Корсика, на вершине местного хозяйства, быстро установилось сообщество виноделов, мелких фермеров, земледельцев, традиционно связанное с морским рынком. Напротив, юг острова, несмотря на все инициативы со стороны общин, предпринятые в 1359 году, оставался «землей сеньоров», а нисколько не землей общин, как было на севере и центре острова. За пределами сеньориальной области, называемой «землей за горами», область «перед горами» (это была как раз земля коммун) оставалась под управлением капралов, которые в принципе выступали защитниками этого народа, отдавшегося в 1359 году под власть Генуи. Они получали жалование благодаря административным должностям и церковным бенефициям, которые Генуя создала или захватила. С другой стороны, они пополняли свои доходы за счет поборов, или «*accato*», добровольно или принудительно собираемых с жителей общин, которых они должны были защищать. *Accato* или рэкет? Как сказал Фрэнсис Помпони, капралы существовали в качестве офицеров Старого режима, которым платили генуэзские власти; их структура развивалась одновременно с архаичной общественной средой, чьей основой оставались кланы. От капралов до мелких деспотов оставался один шаг, и он был быстро сделан. Существовал иной выход из положения, но он был не лучше: он мог прийти со стороны Арагона, который на протяжении первой половины XIV века играл на противоречиях между землей сеньоров и землей общин.

Агент Арагона и феодал с острова, Винсентелло д'Истрия сделал достаточно головокружительную карьеру на Корсике в течение первой трети XV века; он достиг титула вице-короля; он был захвачен генуэзцами, и в 1434 году ему отрубили голову на ступенях Сеньории.

Корсика представляла собой для Города трудное, обременительно владение. Республика в несколько попыток уступила остров частным организациям. Первая попытка имела место в течение XIV века в пользу компании капиталистов,

названной Мон. Более длительной была передача Корсики банку Сен-Джорджию Генуэзскому (1453): этот банк прибег к антифеодальным мероприятиям и попытался укротить наиболее притесняющих народ капралов.

И на самом деле, если верить свидетельствам современников, несмотря на то, что Контора Сен-Джорджио играла на острове решающую роль, она, коллективный генуэзский собственник, уважала инициативу местных жителей и умела не налагать на них непомерных налогов³. Впоследствии Андреа Дориа между 1528 и 1550 годами учредил на Корсике стабильное генуэзское правительство, которое эффективно послужило острову. В это время прокладывали новые дороги, строили мосты, возводили небольшие крепости и даже цепь башен по побережью, каждая из которых была высотой с лестницу в 59 ступеней, чтобы положить конец высадкам мусульман-турок. Около 1530 года они похитили с Корсики более тысячи человек, которых ждало в различных формах рабство в Северной Африке. Именно эта злополучная оттоманская угроза была одной из причин, заставлявшей корсиканцев постоянно носить оружие: эта привычка, иногда опасная, сохранилась у некоторых их потомков вплоть до наших дней, и о последствиях этого можно догадаться. Что касается турецкой опасности, то ее кульминация пришлась на осаду Бонифасио в 1553 году: тогда речь шла о крайне тяжелом испытании, когда жителям и жительницам этого города пришлось пострадать от «последних оскорблений» со стороны господина Драгю, оттоманского корсара самой жестокой закалки⁴.

К опасности, исходившей от «магометанских» армад и корсаров того же сорта, чье вторжение старались не допустить башнями, возведенными вдоль всего побережья, так вот, к этой напасти добавились малярия и чума, особенно свирепствовавшая среди городского населения Бонифачо, опять среди них, чье количество эпидемия 1528 года сократила до такой маленькой цифры, как 2 000 или 2 500 жителей, и это количество практически не изменилось в следующие несколько десятилетий.

Малярия и чума не помешали, однако, установлению «достаточно прекрасного XVI века», по забавному выражению Мишеля Верже-Франчески. Контора банка Сен-Джорджио в роли правительства региона демонстрировала некоторую снисходительность в сборе налогов, за что она

отвечала. Также она старалась, в добрых генуэзских традициях, проводить колонизацию, размещая в стране многие семьи, среди которых были и предки Бонапартов. Казалось, что это было разумное процветание острова, по образцу, плюс ко всему смягченному, того, что происходило в Италии и в Провансе в эпоху Ренессанса. Строительство школ, приютов, крепостей, городских укреплений, башен, церквей, капелл, множась произведения искусства всех видов, от скульптур до дарохранительниц, а также крестильных купелей и заалтарных композиций. От такого бурного развития религиозного искусства не отставала и интеллектуальная культура: грамотность на Корсике была достаточно широко распространена, в том числе среди священнослужителей, охотно существовавших в незаконных браках.

Совпал ли жизненный путь знаменитого Сампьеро Корсо, также жившего в эпоху Возрождения, с началом корсиканского национального самосознания по отношению к «объединяющим» началам с континента, идущим как из далеких, так и из близких земель? Было бы слишком смело так говорить. В XVI веке остров состоял все еще из нескольких частей, точнее из четырех. Генуэзские подданные владели поликультурой мелких фермеров, с преобладанием виноделия, на мысе Корсика. «Демократические» (или псевдodemократические) сообщества, в частности, в центре острова, терпели двойственное иго капралов. Юг оставался феодальным. Генуэзская талассократия держала в своей власти крепости и колонии на побережье, такие как Бастия, Кальви, Сен-Флоран, Аяччо, Бонифачо, Порто-Веккио⁵. На Корсике говорили по-генуэзски в крепостях и на диалектах в других местах, писали там по-тоскански (когда что-то сочиняли). То есть было три языка, не считая латыни. Кто мог объединить все это в союз? Известный искатель приключений, *кондотьер* Сампьеро Корсо был достаточно невысокого происхождения и воевал в Италии за Медичи, а затем в интересах французов. Если бы представился случай, он бы продался туркам или самому дьяволу. Он вступил в неравный брак с Ванниной, дочерью Франческо д'Орнано, происходившей из знатного рода, и убил ее, как только получил благодаря ей необходимое ему почетное положение. Сампьеро «работал» на Францию Генриха II, когда французы в 1553 году, опира-

ясь на помощь турок, высадили военные отряды на Корсику. Было ли это первым завоеванием острова со стороны королевства? Было бы слишком смело так говорить. Оно предвосхищало на два века окончательное получение этой земли Шуазёлем (1768–1769). Говоря о XVI веке, нужно сказать, что первое присоединение Корсики к капетинским землям продлилось не более семи лет (1553–1559); оно позволило королю из династии Валуа сделать так, чтобы на местах прижился «крюкотворский» институт интендантства, у которого было большое будущее, в лице некоего Панисса из Монпелье. Потерпев поражение при Сен-Кантен, Франция затем отказывается в 1559 году в договоре Като-Камбрези от Корсики и Пьемонта, чтобы в большей степени сосредоточиться на недавно приобретенных на севере и востоке Меце и Кале. Внезапное появление немецких протестантских принцев предоставляло, на самом деле, возможность соблазнительного союза для французов; из-за этого отошел на задний план «итальянский мираж», столь дорогой для Валуа начала XVI века. Сампьеро вследствие этого пользовался слабой поддержкой со стороны Екатерины Медичи. Он вновь решился попытаться счастья на острове. В 1567 году он погиб там мученической смертью от рук своих генуэзских врагов. При жизни он выражал по отношению к острову Корсика, своей «родине», горячую привязанность. Его сын Альфонс взял фамилию матери д'Орнано и нашел убежище во Франции, где прославились его потомки. Эпопея (или безрассудное предприятие?) Сампьеро подчеркнуло также таланты воинов и наемников, собравшихся вокруг него. С другой стороны, углубилась пропасть непонимания, разделившая генуэзцев, силой вернувших себе свои позиции начиная с 1569 года, и некоторых людей на острове, случайно оказавшихся на стороне великого королевства Септентриона, которому отныне перестала доверять лигурийская метрополия, подогреваемая колониальной войной. Не здесь ли начинается с точки зрения доминирующей силы проблематика «антикорсиканского расизма»?

В период с 1569 по 1730 годы Корсика остается генуэзской в своем административном устройстве (которое опять, по крайней мере, вначале, касается только поверхностного уровня социального устройства). События мировой истории не затрагивают или больше не затрагивают остров

в полной мере. (Отметим, однако, несколько инцидентов, связанных с флотом Людовика XIV, имевших место в 1684 году на подступах к мысу Корсика). И вот пробил, вдалеке от исторических хроник, «броделевский» час структур с их величием и нищетой. Корсика подчинилась дожам Генуи, также как и советам, управлявшим республикой. Остров странным образом образовывал королевство (без короля), *regno*. Им управлял правитель, имевший резиденцию в Бастии. Его назначали на два года, и именно он целиком и полностью вершил правосудие. Его выбирали (также как и его местное окружение, офицеров финансовой службы и судей) среди генуэзской знати, не беря в расчет корсиканцев.

Закончилась эра «откупщиков», началась эра «проконсулов», поскольку времена банка Сен-Джорджио ушли в прошлое. Отныне практиковалась система прямого управления, непосредственно от генуэзских властей. Тем не менее совет Двенадцати поддерживал островное правительство. Оно было сформировано из представителей, более или менее избранных, местных элитарных кругов, к которым добавились шесть делегатов от бывших феодалов южной части острова, «по ту сторону гор». Генуэзцы принимали меры, чтобы «подпилить клювы и когти» этим двенадцати или особенно именитым горожанам. Власть с континента пользовалась относительным уважением в прибрежных городах: одни из них были маленькими и верными, как Кальви и Бонифачо, другие, более крупные и менее спокойные, были под большим контролем или надзором, как, например, Аяччо и особенно Бастия, настоящая столица. Нравы священников развивались в сторону тридентского совершенства; они отказались от незаконного сожительства с женщинами и бродяжничества, что было характерно раньше для живописного духовенства эпохи Ренессанса.

Строители культовых зданий начиная с 1610–1620-х годов переняли экспрессивную манеру и стиль барокко, вдохновившись пьемонтскими, ломбардскими и генуэзскими образцами: в области восприимчивости к художественным тенденциям, остров (или самые активные его области) повернул в направлении типичной культуры северо-восточной Италии. В сердце городов маленькие школы и колледжи иезуитов распространяли элементарную культуру

или научные знания. Когда эта культура находила себе письменное выражение, она отказывалась от диалекта в пользу итальянских редакций и латинского способа выражения. Литературный протонационализм восхвалял особые преимущества Корсики. Он распространялся от лучших умов, которые, тем не менее, не были поражены систематической или антигенуэзской ксенофобией.

Местная экономика стала разнообразнее: экспорт растительного масла из Баланьи, зерна с побережья, даже каштанов из Кастаниккиа. Все это интенсивно развивалось примерно до 1640 года. Хозяева лодок на мысе Корсика обеспечивали постоянство торговых отношений с берегами северной и центральной Италии. Латиум продавал островитянам зерно из Маремм в обмен на вина с Мыса. К сожалению, кочующие пастухи во внутренних областях терпели, не без некоторой ответной мести с их стороны, стратегию «сдерживания» и огораживания (материализовавшуюся в каменные ограды), которую вели против них земледельцы с прибрежной равнины, пользовавшиеся поддержкой генуэзских властей. Последние предложили, начиная с XVII века, политику дотаций на пахотные земли и садовые насаждения: эта политика без шума предвосхищала последующие проекты французских физиократов. Результаты были не всегда на высоте и не всегда соответствовали объему стимулирующих мер, которые предлагала администрация.

Феодальные порядки отходили в прошлое. Их подточили, особенно на юге, крестьянские восстания начала XVII века, а еще в большей степени – генуэзский абсолютизм. Он принял антисеньориальную тактику; она напоминала действия таких крупных монархий, как Испания, Франция или Австрия, но предпринятые «простой» республикой. Но где один выигрывает, там другой теряет. Скромная торговая и судейская буржуазия, конечно, процветала (в большей или меньшей степени) в городах острова, деревня же, напротив, была отдана часто тираническим и жестоким предприятиям со стороны «*principali*». Окруженные вооруженными людьми, они представляли собой олигархическую мафию, усиливавшуюся благодаря незаконному слиянию самых состоятельных крестьян-собственников и потомков бывших капралов. В деревнях и даже в городах насилие, вызванное самыми разнообразными

мотивами, ворвалось в жизнь. Это было дело не только мужское, но и женское; поскольку женщины привыкли с оружием в руках защищаться от берберских набегов, которые более или менее отражались, на самом деле, несколькими десятками генуэзских башен, расставленных по побережью. Последние из них, самые заметные и действительно эффективные, датировались 1619–1620 годами (А. М. Грациани). Что касается «вендетты», то она соответствовала традиционной практике пастухов, чьи кочевые обычаи подверглись притеснению со стороны оседлых земледельцев. Мечь практиковалась также среди деревенских жителей во имя архаического кодекса чести и с применением всякого вида огнестрельного оружия. Генуэзские власти безуспешно пытались запретить огнестрельное оружие, но оно оставалось важным предметом торговли и постоянно применялось.

В конце XVII века и в первые десятилетия XVIII века смертность в результате насильственных действий достигла, как утверждали, 900 человек в год (цифра, конечно, преувеличена), и это в пропорциональном отношении соответствовало ежегодным потерям французов в 1914–1918 годах. В деревнях оставались представительские органы; они сохраняли за собой «демократическое» право избирать подеста и других членов муниципальных магистратур; но, принимая во внимание солидарность и пути, которыми шло объединение и разъединение местных кланов, речь шла попросту о демократии, если можно говорить о демократии, зажатой в тиски криминала. За неимением достаточного количества полицейских сил генуэзские власти, неспособные обуздать преступность, слишком часто ограничивались тем, что высылали убийц во внутренние районы Корсики. Там они беспрепятственно занимались разбоем, который очень дорого стоил людям. Многие островитяне, удаленные от общественных постов, которых мало соблазнял неблагоприятный климат в стране, избрали для себя путь эмиграции; это были пролетарии, военные, интеллектуалы, представители духовенства или торговцы. Они обосновывались в Марселе и особенно часто в итальянских городах – Неаполе, Генуе, Риме, Венеции..

Вероятно, не стоит рисовать картину в слишком черном цвете (возможно, во множестве маленьких городков на мысе Корсика и в прибрежной зоне люди жили очень спо-

койно). Остров, однако, постепенно становился пороховой боч кой. Поскольку более тяжелым становится налоговый гнет, следует целая серия продовольственных кризисов примерно в 1729–1730 годы, и вот восстание, даже революция, против того, что правдами и неправдами выдавалось за дор огостоящее полновластие генуэзцев. Цивилизационная деятельность, несомненна со стороны Генуи в течение всего века барокко, как это показала диссертация А.М. Грациани; но этот большой город ослабел; он не мог уничтожить ни партикуляризм на острове, ни укротить бешеную оригинальность корсиканских организаций, так непохожих на системы, которые можно было найти в Лигурии или Тоскане. Тем не менее Генуя, еще раз повторим, провела или заставила провести большую работу в своей колонии: посадку деревьев (каштанов, цитрусовых, тутовых деревьев и др.), доступ крестьян к собственности благодаря долгосрочной аренде; раздачу книг для сельскохозяйственного образования, «ввоз» сельскохозяйственных рабочих из Италии, бурный экономический подъем Баланьи, Кастаниккии, области Бастии. Это все, конечно, имело сильное позитивное воздействие, но ни в коей мере не помешало подняться ветру мятежа. В истории есть множество других примеров того, как народы оказывались бесчувственными к «благodeяниям», которыми их пытались осыпать центральное правительство...

...В самом начале корсиканский мятеж принял форму крестьянской войны, «жакерии» старого режима, направленной против налогов. Мы видели такие примеры в Бретани, Стране басков, Руссильоне и в других местах. Из-за плохого урожая многие люди, обложенные податями, выступили против налогов, которые Генуя подняла, стали нападать на города и прибрежные генуэзские поселения, пытались изгнать с Корсики малочисленных греческих колонистов, вечно служивших козлами отпущения. Это воскрешает в памяти выступление «картузов» или «заколок» против «париков». «Грызущие каштаны» из внутренних областей страны ополчились на приморскую и прибрежную элиту. Однако очень скоро городские верхи, или «*principali*», в свой черед вступили в игру. Можно подумать, что это была Фронда, начавшаяся как волнения черни и продолжившаяся затем в виде парламентского, дворянского и княжеского восстания. А также можно поду-

мать даже о Французской революции... Итак, монахи поддержали мятежи. Теологи оспаривали генуэзское владичество, руководствуясь томистской теорией (или теорией Фенелона) об общем благе, противоречащей догмам абсолютизма, которые до того развивал Боссюэ. Требования вышли за рамки исключительно народных нужд: люди желали снижения денежного налога и подати на соль, но также требовали официального права на ношение оружия; люди хотели дворянских и баронских титулов для представителей элиты и прекращения дискриминации по отношению к корсиканцам при распределении постов в армии, правосудии, церкви. Наконец, люди просили свободы экспортной торговли сельскохозяйственной продукцией страны с континентом. Все это было вполне обоснованным. В ответ на это на Корсике высадился австрийский экспедиционный корпус, пришедший на помощь своим генуэзским союзникам (лето 1731 года). Последствия этого оказались неожиданными: германское вмешательство несколько умерило требования. Это длилось недолго. После 1733 года вновь вспыхнули выступления против Генуи, тем более что со стороны этого города солдаты были малочисленны, а сборщики налогов вызывали особую ненависть. В итоге Генуя оказалась слишком слаба, чтобы продолжать править. Силы кланов довершили разжигание мятежа. Руководители восстания поставили себя под покровительство Святой Богородицы (*Salve Regina*) и раздали друг другу громкие титулы – Знаменитейший, Светлость, Королевское высочество. В 1736 году имел место героико-комический и почти карнавальный эпизод с королем Теодором. Он был авантюристом, выходцем из немецкого мелкого дворянства, бывшим пажом «Толстой Мадам» из Пале-Руайяль; затем Теодор примкнул к эмигрантам в Ливорно; он высадился на Корсике и объявил себя королем, пользующимся любовью крестьян. Он назначил канцлера, маршала, казначея, поставив своих людей на эти три главные должности. Подданные нового монарха не всегда были на высоте своего повелителя. Спустя несколько месяцев Теодор покинул Корсику и оставил недавно введенные знамена с головой мавра. Он оставил там несколько друзей, с которыми его связывали ностальгические воспоминания; впоследствии он тщетно пытался вновь высадиться в своем бывшем «королевстве».

От гротеска переходим к серьезным вещам. Между 1738 и 1741 годами произошла первая французская интервенция. В принципе, она была направлена на то, чтобы поддержать законную власть генуэзцев против мятежей; на самом деле, она явилась подготовкой к захвату. С 1735 года французский министр Шовлен планировал все: с помощью системы продажи с правом выкупа в установленные сроки⁶ остров должен был попасть в зависимость от королевства Людовика XV. Первое вторжение, таким образом, было совершено под руководством генерала и будущего маршала Майбуа, члена семьи Кольбертид. Он был опытным военным и сыном видного финансиста Демаре и привлек на свою сторону администрацию. Он показал пример (и он тоже) умеренности. Второй французский экспедиционный корпус обосновался на Корсике между 1748 и 1752 годами. Им руководил маркиз де Кюрсей, который принял на себя функции интенданта Старого режима; Кюрсей с переменным успехом поддерживал экономику и культуру; ему удалось составить на побережье и даже в го рах «французскую партию», которая заняла конкурирующую позицию по отношению к мощному антигенуэзскому движению, вскоре ставшему паолистским: враги Генуи (и Франции) продолжали сохранять прочные позиции во внутренних районах страны, притом что им не удавалось доминировать в прибрежных городах и приморских крепостях.

Начиная с 1755 года Паскаль Паоли придал корсиканской «революции» окончательный характер⁷. Восстание так бы и осталось исключительно провинциальным и не заслуживало бы названия революционного движения, если бы герой данного повествования, Ликург из Корта, то есть, короче говоря, Паоли, не придал бы ему особенной славы. И по отцовской, и по материнской линии он происходил из дворянских и «капральских» семей из внутренней части страны, из этой «Кастаниккии», которая долгое время была благоприятно к нему настроена, Паоли был изгнан с Корсики и стал в Неаполе младшим лейтенантом. Он вернулся на родину в 1755 году примерно в тридцатилетнем возрасте. Страна требовала лидера!

Наш герой предложил в этой роли себя. Его охотно приняли, поскольку вдобавок ко всему его род уже играл свою роль в начале мятежа. Юный руководитель осуществлял синтез: он опирался, как добрый корсиканец, на «*principali*»

и на федерацию, к тому же плохо спаянную, кланов внутренних районов страны. (Ему абсолютно не удалось распространить свое влияние на генуэзские крепости на побережье, которые город-государство крепко держал в своих руках). Он выступил против группировки Матра, с менее антигенуэзским настроением, чем могло показаться; они противостояли ему, как восточная равнина контрастировала с Кастаниккией. Плюс к тому Паоли (в этом еще один секрет его силы) был представителем культуры Просвещения. Он читал или пролистывал Плутарха, Данте, Монтескье... Он создал режим (и был ему предан), который был в принципе представительским или считался таковым. На самом деле, этот режим управлялся им самим и городской верхушкой; и не было случая, чтобы он избирался деревнями или поселениями «пьевами». Но пусть тот, кто никогда не грешил, первым бросит в него камень... Паоли основал также в Корте университет, который иногда называли философским или научным. Но он проявлял себя прежде всего как клерикальный. Ловко манипулируя общественным мнением на Западе, Паоли разыгрывает карту протестантской Европы (Англия, Голландия, Пруссия), затем играет на симпатиях философов (Жан-Жак Руссо), затем на дружбе с Италией; он противодействует таким образом внешним хозяевам или соперникам – Генуе, Франции... Островной лидер был католиком, но демонстрировал при этом некоторую независимость по отношению к Святому Престолу; он хотел представляться «корсиканцем», как сказали бы в других местах, галликинином, если не англиканином. В нем налет Просвещения уравновешивался глубинной клановой сущностью и стремлением вербовать себе сторонников.

Каким бы он ни был блестящим персонажем, Паоли не мог изменить отношения между силами; после нескольких экспедиций Франция добилась от Генуи, во время Версальского договора (1768), чтобы было заключено знаменитое с оглашение о продаже Корсики с правом выкупа в установленные сроки, в соответствии с которым заранее были щедро оплачены переход Корсики под залог к Франции и утрата ее Генуей; денежные суммы стали выплачиваться в виде ежегодных взносов из королевской казны лигурийскому городу. Последний, представлявший собой городскую республику старого образца, обнаружил в итоге свою неспособность укротить население «колонии», кото-

рая в нормальной ситуации должна была бы остаться под его властью. За неимением лучшего выхода Генуя сложила с себя обязанности суверена, которые она в предшествующие четыре десятилетия выполняла лишь наполовину; она уступила их в пользу очень близко находившегося национального государства, могущественного, склонного к аннексии и современного: в 1768–1769 годы французский экспедиционный корпус, хорошо слаженный, в конце концов положил конец деятельности паолистов. Войска корсиканского лидера потерпели поражение от французов при Портенуово (1769). Страна попала под власть Версаля. Паоли отправился в изгнание.

В этом человеке, сочетавшем в себе Просвещение, клановую систему и стратегию, родившемся слишком рано на слишком маленьком острове, было что-то от Бонапарта. Он отнял Корсику у Генуи и разорвал связи между островом и полуостровом, он подталкивал свою страну мало-помалу в широко раскрытые объятия Франции. Не значил ли для Корсики переход от итальянского влияния к французскому, что она стала чуть меньше самой собой? Процесс светской канонизации Паскаля Паоли остается открытым. В любом случае, лихорадка антигенуэзских настроений играла решающую роль; островитяне не обязательно стремились к независимости, но они скорее отдали бы себя под власть Испании, Империи или даже Англии, чем остались бы под гнетом (не таким тяжелым, как они это думали?) существующих донине хозяев.

Начиная с 1768–1769 годов обозначается французское присутствие, вначале в виде репрессивной силы. (И можно с уверенностью сказать, что оно было более репрессивным, чем в Лотарингии, присоединенной несколькими годами раньше). Итак, на Корсике новая власть прибегла или попыталась прибегнуть ко всеобщему запрету на торговлю огнестрельным оружием. Невероятная цифра⁸, нуждающаяся в уточнении: на Корсике в это время имелось якобы 60 000 ружей (то есть, в среднем, ясно, что это составляло бы более одного или даже двух ружей на семью; и это при том что корсиканские семьи были скорее бедными). В реальности же были конфискованы всего лишь 12 000 ружей, когда власти исполняли приказ сверху. Одновременно новая «метрополия» стала проводить достаточно многочисленные полицейские и военные акции; они были нацелены

на то, чтобы искоренить бандитизм; также они пытались укротить живое и жестокое сопротивление на местах, которое препятствовало власти, пришедшей с севера и с континента. Пастухи были не единственными, избравшими для себя путь партизанской войны! Население Бонифачо, в свою очередь, цеплялось за свой статус генуэзских подданных. Командующие Марбёф и Нарбонн со своими многочисленными войсками «умиротворяли» население; этим они заслужили то, что в наши дни их позорит островная историография, настроенная резко критически. Моментально потерпели поражение выступления паолистской партии, начавшиеся в 1774 году с заговора (Руссильон, как мы видели, вел себя таким же образом за сто лет до того). Что касалось личной безопасности людей, то тут можно высказаться в пользу французов: число преступлений, кажется, снизилось (возможно, со времен до завоевания), конечно, в течение двух первых десятилетий французского господства по сравнению с очень высокими цифрами начала XVIII века.

Новые административные структуры, насажденные французской центральной властью, вставшие над кланами, сохранившими свою важную роль, мало отличались от тех, которые уже процветали в других периферийных регионах. В отличие от Руссильона, Корсика стала частью государства, аннексированной во время гораздо более авторитарного периода; итак, многочисленные порядки островного общества были представлены в провинциальной ассамблее; она не имела больших полномочий и впоследствии собиралась менее десяти раз за двадцать лет; тем не менее, она могла выражать жалобы (которые затем доходили до Версаля). Как и в Бретани, постоянная посредническая комиссия обеспечивала деятельность этих так называемых «штатов» в периоды между сессиями; эта комиссия соответствовала старинному местному учреждению бывших Двенадцати благородных, или «Nobles Douze». Над всем этим стояли правитель и интендант с континента; они воплощали собой один военную, другой гражданскую власть, находясь под далекой эгидой, в Версале или Париже, Государственного военного секретариата (на Корсике очень расточительно) и Генерального контролера по финансам.

Французы, более «склонные к ассимиляции» и более открытые в этом отношении, чем бывшие хозяева – гену-

эзцы, принимали многих представителей корсиканской элиты в судебные органы, в частности, в новый верховный суд, названный «Высшим советом»; он играл роль парламента. Избранные Местные, которых допустили в этот ареопаг, стали работать там плечом к плечу с людьми, только что прибывшими из метрополии, среди которых фигурировали несколько *«carpet-baggers»*, чья репутация оставляла желать лучшего. «Высший совет» выносил приговоры, которые «соответствовали старинным нормам, унаследованным от генуэзского периода»; впоследствии к таким приговорам добавились некоторые нормы французского законодательства⁹. Дворянские титулы (или признание дворянского титула) были пожалованы нескольким тысячам человек, в то время как Генуя показала себя крайне скупой на пожалование титулов или дворянского звания. Старая генуэзская скупость, плохо воспринимаемая на острове. Присвоение французскими властями дворянского титула некоторым семействам не было негативно воспринято на Корсике, поскольку там еще почти не получили распространение антидворянские настроения.

В 1789 году на местах не было войны против замков; по правде говоря, замков, которые можно было бы разрушить или сжечь, было не так много. По отношению к Церкви французская стратегия была *ipso facto* галликанской: епископы с континента плечом к плечу с оставшимися корсиканскими прелатами взяли в свои руки контроль над низшим духовенством, которое формировалось из числа местных жителей. Французская стратегия, несмотря на то, что была католической, не лишена была некоторого антиклерикализма, вполне в духе Просвещения и дорогого для администрации, прибывшей из Франции: несколько праздников, бывших нерабочими днями, были отменены, власти старались сократить количество монахов, и наконец, там, как и в других местах, изгоняют иезуитов: корсиканской барочной вере, скопированной с итальянской, досталось в полной мере. Система среднего образования пострадала из-за изгнания добрых отцов, последователей св. Игнатия. Но затем оно вновь в некоторой степени восстановило свой престиж. К молодым островитянам, направлявшимся в учебные заведения в Тоскане и Лигурии, добавился

⁹ Фактически (лат.).

отныне все более и более значительный поток желающих получить образование во Франции: студенты, часто благородного происхождения, ехали учиться на север королевства; юный Наполеон Бонапарт – здесь всего лишь один из примеров, *впоследствии* ставший знаменитым, тогда как другие так и остались в неизвестности.

Включение острова в кадастр, впервые осуществленное благодаря составлению «земельного плана», продолжается до наших дней, а с тех времен в национальном архиве сохранились рулоны восхитительных мелкомасштабных карт. В тот момент эту картографическую деятельность встретили с недовольством многочисленные землевладельцы, привыкшие к старым порядкам – практически всегда передававшимся из уст в уста и не выходившим за местные рамки. Итак, начали отмечать пространство, но и также делали в нем разрывы: Франция не была бы самой собой, если бы не начала строить дороги. По правде говоря, имевшие стратегическое значение. Даже римляне на Корсике почти не прокладывали дорог!.. Это было невиданное ранее строительство, и дороги были полезны для торгового обмена в этой стране, которую покрывала до этого времени в основном лишь сеть тропинок. И наконец, налог, установленный новым правительством, был более легким, чем в метрополии; основная сумма составляла всего один турецкий ливр с жителя – это мало. На острове, испытывавшем дефицит наличных денег, люди предпочитали выплачивать налоги натуральной продукцией; ни о чем подобном не могло идти и речи в уже развитых провинциях Севера и даже на Юге королевства. Несмотря на такое количество архаических пережитков, Корсика, ставшая «французской», увеличила численность населения впервые с давних времен: некоторая доля неуверенности, которая дает почву для споров между историками, не может скрыть тот факт, что население, долгое время не превышавшее 120 000 человек, достигло наконец 150 000 человек в первые десятилетия после присоединения к Франции (с 1770 по 1790 годы). Это признак хорошего состояния (относительного) островной экономики. Французский мир, каким бы спорным он ни был..., или каким бы спорным «он ни стал», обеспечивал, по меньшей мере, личную безопасность людей и возможности некоторого количественного роста сельскохозяйственной

продукции при отсутствии технического совершенствования производства. В данном случае небольшую роль сыграли физиократические меры, принятые интендантством, какими бы благими намерениями они ни руководствовались. Просто иногда под тяжелым прессом просвещенной власти люди убивали друг друга несколько реже, чем в прошлом. Таким образом высвободилась мирная энергия на то, чтобы обрабатывать землю, пасти скот, производить товары, торговать ими, пусть это произошло и не сразу. Было что противопоставить растущим нуждам в продовольствии у этого динамичного населения, для которого открылась возможность роста. Корсика стала супругой своего века, пусть это был всего лишь морганатический брак. Она запоздало присоединилась к процессу демографического роста, который уже долгое время наблюдался в континентальной Европе в эпоху Просвещения.

Но это относительное затишье несколько не означает, что сердца местных жителей были окончательно завоеваны: это будет уже позже! Французская революция, как и в других регионах «по периметру», в моральном и политическом смыслах объединила корсиканскую землю с ее недавно приобретенной родиной-матерью. Это единство было еще непрочным, но уже могло себя проявить. Начиная с 1789–1790 годов выходят на первый план реформы, проведенные из Парижа по инициативе национального правительства: разделение на департаменты, создание (дистриктов), которые соответствовали нашим современным округам, превращение существовавших до тех пор «пьевов» в «кантоны» – последнее, по правде говоря, касалось в большей степени внешней словесной оболочки, нежели сути вещей. Раньше самые светлые умы на острове и особенно в корсиканской диаспоре не принимали французского завоевания; теперь же они увлеклись идеей о том, что королевство, какой бы угнетающей силой оно ни было, стало в итоге, при помощи Революции, проводником свобод на территории этого большого острова. Среди этих новообращенных вскоре появится молодой Наполеон Бонапарт, бывший ранее франкофобом. Смягчив свою прошлую ненависть к королевству, он в 1789 году становится одним из командиров национальной гвардии в Аяччо. Паоли, в свою очередь, тоже привлекла новая ситуация. В 1790 году он вернулся в страну, где когда-то был

видным лидером. Его встретили бурно: он был назначен главнокомандующим той же самой национальной гвардии. В течение некоторого времени он показывает свою высокую преданность парижскому правительству и получает от него ценные указания, как эффективно вести дела в корсиканском «департаменте».

Вскоре эта первоначальная интеграция пошатнулась. Клань, которые все еще сохраняли свое влияние, стали склоняться кто к аристократии, кто к революционным крайностям. Священники, несмотря на исключительно формальное послушание гражданской конституции для духовенства, испугались процесса секуляризации, наносившего прямой удар по преданности островитян папскому престолу. Даже сам Паоли в глубине души оставался человеком XVIII столетия, возможным приверженцем просвещенного деспотизма, даже монархии, вербующей себе сторонников: он быстро вернулся к своим прежним симпатиям во взглядах, которые все-таки несколько модифицировал. В 1793 году его заклеямили подозрительные члены Конвента, приняли за жирондиста... со Средиземного моря. Но в следующем году он предпринял активные действия: с его согласия на острове высадились англичане. Была ли это благотворная операция? Корсика получила от британцев очень либеральную конституцию, ... которую вице-король Эллиот, только что посаженный на трон лондонскими властями, поспешил не вводить в действие. Авторитаризм этого человека снова воскресил дух мятежа среди населения, отныне ставшего непримиримым; население помимо этого пострадало от неминуемого развала экономики, последовавшего за водоворотом событий Революции (из-за нарушения морских путей сообщения, закрытия рынков сбыта и др.). В 1795 году Паоли, поссорившись с Эллиотом, снова отправился в изгнание в Англию. Однако, у вице-короля было время, пока он был проконсулом, обнаружить, какое нежное чувство питают к получению чиновничьих постов некоторые граждане «протектората». Имея трезвый взгляд на вещи, он также осознавал, что государство, не имеет значения, английское или французское, абсолютно неспособно обеспечить таким образом жалованием всех людей. Предваряющее замечание? Однако единственная среди периферийных меньшинств, Корсика в годы Революции, в переломный момент сделала радикальный выбор (или это

ее лидеры сделали выбор за нее) отделиться от Франции. Это уникальный эпизод, о котором не стоит ни в коем случае забывать, позволяющий понять «отличие» острова от континента в последующие эпохи.

Возвращение Франции (к тому времени увеличившей свою территорию) после недолгого промежуточного британского вмешательства открыло бонапартистский, а затем наполеоновский период на Корсике. С 1796 года агенты и солдаты этого генерала вновь завоевывают остров для Директории.

Страна при Консульстве и Империи знала и спокойные периоды, но неразлучная пара мятеж-репрессии оставалась где-то поблизости, особенно в мало офранцузенных областях, где склонность к насилию оставалась сильной. Мелкие выступления или мятежи, никогда не вовлекавшие широкие массы, но все же имевшие еще некоторую значимость, вспыхивали по разным поводам; они противопоставляли часть местных жителей *desiderata*^{*} власти Директории, Консульства, Империи. Например, люди решили поддерживать католическую веру против Революции. Так появилось при Директории движение Кросетта, в стиле Вандей. Позже набор на воинскую службу вызвал столь резкий отпор, как это столь часто бывало в крупных империях во время их упадка. Также было несколько попыток восстаний против больших владений со стороны коммун или пастухов. Их жертвами оказались также греки из Каргеза, традиционно служившие мишенью. Начиная с 1803 года командующий войсками Моран, который оставит после себя тяжелые воспоминания о «правосудии по Морану», восстановил порядок благодаря ударам подвижных колонн, чрезвычайным трибуналам и последующим расстрелам. На это ему дал разрешение Наполеон, однако он время от времени выражал беспокойство по поводу проявлений инициативы своего подчиненного. В конечном итоге Моран был отстранен от должности. В 1801, а затем в 1811 году в виде исключительной меры (декрет Мио, за которым последовал «императорский декрет») Корсике был дан особый налоговый режим, который, по сравнению с континентальными департаментами, оказался благоприятным: были отменены гербовый сбор, торгово-промышленный налог, монополия

^{*} Пожелания (лат.).

на табак; последовало освобождение от раз нообразных налогов. Эффект от этих привилегий был долговременным, они надолго пережили Первую империю.

В этой игре преданности и враждебности проявились некоторые региональные нюансы. Наполеоновская группировка была сильна в Аяччо, центре, постоянно пользовавшемся привилегиями от императора, и в котором до нашего времени, до 2000 года, все еще сохранился Бонапартистский центральный комитет, часто находящий достойное решение актуальных проблем. Напротив, в Бастии выступали против Наполеона. В 1814–1815 годы обычные переходы (остров примкнул сначала к Бурбонам, потом к вернувшимся во время Ста дней бонапартистам, и наконец к Людовику XVIII) показали, что корсиканскому диктатору не удалось всецело завоевать симпатии своего собственного народа, раздраженного имперским гнетом. Однако значительные группировки, представлявшие общественное мнение на острове, в разное время попадали под обаяние великого императора, своего соотечественника с удивительной судьбой. Во всех отношениях Наполеон своей политикой силовой интеграции подтолкнул Корсику к французской общности с большей силой, чем это делали предшествующие системы, как Старый режим, так и Революция. (Последней, тем не менее, удалось политизировать, если не офранцузить, часть жителей острова, особенно на уровне местной элиты). В 1815 году союзники, кажется, отдавали себе отчет о таком состоянии вещей: как и в Руссильоне и Эльзасе, они согласились, не заставляя себя долго упрашивать, на то, чтобы это сближение Корсики с Францией продолжалось. Если рассматривать под этим углом, то королевская, революционная и наполеоновская политика привели впоследствии к необратимому (?) положению.

Напротив, если рассматривать ситуацию исключительно с экономической точки зрения, то экономическое положение оставляло желать лучшего до 1815 года из-за войны, блокады, недостатка денежных средств, постепенно сократившихся инвестиций. Демографический и особенно экономический рост острова восстановился (постепенно) только начиная со времени реставрации Бурбонов.

С Реставрацией впервые на острове установилась «нормальная» политическая жизнь в том смысле слова, кото-

рый мы даем в наше время этому прилагательному – выборы, установление представительского режима на местах, благодаря которому Корсика посылала своих депутатов в решающие законодательные Ассамблеи Парижа. Не обошлось без проблем! Местная элита была относительно бедной; на местах пришлось снизить имущественный ценз, чтобы выделилось достаточное число избирателей и лиц, могущих быть избранными. Как только были проведены соответствующие манипуляции, префектам от центральной власти и службам, проводившим выборы, оставалось только вынимать из урн результаты голосования избранных. При Людовике XVIII и Карле X таким образом контролировали избрание депутатов члены клана Поццо ди Борго, легитимисты. При Июльской монархии пришел черед соперничавшего клана Себастьяни занять в аналогичных обстоятельствах контролирующий пост. Маршал граф Орас Себастьяни и генерал виконт Тибюрс Себастьяни таким образом перешли от своих верноподданнических симпатий к Наполеону к сильно умеренному орлеанизму (между этими двумя точками¹⁰ было «блуждание по пустыне» в течение всего периода Реставрации).

Другие аспекты преобразований Луи-Филиппа, которые также оказались относительными и частичными, коснулись экономики: прокладка дорог, расширение портов, создание первых линий паровозного сообщения начиная с 1830 года, грандиозные муниципальные работы (ратуша, префектура, театр в Аяччо). Все это, конечно, замечательно, но не стоит за этим внешним блеском забывать о событиях, происходивших за кулисами или даже в полной безнаказанности на авансцене. Традиционные способы поведения никуда не исчезли, насилие все еще имело место! Конечно, число убийств радикально снизилось по сравнению с массовой резней начала XVIII века. Тогда оно достигало, как считали некоторые, нескольких сотен убитых в год на 120 000 жителей (?). Был ли это мир, в котором отсутствует закон, по Гоббсу, перед появлением Жандармского государства, или Левиафана? Однако теперь, между 1818 и 1852 годами, в среднем приходилось только 133 смерти на количество населения, которое вскоре превзошло 200 000 жителей. Это уже меньше, хотя все-таки и носит массовый характер. В этом отношении в современной Франции приходится 33 000 случаев насильственной

смерти в год, и это количество можно оценить как огромное, непереносимое. По меньшей мере, гражданские войны и местные восстания, которые преследовали Корсику всегда, отошли на второй план: последний мятеж такого вида пришелся на 1816 год в районе Фьюморбо, где восстали одержимые ностальгией по Империи. Королевские власти утихомирили мятежников, время от времени объявляя амнистии.

Напротив, итальянский тропизм^{*} сохраняет символический вес иногда значительный, даже притом что *ради этого дела* на острове никто не ищет кровопролития. Этому можно только порадоваться. *Карбонари*, борцы из Рисорджименто, проводили время своего изгнания на Корсике, или даже набирались среди местных интеллектуалов: последнее, *благодаря* своему университетскому образованию, начитанности, языку, на котором они говорили, продолжали обращать свои взгляды на восток в большей степени, нежели они были ориентированы на север. Как написал при Луи-Филиппе Томмазо, политический беженец, поселившийся на острове и воспользовавшийся этим периодом своей жизни (как Гримм в Эльзасе), чтобы открыть для себя на месте народную культуру:

«У корсиканцев нет и быть не может ни поэзии, ни литературы, которые не были бы итальянскими. Основы и материал для поэзии народа лежат в его истории, в его традициях, в его обычаях, в его манере существовать и чувствовать; столько всего отделяет по сути своей корсиканца от континентального француза (...). Корсиканский язык – в полной мере итальянский, и даже до настоящего времени он являлся одним из самых нечистых диалектов Италии». (Захватывающий текст, который, возможно, не берет в расчет проблему множественности диалектов на острове?).

От «этнической» поэзии и литературы до политического или «рисорджиментистского» сознания – всего один шаг. Многочисленные корсиканцы отдают себе отчет в своей близости к полуострову, хотя законодательно, они являются французскими гражданами, живущими в департаменте, не похожем на другие.

^{*} Тропизм (от греч. *tropos* – поворот, направление) – движение (рост) растений в определенном направлении под воздействием какого-либо фактора (*прим. ред.*).

После интермедиИ II Республики, при Второй империи присоединение (или приращение?) Корсики к французской общности значительно прогрессировало, несмотря на то, что население в массе своей продолжало говорить на корсиканском языке. В итоге речь пойдет, как и в Руссильоне и Стране басков, об «интеграции в различии», или об «интеграции, которая уважает отличия». Еще не пришел черед фаз ассимиляции во *всех* планах, в том числе языковом; так будет, напротив, в XX веке, благодаря совместному влиянию, которое будут оказывать армейская служба, средства массовой информации, школа; не будем забывать также и о Первой мировой войне, которую корсиканцы провели в траншеях вместе с солдатами и офицерами с континента...

Первому Бонапарту, как бы велик он ни был, нисколько не удалось достичь единодушия среди своих соотечественников. Напротив, его племянник, сильный благодаря наполеоновской легенде, парадоксально развившейся в период после Ста дней (1815) и до 2 декабря (1851 года), сумел создать себе привлекающий образ. Он проводил официальные визиты на Корсику. На местах он после серьезных исследований пытался вводить разнообразные полезные новшества, некоторые из них не остались пустыми словами; он удовлетворял требованиям среднего класса острова, класса богатых горожан, адвокатов, юристов, позволяя им занимать значительные посты вплоть до правительства, и в префектурах. Так стала подтверждаться традиция, уже обозначенная тогда, корсиканского чиновничьего аппарата; она продлилась вплоть до времени наших президентов. Кроме того, так восхваляемое процветание времен Второй империи, несмотря на то, что в это время на острове уровень жизни оставался низким, и бедность была просто шокирующей, — это не пустой звук; оно коснулось области транспорта (развитие железнодорожного и парового сообщения), сельского хозяйства (использование земли собственниками и арендаторами частично торжествовало над традиционными требованиями перегона овец в горы и права пасти скот на неогороженных полях после уборки урожая, которые всегда исходили от пастухов). Такой рост мало коснулся промышленности, несмотря на присутствие доменных печей в Солензара и Тога. Они не давали больших результатов. Преступность, оставаясь впечатляющей,

упала примерно до сорока убийств в год при Наполеоне III, благодаря улучшению нравов и мерам предосторожности, которые принимали бдительные жандармы.

Конфликт (бедственный) 1870–1871 годов вывел и Корсику также на трудный виток. Бонапартизм оставался сильным на острове под эгидой таких политиков, как Гавини, Аббатуччи, Касабьянка. Вскоре конъюнктура навязала при соединении к Республике. Это был крайне деликатный переход: левые силы на континенте охотно культивировали антикорсиканские настроения, они имели тенденцию идентифицировать остров с потерпевшей поражение династией Наполеона. Наке, как кажется, крикнул бы в то время: «Смерть корсиканцам». Клемансо даже рассматривал вопрос о том, чтобы отказаться от этого департамента, рискуя тем, что итальянцы опять заберут его себе. Тем не менее, вечная гибкость кланов, вероятно, увлеченных верностью, но по своей природе склонных отдаваться в руки наиболее привлекательной для них силы, позволила разрядить обстановку. Символом этой политической метаморфозы явился такой удивительный человек, как Эмманюэль Арен: он олицетворял собой присоединение большинства членов местной элиты к республиканцам. Свершившееся таким образом превращение еще более энергично утвердило новую волну офранцуживания острова, призванного своей новой «сущностью» влиться в сложные повороты континентальной политики. Арен (родившийся в 1856 году) по своему происхождению был наполовину южным французом, наполовину корсиканцем, республиканцем-оппортунистом, на самом деле, он распределял невысокие административные посты среди своих соотечественников; он опирался на кланы: оказывал услуги, взамен он просил поддержки, в частности, на выборах. Он без усилий выдвинулся среди некоторых островитян, которые считали, что власть не делает подарков, если только сама их не получает или если она вынуждена их жаловать из-за давления со стороны некоего эффективного «поршня».

Присутствие кланов прослеживается под этими разнообразными практическими мерами. Оно было хорошо описано в 1887 году журналистом с континента Полем Бурд¹¹ в «Тан»:

«Причина принадлежности к клану, – пишет этот наблюдатель, – это доминирующая потребность индивиду-

мов иметь союзников, чтобы вызывать к себе уважение и защитить себя; идея долга была сформирована на Корсике на этой потребности. Все моральные обязательства имели своей целью силу клана; то, что полезно для клана, — хорошо, то, что вредит ему, — плохо. И наоборот, то, что полезно для конкурирующих кланов, — плохо, то, что им вредит, — хорошо. Таковы принципы, в основе которых лежит инстинкт самосохранения. Дело чести, тем более настоятельное, чем живее страсти и чем больше повседневные опасности, требует абсолютной жертвы всеобщего сознания в пользу объединения. Какие-либо поступки имеют значение только по отношению к этому интересу. Колебаться в оказании покровительства члену клана, каким бы незаконным это покровительство ни было, в оказании помощи члену клана, какое бы преступление он ни совершил, ударить по врагу клана, каким бы жестоким ни был этот удар, — это значит предать клан, потому что это значило его ослабить; это значило пренебречь своим долгом по отношению к тем, с кем вы связаны. Часто на Корсике встречаются такие случаи, когда бесчестно не совершать то, что в других странах бесчестно совершать (...). Завоевать мэрию не значило только повязать шарф-триколор своему политическому единоверцу. Это значило получить в свое распоряжение имущество коммун (...). Это значило взять в свои руки распределение налога на движимое имущество, заручиться благосклонностью сельской полиции в борьбе с правонарушениями в деревне; это значило иметь возможность производить сертификаты о бедности, чтобы избежать выплат штрафов, иметь возможность получать убедительные доказательства, подлинные или фальшивые, если приходилось просить о чем-либо правительство. Победить на выборах генерального советника — это значило приобрести себе адвоката в делах бюджета департамента. Выдвинуть депутата — это значило широко открыть тот источник привилегий, к которому так т янулась Корсика. Тогда как в деревенской жизни (если терпели поражение) каждый час люди чувствовали на себе руку врага в виде бесконечных случаев отказа в правосудии, попустительства, расточаемого противникам. И это двойное мучение, особенно тяжелое для корсиканца, — терпеть муки от врага и не иметь возможности за них отомстить».

Политики работали над островным «тестом», состав которого изменился. За столетие, прошедшее с конца XVIII века, население Корсики увеличилось со 150 000, затем 180 000, до 200 000 жителей. Такой демографический рост активизировал экономику, как мы видели раньше, говоря об Июльской монархии и Второй империи. В 1951 году, после полувекового упадка, численность населения вновь упала примерно до 165 000 жителей, если исправить погрешности статистики, которыми мы обязаны «счетчикам переписи населения», постоянно приписывавшим к жителям своей деревни тех, кто эмигрировал на континент.

В ходе первой фазы, в течение XIX века, рост населения вызвал соответственное увеличение засеянных пашен. Наибольшая их площадь, кажется, пришлась на 1873 год – 74 000 гектаров. Под влиянием конкуренции, которую составляли мука и зерно, импортируемые с континента, «площадь засеянных земель – отмечает Помпони, – упала впоследствии до 35 000 гектаров в 1885 году и до 14 000 гектаров около 1900 года». Можно до бесконечности спорить о достоверности этих цифр, в регионе, где статистики были мало достойны доверия. Важно, что в эту поворотную эпоху вырисовываются контуры современного лица Корсики: заброшенные поля, террасы, вновь ставшие целиной. Как это отличается, например, от современной Греции, сейчас, как и всегда, покрытой оливковыми рощами. Не будем уже и говорить о Тунисе... Бывшим островитянам от этого не стало хуже: эмигрировав на континент, они находят себе в сфере обслуживания работу не такую доходную, но более приятную, чем та, которой занимались их предки в сельском хозяйстве родной страны. «Земля низко¹²». Но то, что составляет счастье *корсиканцев*, или подобие счастья для многих из них, напротив, порождает несчастную, или незавидную на первый взгляд, судьбу *Корсики*. Упадок сельского хозяйства коснулся также каштанов, оставивших свой отпечаток, однако, в сердце национального сознания; некоторые владельцы этих деревьев, еще до 1914 года, предпочли срубить этот свой «капитал», чтобы распилить стволы на доски: их продажа, достаточно рентабельная, могла дать, например, деньги на то, чтобы оплатить учебу ребенка в лицее. Невозможно найти лучшую иллюстрацию для того, чтобы показать прямой пере-

ход от первичного сектора к сфере услуг. Пространство, называемое «вторичным сектором», то есть промышленным, в прямом смысле перепрыгивается с разбега.

Корсика или скорее корсиканцы быстро перешли от традиционного общества к постиндустриальному обществу, обществу услуг; они миновали промежуточный этап, столь частый на континенте, этап заводов. Можно ли, с разумной точки зрения, их в этом упрекать? Таким же образом ослабело производство оливкового масла в Баланьи (из-за конкуренции со стороны тунисцев или марсельских заводов по производству масла, и оно дошло до достаточно низкой отметки начиная с 1910 года). На мысе Корсика пришли в упадок виноградники, пораженные филлоксерой; весь их размах вернулся значительно позже (но с географическим перемещением их ближе к восточной равнине), благодаря, в частности, приезду французов из Алжира – христиан, евреев или агностиков – на протяжении второй половины XX века, которых в высшей степени невзлюбили «местные». Миграционные перемещения согласовывались с этим неустойчивым движением. Уменьшился поток итальянских рабочих, или «*lucchesi*» (из Лукки), ранее занятых на сельскохозяйственных работах, которые быстро сливались с местным населением, несмотря на изначальное некоторое презрение к ним. Все большее число людей уезжало, чтобы пополнить ряды французского чиновничества как континентального, так и колониального: корсиканская диаспора населяет Буш-дю-Рон, Париж...и колониальную империю во времена ее апогея. И наконец, прямо как когда-то бретонцы во флоте, островитяне играют важную роль в наземных войсках, в частности, на уровне кадровых офицеров, младших офицеров и других. Известная всем любовь корсиканцев к огнестрельному оружию среди других качеств, более важных и более привлекательных, определила их на эти главные функции. Они их выполняли и собственно в армии, и в жандармерии, среди охранников тюрем, в полиции и т. д. Без Корсики французское государство было бы абсолютно не таким, каким его узнали в XX веке.

Эмиграция (современная аналогичным явлениям на Сицилии или в Калабрии) бросает двойной вызов: вызов местной бедности и в еще большей степени тот вызов, который предлагает, за морями, континентальный уровень

жизни, здраво оцененный заинтересованными людьми, особенно когда они молоды, полны динамизма и желания улучшить свою судьбу. Многочисленные случаи отъезда выражают попросту желание продвинуться в обществе. Много раз это желание достигало своей цели, но ценой потери корней: потомки корсиканских эмигрантов во Франции принадлежат сейчас к средним или высшим слоям общества. Однако, в некоторых случаях эмигранты первого поколения «специализировались» (за неимением лучшего приложения сил?) на преступности или сутенерстве в злочных кварталах больших городов (Марсель).

Эмиграция – это одновременно лучший и худший выбор. Она открывает новые перспективы для динамичных молодых людей (и девушек). Эти юноши, и даже девушки, занимают в (достаточно) гостеприимной Франции поначалу скромное положение, но часто более высокое, чем то, которым «наслаждались» на первых порах сицилийцы, перебравшиеся в Северную Америку, где они получали самую тяжелую фабричную работу. (Потомки этих новых американцев также несколько десятилетий спустя достигли уровня среднего класса). Однако отъезд за границу, в перспективе сулящий обогащение тем, кто уезжает, заслуживает некоторого сожаления с точки зрения тех упрямцев, остающихся на корсиканской земле. География острова, почти полностью занятого горами, не способствует тому, чтобы удержать население, которое, как и в остальных частях Франции, стремится покинуть гористую местность и перебраться в места с плодородными землями и благоприятными условиями для проживания. А таких мест, в любом случае, на Корсике немного, зато, напротив, хватает на обширных континентальных равнинах. Корсика – демографический антициклон: всеми силами она забрасывает на север через Средиземное море динамичное и честолюбивое население. Корсиканцы возвращаются в свою страну лишь выйдя на пенсию, даже чтобы воздвигнуть там гигантские усыпальницы, которые навсегда отмечают собой некоторые обрывистые пейзажи. Одно нелюбезное выражение прижилось в фольклоре, направленном против островитян, к несчастью, слишком распространенном во Франции: «Корсика экспортирует чиновников и импортирует пенсионеров». На местах, однако, вокруг требований самостоятельности формируется новое течение. За это борются

инициативные группы профсоюзов и Союз работников сельского хозяйства. Начиная с 1900 года идея корсиканской партии была выдвинута, в соответствии, невольном или сознательном, с аналогичными явлениями во Фландрии, в Бретани... С 1896 по 1903 годы в прессе и в жизни организаций принимает определенную форму понятие защиты корсиканского языка как такового, его отличие от итальянского и, конечно, от французского. Идея или само слово «автономия» циркулируют еще до начала Первой мировой войны в определенных кругах; некий Санту Казанова поносил «*matrigna*» («мачеху», другими словами, Францию), которая, как он нам говорил, ни в каком случае не раздает «знаменитое сокровище из отвисшей груди». Пожелания, которые высказывает Казанова в пользу обретения регионального самосознания, укореняются среди правых католических сил: это практически всеобщая особенность регионалистских движений, как до, так и после 1914–1918 годов. Одновременно корсиканцы (или, по меньшей мере, самые активные из них) упорно продолжают «голосовать ногами», короче говоря, уезжать из родной страны. Итак, расхождение местных жителей с французской общностью не было ни всеобщим, ни однозначным.

Война 1914 года принесла населению острова свыше 10 000 смертей. Она усилила процесс эмиграции: многие из тех, кто не погибли в боях, продолжили свою карьеру в армии. Также она предшествовала «периоду между двумя войнами», когда контраст между левыми и правыми силами кристаллизовался во круг фигур из кланов. С одной стороны находились сторонники Адольфа Ландри (который попутно был заметной фигурой у истоков французской демографической науки). С другой стороны располагались сторонники Франсуа Пьетри. Пьетристы были правыми. Ландристы занимали противоположные позиции. В любом случае, они практически не выходили за пределы радикально левых позиций. Марксистские или близкие к ним партии (SFIO или Коммунистическая партия) не пользовались особым успехом, даже на выборах 1936 года.

Все это пришлось на нормальную обстановку в местной политике, когда искренне и даже горячо провозглашались «цвета Франции». Тем не менее, феномен меньшинства был не лишен важности. Иногда он приобретал подтекст ирредентизма и даже фашизма на итальянский манер.

Точка этого двойного отклонения находилась иногда за пределами Корсики, в Ливорно, и в итальянских архивах, вероятно, можно найти много материалов на этот сюжет, основываясь на неизданных источниках. Борьба автономистов и сторонников Муссолини (эти два течения нельзя путать, даже по отношению к тому времени) вдохновила в то время на некоторые хорошие дела: например, она послужила стимулом для итальянской редакции языковых или исторических атласов «департамента»; в известных случаях требования корсиканской партии взяли на вооружение «чернорубашечники», которые во главе с Чиано требовали, чтобы «Сапог» объединил под своей властью Тунис, Корсику и Савойю. Профашистская пропаганда существовала. В ответ она вызвала достаточно оживленную реакцию. «Клятва в Бастии» и триумфальный приезд Эдуарда Даладье (незадолго до Второй мировой войны) были ответом «Воклюзского быка» итальянскому Троянскому коню. Таким образом патриотизм по отношению к Франции со стороны многих корсиканцев столкнулся с интригой, исходившей от дуче. Великие личности, дорогие жителям департамента, тянули людей в разные стороны: сторонники французов восхваляли Сампьеро Корсо и Наполеона, италофилы записали в свой актив Паоли, который был, однако, противником генуэзцев.

Ирредентизм, таким образом «выброшенный» на авансцену, имел практически столетние корни, возник даже еще до Санту Казановы, поскольку в 1843 году аббат Жоберти в своем «моральном и гражданском первенстве итальянцев» не признавал за Корсикой ни даже за Наполеоном никаких привязанностей или характеристик, которые были бы подлинно французскими¹³. В своей увлекательной книге писатель Габриэль Ксавье Кулиоли, обычно выражавший сильную привязанность к своему острову и к своим соотечественникам во многих произведениях, высказывался иногда жестко о периоде между двумя войнами в этой стране: анализируя доставку автономистской газеты «Монига» («Муфлон»), Кулиоли отмечает¹⁴, естественно, без негодования по этому поводу, что это издание оказывало поддержку борцам за независимость в Марокко и Вьетнаме. В 1927 году в Кемпере был основан Центральный комитет национальных меньшинств, в который вошли фламандцы, бретонцы, эльзасцы и корсиканцы. Однако, разно-

го рода идиосинкразии продолжали вызывать споры, и руководители различных направлений внутри Корсики с легкостью называли друг друга «евреями» – это слово в то время переживалось некоторыми как оскорбление. В 1935 году Санту Казанова, забыв о своем блистательном прошлом, которое он посвятил делу Корсики «как она есть», поехал отдать честь Муссолини. Заходя еще дальше, Антуан Барзочи в хвалебном тоне говорит о «необузданной энергии» Адольфа Гитлера («Mouvra», 10 октября 1938 года, цитируется по Кулиоли, *op. cit.*, стр. 179 и 241). Легко сейчас, в свете последующих событий, высмеивать такие поиски позиции. Констатируем, однако, вместе с Кулиоли, что в 1939 году действительно произошло «крушение», и даже катастрофа того, что называли тогда «корсизмом»: он имел сначала прокаталонскую направленность, а затем постепенно стал, в ходе трагических 1930-х годов, профранкистским, поскольку поддерживал дуче...

За пределами этой поверхностной и (почему бы так не выразиться) неловкой суеты выявляется целиком и полностью позитивный процесс приобщения Корсики к культуре; он был активизирован (издалека) образованием, идущим из центра, во имя которого «местных» обучали по предписаниям Жюль Ферри. Такое приобщение к культуре генерировало интеллектуалов-франкофонов, сделавших успешную карьеру на континенте; также оно генерировало попытки писать полностью «местные» произведения, через которые авторы стремились вернуться к изначальным тональностям местного языка.

Вторая мировая война, как и Первая, пришлась на время утверждения сильного французского влияния¹⁵. Левые силы, джиакоббисты и ландристы, были скорее враждебно настроены по отношению к Виши. Правые, пьетристы, поддерживали больше Маршала (но вопрос об отделении от Франции в пользу какого-либо отклонения в сторону Муссолини больше не поднимался, и такая точка зрения оставалась уделом немногочисленных сочувствующих).

Подчеркнем, чтобы избежать слишком узко провинциального видения истории Корсики в эти несколько лет, что Корсика вплоть до своего освобождения осенью 1943 года, и даже после этого!, оставалась достаточно значительной ставкой в стратегической и дипломатической игре. 4 октября 1940 года, во время встречи Муссолини и Гитлера¹⁶ в

Бреннере, дуче напомнил фюреру о своих территориальных притязаниях по отношению к Франции, замороженных со времен перемирия июня 1940 года. Фашистская Италия хотела получить Ниццу, Тунис, Джибути и, конечно, Корсику. *Corsica, a noi!* Впоследствии, 11 ноября 1942 года, в разных текстах (прокламация к французскому народу, письмо маршалу Петену) Гитлер оправдывал завоевание южной территории Франции необходимостью «защищать» южное французское побережье и Корсику! Плюс к тому, за два дня до этого (9 ноября 1942 года) фюрер уточнил свои цели в беседе с Чиано, римским министром иностранных дел. Бывший австрийский капрал хотел полностью завоевать Францию, высадиться на Корсике и устроить плацдарм в Тунисе. Корсика, по его мнению, должна была послужить ему защитой против союзников, которые нападали со своих новых баз в Северной Африке.

В сентябре 1943 года остров тем временем успешно заняли немецкие солдаты: это были нацистские войска, пришедшие с Сицилии (освобожденной), из Сардинии и с *Корсики*, которые участвовали, вместе с формированиями СС, отступившими с русского фронта, в оккупации центральной Италии, слепые исполнители воли фюрера. Освобождение Корсики, в свою очередь, сделало из острова стратегическую или, по меньшей мере, тактическую ставку в соперничестве крупных руководителей свободных сил Франции. Когда Корсику отобрали у гитлеровской армии благодаря военным силам под руководством генерала Жиро, объединившимся с борцами местного сопротивления, это дало де Голлю возможность ни в коем случае не поздравить своего соперника Жиро, но, напротив, в политическом смысле добить его, чтобы наказать за инициативу, над которой «великий Шарль» не имел контроля! Тем самым, по правде говоря, возникал риск перевеса сторонников Жиро над голлистами в стане французов, враждебных Виши!

Самоосвобождение Корсики при поддержке высадившихся там французских войск и, вот парадокс, при помощи бывшей фашистской итальянской армии, произошло в сентябре-октябре 1943 года. Оно послужило началом невероятной популярности Шарля де Голля. Она продлилась как минимум до лучших времен первого президентского срока V Республики: в 1958 году Корсика, возможно, в спорных условиях, послужила трамплином для возвращения к

власти друзей Генерала. В более широком хронологическом аспекте, Славные Тридцать лет (1945–1975) пришлось на период решительной модернизации, которые сопровождались разногласиями и враждой. Об этом свидетельствует, стоит к этому вернуться, значительное падение числа убийств: несколько сотен убийств в год (?) в начале XVIII века¹⁷, добрая сотня – в первой половине XIX века, около сорока – при III Республике, но всего лишь четыре преступления в год повлекли за собой смерть человека в 1960–1969 годы. (По правде говоря, впоследствии картина вновь стала омрачаться: ультрамодернизация и рост терроризма после 1980 года обернулись относительным ростом организованной преступности, ограблений... и политических убийств).

Прогресс на Корсике необыкновенно противоречив; для начала о нем стоит судить в масштабах экономики – упадка и роста. Производство пшеницы и других продовольственных культур в конце концов стало сокращаться и даже прекратилось. В 1961 году оставалось всего 3 800 гектаров злаковых; но виноградники, сделавшиеся плодородными на восточной равнине благодаря работе «черноногих» и, среди других, по инициативе SOMIVAC, с 1957 года стали развиваться, делая гигантские шаги вперед. В 1971 году урожай достиг 2 миллионов гектолитров вина по сравнению всего с 160 000 гектолитров в 1959 году. Туризм стал возможен, благодаря, среди других факторов, изгнанию малярии при помощи DDT. При освобождении острова американцы великодушно распылили этот инсектицид по прибрежным болотам. Итак, происходит переориентация, полная или частичная, сферы услуг острова в сторону туризма: этот процесс, возможно, завершился бы в полной мере в наше время, если бы не сильная настороженность со стороны некоторых корсиканцев. Скажем так, что отношение островитян к новым структурам, будь то винодельческим или «пляжным», отличается от отношения жителей Майорки, служащего побудительным мотивом для предпринимательства. «Средний корсиканец», если можно прибегать к обобщениям, всегда неточным, обратился к деятельности, относящейся к выполнению первичных функций (администрация, государственное управление, хорошая или иногда плохая работа в государственных органах, раньше – религиозная сфера) или вторичных функций (которые, в представлении Паоли или

Наполеона, означали военное дело). *A contrario*, к третьей функции (экономическое развитие, ориентирование на деньги) отношение в этих местах было зачастую пренебрежительное. То, что в других местах назвали бы развитием и ростом страны, у некоторых интеллектуалов в Бастии или Аяччо попросту получило характеристики «расправы над островом» или «бетонирования пляжей». Отсюда, к тому же, проистекает (и это достаточно важно) сохранность городов, в частности, прибрежных, чему не найти аналога на Коста-Брава. Как только на горизонте появляются около корсиканского пляжа проекты лагеря для тысяч германских нудистов, белокурых (?) и розовокожих, с четырехзвездочным отелем и посадочной полосой для «Боинга», бомба быстро отправляет на воздух подачу воды, незаменимую для туристического комплекса, и тем самым выносится смертный приговор всему предприятию. Идите и одевайтесь! Таков, по меньшей мере, анекдот, если не точный, то уж точно показательный...

Несмотря на такие ограничения, иногда неожиданные, положение остается таким, что эта «палка о двух концах», упадок и развитие, прекрасно сформировалась: с одной стороны, произошла дезинтеграция сельскохозяйственного, или традиционного сектора, с другой стороны, поднялись новые виды деятельности, виноделие и особенно туризм, каким бы ограниченным он ни был в некоторых случаях. Эту двойную тенденцию с педагогической ясностью можно обнаружить в демографической истории острова. Не будем, конечно, слишком доверяться местным переписям населения: они культивировали завышение цифр из соображений местнического патриотизма и из интересов коммун: на Корсике «приписывали» обычно лишних 100 000 человек вплоть до переписей 1960-х годов включительно. Реальность, однако, упряма; эмиграция, часто оказывавшаяся благотворной для тех, кто уезжал, оставалась открытой раной в боку этого маленького народа (50 000 уехавших с 1931 года по 1938 год; 30 000 – с 1946 по 1952 годы; 205 000 уехавших – общее число эмигрантов за период с 1900 по 1972 годы(?)). И тем не менее,... впервые наблюдается обратное – укореняется иммиграция. При Старом режиме и различных постреволюционных системах XIX и XX веков предпринимались безуспешные попытки пригласить жителей Лотарингии, немцев, жителей

Чехословакии или русских. После Второй мировой войны на острове обосновались итальянцы, опять они, но также, все больше и больше, континентальные французы, «черноногие», несмотря на враждебность некоторых корсиканцев, и наконец, жители стран Магриба, которые были нужны в качестве рабочей силы и вызывали недоверие, как и во Франции, потому что принадлежали к другой культуре. Начиная с 1960-х годов процесс демографического упадка удалось затормозить. Чувствительный подъем общего количества населения пришелся примерно на 1962–1968 годы. Он коснулся особенно прибрежных городов (конечно, Бастии, Аяччо) и иногда городов внутри территории (Корт). В противоположном направлении, продолжается «чем дальше, тем больше» опустение гор, до того бывших «деревенскими», то есть большей части территории; слишком часто деревни на внутренней территории были населены только стариками и пенсионерами, бок о бок с которыми жили несколько молодых людей, преимущественно без определенных занятий. В общем и целом, сейчас на острове, вероятно, проживают 256 000 человек (эта цифра, возможно (?), раздута). Что касается *диаспоры*, то на этот счет циркулируют совершенно фантастические цифры, которые включают в себя иногда потомков корсиканцев, которые сами себя за корсиканцев не считают. Итак, согласимся с прекрасной журналисткой Ириной де Чирикофф¹⁸, которая приводит предварительные цифры, что, по «раздутым» данным, насчитывается 100 000 корсиканцев в Иль-де-Франсе и 250 000 в РАСА (Прованс, Лазурный берег). Говорят также и о 600 000 корсиканцев по всей Франции... Что касается полутора миллионов корсиканцев по всему миру, то кажется, что эти данные в высшей степени возведены в превосходную степень. В любом случае, и не беря в расчет исключения, естественно, многочисленные, диаспора, кажется, не особенно хочет вмешиваться во внутренние дела родной страны. Вероятно, ее представители считают, что сам факт эмиграции, иногда к лучшей судьбе, не наделяет эмигрантов какими-то особыми качествами, по которым им стоило бы стать авторитетами во мнении по поводу того, что касается судьбы острова красоты. Нынешний мэр Исси-де-Мулино, г-н Сантини, усиленно настаивает на этом. И чтобы еще усложнить картину, подчеркнем «содержательность» некоторых лю-

дей, которые сделали свой *«alyah»* и *вернулись* в «неродную» страну: таким образом, такой лидер националистов родился, кажется, на континенте.

От 3 900 «настоящих корсиканцев»

Мировой ежегодник корсиканцев, опубликованный по случаю двухсотлетней годовщины со дня рождения Наполеона (1769–1969), остался верным от начала до конца императорской преемственности. Он открывается репродукцией портрета Его высочества принца Наполеона и рекламой платка, выпущенного к двухсотлетию. Реклама лакомств («Кто не поддался искушению нугой, пересекая Монтелимар?») указывает также на возможность для проезжающих найти приют в этом городе на «перевалочном пункте императора». Дистрибьютер «Пежо», в свою очередь, помещает себя под знак автомобильной «великой армии» (которая намекает на резиденцию фирмы «Пежо», расположенной в Париже, на проспекте Гранд-Арме («Великой армии»)...). Также ежегодник информирует по ходу о выходе в свет подлинной (значит, есть и фальшивые?) истории битвы при Аустерлице, с цветными иллюстрациями. Специалисты по игрушечным солдатикам времен 1800–1815 годов, а также императорская батарея с фанфарами, школьная и муниципальная из Шарантон-ле-Пон, то есть пятьдесят музыкантов и барабаны, представили свои инсценировки.

И наконец идет галерея «почетных корсиканцев, соратников Наполеона и друзей Корсики»: среди них фигурируют драматурги, академики, историки, писатели, романисты, писавшие на блатном жаргоне, телепродюсеры, певцы, театральные актеры, врачи, военные, потомки маршалов Империи, политики и парламентарии, часто времен де Голля.

От бонапартистского сектора Ежегодник охотно переходит к историческим дисциплинам, в основном касающимся острова, и часто добротного качества (другие отрасли знания практически не представлены в издании). Показываются и продвижение туризма и американизация: многочисленные виллы в заливе Аяччо, аренда машин в Бастии... корсиканцы с острова и из диаспоры, представленные в издании (3 900 человек в списке) на треть принадлежат государственному сектору и на две трети – частному сектору. Пропорция «государственных людей» велика, но, однако, не столь велика, как может показаться, если брать в расчет только стереотипы, глупо отождествляющие островитян (корсиканцев) с чиновниками (французскими).

Идет ли речь о 3 900 «настоящих корсиканцах» или о 375 «почетных корси канцах», представленных в общем и сфотографированных для Ежегодника, все представлены в своих портретах как минимум на одной фотографии, где отражено лицо в фас или в профиль. Есть, однако, три исключения: один диктор и один фотограф запечатлены соответственно рядом с собакой и с носорогом; что касается Жизель Валентини, она сфотографирована в рост, стоя на одном колене, в открытом купальнике в цветочек: она происходила из Бастии и стала в 1966 году «Мисс Корсика», и в том же году получила титул «Мисс Франция». Своей милой внешностью она как бы подводит итог тому, что судьба острова уже неотделима от судьбы Франции. Другое время, другие книги: в 1990 году подобного рода работа была бы другой по составу. «Корсиканство» за двадцать лет изменило свой порядок. 256 000 жителей острова (максимальная цифра?) (среди которых от 35 000 до 40 000 эмигрантов из стран Магриба, в том числе небольшое меньшинство военнослужащих вспомогательных войск) вряд ли бы узнали себя в этом Мировом ежегоднике своей страны. И однако Корсика всегда остается Корсикой...

На этой основе, противоречивой, но логичной (развитие и рост побережья, упадок горных районов страны), несколько дат и событий знаменуют, начиная с 1959 года, подъем сепаратистских чувств: они стимулируются, в большей степени, чем в других периферийных регионах Франции, островной изоляцией, которая является *sui generis*. (Будет ли подходящим примером случай с Ирландией?). В 1959 году защита единственной на острове железной дороги, закрытой из-за ее «нерентабельности», впервые мобилизовала забытые или долго сдерживаемые страсти. В 1967 году братья Симеони основали Корсиканское регионалистское движение. В 1972–1973 годах один итальянский завод, подчинявшийся Монтедизон, стал выливать «красную грязь» из кораблей, стоявших вдоль мыса Корсика: эта переработка отходов на море вызвала бурные протесты. Объективно, они обвиняли Италию, ... но также и Францию в своем чисто корсиканском духе. В августе 1975 года в ходе манифестаций в Алерии против фермы одного «черноногого» двое CRS были убиты.

* *Sui generis* – единственный в своем роде (лат.).

Так на почве недовольства корсиканцев развиваются националистические организации, естественно, остающиеся в меньшинстве, но к которым охотно присоединяются экстремисты из числа молодежи, как академической, так и нет. Реформистское крыло кристаллизуется вокруг КРД (Корсиканского регионалистского движения), ставшего позднее Союзом корсиканского народа, оживленным братьями Симеони. У них можно отметить «постоянные колебания между умеренностью и максимализмом». Разве Макс Симеони не представлял на конгрессе СКН в 1976 году автономию как прелюдию к независимости? Максималистское крыло, которое оперирует бомбами, представлено ФОК (Фронтом освобождения Корсики); этот организм появился в 1976 году. Начиная с 1964 года пластиковая взрывчатка стала подкладываться на фермы крупных собственников, иммигрантов в восточной долине и выходцев из французских алжирцев. Начиная с 1976 года ФОК, подпольный, но активный, требует «права на самоопределение бывших корсиканских департаментов, а также конфискации крупных частных владений и туристических трестов». Они организовывали ночные террористические взрывы, и только в 1980 году были замечены в более чем 400 покушениях. В некоторые моменты Фронт прикрывал себя легальной ширмой – Корсиканским движением за самоопределение. Они расписывали стены внушавшим страх слоганом «IFF» (Французы – вон) (*I Francesi fora*), иногда превращавшимся в «*Arabi fora*» или даже «*I Pedi-negri fora*» (sic)¹⁹! Покушения продолжились²⁰ после 1982 года...

*

Высокопоставленному чиновнику (из окружения Миттерана) было поручено «проследивать» проблемы и документы по незаконному политическому насилию, в частности, терроризму: он опубликовал на эту крайне «горячую» тему замечательную работу²¹. Стоит остановиться на нескольких мгновений на действиях, более или менее, на самом деле, незаконных, которые явились импульсами всем известной энергии корсиканских ультраавтономистских и индипендантистских групп в период до предпоследнего президентского срока в республике в прошлом веке (XX веке). Напомним, что III и даже IV Республика позволили

процветать старой клановой системе, что устраивало практически всех как на острове, так и на континенте. С модернизацией, пришедшей в средиземноморские области, как и в других местах, во время Славных тридцати лет, клановый режим стал уже «непригодным». Он уже не мог приспособиться к «нынешним временам». Нужно было найти что-то другое, принимая во внимание новые проявления национального самосознания, которые выступали по всюду. Среди рассматриваемых решений могла бы фигурировать ...демократия, простая, как в Кальвадосе или Дё-Севре. Возможно, на самом деле, это было слишком просто; слишком рано, как могло показаться. Слишком много вопросов? Как бы то ни было, националисты (местные) пробрались, как констатирует наш автор, в созданную таким образом брешь, в политическую пустоту или пропасть, которую оставили за собой представители клановой политики, традиционные или профессиональные (крайне уважаемые государственные деятели, такие как Франсуа Джаккоби и Жан-Поль де Рокка-Серра²², они, к тому же, озарили своим талантом и опытом этот закат древних клановых структур). Есть ли сейчас гиперклан или суперклан националистов, лопнувшая аморфная масса, конечно?

В такой особенной обстановке ФНОК (Фронт национального освобождения Корсики) принял на время позиции умеренного автономизма КРД²³ братьев Симеони. Этот Фронт на новый манер смог мобилизовать часть, пусть и небольшую, но активную, корсиканской молодежи под эгидой программы на ционального и языкового возрождения, даже притом что корсиканский язык, на самом деле, имел тенденцию употребляться все меньше. ФНОК производил впечатление на средства массовой информации своими фарсами в капюшонах, во мраке благодатных ночей и с автоматами, наведенными на звезды, комедиями, показываемыми на голубом экране и приводившими в бешенство телезрителей на континенте (и даже островитян), обвинявших в сообщничестве, попустительстве или запланированной трусости полицейские и жандармские власти, не всегда находившие согласие друг с другом, как это хорошо видно по серии инцидентов, жертвой одного из которых едва не оказался комиссар Андре Манчини, в 1984 году, во время похорон Этьенна Карди. Возвращаясь к телевидению и другим источникам информации, даже влияния, скажем, что

Корсика на самом деле — одна из самых медиатизированных зон в мире, это касается как прессы, так и радио или телевидения, свободных или так называемых государственных. И, в частности, ФНОК научился играть, с истинно наполеоновской и, возможно, дьявольской ловкостью, на сообщничестве, снисходительности и трусости как на родине, так и в других местах, так что директора национальных телеканалов в Париже не могли или не хотели в этом ничего менять. Что касается социалистического (или другого) правительства, то оно было похоже на Гулливера, которого повязали электронными нитями, протянувшимися со всех сторон — с Корсики, из Аяччо, Бастии ... или Кальяри²⁴; это же самое правительство потрясало левым кулаком, когда надо было ответить правым, и наоборот. К тому же ФНОК внушал робость судьям, иногда сочувствующим, если не сообщникам, когда речь шла о судьях местного происхождения, но меньше всего они хотели увидеть, как на их подоконник подложат маленькую роковую посылку, которая спустя несколько минут разобьет их стекла и, возможно, ранит их самих или кого-либо из членов их семьи. Разве президент Миттеран не говорил в районе 1981–1982 года, что на Корсике правосудие стоит ниже всего? Сейчас, конечно, все не так...

Бойцы фронта, по меньшей мере, те, кто занимался в основном интеллектуальной сферой, удачно манипулировали идеологическими сюжетами, иногда неуместными или избитыми, но это имело мало значения. Такие темы, как антиколониализм, которые уже сослужили свою службу в североафриканских и других районах, но, однако, были неприменимы в данных обстоятельствах. И еще они повсюду трубили о правах человека, закоснелой части гражданской Новой Религии мирового пользования, о которой упоминает Режи Дебре в своей прекрасной работе «Засилие» (Галлимар). И в этих условиях более специфическим образом задерживались на защите прав защиты, в пользу заключенных в тюрьму борцов, даже, и особенно, тогда, когда они пускали в ход порох чаще, чем это следовало бы. Многие чиновники с континента, столкнувшись с угрозами, предпочли покинуть остров (от этого только выиграли корсиканцы, получившие должности). Если говорить о частном секторе, можно упомянуть о несчастьях, не всегда смертельных какого-нибудь парикмахера, врача, и, более

близко по времени, одного бретонского фермера: он имел неосторожность не увидеть разницы, которая, однако, сама собой напрашивалась, между островным положением «принимающей» страны и полуостровным положением его родной Арморики.

После того, как, угрожая бомбами или устраивая успешные поджоги, с Кор сики изгнали достаточно большое количество семей с континента, уже никто не решается говорить в наши дни о знаменитом антикорсиканском расизме. Если расизм и существует, то, скорее всего, в обратном направлении, по отношению к многочисленным французам, которых Полифемы из ФНОКа сумели заставить уехать с большей или меньшей элегантноcтью, поставив их в известность о том, в какой опасной ситуации они окажутся, если предположить, что они с упорством будут обосновываться на Острове красоты. *I francesi fora!*

Пьер Паскини, мэр Иль-Русса, чьи слова мы тут передаем, недавно упоминал по поводу слогана IFF несколько цифр, ответственность за которые мы оставляем на нем, и приводил некоторые данные. «Никто ничего не сказал, — заявляет он, — когда многочисленные черноногие (их было 18 000, обосновавшихся на Корсике после их отъезда из Северной Африки) покинули Корсику; и когда 79 преподавателей, одни за другими, также были принуждены покинуть остров. Я не знаю ни одного корсиканского землячества, которое бы выразило свой протест. Все спрятались, говоря при этом: мы не занимаемся политикой»²⁵.

Неизбежное следствие: чтобы достичь своих целей, ФНОК пускал в ход ар тиллерию из взрывчатки и просто бомб, не говоря уже о револьверах, всегда готовых к «диалогам», которые были больше похожи на монологи (взять хотя бы главный «случай», убийство префекта Клода Эриньяка в 1998 году, убийство, совершенное, как кажется (?), человеком, связанным с областью Каргез, местом, которое в предыдущие периоды отличалось в противоположном смысле, смелым выражением своей позиции по поводу фашистских настроений). В течение 1980–1990-х годов на Корсике совершлось до 500, даже 800 террористических актов в год. Если экстраполировать это число на территорию всей современной Франции, то получится 200 тысяч терактов в год, или несколько сотен в день. Можно себе вообразить, как бы сопротивлялись этому наши сограждане...

Правда, люди ко всему привыкают. Правда также и то, что специалисты по статистике должны быть осторожными исходя из того факта, что цифры по Корсике искусственно (!) раздуты, благодаря особенно торжественным ночам террора, из-за которых подсакивают цифры, как, например, ночи на 22 мая 1983 года, которая одна ознаменовалась 54 террористическими актами, любезно предоставленными комиссару Бруссару, тогдашнему руководителю бригады «Неподкупных».

Сам по себе ФНОК крайне неоднородный (его Исторический путь, то более строгий, то более мягкий, чем Обычный путь, это то, что маркиза де Рамбуайе назвала бы «картой нежности»), итак, ФНОК удалось, по примеру того, что происходило в Ирландии и Стране басков, обеспечить себя легальным прикрытием, название которого менялось по мере запретов. С 1983 года речь шла о КДС (Корсиканском движении за самоопределение), созданном в Бастии в октябрь того же года. Остается найти для этого легального-нелегального двуликого Януса, каковым является организация по борьбе за независимость, свежие источники денег, которые позволили бы финансировать, в частности, все виды деятельности, в том числе и террористической. Каждый из них во времена первого президентского срока Миттерана (я понятия не имею, как изменились тарифы с тех пор) мог принести от 3 000 до 5 000 франков господину, обычно юношеского возраста, который подкладывал взрывчатку, и бывали даже случаи злоупотреблений и такие, когда соображения личной мести иногда смешивались с «законными» взрывами политического характера. Фронту пришлось навести порядок в этой области и немного кодифицировать собирание революционного налога. Это мы уже говорим от себя, конечно, ни в чем не оспаривая чистоту намерений, часто экзальтированных и идеалистических, которые побуждали молодого террориста, получавшего (или нет) за свои действия треть или полмиллиона старых франков²⁶.

Итак, источники денег²⁷: Европа, скорее обманутая в данном деле; французский государственный бюджет, чьи местные налоги и субсидии иногда пускались на подпольную десятину, но тщательно подсчитывались; и наконец, доходы от туризма и других видов деятельности экономического порядка, отмеченные вышеупомянутым револю-

ционным налогом. Инвестиции в сельское хозяйство, культуру, профессиональное обучение и туризм (опять же) могли таким образом стать очень плохо скрытым объектом финансового обогащения и превращались от этого в «фонтаны молодости» и рога изобилия *cornucopiae* для Фронта в качестве официозной и склонной к насилию организации. Приводили даже случай, когда один местный архивариус из Министерства культуры хранил в архиве всякого рода документы, среди которых материалы по оружию и схемы управления «Сопротивления»; впоследствии они послужили, после их изъятия, материалами для полиции. Фронт, таким образом, проявляет себя как одно из действующих лиц, не единственное, конечно, в политической жизни на острове и даже, до определенного предела, на континенте. Я говорю об одном из действующих лиц, поскольку Фронт конкурирует, на местной и региональной сцене, с театром теней кланов, продолжающих существовать и вести свою игру до некоторого предела; конкурирует также с некоторым числом честных политических деятелей, продолжающих выполнять свою работу как можно лучше или делать как можно меньше плохого, насколько это в их силах. Также происходит, наконец, соревнование с повседневной жизнью избирателей и попросту сотнями тысяч жителей острова и миллионами туристов на летний период. Для них жизнь течет в достаточно нормальном и часто очень приятном русле на Корсике, где есть все или практически все, чтобы быть счастливым, начиная с климата и пейзажей. Короче говоря, такая обстановка, как мы говорим, могла бы послужить предметом увлекательных исследований социологов и этнологов, если бы достаточно многочисленные человеческие жизни не приносились бы каждый год в жертву этому «спорту», и не только жизни таких знаменитых бандитов, как Лечча и Контини, которые были убиты в своей камере в пересыльной тюрьме Аяччо силами ММ. Алессандри и Панталони – в июне 1984 года как следствие не удачного дела об убийстве борца Ги Орсини. К тому же это был благоприятный случай для «удачного акта насилия» по отношению к тюрьме Аяччо, совершенного быстро руководителями, приближенными к ФНОК, которые до того момента пользовались меньшей известностью, – такие, как Лео Баттести и Жан-Батист Ротили Форчиоли.

Кровавый «взлом» тюрьмы в Аяччо дал повод для размышлений о том, что касалось одного из основных требований националистов. В частности, г-на Т аламони²⁸, который требовал размещения корсиканских политических заключенных в исправительных учреждениях, расположенных на территории острова. Если бы Леччия и Контини не были бы «приближены» вплоть до Аяччо, если бы их посадили в Флёри-Мерожи или в какую-нибудь другую континентальную тюрьму, возможно, они еще наслаждались бы в наши дни светом дня...

Исполнители подобных «актов насилия» поддерживали некоторые связи, которые трудно выделить, но которые кажутся сильно правдоподобными, с уголовной средой. При невозможности достичь своей цели – а она заключалась в независимости Корсики – терроризм в течение нескольких лет посвятил свои усилия тому, чтобы сломить рост туристического сектора на острове, и кое-какие объекты были разрушены взрывами или обложены «революционным налогом». Будет ли вскоре новый цикл экспансии корсиканской экономики? Ее судьба могла бы стать от этого блестящей. Если бы некоторые несущие смуту элементы, как те, о которых мы только что упомянули, не мешали бы опять развитию, вызывая недоверие потенциальных инвесторов только при одной угрозе или слухах о взрывах. Еще 20 октября 2000 года была обезврежена машина, начиненная 60 килограммами взрывчатки, не на Корсике, по правде говоря, но перед комиссариатом полиции в Марселе. Кажется, речь шла просто об угрозе, имевшей целью оказать давление на Лионеля Жоспена, чтобы он наконец решился подтвердить свой новый «статус»...

Добавим, что в политическом плане или в плане менталитета у жителей острова наблюдается смесь страха и сочувствия, и то, и другое выражено смутно: обоснованные страхи местных жителей перед угрозой дамокловой бомбы, всегда висящей над их головами, если они не идут правильным путем, смешиваются, очень часто у тех же самых людей, с неудержимым чувством этнической солидарности. Можно наткнуться на Подобие, если не на Аналог этого «дуалистического», но, однако, похожего отношения, если рассмотреть реакцию различных европейских наций, немцев, русских и др., несравнимо более многочисленных и живущих на большей территории, чем корси-

канцы или баски, на тоталитарные движения 1930-х годов. Страх и сочувствие, боязнь и солидарность, главные слова уже существовали, но то, что имело национальный или опасный мировой масштаб, стало сегодняшним днем, и никто не выразит недовольства просто региональным или местным. Это уже не трагедия. Это уже драма, но и это слишком... Это мы хорошо увидели во время убийства, на самом деле трагического, Жана-Мишеля Росси в августе 2000 года в Иль-Руссе. По этому поводу можно констатировать, что было использовано огромное, не решаемся сказать, роскошное, число исполнителей: пятеро человек. Без масок (но, возможно, надевших парики, черные очки и фальшивые усы). В итоге, настоящий взвод для казни. Достаточно тяжелое вооружение. Настоящий арсенал. Жертва была не просто расстреляна, что было бы «нормальным» (!), но ее еще добили несколькими пулями в голову, как будто бы для того, чтобы в форме этого «контрольного удара» преподать ей урок. Личная охрана Ж.-М. Росси также была перебита. «Гориллы» тоже умирают, увы! Конечно, политическое или нет, но это всегда не только убийство с целью наживы, каких так много на континенте, и которое, возможно, «абсолютно глупо» исходит от преступных авторитетов, связанных с националистическими группками, оказавшимися под угрозой благодаря некоторым разоблачениям, сделанным в недавно вышедшей книге Росси, решившими таким образом показать пример, ожидая, в свою очередь, направленных на них самих репрессий. Но что, возможно, не всегда оценивают в достаточной мере, в том числе и в среде националистов и экстремистов, это эффект катастрофической картины, который это производит на пикардских ремесленников или фермеров из Нижней Нормандии. С другой стороны, им не всегда представляется случай оценить бесспорно прекрасную жизнь, которой наслаждаются независимо от этого случая люди. По-настоящему любящие Корсику, даже в таких обстоятельствах – эти люди могут быть уроженцами Корсики или туристами на один сезон, патриотами Франции (ну да, такие еще есть) или законченными автономистами. И что сказать, в свете недавних убийств, об этом Островитянине, которого сначала поставили на колени, потом связали, затянули веревками, и с которым затем хладнокровно расправились. Разве это не

сюжет для медитации для добрых католиков из АХОП (Ассоциации христиан за отмену пыток)... Следуя судьбе, не всегда состоящей только из счастья и гармонии, мы отвернемся на мгновение от насилия, слишком часто направленного, если можно так сказать, против самого с ебя (террористы сами себя уничтожают, как на медленном огне), и вспомним, почти заканчивая, в совсем другом ключе, как прошло одно из крупнейших событий в культурной жизни Корсики – открытие в 1990 году музея Феш в Аяччо, после более чем столетнего периода хаотичного хранения коллекции кардинала Феша, бывшего военного из интендантской службы французской армии и близкого родственника семейства Бонапартов («Император – буйный сумасшедший,» – сказал он в свое время о Наполеоне, в то время, когда удача начала отворачиваться от великой Империи, и она двигалась прямым ходом к катастрофе). Этот музей в Аяччо состоит, таким образом, помимо итальянской коллекции, начиная с конца XX века, из одной из самых лучших коллекций живописи полуострова, имеющихся в наши дни. Среди выставленных произведений можно вспомнить, для примера, среди «малых работ» франко-романского художника Скублейра, восхитительного «Жоба», воплощающего собой тип старика, угнетенного и разбитого злой Судьбой.

*

Третье тысячелетие, или, если выразиться скромнее, XXI век, изменит ли он правила игры? На самом деле, корсиканский вопрос начиная с 2000 года остается под властью плана Жоспена, предполагающего новый статус для острова, в этом плане предоставляется больше автономии, чем в двух предыдущих (Миттерана и Жокса), и он может однажды привести при помощи великолепного Жозе Росси, к независимости острова. Тот же самый Жозе Росси желает, чтобы корсиканский статус распространился на все французские регионы²⁹. Притом что многие из них этого не требуют! Зачем его им навязывать?

В этом деле Лионель Жоспен пошел против мнения и чувств подавляющего большинства министров и не только Жана-Пьера Шевенмана; также наперекор своим предыдущим мнениям, гораздо более сдержанным осенью 1999 года. Что двигало премьер-министром Франции в 2000 году, в

данных обстоятельствах, неужели это была далекая идеологическая мотивация типа той, что была после шестьдесят восьмого года? На самом деле, нельзя полностью исключать, помимо президентских амбиций, которые лежат в глубине, и такого рода интерпретацию. В конце концов, право народов на то, чтобы самим распоряжаться своей судьбой, — это один из давних лакомых кусков в мыслях ультралевых сил, в данном случае сохранившийся даже у остепенившегося политика. Но это право народов, разумно ли то, что кто-то может захотеть применить его к населению Корсики, принадлежащему Франции, и которое в подавляющем своем большинстве (примерно 80%) совсем не желает такого «применения»?

*

Одновременно историк и человек своей эпохи, гражданин мира, как и Европы, и француз, я обязан вынести о Корсике двойное суждение: прошлое, на стоящее; или скорее суждение по фактам и оценочное суждение.

Лионель Жоспен, устремив свой взгляд на президентские выборы, которые идут выше идеологии, надеялся отныне выкроить себе Елисейский дворец на мертвом теле централизма. Нынешний глава государства, со своей стороны, следит своим взглядом за голубой линией социологических опросов и хранит, на сегодняшний день (сентябрь 2000 года), осторожное, даже шокирующее молчание, едва расцветенное всеми цветами радуги призывами втихомолку к единству Республики. Даже само слово «нация», которое все еще время от времени употребляет Жоспен, больше не произносилось хозяином Елисейского дворца³⁰.

Жак Ширак, тем не менее, говорил о «реформах», которые остается провести (?) на острове красоты. Однако, как мы уже говорили, было уже два постановления (Миттерана, затем Жокса, а потом и третье — Жоспена)! Левые силы их ратифицируют; а правые, мертвый динозавр в водном потоке, на них соглашаются или согласятся во время последующей фазы сосуществования.

Проблема не в том, чтобы реформировать, а в том, чтобы применить два первых постановления, поддержать то, что может в них быть республиканского порядка, дать, наконец, слово корсиканскому народу, местному большинству, а не тем, кто подкладывает бомбы; те поддерживают

взаимное укрывательство сообщников, и им наплевать на эффективную, но молчаливую враждебность, на самом деле, профранцузскую, которую питает к ним большинство островитян.

Нужно ли напоминать о том, что Корсика – это не Алжир, ни в демографическом плане, ни, естественно, в культурном? Что это французский регион со своими неповторимыми чертами? Что настоящими языками островной культ уры являются не разнообразные диалекты, как бы ни были они достойны уважения, конечно, объединенные в искусственный язык, объявляющий себя полуостровным, но в самом деле, как напоминал еще недавно Анджело Ринальди, самый крупный писатель современной Корсики, два языка основной культурной традиции этого региона – это, как известно, итальянский и французский. Стоит ли также напомнить, что различные неприятные проявления, взрывы, могут рассматриваться с *benign neglect* (бдительным благодушием, скажем мы), дорогим в англо-саксонских странах? Так, чтобы не было необходимости, для того, чтобы создать себе образ перед президентскими выборами и выставить себя миротворцем, создавать необратимые ситуации, предшествующие независимости, пагубные для всех, как островитян, так и жителей континента; они будут выгодны только для сообщества смутьянов и убийц, без колебаний размахивающих автоматами.

Твердая линия поведения испанского правительства Хосе-Мария Аснара перед лицом ситуации с басками, не в пример более серьезной, могла бы послужить примером для наших руководителей. Иберийские баски убивали других, а корсиканцы убивают друг друга. Корсиканское «движение», в своей экстремистской, даже террористической версии, – типичная операция «*völkisch*» (*I Francesi fora*; Французы – вон). Операция чисто этническая, замкнутая практически полностью в самой себе, без «прогрессистских» характеристик, если мне можно снова воспользоваться этим термином на достаточных основаниях, если это не законное стремление к децентрализму, которое, в данных обстоятельствах, уже широко утвердилось на деле...

И однако, независимость Корсики, возможно, предсказана светилами в час, когда националистическая коалиция «*Unita*», близкая, в частности, к Жану-Ги Таламони, реши-

ла объединить разнообразные движения, ее формирующие, в единую партию³¹. Внутреннее давление на самом острове, каким бы меньшинством оно ни оказывалось, остается активным; попустительство со стороны континентальных политиков и усталость французского общественного мнения. Раймон Арон говорил о независимости Алжира, что она была одновременно абсурдной и необходимой. Независимость Корсики остается не менее абсурдной, но, кто знает, неизбежной или роковой³²...? Допустим просто, что в случае, если будет принят проект Жоспена, следует его применять, принося как можно больше пользы или как можно меньше вреда интересам острова и континента, приведенным к таким общим знаменателям, как Франция и Европа. Нужно будет делать хорошую мину при плохой игре... Это, плюс к тому, решение, которое явно принимают политические деятели, как кажется, сильно умеренной направленности, такие, как Камиль де Рокка-Серра и Жан Баджиони, первый из них являлся президентом группы RPR, а второй – президентом исполнительного комитета Корсиканской ассамблеи, на ноябрь 1999 года³³. Добавим, что в течение этого времени жизнь настойчиво продолжается на острове, простая и мирная: 27 ноября 2000 года Жан-Франсуа Лючиани, один из «столпов» националистической поддержки в дискуссиях с правительством Жоспена, был арестован и заключен под стражу за «соучастие» в двойном террористическом акте против местных DDE и URSSAF, в Аяччо 25 ноября 1999 года. Два других деятеля из организации «*Corsica viva*», где г-н Лючиани был одним из главных ответственных лиц, господ Фьеши и Орландетти, были заключены под стражу по тому же делу за «сообщничество в совершении террористического акта» («Монд», 29 ноября 2000 года).

Сериал продолжается. *E la nave va*. На полукате и на баке руководители кланов и сетей разглагольствуют. Префект-капитан, с фуражкой, навинченной на голову, пытается тщетно контролировать маневр. Пассажиры ворчат или молчат. В трюме, рядом с котлами, подрывники, которые набивают цену, время от времени взрывают свои большие петарды, рискуя повредить камбуз. Старые привычки теряются с трудом. Судно идет по инерции. Континент находится в изоляции. Море – это большая спокойная река... Нужно ли отдавать швартовы?

Франко-провансальская зона: Савойя

Франко-провансальская зона достаточно мало изучена по сравнению с зоной диалекта «ойл», прародителя французского языка, который долгое время был распространен по всей Европе, даже по всему миру; а также по сравнению с окситанской, или провансальской, зоной, обязанной своей известностью, среди прочих факторов, Фредерику Мистрально, непревзойденному автору «Мирей». Здесь, между Лон-ле-Сонье (Франш-Конте) и югом гренобльской области, между Сионом (французская Швейцария) и Сент-Етьеном (Форез), в прошлом не было ни одного «диалектного» писателя, который в наше время еще мог бы служить «штандартом», даже если и немного выцветшим, прекрасной языковой общности, в наши дни находящейся на пути к исчезновению. Уроженец Савойи Жозеф де Мейстр и уроженец Дофине Стендаль, не говоря уже о короле порнографии Николя Шорье, при этом бывшего видным историком из Дофине, писали по-французски, даже по латыни (в случае с Шорье). И это несмотря на то, что Стендаль в «Жизни Анри Брюляра» говорит при случае о своей «*Tatan*» – это франко-провансальское слово, эквивалент «*Tata*» на диалекте «ок» и «*Tante*» (тетя) франкофонов.

Что же такое франко-провансальская зона? Она имеет весьма смутное отношение к современному официальному и административному региону, называемому Рона-Альпы: в отличие от нее, Рона-Альпы сильно выходит за границы франко-провансальской территории (на юге), поскольку включает в себя на юге большую часть Ардеш, Дром и крайнего юга Изер, и эти местности, и та, и другая, в разной степени на территории собственно диалектов «ок». И напротив, франко-провансальская зона простирается намного севернее региона Рона-Альпы, поскольку она располагается в пределах департаментов к югу от Ду, захватывает практически полностью Юра (за исключением северной оконечности этого департамента) и большой кусок юго-восточной территории Сон-е-Луар. Помимо этого, франко-провансальская зона выходит за пределы французских границ: она включает в себя, во французской Швейцарии, кантоны Во, Женева, Фрибур и Вале¹, а в Италии –

Валь д'Аосте. Скажем вслед за Анриетт Вальтер и Андре Мартине, чтобы упростить сюжет, что «франко-провансальский – это язык «ок», подвергшийся влиянию северных наречий», другими словами, диалектов «ойл»; «ос» (французское «oui», да) превратилось там в «*wa*». И так далее... Бесспорно, франко-провансальцы, если позволено их так называть, составляют одно из языковых меньшинств во Франции, даже притом что речь идет только о меньшинстве в себе, а не «для себя», принимая во внимание, что «специфика этой области» была признана всего лишь чуть больше ста лет назад.

И как в этих условиях рассматривать, в историческом плане, эту обширную зону, изначально не франкоговорящую, и, в крайнем случае, как выбрать в ней наиболее типичный регион? Инфрарегиональные судьбы во франко-провансальской общности, на самом деле, одновременно славные и разные: Женева, бесспорно, франко-провансальская, остается, тем не менее, при своих корнях, и на ней запечатлелась матрица кальвинизма. Нефшатель, также находящийся во французской Швейцарии, *alias*^{*} в «Романдии», к нашей гордости, известен как источник некоторого энциклопедизма в течение последних десятилетий XVIII века. В Сент-Этьен еще со времен Средневековья из земли добывали уголь, и это был первый из французских угольных бассейнов, которые появились позже, на Севере и в Лотарингии. Бесполезно настаивать на роли Лиона, «маяка» типографской культуры, крупной торговли, производства шелка... Эти разнообразные центры оказались в разное время либо во французской, либо швейцарской копилке, по воле случая, каждый из них прошел свой собственный путь (в зависимости от призвания того или иного крупного города или маленького региона). Выделившаяся по преимуществу «зона» осталась в итоге Савойей; она долгое время сохраняла независимое существование в политическом плане, под властью герцогов, владевших воротами в Альпы; сейчас, если можно так сказать, там присутствует автономистское движение, которое называет себя «савойским» и оправдывает, таким образом, *a posteriori*^{**} то при-

* Иначе (лат.).

** По опыту (лат.).

вилегированное место, которое мы даем этим савойским землям во франко-провансальской общности.

Среди «наших» периферийных провинций (мы больше не знаем, имеем ли мы еще право употреблять притяжательное местоимение) Савойя обладает одной из самых точных хронологий своего доисторического континуума, если быть более точным, периодизацией неолита; в эту эпоху, которую когда-то называли «периодом полированного камня», на самом деле, установились основы современного населения Савойи, которое долгое время оставалось автохтонным^{*} и сельским одновременно. Благодаря отложениям и археологическим напластованиям в Сен-Тибо де Куз, в современном департаменте Савойя, становится возможным рассмотрение в ретроспективе эпохи неолита, бронзового и железного веков в данной местности, принимая во внимание тот факт, что все или почти все, что касалось скотоводства или растениеводства, изначально, постепенно с течением нескольких периодов, пришло со Среднего Востока. Например, коз и баранов стали разводить в Савойе примерно в 5 200 году до нашей эры. Около 4200 года керамика и свиньи, «горшок и свинина», дополнили этот первый технический и зоологический «словарь». В районе 3800 года «коренные жители» пользовались светильниками из оленьих рогов. Примерно около 2800 года в повседневный обиход входят ячмень, пшеница и прямоугольные деревянные хижины. На лугах примерно в районе 2300 года паслось много скота, это было уже беспривязное содержание скота. Около 2200 стали появляться предметы из бронзы. Это тысячелетие пришлось, конечно, на железный век. Что касается заселения галлами этой территории, оно началось в IV веке до нашей эры.

Галлы, то есть (между 120 и 50 годами до нашей эры) *аллоброги*, кельтское племя, жившее в шалашах и хижинах, утвердилось в качестве доминирующей силы над древним местным населением, заняли савойское плато, оставляя к востоку от себя другие галльские кланы: я подразумеваю *центронов* в Тарантезе и *медуллиев* в Морьене. Аллоброги исчезли или, точнее, подверглись латинизации в процессе римского завоевания, которое

^{*} Автохтонный от греческого *autochton* – местный (*прим. ред.*).

низвело этих гордых воинов, если верить Страбону, до положения земледельцев. Они еще появятся, однако, восемнадцать столетий спустя в период Французской революции (1792); а еще в лексиконе журналистов XX века и в названиях целого ряда крупных и мелких еженедельных изданий, появившихся в годы Сопротивления и у коммунистов (пример – «Савойские аллоброги»), а также бюллетеня по пчеловодству («Улей аллоброгов») или еще, в трагическом ключе, в 1918 году, бюллетеня савойских инвалидов войны – «Голос аллоброгов». Гимн регионального происхождения «Доблестные аллоброги» был даже популяризирован хоровыми кружками невежествующих в виде гимна сопротивления с использованием телефонного разговора: «Алло! Доблестные аллоброги!» Броги против бошей... Об этом достаточно было просто подумать. Начиналась ли наша Савойя, латинизированная, таким образом ставшая (позднее), франко-провансальской, в историческом плане со времен императора Августа? Поскольку этот человек поставил своих префектов во главе двух округов, без сомнения, савойских, Грайских Альп (Шамони, Бофортен, Тарантез) и Котских Альп (Валь де Сюз, Морьен...). Наивысший расцвет Савойи пришелся, и это никого не удивляет, на II век, на эпоху Антонинов: в этот период и в последующие годы римские власти создавали сеть городов, из которых ни один, по правде говоря, не имел большего, чем местное значения. Назовем среди них Эм, «столицу» Грайских Альп, в которой находились резиденция императорского прокуратора, рынок, базилика, также императорская до того времени, как она стала раннехристианской. И еще Сейссель на Роне: этот город в то время уже функционировал, как и в XVI веке, как перевалочный пункт на торговом пути: там товары с телег или спин мулов перегружались на шаланды, чтобы отправиться в сторону Лиона, Вьенна или Арля. Бурный и иногда непокорный нрав таких крупных рек как Рона и Изер, не помешал развитию торговли², конечно, в Лионе, но также в Женеве, Лозанне и в Волюдния на Изере. Если говорить об этих «водных» вопросах, то можно отметить, что вода в этих регионах, на самом деле, не содержала даже тех микроскопических доз йода, которые были бы так необходимы тем, кто ее потреблял в те времена... Базедова болезнь, явившаяся

следствием этого «недостатка», еще присутствовавшая в сильной степени в XVIII веке в виде зоба у некоторых жителей, упоминалась в связи с Савойей или, по меньшей мере, в Морьене, со времен архитектора Витрувия, писавшего в первые годы нашей эры. Что касается духовной жизни региона или того, что играло эту роль, то мы очень хорошо осведомлены, еще до распространения христианства, о религии (языческой) аллоброгов, в Вьенне, конечно, но также в современной Савойе в более строгом смысле этого слова, в Шамбери, Аннеси, Аннемассе, Ла Рошете и др.: во главе местного пантеона, как в Оверни, стоял Меркурий, держатель власти на небе... и на земле. Его изображения в Северных Альпах вызывают в памяти статую из Оверни, которая возвышалась над Пюи-де-Дом. Латино-аллоброгский Меркурий, едущий верхом на баране или носящий на голове кельтский петас, был поливалентным и выполнял разнообразные функции. Он защищал путешественников и торговцев, он обеспечивал изобилие и процветание земли. Покровитель городов, он царствовал также на горных вершинах. Он интересовался простыми гражданами, будь то люди скромного достатка, даже сервы. Его покровительство распространялось на живых и на мертвых. Его трудно не посчитать вполне симпатичным. Он ведет человека, но одновременно является для него хорошим товарищем. Тем не менее, есть один недостаток: кажется, дамы оставляют его равнодушным³.

Кризис поздней Империи, связанный с первыми нашествиями варваров, вызвал постепенный рост тут и там укрепленных городов, примерами которых могли послужить Женева и Гренобль; последний из *Куларо* стал Грацианополисом (Греноблем), городом Грациана, императора IV века нашей эры. Христианство стало распространяться из Вьенна (в принципе, сейчас этот город относится к Дофине), притом что Женева и Гренобль, верные себе, *благодаря* этому становятся главными городами епископатов к концу IV века. Собственно Савойя, которая до того времени существовала «лишь в себе», достигла наконец, в ходе этой эпохи, статуса *для себя*: около 390 года, действительно, историк Амьен Марселлин отмечает, что Рона, свирепо бросаясь в озеро Леман, затем ищет выхода, с более спокойными водами, затем (граф Женеву), не умень-

шаясь в объеме, «она проходит через Савойю и секванов (*per Sabaudiam et Sequanos*). Затем, сильно ускорив свое течение, она идет вдоль территории Вьенна с левой стороны, а на правом ее берегу находится Лион...». Вот оно, первое упоминание собственно о регионе, скромная слава из категории ономастики...

Но упоминание – это еще не все. Поскольку последующие периоды, начиная со второй половины V века, были менее блистательными. Естественно, имели место нашествия варваров, или продолжение нашествий. Корни варварской «иммиграции», в данном случае ужасно варварской, происходят из германских лесов. Региональная экономика, которой перебили хребет, развивалась еле-еле, само собой разумеется, с грехом пополам. В этом контексте заселение местности бургундами примерно в 452 году явилось значительным событием. Антропологи в любом случае были поражены мощным жевательным аппаратом людей, взяв для изучения скелеты и черепа представителей этого бургундского племени, чьи далекие корни располагаются где-то между островом Борнхольм в Балтийском море, а с другой стороны – равнинами, омываемыми Одером и Вислой, в то время, когда современная Польша была частично германской. В Савойе, Франш-Конте и Бургундии (название говорит само за себя) бургунды быстро латинизировались. Большие фермы, типичные для этого племени, поселившегося в бывшей Галлии, строились вокруг центрального двора; они включали в себя также, если хозяин вершил судьбами королевского рода, зал для пиршеств, место действия пиров и попоек в духе «Нибелунгов» или «Беовульфа». Застежки на поясных ремнях, столь дорогие для воинов-бургундов, соединяли в себе племенные традиции этого народа с иконографией в восточных или католических канонах. В христианских монастырях, среди которых монастырь в Новалезе, в хороших или не очень условиях хранились тысячи манускриптов, притом что в альпийских долинах влияние святых – бретонских, нормандских, ирландских (святой Коломбан), сохранилось в топонимах церквей. Появление второго Бургундского королевства в 888 году, во главе которого встал Рудольф I, основавший недолгую династию Рудольфов, стало удобным хронологическим ориентиром: это как временная граница, к которой моментально можно привязать государство или то небольшое, что от

него оставалось. И на самом деле, от него оставалось очень мало, если верить хронисту Тиетмару из Мерсебурга, который описывал «полномочия» бургундского монарха в то время, чьи территории зависели от высшей власти, *pro forma*^{*}, Священной Римской империи: «Нет другого короля, который властвовал бы таким образом; он владеет, — пишет Тиетмар, — только титулом и короной и жалует епископства тем, кого выбирает знать. Для своих нужд он владеет немногим; он живет за счет епископов и не может защитить тех вокруг себя, кого каким-либо образом угнетают. Последние же, отдавая себя в руки знати, служили ей, как если бы эти представители знати были их королями, и таким образом получали некоторое успокоение». Негативное суждение хрониста! Однако, мы не можем согласиться с ним. Кажется, что на самом деле существует некое ядро, а именно «Рона-Альпы», включающее в себя современную Савойю и французскую Швейцарию, на берегах озер Аннеси, Бурже, Леман, где власть бургундских королей, несколько «озерная» в данном случае, осуществляется более решительно и последовательно, чем в других местах. Члены династии Рудольфов, таким образом, не бросили начатое ими дело становления монархии, даже когда многочисленные феодальные партии пытались их задушить. Что касается городов, то здесь дело, однако, обстояло не настолько хорошо. Самый большой местный город, в наши дни принадлежащий Швейцарии, то есть речь идет о Женеве, насчитывал вплоть до конца эпохи династии Рудольфов (первая треть XI века) не более 1 200–1 300 жителей! Озеро Леман не рисковало быть загрязненным отходами жизнедеятельности города.

Как бы то ни было, но в период с конца IX века до конца X века сарацины, приходившие со своей морской базы в Гард-Френе, предпринимали многочисленные набеги на эту территорию. Преступления грабителей на альпийских землях... После их окончательного изгнания в 983 году наступило начало экономической экспансии в истории периода Высокого средневековья.

Именно в этом контексте появился человек, получивший большую или меньшую известность, прозванный Белоруким, из того рода, который стал герцогским родом

^{*} Формально (лат.).

Савойи и «продолжился» до XX века в качестве королевской династии в Италии: древность этого дома ничем, или совсем немногим, уступает роду Капетингов, если рассматривать мужскую линию. Гумберт Белорукий родился около 980 года. Он был крупным землевладельцем и служил твердой поддержкой для императорской власти, которая, в лице императора Конрада II, была источником права наследования. С графом Амадеем III (1103–1148), потомком Белорукого, был заключен первый династический матримониальный союз для французского королевства, поскольку сестра Амадея вышла замуж за капетингского монарха Людовика VI. Савойя в то время уже обладала солидной экономической и демографической базой: уже давно повсюду шло освоение высокогорных территорий, плодородной долины, находившейся на горных высотах; в 1090 году начал строиться монастырь Шамони на высоте свыше тысячи метров над уровнем моря. Амадей III, участвовавший в Крестовом походе и наделенный в большей степени безрассудной храбростью, нежели умом, при возвращении из этой экспедиции умер на Кипре в 1149 году. Несмотря на то, что этот человек обладал достаточно солидными основами власти как по одну, так и по другую сторону Альп, он официально носил пока титул всего лишь «графа Морьен».

В период правления Гумберта III (умер в 1139 году), сына и наследника преедыдущего, взошедшего на трон незадолго до смерти своего отца, роль Савойского графства, которую мы выше уже упоминали, в качестве «альпийского привратника» проявилась уже четко. Привратника, который, однако, с течением времени превратится в простую консьержку, уволенную втихомолку Генрихом IV, Людовиком XIV или Французской революцией, пока это не случилось окончательно в результате референдума итальянского народа в 1946 году. Но не будем забежать вперед! И скорее настойчиво упомянем о способности запираť вышеозначенные альпийские «ворота», которой была наделена все же контролирующая сильная герцогская власть. В эпоху феодальной династии аноним из Лиона подчеркивает эти возможности «запираť ворота», которые открывались перед Гумбертом и другими Амадеями: «Никто не мог достичь Италии, не пройдя через их земли», – пишет автор, – и Фридриху Барбароссе пришлось кое-что об этом

узнать на своем опыте: ему дорогой ценой пришлось заплатить за то, чтобы получить у «Белорукого» право пересекать ущелья и горы альпийского княжества.

Значение этих владений, а вскоре и полноправных княжеств, становится, впрочем, более точной. Титул графов Савойских, пожалованный наследникам правящей там династии, появляется в XIII веке для именованя тех высоких правителей, которых до того времени называли графами Морьен. К концу XII века у вышеупомянутых графов появилась «привычка», чтобы их хоронили в аббатстве Откомб, как королей Франции погребали в Сен-Дени. Политика и религия объединяются! Экономика, в свою очередь, тоже не отстает: развитие монастырей играет, на самом деле, важнейшую роль в долгом, многовековом росте, который последовал за изгнанием сарацин в 983 году. Монахи из Ключи были в Бурже-дю-Лак, цистерцианцы – около Тонона и Аннеси, и наконец, картезианцы замыкали это шествие в XII веке в Шабле и Боже, после многих других монашеских поселений.

В эпоху Амадея IV (1233–1253) савойское государство приобретает свою роль в мировой политике, несмотря на то, что оно не достигало в размерах крупных королевств того времени (Франция, Англия...)⁴.

В классической историографии Савойи немного сказано о местных бедствиях, возникших из-за черной чумы, и эпидемиях, последовавших за ней. По меньшей мере, Савойя не попала в водоворот и бешеные завихрения Столетней войны. Подобие апогея, по меньшей мере, символического, наступило после столетних стараний правящей династии, когда Амадей VIII, сын «красного графа» и правитель Савойи с 1398 по 1434 годы, сначала получил титул герцога (в 1416 году),... а затем стал папой под именем Феликса V, исполнял более или менее хорошо свою власть понтифика начиная с 1439 года до того, как сложить с себя сан (1449) и опуститься до звания кардинала и епископа Сабинского. Религиозные достижения папы Феликса V были, конечно, не на такой высоте, как его политико-стратегические успехи в предыдущий период его жизни и прошли строго в масштабе его альпийского владения: однако, он занял в сложной истории всемирной Церкви, последовавшей за Великой Схизмой, свою «нишу», которую не стоит отрицать.

Именно Савойе Амадея VIII – Феликса V принадлежит «заслуга» (?) в том, что она оказалась у истоков, или одной из оказавшихся у истоков, большой волны процессов о колдовстве, которая затем достигла своей кульминации к концу XVI века. Приведем в данном вопросе по поводу Савойи анализ Робера Мюшамбледа, одного из наших лучших современных «специалистов по дьявольщине». Если верить ему, то тема и само слово демонический «шабаш», связанное с присутствием вальденских еретиков, появились изначально в Нидерландах около 1420–1430 года. Но продолжение истории относит нас все дальше на юг: в данном случае нас интересует Савойя, а затем и соседние районы, которые также были франко-провансальскими – Дофине, область Лозанны (и район Берна в германской зоне). Речь шла о преследовании вальденсов или так называемых вальденсов, которые бывало, жили и в Альпах, и в районах, близких к Альпам. На этих славных людей возводили антисемитскую клевету и представляли их поклонявшимися «синагоге шлюхи». Они поклонялись дьяволу, который являлся перед ними, говорили, в обличье черного кота, которому они целовали зад. Они ели трупы детей, которых убивали или откапывали из земли. Они устраивали оргии во время своих собраний, проходивших под покровительством лукавого. Во многих трактатах по демонологии, написанных в период между 1430 и 1437 годами, особенно обращались к фактам такого рода, имевшим место в Швейцарии, Дофине и Савойе⁵; они перетасовывали такого рода данные и располагали их в систематическом порядке; плюс к тому, они обвиняли участников шабашей в том, что они насылали грозы и град на хлебные поля. С 1431 года церковный собор в Базеле, которому предстояло продлиться долго, создал идеологический и догматический фон, «основную ткань» для разнообразных дебатов. Также эта августейшая ассамблея проявила большой интерес к Савойе из-за выборов папы и спровоцировала целую волну размышлений о превосходстве собора по отношению к власти понтифика. Еще в таких делах повсюду присутствовал страх перед ересями, и оказывалось легко отвести его на основании интеллектуальной мутации, несколько приглушенной, «в сторону построения воображаемого навязчивого архетипа⁶ – демонической колдуньи». В таких условиях эти вышеупомянутые странные выборы, когда в 1439 году

герцог Амадей VIII стал папой (или антипапой) под именем Феликса V, положили начало, *volens nolens*^{*}, укреплению этих ужасных мифов. Секретарь Понтифика Мартин ле Фран первым дал точное описание образа, который впоследствии станет повсеместным, «ведьмы на метле», отправляющейся на шабаш, и все это в нескольких стихотворных строчках, как в народном припеве:

На палке ехали,
Чтобы увидеть синагогу-шлюху,
Десять тысяч старух отрядом,
В виде кота или козла
Видели дьявола самого;
Они ему целовали искренне
Задницу в знак повиновения.

Стереотип, как видно, начал обретать плоть. Был ли Амадей-Феликс V, чье законное право на папский престол было более чем сомнительным, в этом деле центром или, если хотите, предлогом, даже движущей силой антиеретической атаки, *alias* антиколдовской, где эти два «анти» были если не синонимами, то очень близкими по значению, и эта атака была направлена на то, чтобы укрепить достаточно шаткие позиции этого государя-понтифика? Как это в *общих чертах* описывает научным языком убедительно выражения Робер Мюшамблед, «суть, возможно, состояла во внутренних противоречиях в католической Церкви, находившейся в состоянии кризиса вплоть до 1449 года (ознаменовавшегося двумя событиями – закатом собора в Базеле и отстранением от власти савояра Феликса V, который сам покинул трон святого Петра). Сосредоточенность на одном символическом враге – колдовстве, связанном с ересью, – служила, возможно, одновременно для того, чтобы «разрядить вышеупомянутый внутрицерковный конфликт», а также для того, чтобы выразить приверженность ортодоксальной вере в группах давления из заинтересованных лиц, «в частности, церковников, окружавших Феликса V, папы для одних и антипапы для других». Оказавшись вместе, история Церкви вообще и история Савойского государства, в частности, оказались, таким образом, «в вол-

^{*} Невольно (лат.).

нующем совпадении религиозного и политического климата» в этой франко-провансальской части Европы на протяжении второй четверти XV века, и это закончилось изобретением нового типа демонического колдовства. Однако, новая модель прижилась нескоро за пределами романских земель, верных папе Феликсу V, которые включали в себя Дофине, Савойю и современную французскую Швейцарию. Согласно правдоподобной гипотезе, якобы существовала непосредственная связь между такой моделью и самим Амадеем-Феликсом, который в реальности освободил себя от власти понтифика и перстня святого Петра только в 1449 году, за два года до своей смерти. Так что, миф о сатанинском колдовстве принял больший размах после 1450 года, потому что тогда он освободился от такой особенной и индивидуализированной коннотации, назовем ее «феликсовской»? В любом случае, этот миф создавался, затем постепенно оторвался от своей региональной и герцогско-папской основы и утвердился отныне в специальной литературе, в искусстве... и в большом количестве процессов! Если нам возможно использовать в своих целях разумный анализ Робера Мюшамбледа, то скажем, что дело было в том, что после ухода со сцены Феликса-Амадея в 1449 году эти мифы, выдумки о шабашах постепенно освободились от местной поддержки (со стороны Савойи... и Святого Отца), которая изначально исходила от них. Измышления о сборищах ведьм, где они тряслись в танце вокруг зада дьявола, обращавшегося в животное на четырех лапах, приняли невероятный размах, почти онтологический, в частности, их продвигал новый способ передачи информации – книгопечатание, утвердившееся также в течение второй трети XV века... Отныне шабаш стал удивительно популярен в изобразительном искусстве и литературе, в то время как всяческие «параферналии» окружали его в изображениях, как популярных, так и в судебной практике, которая отныне была составлена, пущена в ход... Мы несколько дольше задержались на этих проблемах колдовства, поскольку именно через них (и, конечно, через множество других явлений) судьба Савойи оказалась напрямую связанной с самым глобальным историческим процессом Европы в том, что касается представлений о демонизме, какими бы фантазмагорическими они ни были. Однако, нам придется на несколько мгновений вернуться к

Феликсу V, и на этот раз для более прозаических замечаний. Жизнь и царствование этого «папы-герцога» (умершего в Женеве в 1451 году) пришлось примерно на последнее десятилетие «века редкого человека» в Западной Европе, последовавшего за серией эпидемий чумы, начавшейся в 1348 году. Этот «век» в своем постепенном развитии характеризовался достаточно благополучным положением крестьян, поскольку в принципе земледельцы пользовались, каждый в зависимости от своих потребностей, изначально большими по площади участками плодородной земли, поскольку численность населения сокращалась и это даже притом, что еще оставалась некоторая доля крепостной зависимости. В окрестностях Тонона, например, один «серв» оставил в наследство «приличную» мебель, хорошую оловянную посуду и пятьдесят два куса маринованной говядины; этому «серву» особенно не на что было жаловаться. Таким образом, население вновь становится более благополучным, как в Савойе, так и в других областях, о чем свидетельствует демографический рост, последовавший с 1481 по 1528 годы, и этот рост продолжался еще, по меньшей мере, до 1561 года, как в деревнях (увеличение численности населения порядка на 50% в период между второй половиной XV века и десятилетием 1560), так и в городах (в тот же хронологический интервал население Аннеси выросло более чем вдвое). Рост численности населения имел, по правде говоря, не только положительные последствия; он повлек за собой некоторый экономический подъем, а именно в эпоху Ренессанса, приведший к созданию и накоплению предметов роскоши на уровне элиты; но при этом этот подъем сопровождался падением уровня жизни, по меньшей мере, у некоторой части населения, самой бедной и ставшей слишком многочисленной (это «проблематика» Мальтуса...).

Кроме того, протестантская революция, абсолютно законная «сама по себе», вызвала несколько неприятных «перепадов» для савойского государства. В то время как властитель Савойи и его подданные *volentes nolentes*^{*} очень хотели остаться католиками, «еретический» мятеж, вдохновленный немного севернее этих мест Лютером и Цвингли, эстафету которого впоследствии перенял Кальвин, отнял у

^{*} Невольно (лат.).

Савойи Женеву; этот приграничный город на озере Леман по велению судьбы оторвался от своих савойских корней, еще до этого, как бы в качестве компенсации, и в 1526 году присоединился к союзу городов, который включал в себя Берн и Фрибур. Этот союз был уже прошвейцарским. В период с 1513 по 1522 годы Женева для начала избавилась от своего епископа и герцогов Савойи. Затем, начиная с 1532 года, в результате проповедей Гийома Фарела и давления со стороны Берна, необходимого союзника, политическая эмансипация превратилась в религиозный раскол. Начиная с 1535–1536 годов мессу «наконец» отменили и жители Женевы или те, кто говорил от их лица, решили жить «по законам Евангелия» в его протестантском варианте, которое было переведено в Берне и привезено оттуда сторонниками Реформации в Женеву. Прощай, Савойя! По правде говоря. Савойя пережила в то время эпизод, связанный с французской аннексией, явившийся предвестником будущих попыток ее присоединения, имевших место значительно позднее.

На самом деле, герцогство Савойское подверглось жестокой аннексии со стороны Французского королевства в 1536 году, при Франциске I. Смерть Франческо Сфорца, владевшего миланскими землями, которыми страстно желал завладеть французский король, побудила его пересечь Альпы, чтобы успешно получить Милан, а по дороге раздавить, из соображений «географической необходимости», законного господина североальпийского государства Карла III Савойского. Отсюда произошла аннексия этого Савойского государства, осуществленная в некотором роде как «взятие на проходе», как говорят в шахматах. Власть Валуа над североальпийским государством продлилась до 1559 года. Кроме того, французское присутствие, длившееся примерно четверть века, не всех сделало несчастными: королевские представители, как Франциска I, так и Генриха II, действительно сумели завоевать уважение местного населения, сохранив ему его старые представительные органы власти (региональную Ассамблею трех штатов), а также дав ему парламент «по-парижски», учрежденный в Шамбери...и преданный власти, пришедшей с Сены и Луары. Парламент, который только и делал, что изводил ничтожную кучку местных протестантов. Было чем порадовать католическое духовенство, всемогущее в савойских го-

рах и тем более склонное к сотрудничеству с французскими оккупантами. И это «сотрудничество» к тому же не стоит рассматривать в розовом свете. Скажем так, французские власти преследовали савойских гугенотов (даже несмотря на то, что при этом они были связаны на высшем уровне с протестантскими принцами Германии; таковы были требования «Realpolitik» Генриха II). И еще, с другой стороны, этот малочисленный народ продолжал жить в нищете. Мы уже говорили об остроте этой проблемы как о последствии роста населения, иногда неразумного; дело в том, что во «французский» период в середине века во многих маленьких крестьянских хозяйствах не было даже одной коровы. Много было мигрантов, происходивших из деревень, которые полностью становились пролетариями и уходили в города, в частности, в Лион, к востоку от бывшей франко-савойской границы, моментально переставшей существовать.

Однако, французское присутствие в Савоие резко прекратилось в 1559 году. Эмманюэль-Филибер, законный наследник несчастного Карла III, связанный с австрийской династией, привел императорские войска к победе в 1557 году при Сен-Кантен. Таким образом, Эмманюэль-Филибер по договору в Като-Камбрези, заключенному в 1559 году, получил назад у побежденной Франции свое герцогство Савойское. Эпизод, связанный с французским владычеством, каким бы кратковременным оно ни было, все же представляет некоторый интерес в связи с тем, что он предвосхищает другие попытки «офранцузивания», в частности, во времена правления Бурбонов, при Французской революции и уже окончательно – при Наполеоне III. Стоит или нет сожалеть об этом, но призвание этого края – быть вместе с Францией, хотя вначале, со второй трети XVI века, это и было насильственное присоединение.

Наследником Эмманюэля-Филибера был не кто иной, как Карл-Эмманюэль I, чье долгое правление (1580–1630) было отмечено самыми тяжелыми событиями – несколькими эпидемиями чумы, в частности, с 1587 года, стихийными бедствиями (рост ледников в альпийской зоне явился результатом похолодания, неблагоприятного для урожая⁷). Тяжелую «отметину» оставили войны, ответственность за которые лежит на правительстве: для начала, с 1588 года – войны против французов, среди кото-

рых фигурировали жители Дофине под предводительством внушавшего страх Ледигьера – основного главаря протестантской группировки на Юге; плюс к тому – войны против Берна и Женевы, которых также рассматривали как «гугенотов». Когда молодой Томас Платтер (сын знаменитого печатника и профессора из Базеля) проезжал через Савойю в 1595 году, местные условия показались ему «на глазок» достаточно неприятными, даже катастрофическими: жалкие гостиницы, скудная пища; ужасная страна, доведенная до катастрофического положения; разоренные деревни, испанские солдаты – преступники и мародеры; судоходство по Роне затруднено (об этом можно было бы догадаться); патрули в замках (а именно через них и приходилось проезжать) – нелюбезные и грубые, прискорбные формальности с паспортами с обязательными чаевыми таможенникам... И так без конца. Конечно, в этом стоит обвинять войны Карла-Эмманюэля I на савойской территории, которая в некоторые моменты была похожа на больного маленького человека из Западной Европы. Официальная Савойя, симпатизирующая испанцам, ультракатолическая по мадридскому образцу, даже при том что католицизм в Савойе не достигал той жесткости, как в Испании, она была зажата в тиски между Францией Генриха IV с «политической» тенденцией (умеренный католик), гугенотского Дофине Ледигьера и еще Швейцарией и Женевой, которые тоже не всегда были удобными соседями. Добавим, что такой презрительный взгляд на Савойю у протестанта Платтера мог происходить также от «неприятия» этого герцогства, вызванного несколько субъективными соображениями религиозной принадлежности и враждебности, о которых мы уже говорили.

Путешествие Томаса Платтера по Франции, начавшееся в Савойе, завершилось в 1600 году. Следующий год (1601) стал самым холодным, какой только переживали в этом регионе за последних четыре столетия, с 1600 по 2000 год. Результатом такого климатического катаклизма стал постоянный рост в период с 1600 по 1610 год в долине Шамони⁸ «больших и ужасных ледников» иногда находившихся в нескольких десятках метров от некоторых деревень или хуторов (Аржантьер, Ле Буа, в шамонийской долине). Опасная близость! Но, по правде говоря, в том же 1601 году Карлу-Эмманюэлю пришлось пережить и

другие испытания. Генрих IV. Находившийся в состоянии мира с Испанией, смог в то время «похитить» у Савояра (под предлогом сомнительных интриг со стороны Салюса) Бресс, Бюже, Вальромей и область Жекс. Плюс к тому, несчастному герцогу пришлось окончательно отказаться от своих прав на Женеву, после неудачного «восхождения» в 1602 году на стены этого города. Еще один франкоговорящий, а точнее, романоговорящий, населенный пункт вышел из-под власти альпийского государства. Дружба с Испанией, старое воспоминание о временах Лиги, вновь всплыла в Савоие во времена Ришелье: она не принесла счастья герцогской династии, ставшей мишенью для навязчивых антигабсбургских настроений французского кардинала-министра. Весной 1630 года армия Людовика XIII оккупировала Савойю. Летом того же года Карл-Эмманюэль умер, а его сын Виктор-Амадей I был вынужден уступить Пиньроль Бурбонам. Продолжилось ли и дальше «расчленение»? Новый цикл иностранной оккупации (опять же французской) возникнет гораздо позднее, восемьдесят лет спустя, в начале XVIII века (1707–1713). Присутствие принцессы савойского происхождения при версальском дворе не играло сколько-нибудь значительной роли в этой неблагоприятной ситуации: эта светская дама, герцогиня Бургундская, жена внука Людовика XIV и мать будущего Людовика XV, вряд ли пролила много слез о судьбе, иногда трагической, своей родной страны. Сен-Симон правдиво заметил, что у этой очаровательной женщины было сердце сухое, хотя и разностороннее, и что она немногих любила.

«Прекрасный XVIII век», век Просвещения и экономического роста (после 1713–1715 годов), оказался относительно спокойным в военном отношении. Карл-Эмманюэль III, сильный в своей политике равновесия, типичной для североальпийского государства, когда обозначилась борьба за австрийское наследство, решил поддержать императрицу Марию-Терезию против Испании и ее короля Бурбона. За такой стратегический выбор савойскому правителю пришлось поплатиться тяжелой войной и оккупацией его западных провинций (современные департаменты Савоя и Верхняя Савоя) испанской армией, могущественной и хищнической. Эта оккупация несла с собой несчастье и разорение, если верить Анри Менабреа⁹. В

1747 году французское вторжение в Савойе, привело только к ожесточенным боям в высокогорных районах на гребне Ассьет (19 июля 1742 года). Это было сумасшедшее наступление. Шесть тысяч воинов остались лежать на поле сражения, среди которых шевалье де Бель-Иль, младший брат маршала, носившего такое же имя. Потери «сардов» (герцог Карл-Эмануэль был также королем Сардинии: он унаследовал этот титул от отца, Виктора-Эммануэля, первого его обладателя), так вот, сарды оставили на этом самом гребне Ассьет «всего» 219 погибших. На линии горного хребта преимущество осталось, таким образом, на стороне оборонительной тактики, такой, как ее вели закаленные в боях горцы. По мирному договору в Экс-ла-Шпель (1748 год) Карлу-Эммануэлю пожаловали лишь скромные «чаевые»: король-герцог вернул себе Ниццу и Савойю (которыми он уже владел до конфликта) и сохранил новые территории, «данные Марией-Терезией на Тессене в качестве платы за поддержку». Сколько усилий было потрачено ради такого пустяка. Заслуга договора в Экс-ла-Шпель состояла в том, что он положил начало действительно длительному мирному периоду! Периоду спокойствия и процветания (относительного, частичного, конечно). Снова воцарился мир, как это было в герцогстве в период с 1713 по 1741 год.

Следует ли также думать, что эпоха Просвещения пришла на период некоторой «кульминации» для региональной аристократии, того савойского благородного сословия, которое так восхитительно описал Жан Николя. Действительно прекрасное описание, поскольку такой ученый историк, каким является Николя, уроженец Арденн, великий исследователь архивов и хартий, действительно заинтересовался общностью социальных групп в обширной провинции, расположенной между Францией и Пьемонтом. Вышеупомянутое благородное сословие, по преимуществу класс военных, построенный в некоторой степени по прусскому образцу, жило в послушании по отношению к местным правителям, которые его не щадили. Рядом с ним, выделяясь из сельского населения, находились представители среднего класса – адвокаты, нотариусы... Бесполезно было искать между Шамбери и Аннеси знаменитую «капиталистическую промышленную» буржуазию, пользующуюся такой любовью в наших учебниках по истории, с ее

дымящимися фабричными трубами. В последнем столетии Старого режима ее можно было найти лишь значительно севернее, в Манчестере или в Бельгии, ее не было вообще или она была представлена совсем мало в Эвиане или в Бур-Сен-Морис. В Савойе во времена Карла-Эмманюэля III и его наследника Виктора-Амадея III самое высокое место среди класса буржуазии занимали прежде всего юристы. Для сравнения, врачей было не так много: в большой и протяженной по площади долине Морьен в 1728 году среди жителей не было ни одного доктора медицины! Крестьяне в этом «долу» лечились как могли, хотя не обязательно и не только с помощью оленьего рога и козьего помета. Скажем так, что при отсутствии настоящих медиков сельские общины обращались к знахарям, костоправам, шарлатанам или собирательницам целебных трав: их лечение не угрожало жизни и не обязательно бывало неэффективным.

Крестьянство, как нетрудно догадаться, сохраняло свою привязанность к земле, опираясь на свои семейные наделы. В его руках было сосредоточено 50% возделываемой земли в Савойе, 20% принадлежало дворянству, 23% – буржуазии и всего 5% – духовенству, этому «бедному родственнику» региональной элиты. И тем не менее, это был регион святого Франциска Сальского (умер в 1622 году), регион, который смог оказать победное сопротивление гугенотам. Была ли относительная «бедность» местной Церкви одной из реальных причин ее популярности среди местных жителей и, таким образом, ее мощного сопротивления кальвинизму? Как бы то ни было, сельские жители в этой стране пользовались бесценной поддержкой со стороны савойского государства, управлявшегося сменявшимися друг друга герцогами (которые были также, и мы это отмечали, «королями Сардинии»). Они эффективно работали, еще лучше даже, чем короли Франции, над тем, чтобы умерить амбиции дворянства, считавшегося классом-эксплуататором крестьян...и, таким образом, с предубеждением относившегося к герцогским налогам. В этой стране в то время действовало правительство полупатерналистского типа, сильно отличавшееся в этом от британских господствующих сил, как королевской власти, так и парламента. Эти две власти по другую сторону Ла-Манша в период с 1600 года до начала XIX века «смотрели сквозь пальцы» на инициативы со стороны дворянства, парадоксально прокапиталистические и

направленные на соби́рание в своих руках земель, где в угоду крупным *farmers* страдали мелкие земледельцы.

Савойское общество, если окинуть его взглядом, представлялось в виде пирамиды (выстроенной социальными различиями), прямо как Альпы, как в регионе, так и на его границах, с их разницей уровня. Специфические показатели потребления продуктов в каждой группе являются образцом различий между социальными слоями, низшими и высшими: народ, в некоторой степени ограниченный в потреблении мяса, компенсировал это за счет потребления грубого черного хлеба (от 1,2 до 2 кг в день). Дворяне XVIII века, напротив, уже пробовали экзотические напитки, кофе, чай, шоколад, незнакомые большинству простолюдинов, если только они не выходили на уровень настоящей элиты. В эпоху Просвещения дворянство находилось, таким образом, в авангарде общества потребления. Стоит ли на самом деле думать при таких условиях, что эта же социальная группа, конечно, привилегированная, «позиционировала» себя, иносказательно выражаясь, с арьергардом политической прозорливости в этот же период, короче говоря, что ее составляет всего лишь банда старых или юных реакционеров? Существующая реальность, как в Савойе, так и в других местах, ставит под сомнение такую идею: как показали работы Ги Шоссинан-Ногаре, а также Франсуа Фюре, посвященные как политике, так и другим областям, для савойской аристократии это также было верно, что существовал дворянский и, в более широком смысле, «элитарный» авангардизм.

При любых условиях, савойское общество в значительной степени строилось на основе семейных норм; право старшинства (или, по меньшей мере, происхождения от одних родителей), вдохновленное, в зависимости от ситуации, правами дворянства или римским правом, обнаруживается повсюду, даже в среде буржуазии. Вырастая, ребенок, чтобы отец сделал его независимым, преклоняет перед ним колени. По правде говоря, девочки из благородных семей иногда занимаются лишь тем, что изучают сольфеджио, а их орфография оставляет желать лучшего. Но мальчики «голубых кровей», напротив, едут совершенствовать свое среднее и даже высшее образование в Париж; они возвращаются оттуда идеологически подкованными, искушенными, зрелыми, чтобы включиться в осуществление поли-

тической реформы, даже революции. Это значит, что дворянские ценности, особенно касающиеся чести, какими бы архаическими они ни могли бы показаться после всего сказанного, распространены во всех кругах, включая простолюдинов: самый незначительный род, даже лишенный всякой связи со «вторым сословием»¹⁰, охотно имел свой герб, который иногда был не чем иным, как подобием торгового логотипа, как сказали бы сейчас: например, колбасник имел герб с изображенной на нем свиной бежевого цвета на лазурном фоне.

В некоторых местных с древних времен сохранялись элементы повседневного быта: крестьяне упорно носили сено на спине, в сетках, называвшихся «*филяс*» или «*трусс*», вмещавших в себя несколько кубических метров сена, и еще недавно можно было видеть, как выносливые старики несли на спине такие сетки – раритет, дошедший до наших дней. Сетки (*filoches*), образцы которых находили уже на древнеегипетских изображениях сельскохозяйственных работ, как, например, на папирусах фараонов, сохранившихся в пирамидах, и в других погребальных местах... Все те же савойские крестьяне (и крестьяне Дофине, ненамного отличавшиеся от них) по старинке кормили свой скот листьями с деревьев, связывая срубленные ветки в охапки (*liasses*). Не надо доказывать, что во многих семьях, сельских и не только, не хватало средств к существованию, и, как правило такое бедственное положение было в простых семьях. И это притом что экономический рост XVIII века, несмотря ни на что, нес с собой обогащение или по меньшей мере избавление от бедности. Жан и Рене Николя считают, что в этой стране из шестнадцати семей одна достигала уровня состоятельной. Остальные пятнадцать пытались, не всегда успешно, не впасть в нищету. Правда и то, что в другой своей работе, объемистой диссертации, Жан Николя принимает как принцип, что в его большой провинции бедных было не так много – всего 5% в городах и 13% в деревнях. Сделаем вывод, рассмотрев проблему с двух сторон, что 80% населения более или менее «выкручивались» в условиях XVIII века, намного лучших по сравнению с несшим страдания XVII веком...

...Скажем в любом случае, не рисуя картину исключительно в черных тонах, что повсюду царила достаточная грязь; города были полны свиней: только в Шамбери их

насчитывалось 360, и их выращивали в «кабуэнах» (cabouins), подобиях небольших хижин (это провансальские «сабапо» или «сабино»¹¹). Говоря о домах, окна там закрывались промасленной бумагой вместо стекол, жаровня служила вместо камина. И все-таки имели место некоторые улучшения: чугунные сковороды, настенные часы, фланелевые жилеты постепенно становилась предметами повседневного быта. Дома, особенно на севере Савойи, были из дерева и горели, как спички. Один неосторожный удар цепом, которым молотили зерно, по лампе – и вот она переворачивается и весь сарай уже в огне.

Блага общества потребления остаются все же ограниченными, несмотря на некоторый прогресс. Это особенно бросается в глаза в такой области как здравоохранение: в 1750 годах один врач приходился на 20 000 жителей. Только представьте себе один из наших средних современных городов, чтобы на те самые 20 000 жителей в 2000 году приходился один-единственный врач... При отсутствии существенных улучшений в этих разнообразных областях узнала ли Савойя при Викторе-Амадее III (правил с 1773 года) радости (?) робкого «сексуального раскрепощения»? Несколько случаев побегов, тайные браки, добрачное зачатие детей (родившихся раньше, чем через восемь месяцев после свадьбы), немного более частые, чем в прошлом, лишь слабо поколебали моральные устои эпохи, одновременно придающие уверенность и суровые. Согласуется ли сексуальное торможение в этой провинции с некоторой социальной устойчивостью?

Общение в деревенских семьях заключалось в том, что долгими зимними вечерами люди собирались вместе и кололи орехи в тепле, исходявшем из коровника и стойла. Таверна была местом времяпрепровождения для мужчин, где заключали контрабандные сделки, играли в азартные игры, где процветала преступность и проституция. Среди кувшинов с вином и в табачном дыму стала в XVIII веке расти кабацкая общительность, и она внесла свой вклад в разжигание недовольства, проявлявшееся в том, что крестьянские общины поднялись против сеньоров и именитых горожан. В муниципалитетах судебный секретарь, который умеет писать, все более и более утверждает диктатуру секретариата (Троцкий скажет однажды: в истории человечества есть три стадии – матриархат, патриархат

и секретариат). Эти муниципалитеты защищали общинные земли от присвоения их крупными землевладельцами и монастырями. Таким образом сложился общий фронт: он объединял от высших к низшим секретариат мэрии, представлявший собой образованную группу жителей деревни, а с другой стороны – женщин, которые, хоть часто и были неграмотными, но желали защитить общинную землю, сохранив нормальное пастбище для своих коров. Любопытные люди, которые были «умами» прихода, с 1730 года стали получать характеристику *«республиканцев»*. Они были современными умами, хотя часто и невыносимыми, и боролись против *другой* модернизации, затрагивавшей большие сеньориальные владения. Это была битва Современных людей против Современных людей! Сеньориальные владения фактически побивали все рекорды по полубюрократической писанине, все больше и больше вызывавшей раздражение у крестьян, и это после добрых старых словесных отношений, которые в прошлом связывали сеньора с «его» крестьянами или вынуждали их идти против своего господина, но без особо тяжелых последствий. Добавим, что такая модернизация крупных земельных владений аристократии происходила не только на бумаге, пора об этом сказать. Ограничимся в данном случае горным скотоводством на высоте между 1 500 м и 2 500 м над уровнем моря: там дворяне и монашеские ордена владели обширными альпийскими лугами. Они их сдавали в аренду *фермерам* на лето, бывшим к тому же владельцами значительных пастбищ в долине. Все это находило отражение в интенсивно развивавшихся торгово-производственных отношениях в XVIII веке: производстве сыров «томм» и «грюйер», поставляемых на продажу, в том числе и за пределы региона; кроме того, перегон крупного рогатого скота, мулов и овец из Морьен, Тарантез, О-Фосиньи, О-Шабле; в Дофине, «где эти стада выставлялись на продажу на большой ежегодной ярмарке в Сюзе, на пьемонтской стороне Сени»¹². Таким образом эта пара, которую образовывали между собой крупный земельный собственник из аристократов и крупный фермер из простолюдинов, игравшая такую важную и «прогрессистскую» роль в экономике Англии или Иль-де-Франса, в Савойе также показала себя действенной, в своих формах, которые, конечно, были оригинальными по сравнению с

тем, что происходило, с этой же точки зрения, на обширных северных равнинах к югу или к северу от Ла-Манша.

Однако, мы уже отмечали, что государственный патернализм, столь дорогой савойскому правительству, кажется, отсутствовал в Великобритании эпохи Просвещения, и эта страна, по правде говоря, очень далека от предмета и сюжета данной книги.

В итоге имеет место двойная модернизация: она противоречиво затрагивает крестьянское общество и господство сеньоров. Но в том, что касается проблем охоты, мы в затруднительном положении: где современные тенденции? Дело в том, что волнения, требовавшие свободной охоты и рыбной ловли в Савойе, мобилизовали богатых (и не очень богатых) сельских жителей, а также многочисленное приходское духовенство, выступить против сеньоров, сохранявших монополию на охотничьи ружья. Таким образом, они требовали (это в данном случае было антиэкологическое выступление) демократизации права на истребление фауны, как зверя, так и птицы. Таким образом, последние савойские медведи были истреблены в результате того, что было разрешена охота на них после 1790 или 1800 года... Дворяне-обладатели разрешения на охоту, ограниченно истреблявшие дичь, были большими любителями живой природы, чем крестьяне, безжалостно истреблявшие дичь. Не будем говорить (это еще одна головоломка) о волках, на них уже имеется пухлое досье, и в наши дни это дело вновь ставится на обсуждение, если не в реалиях жизни в горах, то уж точно в дискуссиях в средствах массовой информации, как в Савойе, так и в Дофине.

Охота — не единственный предмет социального протеста¹³. Классовая борьба существовала, само собой разумеется, в частности, в отношении к привилегированным сословиям: еще почти за сто лет до Французской революции, уже тогда, крестьяне, как в Савойе, так и в Дофине, и их становилось все больше, стали выступать против налоговых поборов, которые собирала в свою пользу аристократия. Они сжигали регистры с правами сеньоров; также они выступали и против богатых крестьян, которые присваивали общинную землю, служившую до того бесплатным пастбищем для тощих коз или коров, которыми владели бедняки. Эти конфликты между социальными группами осложнились из-за вмешательства савойского государства,

одного из самых просвещенных для того времени и очевидно гораздо более просвещенного, чем была французская монархия в эпоху Просвещения. Начиная с 1728 года Виктор-Амадей II (король с 1713 года), а затем Карл-Эммануэль III проводят общий кадастр земель (Франция провела работу по кадастру земель только при Наполеоне I, а затем при Людовике XVIII). Целью этой операции Виктора-Амадея было поставить налогообложение на справедливые основы, которые заменили бы несправедливый «сбор налогов на глазок» прошлого века; обозначить *по-настоящему* принадлежащие дворянам земли, что приводило к перекраиванию многих крестьянских полей, которыми владели дворяне, другими словами, к ограничению «*де факто*» привилегий дворян в налоговых вопросах. Эта серьезная инициатива сардинской монархии закончилась в период с 1762 по 1771 годы эдиктами, отменявшими крепостное право, и сильным ограничением прав сеньоров, и этими эдиктами воспользовались, конечно, прибегнув к выкупу земель, более двух третей деревенских общин, еще до того, как до самого сердца Альп дошли «социальные благодеяния», иногда грубые, или же смягченные, которые принесла с собой Французская революция.

Сейчас скажем два слова о Церкви, или скорее о церкви, то есть, я хочу сказать, об основной приходской организации, «деревенской церкви», как мы сказали бы сейчас; она оставалась одним из «привилегированных» мест, где во главе с кюре собиралась деревенская община, иногда настроенная, то ли с одобрения священника, то ли без него, на борьбу против привилегий и людей, которые ей не нравились. Итак, в недрах этого святого места можно было вести «партизанскую борьбу» против того, чтобы была скамья для знати, и гербов владельцев замков, когда изображения этих гербов вызывали гневный рев некоторых проповедников на кафедрах. Некоторые крестьяне бывали участниками отвратительных сцен, когда они имели смелость вытаскивать из могил тела детей буржуа, «недостойно» погребенных под полом церкви. Решительно, несмотря на разнообразные конфликты, церковь была прежде всего пространством для всех, и тем более если речь шла о ее украшении: бедняки, которые достаточно небрежно относились к своему собственному жилищу, лезли из кожи вон, чтобы украсить барочным завитком колокольню их при-

ходской церкви. Оформление алтаря в итоге стоило большой суммы, равной высокогорному пастбищу, и как раз савойские церкви благодаря постепенной работе получали великолепные алтари в стиле рококо. Необарокко во всей своей красоте! Стиль Людовика XV для христиан... Позолота и все прочее...

Художественное украшение – это побочный феномен, внешне, конечно, производящий впечатление. В массах населения Савойи подспудно назревала тенденция, ведущая к улучшению демографической ситуации региона. Вместо 300 000 жителей в 1700 году (в будущих двух департаментах нашей современной Республики) их стало 400 000 в 1789 году. Количество... качество: благосостояние, гигиена и культура развиваются в среднем классе; их мебель становится более роскошной, изделия их гастрономов – все более изысканными, а количество их биде увеличивается. Повышение уровня грамотности, небольшой шаг в сторону большей свободы нравов, растущее влияние франкмасонства подготавливают Савойю к новой судьбе, которая ждала ее в период с 1789 по 1815 годы, не без неприятной обратной реакции, благодаря Французской революции и французской аннексии, хотя она была всего лишь временной; она началась уже давно, эта аннексия, хотя только строго в языковом плане. На уровне элиты, в частности, дворянской, французский язык действительно был языком культуры в эпоху Просвещения и даже гораздо раньше; стоит напомнить, что святой Франциск Сальский, самая значительная фигура католической Церкви в савойских горах, писал и издавал свои произведения на французском языке, предназначенные прежде всего для местной паствы, по меньшей мере, образованной.

*

Французская революция имела огромный резонанс в Савойе: она утвердила ее первое присоединение к «великой нации», с последствиями как позитивными, так и спорными, которые может вызвать событие такого рода. Новости из Парижа (и из других мест) начиная с 1789 года, в особенности в ходе 1790-х годов, распространялись в савойских горах быстро. Временные мигранты, взрослые и дети, которые ехали во французскую столицу, чтобы натирать там паркет или, согласно неверному стереотипу,

прочищать дымоходы, или чтобы выставлять напоказ сурков, теряли свой доход и мотивы для своего отъезда на север из-за экономического кризиса, который вызвали во Франции завихрения огромного революционного «цунами». Что касается дворянских эмигрантов, которые покидали «королевство Капетинга», как вскоре стали говорить, на завтра после взятия Бастилии, они заставили много о себе говорить, и не всегда хорошее, между Шамбери и Аннеси, эти люди с белыми кокардами и тростями со спрятанным в них оружием. Население Савойи или, по меньшей мере, его элита, окруженное французскими городами или хотя бы городами, где говорили по-французски, такими как Лион, Женева и Гренобль, было прекрасно информировано о важных событиях, происходивших в Иль-де-Франс. И хотя не стоит впадать в параноидальную интерпретацию аббата Баррюэля, все же франкмасонство, кажется, сыграло в регионе свою роль в продвижении революционных идей. Конечно, не стоит говорить о том, что крестьяне или *вся* буржуазия выступали за глубокие преобразования в их савойском обществе, так как до них доходило эхо из соседнего большого государства; но не подлежит сомнению, что часть крестьян, объединившись между собой, и *многие* буржуа благосклонно или сочувственно относились к революционному развитию событий. И даже в судебском сословии, представители которого были близки к дворянству или сами были дворянами, такие как Кафф и Сирта, охотно крутили колесо революции, принимая во внимание, однако, тот факт, что таких было меньшинство в их сословии, которое стало активной контрреволюционной силой, когда буржуазная «прогрессистская» элита выступила против парламентов, которые отныне стали рассматривать как реакционные или продворянские; такой поворот произошел во Франции зимой 1788–1789 года. Крестьянские или, в более общем плане, народные восстания, не всегда достигавшие таких значительных масштабов, как в соседнем Дофине, тем не менее происходили, как инфекция из Франции, и разворачивались обычно все по тем же поводам – десятина, хлеб, соль; другими словами, имел место отказ то там, то здесь от уплаты десятины и от сеньориальных прав (*servis*, как их называли), выступления против налога на соль, и наконец, продовольственные бунты, как в Монмелиан весной 1790 года: здесь нет ничего такого, с чем не

были бы уже знакомы французские историки. Перед лицом беспорядков и волнений драгуны из полка Аосты и другие военные всю весну 1790 года кое-как бились против населения или против некоторых его элементов, чтобы обеспечить поддержку законности Старого режима и его обычное функционирование.

*

В этих условиях приход французов в сентябре 1792 года произошел без труда. Дальнейшие события можно подразделить на восемь, следовавших один за другим периодов, более или менее четко выраженных, иногда менее, чем более, но по сути почти классических: *вторжение, оккупация, сотрудничество* одних, *сопротивление* других, *террор* (не только символический), *эмиграция, освобождение, чистка*. Порядок следования этих факторов мог варьироваться. Но их типология оставалась неизменной, как в анализе сегментов русской народной сказки, как его задумал Владимир Пропп. В данном случае речь может пойти только о том, чтобы вкратце упомянуть эти фазы в их савойском варианте периода с 1792 по 1815 годы, принимая в расчет ограничения, налагаемые нашей данной работой. За более подробной информацией отошлем вас к прекрасным работам Жана Николя¹⁴. Добавим, что именно такое краткое упоминание тем более полезно, что у него есть преимущество – абсолютно не быть нагруженным тем ужасающим идеологическим содержанием, которое демонстрируют все исследования о «фазах» того же рода, тоже в рамках периодизации, о Второй мировой войне, в том что касается оккупации, сотрудничества и др. Итак, в Савойе конца XVIII века наступило сначала *вторжение*, за которым последовала *оккупация*, бесспорно, военная. И то, и другое изначально можно записать на счет генерала Анн Пьер де Монтескью, который командовал в сентябре 1792 года французскими войсками, вторгшимися в герцогство. Монтескью, благородный либерал, вывесил в Шамбери прокламацию, гласившую: «Свобода, жить свободным или умереть...», но его очень вскоре, уже в ноябре, отстранил от должности Конвент. Ему было предъявлено обвинение, и он бежал в Швейцарию. Судьба только его одного уже наглядно показывает двусмысленность революционных завоеваний в Савойе, совершавшихся во имя свободы, но

вскоре после этого оборачивающихся против этой самой свободы.

Полное и неожиданное поражение пьемонтской армии под ударами французов осенью 1792 года, по сути, стало разгромом, обычным в подобной обстановке «*оккупации*». Старый режим был разбит без особых трудностей, и мало кто на это жаловался, как минимум в начале; пошел процесс разрушения феодального порядка, отчуждение собственности духовенства и т. д. «Сотрудничавшая» Национальная ассамблея (октябрь 1792 года), называемая Аллоброгами, принимала по этому поводу подходящие меры, которые оживляло присоединение Савойи к Франции. Чистая и неприкрытая аннексия. Простой люд, как крестьяне, так и буржуазия и «судейское сословие», поддерживали эти решения большинством и даже, в общественных местах, «единодушно». Несколько человек из числа сенаторов и дворянства, придерживавшихся либерального направления (Марен, Кароли, Вири) также вскочили в уходящий поезд, оставив, однако, на перроне большинство дворянских семей, уделом которых теперь стала контрреволюция или *эмиграция*, поскольку это было уже не то время, как во Франции в 1789 году, когда революционные процессы, еще умеренные, могли создать союз представителей элиты с большим числом аристократов в составе его контингента, и все это несмотря на перевороты в парламенте в 1788–1789 годах. Однако в Савойе, начиная с того года, когда произошло *вторжение*, не замедлило проявить себя и некоторое *сопротивление*, направленное против новшеств, быстро вызвавших ненависть и даже заслуживавших того, чтобы их ненавидели. Это были новшества в экономической, религиозной, военной областях. Речь шла, другими словами, об ассигнациях, потерявших с 1793 года более половины своей начальной стоимости и превратившихся в буквальном смысле слова в бумажки в 1794–1795 годы¹⁵. Плохо было воспринято и принятие на местах *post festum* гражданской конституции для духовенства с утверждением в должности «плохих священников», присягающих, бывших янсенистов и др. И наконец, и, может быть, прежде всего, сыграл роль насильственный рекрутский набор, когда многих молодых

¹⁵ После событий (лат.).

людей забрали в армию для войны с консервативной Европой (февраль–апрель 1793 года). Было чем вызывать, если привести выражение, столь дорогое таким видным исследователям, как господа Дегранж, Руссо, Пешански, некоторые «сопротивленческие» настроения. В данном случае можно различать, по пр имеру типологии немецких историков, принятой по этому вопросу, «*Widerstand*», сопротивление в классическом смысле слова, и «*Resistenz*», подобие пассивного сопротивления, то молчаливого, то высказываемого, во многих случаях исключительно символического и выражаемого время от времени попросту междометиями и актами несогласия, абсолютно незначительными; по-французски это можно выразить как «*g sistance*» (*Widerstand*) и «*r sistance*» (*Resistenz*). В качестве примера собственно сопротивления можно привести, как один из десяти случаев, восстания в высокогорных долинах в мае 1793 года против набора «волонтеров», которые против своей воли были мобилизованы, чтобы сражаться на стороне Франции в шедшей тогда войне. Что же касалось в свою очередь простого и скромного «*r sistance*», то оно, с большей или меньшей активностью, обрушивалось на символы: отказ от фригийских колпаков, срубленные или сожженные деревья «свободы»... В Аннеси жена одного булочника, когда к ней пришли с обыском, принялась поносить «свободу» (декабрь 1793 года). Она получила двадцать дней тюрьмы. Эти мелкие поступки показывают историю «сопротивления» в его повседневности¹⁶.

Слабое или сильное, собственно *сопротивление* вызывает в ответ репрессии, которые даже могли разворачиваться самостоятельно, самоопределяться, без какого-либо конкретного мотива. Репрессии, другими словами, во многих случаях *terror*: в Савойе тоже имели место, хотя и в меньшем масштабе, чем в других французских регионах. Ничего общего с кровавой баней в Лионе, Вандее, Париже. Жертвами робеспьеровских мер в Савойе было не так много людей – контрреволюционеров и лиц, причисленных к ним. Жан Николя отмечает четверых расстрелянных в Аннеси, одного в Тононе. К этому «окончательному расчету» нужно добавить умерших своей смертью, которые при жизни враждебно относились к новому режиму, оставшихся на поле боя или казненных во время восстаний в Аннеси или

Тоне в мае 1793 года: от 50 до 100 погибших¹⁷; а также бойцов (в частности крестьян), захваченных с оружием в руках и казненных, тех, которые сражались на стороне пьемонтской армии, обращенной в бегство в сентябре 1793 года при попытке отвоевания савойской земли. Может быть, около сотни погибших? А еще проводились аресты, многочисленные и бывшие частью *террора*: в Аннеси в период с 1 апреля 1793 года по июль 1794 года 750 человек были брошены в тюрьму, и их заключение в общей сложности длилось 19 347 дней. К 18 апреля 1794 года в этом городе более 300 подозреваемых или «преступников» находились под замком, из которых только 82 были дворянами (среди них 54 женщины). Из этого видно, что простой люд Савойи пополнял если не ряды активной контрреволюции, то заключенных в тюрьмах, оказавшихся там по подозрению – обоснованному или необоснованному – во враждебном отношении к «восстановительной» кампании 1793 года. Это значит, что дворянство всегда рассматривалось в качестве «подозреваемого номер один». В Савойе командированный туда член Конвента Альбит приказал арестовать всех дворян в возрасте от 18 до 70 лет, как мужчин, так и женщин! Власти округа приняли на себя заботу о воспитании и содержании детей, оставленных на попечение кормилиц или добрых патриотов¹⁸! Это значит, что тюремное заключение редко заканчивалось казнью, и в этом было огромное отличие от Парижа и Нанта. «Настоящий» террор в Савойе был обращен в большей степени против душ, чем тел, которых избегали «рубить надвое»¹⁹. Он вылился в основном в яростную борьбу с христианством в течение зимы 1793–1794 года: разбитые колокольни, великолепные «дароносицы, чаши, патеры, дарохранительницы» были реквизированы, конфискованы, переплавлены...

Завершающей стадией упомянутых здесь различных процессов, начиная с первого момента *вторжения*, то есть *оккупации*, явилось *освобождение*. В этот термин мы вкладываем исключительно технический смысл. Он попросту обозначает, что государство средних размеров (Савойя) отныне избавляется, в данном случае *военными силами*, от присутствия войск *оккупантов*, иногда выступавших в качестве угнетателей. Эти войска выставило большое государство (Франция) в целях завоевания, конечно, революционного и прогрессистского, что не преминуло сильно

изменить перспективы... Употребление нами слова «освобождение» не заставляет нас умалчивать об успешных освободительных последствиях, которые, напротив, повлекло за собой вторжение французских «вооруженных миссионеров» в 1792 году, они выступили в качестве разрушителей феодальной системы, часто несправедливой и устаревшей. Однако, независимо от этого замечания, в 1814–1815 годы произошло все-таки «освобождение» Савойи. Другими словами, имел место возврат к давней независимости этой страны в рамках сардинской монархии. Это «освобождение» (очень позднее, как можно увидеть) свершилось силами австрийской армии, таким образом вернувшей землю и корону очень древней династии наследников «Белорукого» в лице Виктора-Эмманюэля I и его ближайших наследников Карла-Феликса и Карла-Альберта. Это «возвращение» династии было также и воскрешением законности; ее поддерживали, насколько об этом можно судить, народные массы в своем большинстве; их мнение по этому поводу спрашивали в ходе плебисцита, результаты которого, в этом можно быть уверенным, не были полностью фальсифицированы²⁰.

Произошедшее таким образом «освобождение» в этих местах не вызвало гражданскую войну и не сопровождалось *чисткой*. Савойя во время окончательного разгрома Наполеона не знала Белого террора, который практиковали в это время во французском королевстве, в частности, в Ниме, Тулузе и Юзе в 1815 году. Савойские буржуазные династии, выделившиеся при Первой империи, например, Рюфи и Колломб в Аннеси, не пострадали из-за поражения Орла. И таким же образом маркиз де Сен-Марсан, посол Наполеона в Берлине между 1809 и 1815 годами, стал без особых трудностей представителем Виктора-Эмманюэля I на Венском конгрессе²¹.

Историю нельзя переписать, но кажется достаточно вероятным, что за двадцать с лишним лет до того, в августе 1793 года, события могли бы получить более трагичное развитие. Летом пьемонтские войска предприняли попытку «освобождения» Савойи, за год до того завоеванной французами. Заброшенная таким образом сардинская армия поначалу одержала несколько побед благодаря тому, что проникла на савойскую территорию тремя путями – через Шамони, Тарантез и Морьен. Но уже в следующем

октябре «освободители» (!) были отброшены к исходным рубежам, для них это было поражением. В период между этими двумя событиями им, однако, удалось *volentes nolentes* спровоцировать у части местного населения, которые были преданы им, некоторые попытки жестокой *чистки*, направленной против видных якобинцев и именитых граждан, обвиняемых в сообщничестве, или, как мы сказали бы, *сотрудничестве* с Францией. Среди них можно было найти присягнувших представителей духовенства: одного епископского викария, одного епископа, принявшего конституцию, а также конституционных священников. Еще одно доказательство того, что вопросы церкви были центральными в этом деле. Но процедуры линчевания или охоты за человеком, хотя и были реальными, но не доходили до убийства; победа республиканских солдат, пришедших с запада, под командованием Келлерманна, уже с осени положила конец атмосфере чистки. Стрелки повернулись в другую сторону. Чрезвычайный трибунал²², который ревнители Старого режима устроили в Мутье к концу лета 1793 года, чтобы вычислять и наказывать местных революционеров, потерял свой голос из-за якобинского реванша в сентябре-октябре 1793 года, и это произошло до того, как он смог по-настоящему начать функционировать.

Мы оставили для окончания этого параграфа, в некотором роде «на десерт», проблемы *эмиграции* как неизбежного последствия процесса вторжения – оккупации – разрушения старого; этого процесса, одновременно идущего извне (из революционной Франции) и изнутри – другими словами, от общего подъема, почти геологического, некоторых слоев буржуазного, разночинного и крестьянского населения Савойи, что явилось продолжением того, что можно назвать французской «агрессией» 1792 года, осуществленной, по правде говоря, в более или менее искреннем стремлении освободить население Савойи. Последовавшая за этим *эмиграция* затронула людей, принадлежавших ко всем классам, и больше всего дворянство, и массовое стремление дворян к отъезду из страны было, конечно, предсказуемым и совершенно обычным явлением для этой беспокойной эпохи. На 1 800 савойских эмигрантов, фигурировавших в списках, составленных их противниками в период между 1794 и 1799 годами, 407 человек были дворянами, и многие вернулись в страну «без энтузиазма»²³ по-

сле амнистии флореаля X года Республики. В период их отсутствия их имущество было конфисковано и превратилось в национальное имущество вторичного происхождения, большая часть которого была продана новым владельцам, обычно происходившим из буржуазии или крестьянства. Изменения собственности, или смена собственников, которая произошла таким образом, должно быть, затронула, если брать по максимуму, примерно 7% земли в регионе, находившейся в частном владении. Это не огромное число, но и его не стоит сбрасывать со счета.

Стоит отдельно поговорить о человеке, которого мы не решаемся назвать «эмигрантом чести», Жозефе ле Местре, в любом случае, одном из самых знаменитых из числа тех, кто уносил частицу своей альпийской родины на подошвах своих башмаков. Самым любопытным в этом деле было то, что сам Местр не рассматривал себя как эмигранта ни объективно, ни субъективно. Конечно, он бежал из Савойи в 1792 году, но это было прежде всего, если ему верить, для того, чтобы продолжать служить своему законному государю, Виктору-Амадею III в славном городе Турине; и затем оттуда он уехал в Лозанну, где он стал «посланником» все того же Виктора-Амадея, который впоследствии назначил его послом в России. Его долгие периоды пребывания «за границей» по отношению к савойскому провинциализму как раз и делают из Местра «эмигранта извне», если нам позволено будет такое словесное излишество, и это несмотря на то, какое экзистенциальное определение он считает себя обязанным дать самому себе и в котором он всячески отказывался от слова «эмиграция». Подчеркнем по этому поводу, что основные произведения Местра были задуманы за границей, за пределами родных савойских границ. Они были, что само собой разумеется, набросаны и записаны по-французски, то есть на языке савойской элиты, который в течение долгого времени постепенно вытеснял местные, франко-провансальские диалекты, еще сохранявшиеся в XIX веке и начале XX века в достаточно сильной форме, но затем утратившие свое значение. Контрреволюционная мысль Местра является прежде всего отказом от любой философии и политологии Общественного договора. Он выступал против Гоббса, против Руссо, и в наше время эквивалент этому можно най-

ти в концепциях Раймона Полена, которые также пронизаны «договорофобией». По мнению Местра, остановимся на этом авторе, хорошо устроенное общество не смогло бы опираться на добровольные соглашения, свободно заключенные между людьми. На этой основе можно было бы получить только исключительно внешнюю «установку», лишенную всякой органичности; это была бы установка типа Вокансон²⁴, посредственного качества компьютер, как сказали бы мы. На самом деле, хорошо устроенное общество должно иметь основу религиозную, традиционную, с устоявшимися обычаями, укрепленную веками, об язательно не зависящую от воли людей или, как минимум, «лишенную волюнтаризма». Однако Французская революция захотела перестроить социальную систему с чистого листа. Она действовала по примеру маркизы де Мертей из «Опасных связей», которая говорила о себе: «Мои принципы явились плодом моих глубоких размышлений. *Я их создала и могу сказать, что я сама — мое собственное произведение*»²⁵. В силу этого и по многим другим причинам, маркиза была несколько демонической личностью. Французская революция, как считал Местр, также могла быть исключительно порождением Сатаны. В этих условиях власть народа неизбежно подпадала под схему какой-нибудь тирании, деспотизма. Вера в прогресс, столь распространенная в революционных кругах времен Кондорсе, была, по мнению Местра, не чем иным, как глупостью. И напротив, католическая вера была сердцевиной единственно законной системы: вследствие этого папа должен был играть в духовной области такую же роль, какая была у короля, облеченного временной властью, будь то пьемонтский король или кто-либо из Бурбонов, это не имело значения. Любой выпад против верховного понтифика, совершенный в этих условиях, будь то со стороны галликан или протестантов, *а priori* должен считаться недопустимым, поскольку в глубинном смысле он содержал в себе материализм, разрушительный и коварный. Самая странная и, может быть, самая глубокая теория Местра относилась к большому кровопролитию, которое устроили революционеры: они очень часто набрасывались на людей невинных, даже выдающихся, если верить этому философу, бывшему уроженцу

Альп, — монахинь, священников, благочестивых светских дам, дам из буржуазии, утонченных аристократов, которых таким образом обрекали вместо жизни на смерть, ведя на эшафот с гильотиной. Эти массовые убийства, как пишет Местр в письме к маркизе Коста (1794), были эквивалентом жертв, которые приносили евреи или римляне. Они никогда не приносили в жертву²⁶, как можно себе представить, опасных животных, хищников, таких как гадюк, волков, грифов. Но скорее в жертву приносились животные симпатичные, друзья человека — телята, коровы, быки, свиньи, козы, ягнята. Возможно, таким способом наш автор хотел сказать, что бойня, организованная якобинцами, в конце концов, представляла собой приношение, приятное Богу (или богам), которое было предназначено для того, чтобы искупить грехи человечества, восставшего против власти Добра; это искупление, в свою очередь, совершалось благодаря жертвоприношению невинных людей, в запахе крови, который поднимался чудесными парами и доходил до трепещущих ноздрей Божества, и это было компенсацией (непредвиденной) преступлений, совершенных такими, как Робеспьер и Фукье-Тенвилль. Здесь можно найти дорогую для мыслителей-аристократов²⁷ идею отказа, лишения, самоотречения, которая в данном случае могла доходить до высшей жертвы, в преступных руках классового²⁸ или словесного врага.

В любом случае, никто не может оспорить тот факт, что Местр хорошо почувствовал, по своему собственному опыту и в своих теоретических построениях, ту огромную пропасть, которую Французская революция установила, в европейском масштабе, между Старым режимом — христианским, монархическим, дворянским, и будущим веком — эгалитарным и демократическим. Как утверждает этот автор, Французская революция — это не событие, это эпоха.

Савойя 1792–1815 годов со своей примечательной последовательностью эпизодов от вторжения — освобождения от старого вплоть до изгнания захватчиков, между которыми были фазы как сопротивления, так и эмиграции, функционировала, таким образом, как маленькая модель Западной Европы (и даже шире, чем просто Западной Европы), где в гораздо более широком масштабе в XX веке пришлось пережить похожие испытания, но еще более

трагичные, еще более мучительные. Савойя, над которой можно работать таким образом до бесконечности, ничем не вызывая идеологических бурь, которые неизменно провоцирует подобное исследование, относящееся к XX веку, Савойя была подобием маленькой модели, лаборатории, и при этом страной, по собственному опыту привыкшей к подобного рода «оккупационным» опытам, поскольку ей пришлось пережить несколько таких эпизодов в XVI и в XVIII веке. Поэтому хорошо и даже полезно остановиться здесь на ее примере, в нескольких строчках или на нескольких страницах. Выразим свою крайнюю признательность Жану Николя, который ранее поднял для нас эту историографическую целину, эту пересеченную местность, ужасно обрывистую и по природе своей горную...

*

Савойя дала нам Местра, Авейрон – Боналя, Бретань – Шатобриана. Именно на периферии, в провинции, на языковой периферии мы находим, таким образом, самых строгих, самых непреклонных судей по отношению к Французской революции, которая была очень парижской и крайне централистской по своему принципу. Однако после 1815 года савойское общество на некоторое время вернулось в свою раковину, или, скажем так, оно в течение периода в несколько десятилетий находилось в фазе интеллектуального и социально-политического регресса. Несмотря на некоторые скачки в развитии, произошедшие из-за потрясений 1814–1815 годов (поражения Наполеона во Франции, Сто Дней, Ватерлоо), Савойя действительно в конце концов вернулась полностью под власть сардинской и пьемонтской монархии; это возвращение было закреплено ходе плебисцита, выразившего достаточно хорошо, несмотря на некоторые «несовершенства», пожелания сельского населения, которое привлекала стабильность, «отдых», как тогда говорили; плюс к тому, по этому случаю несколько изменилась граница, в пользу Женевского кантона, чья территория, ставшая большей по протяженности, приняла форму «грыжи, вклинившейся в континентальную Францию». Это возвращение к старому, от новой столицы к древней, от Парижа к Турину, соответствовало, однако, в правительственной политике, реакции по всем направлениям, материализовавшейся, в частности, во вве-

дении крайне мелочной цензуры. По правде говоря, если рассматривать под этим углом, то предыдущая власть, императорская и французская, подали пример. Что касается экономики, оставшейся традиционной, начало «нового» режима (реставрированного) несколько смазалось: конечно, появилась крупная хлопковая промышленность, центрами которой были Аннеси и другие города, но сильнейшее извержение вулкана Тамбора в Индонезии осенью 1815 года создало некое подобие ядерной зимы (туман с частицами пыли над планетой) в 1816 году, и это отрицательно сказалось на урожае зерна в течение всего последовавшего за этим лета, холодного и влажного, каким оно выдалось в том неблагоприятном году. В результате возникла нехватка продовольствия, уже не голод, конечно (эпоха этому не способствовала); дефицит продуктов особенно чувствовался в Савойе, где сельское хозяйство в горных районах более чувствительно реагировало, чем на равнинах, на подобные периоды сильнейших холодов и сильнейшей влажности. Этот небольшой продовольственный кризис захватил большую часть 1817 года, по меньшей мере, вплоть до летней жатвы, которая в любом случае была поздней на высокогорных склонах, где сельское хозяйство было не основным занятием. Новый подъем экономики региона, после всех безумств Наполеона, в которых Савойя долгое время, хотя более или менее пассивно, принимала участие²⁹, задержался. Если быть точными, примерно на два года. Политическая ... и религиозная власть также не отличалась большими дарованиями: три короля, сменившие друг друга на престоле – Виктор-Эмманюэль I, Карл-Феликс и Карл-Альберт I – были малопросвещенными³⁰ консерваторами, иногда грубыми, особенно с Карлом-Альбертом. Священники, в свою очередь, были хорошо образованными в области теологии, но, стоит ли об этом говорить, они оказывали слишком большое влияние и их было, в любом случае, очень много; представьте себе в современной Франции 180 000 служителей Церкви, не считая монахов и монахинь, и тогда вы составите себе представление об огромном количестве среди населения (в 1847 году) тех, кого антиклерикалы презрительно называли «попами». Местное дворянство, обычно говорившее на французском языке, вернуло себе по меньшей мере часть своей власти, которой оно обладало до революции; чтобы получить «сравни-

тельное» представление о Савойе тех времен, также следует напрячь воображение и представить себе Францию, где Карл X, но все-таки чуть менее глупый, остался бы у власти до 1848 года. А на самом деле Карл X был вынужден терпеть некоторый контроль со стороны парламента, который в итоге и лишил его власти в 1830 году. Но в Пьемонте и Савойе не было парламента (по меньшей мере, до ратификации «*Статута*» в 1848 году). В Шамбери, как и в Турине, в течение почти четверти века после Наполеона все еще остается система абсолютной монархии: это была любопытная смесь структур, организованных на манер Франции до 1789 года, и административного авторитаризма, чьи истоки лежат в «консульстве», то есть ...они бонапартистские. Отсутствие законодательного противовеса, каким могли бы быть выборы, даже цензорные, таким образом, болезненно чувствовалось, чего не было в соседней Франции, которая обучалась парламентской жизни в достаточно больших объемах с 1815–16 годов и до 1848 года. А *fortiori* в последующие периоды.

Заслуживают всяческого осуждения неповоротливые, авторитарные по сути различные учреждения времен консулата и Наполеона, оставшиеся неизменными после разгрома императора. Эти учреждения оставались, однако, залогом некоторого опыта по модернизации, на которую делала ставки местная буржуазия. Чиновничья карьера не вызывала у нее антипатии. Буржуазия региона, населенная юристами, нотариусами и сыновьями разбогатевших фермеров, конечно, имела в себе что-то немного архаичное. Она была мало связана с промышленным капитализмом и больше походила на ту буржуазию, «чертовски юридическую», которую описывал Люсьен Февр³¹ в Франш-Конте... XVI века в своей толстой диссертации. Этот относительный традиционализм в рамках социального класса не мешал поддерживать, в недрах этого класса, идеи, откровенно заимствованные у революции: многие буржуа, сидя у своего камина, продолжали скромно высказывать антиклерикальные суждения; каждый настолько современен, насколько он может. Крестьяне, между тем, продолжали рожать детей «под сенью церкви в цвету» (рождаемость оставалась очень высокой — 38 человек на тысячу населения). Некоторые из них появлялись на свет с недостатками физического и даже умственного развития (зоб, кретинизм), с

которыми в то время еще не справлялись. Это чисто физиологическая констатация, опирающаяся, главным образом, на факторы экономического характера, а нисколько не расового, и говорящая о продолжавшей существовать бедности: это призывает историков к состраданию и сочувствию к жертвам, а нисколько не к презрению, как это неправильно полагает г-н де Пенгон.

*

Революция 1848 года, начавшаяся в Савойе с некоторых реформ 1847 года, многое изменила. В этот период начался продовольственный кризис (местный), охвативший в то время практически всю Европу. Карла-Альберта выбили из привычной колеи более или менее революционные выступления, как французские, так и итальянские (в Неаполе, а также в Риме, где молодой Пий IX – не очень надолго, правда, – начал проводить реформы). Итак, Карл-Альберт решился на значительные уступки, которые конкретизировал в «Статуте», или «*Статутто*» 1848 года: полупарламентский режим, организация выборов в законодательные органы, естественно, подбор голосующих в соответствии с цензом, относительная свобода прессы и собраний. Война, объявленная австрийцам (март 1848 года), обвиненным в угнетении Италии, по существу приняла формы итальянского национального крестового похода, но закончилась катастрофой, обозначив себя серией поражений в Пьемонте, и это ничего не изменило. Похожее на фарс вторжение «Ненасытных», французских и савойских оппозиционеров, принадлежавших к левым силам, пришедших из Лиона, которые моментально захватили Шамбери, закончилось трагически – погромами против «Ненасытных», охотой за людьми. Захватчиков перебили крестьяне из округа Шамбери. Эта резня послужила назидательным уроком: она временно блокировала политические преобразования, рожденные революцией», которые должны были бы вести к «прогрессу». Нельзя презирать консерватизм католических масс, верных своим священникам, с недоверием относящихся к непрошеным гостям, «слишком» либеральным, радикально настроенным или республиканцам, приходящим из Франции или из больших городов. Именно этот религиозный консерватизм резко и парадоксально переменил направление и сыграл в пользу Франции Второй

империи все в той же альпийской области, но десяток лет спустя.

В период с 1849 по 1859 год, между революцией и новым присоединением, в недрах альпийской монархии зрело несогласие, которое вылилось в итоге в полный разрыв, поскольку:

1. «Подвластные» савойцы чувствовали себя неудовлетворенными, во многих отношениях, по сравнению с «властвующими» пьемонтцами. Последние более чем когда-либо представляли собой руководящую силу в этой неравной упряжке, соединившей вместе пони и коня, герцогство и пьемонтское королевство, Шамбери и Турин.

2. Затем, неудовлетворенность в том, что касалось католицизма: Кавур, гениальный министр Виктора-Эммануэля II (долгое время политика Кавура по объединению Италии не сеяла зубов дракона, в отличие от кровавых стратегий Бисмарка, какими бы блестящими они ни были), итак, Кавур вел антиклерикальную политику и стремился отделить церковь от государства. В этом он был на полпути к Шуазёлю... и к маленькому отцу Комб. Этот правительственный активизм (туринский) был воспринят как просто неприличный католическими массами (савойскими) ... или всякого рода лидерами, которые говорили от их имени.

3. Также наблюдалась неудовлетворенность по отношению к «итальянским делам». У савойцев было гораздо меньше мотивации, чем у их «восточных братьев» по другую сторону Альп, чтобы участвовать в кампании, конечно, плодотворной, по объединению полуострова.

4. Крупные внешнеполитические предприятия Кавура (участие Пьемонта в Крымской войне против русских, чтобы обеспечить себе союз с французами и англичанами) в 1855 году воспринимались савойцами без всякого энтузиазма.

5. Пьемонт в 1850-е годы находился в стадии экономического подъема, это соответствовало тому периоду, который в соседней Франции получил название процветания Второй империи. Если говорить в более общем плане, то этот ди намизм затронул и мировую экономику в глобальном масштабе... и, в частности, Пьемонт, и он был связан, в числе других причин, с открытием и «проникновением» в золотые прииски в Калифорнии. Это только подчеркивало архаизм, который сохранила савойская экономика того

времени. Экономика, которая, напротив, впоследствии извлечет выгоду, на долгое время из сотрудничества с Францией, договор о котором будет заключен в 1860 году.

6. И наконец, «последними, но не менее значимыми» выступают другие мотивы «разрыва», вероятно, менее почетные, но все же неоспоримые: должности в центральных административных органах Турина становились все менее и менее доступными для молодых людей, происходивших из савойской элиты, но жадно стремившихся к общественной деятельности. Туринская бюрократия – при всем том «открытая» (в теории) – становится все более «итальянской». Отсюда «скверное настроение, озлобленность и брюзжание» савойских братьев, еще не отделившихся, но уже способных отделиться, уроженцев западных горных областей, еще на некоторый, короткий, период времени сохранивших зависимость от сардинского королевства.

В этом контексте, несколько отталкивающим, «Альпы возвышаются, а Юра понижается». «Присоединительные» тенденции, благоприятствовавшие самому близкому союзу с великим французским соседом без лишней сдержанности проявились в Шамбери, Аннеси *et passim*^{*}. Несколько дам, предметы или уч астницы интриг, были замешаны в этом деле. Наполеон III имел короткую связь с Кастильоне, опасной пьемонтской нимфой, которую очень плохо восприняла императрица. Ищите женщину? Факт в том, что был предусмотрен брак, который должен был бы крепко связать Париж и Турин (с «взятием по ходу» Шамбери, как в игре в шахматы, еще раз), между пузатым принцем Плон-Плоном (Жеромом-Наполеоном) и благочестивой принцессой Клотильдой Савойской, которую совсем не прельщал этот крупногабаритный претендент, известный развратник и «принц» второго эшелона. Но у соображений государственного порядка свои требования. Соглашение, заключенное между Пьемонтом и Францией, где было заложено единство Италии, через несколько лет вылилось в *ратификацию* передачи Савойи империи Бонапарта. На этот раз это «скольжение к западу» стоило *вознаграждения*, в частности, символического и брачного, для Наполеона, государя из Тюильри, для его семьи и французских подданных, которые были действительно крайне полезны для

^{*} И повсюду (лат.).

объединительной политики Кавура и в которые испытывали сильные патриотические чувства.

В 1859–1860 годах процесс аннексии³² Савойи набирал силу, а затем завершился. И еще в самом начале, на первой стадии, в ближайшем или дальнем окружении этой «страны» поднялся занавес, и перед взором предстали несколько игроков или «актеров» международной сцены, чья деятельность, по правде говоря, началась не вчера. Среди них фигурировали два крупных государства – Франция и Англия, но последняя играла второстепенную роль, потому что находилась слишком далеко. Затем шли средние государства, которые также следует принимать во внимание: Швейцария и, конечно, на первом месте – Пьемонт; до 1860 года он удерживал власть над савойским государством. Савойя создавала ему проблемы. К счастью, во главе туринского правительства стоял политик высшего уровня – Кавур, человек, равные которому в европейском масштабе появились в Италии только во времена Криспи, Джолитти, Гаспери. Граф Кавур на пике своей карьеры потерпел неудачу. Постепенно установившейся целью этого человека, премьер-министра «сардинского» короля с 1852 года, оставалось единство Италии, частичное или полное; чтобы этого достичь, необходимо было расстаться с Савойей, которую следовало уступить Франции, от которой таким образом можно было получить поддержку. Дорого доставшаяся победа франко-пьемонтских войск при Сольферино (июнь 1859 года), сопровождавшаяся насилием и большими потерями в живой силе, была первым шагом в «добром» направлении. Но Наполеон III положил конец этой войне, так «хорошо начавшейся» против Австрии, поскольку чувствительному императору крайне многочисленные, повторим, случаи гибели в сражениях и прусская угроза на Рейне, казалось, предписывали быть осторожным. За всем этим про Савойю забыли. Она оставалась под контролем туринских властей. Опечаленный Кавур подал в отставку (июль 1859 года); он предпринял короткий «переход через пустыню». И затем, вернувшись к власти в январе 1860 года, Кавур еще раз полностью посвятил себя своим грандиозным планам, касавшимся полуострова; он практически вернул себе военную поддержку Наполеона III. Савойя оторвалась от Пьемонта и вошла в состав Франции (март 1860 года).

В следующем месяце был проведен плебисцит, который поддержал аннексию; он состоялся в условиях «демократии» тех времен, несколько отличавшихся от условий нынешних; но в данном случае нельзя говорить о том, что данные были фальсифицированы; и, таким образом, желания населения Савойи или более чем достаточного большинства устремились на запад. Великий итальянский министр (он сильно «перерос» свое пьемонтское происхождение) умер в июне 1861 года, успев к тому времени распространить свое влияние на папское государство и королевство Неаполитанское. В марте 1861 года Виктор-Эмманюэль II был провозглашен королем Италии. Чтобы завоевать «Сапожок», на севере сбыли с рук Аннеси и Шамбери, которые позволили совершить над собой мягкое насилие, или скорее ненасилие. Очевидное офранцузивание савойской элиты еще облегчило процесс. Католическое духовенство будущей французской провинции смотрело на Наполеона III преданными глазами, настолько политика Второй империи была еще сосредоточена вокруг безупречной солидарности с Церковью во Франции и других странах. Итак, савойским кюре не пришлось тратить много усилий, чтобы убедить свою паству в пользу присоединения к Франции. Швейцарцы, которые желали отделить для себя «сектор» (территориальный) в северных областях Савойи, вынуждены были отступить, к своему разочарованию (несмотря на некоторую поддержку, которую им оказывали в этих регионах), поскольку в массе своей савойское население, начиная с правящих классов, желало, сохранить географическую целостность бывшего герцогства. Итак, все сложилось в пользу Франции, которая «обрастала» землями с восточного и юго-восточного фланга. Религиозное сознание объединилось с провинциальным. Однако, в ходе следующего десятилетия наступило некоторое разочарование (см. *infra*). Это значит, что прикрепление Савойи к Франции все-таки состоялось. Оно осуществилось даже на уровне префектур, и это не только из соображений неискоренимого централизма («разделять, чтобы властвовать») парижского правительства. На местах соперничество Аннеси и Шамбери было таким, что первый из этих городов ни в какую не

* Ниже (лат.).

хотел приносить себя в жертву второму, а он с незапамятных времен выполнял роль столицы региона, которая «утерла нос» остальным городам региона. Итак, были созданы два департамента, Савойя и Верхняя Савойя, чьи префекты, соответственно, имели свои резиденции в Шамбери и Аннеси. Отметим, чтобы закончить разговор об этом важнейшем периоде, что Англия, хотя и была достаточно недовольна такому увеличению территории у ее французских соседей, не сделала ничего значительного, чтобы воспрепятствовать аннексии. Савойя была далеко от Кента, озеро Леман – это не Ла-Манш. Эвиан и Тонон несколько не были похожи на пистолеты, наведенные в сердце Англии, как был Антверпен в 1830 году, когда Франция под давлением Лондона вынуждена была отказаться от надежд на присоединение к себе некоторой части бельгийцев, слишком франкофилов, по мнению британцев.

*

В самом начале аннексия, скажем так, – это эйфория (иногда быстро проходящая). И в самом деле, как это часто случается в такой обстановке, наступает период расставания с иллюзиями. Медовый месяц заканчивается. Супружеский союз, в котором есть любовь, несомненно, переходит, как сказал бы Фрейд, из лирической фазы (краткосрочной) к своей эпической фазе (длящейся долго и неизбежно периодически отмеченной конфликтами). Выражаясь менее галантно, скажем, что расставание с иллюзиями – это не просто неизбежное последствие маятникового движения общественного мнения. Разочарование (но это не было настоящее «похмелье») соответствовало вполне конкретным мотивам: в 1860 году Вторая империя во времена своего апогея практиковала священный союз с католической Церковью. Но впоследствии прихотливые изгибы французской дипломатии обязали стареющего Наполеона III поддерживать, или хотя бы не сражаться в открытую с пьемонтским империализмом (антиримским) в центральной понтификальной Италии; именно эта поддержка и оказалась источником значительного разочарования среди савойских католиков.

После проигранной войны 1870 года, в которой солдаты из бывшего герцогства, как говорят, проявили себя очень достойно во французской армии против пруссаков, итак,

после этой войны аннексия обрела, так сказать, второе дыхание. В обоих департаментах можно было увидеть появление, немного неожиданное, борцов-республиканцев, и даже, по прошествии нескольких лет, на выборах в законодательные органы 1876 года, департаменты оказались свидетелями самого настоящего триумфа все той же республиканской партии. От этого «присоединение» оказывается как бы во второй раз ратифицированным; но в данном случае эта вторичная ратификация, насколько бы неформальной и *фактической* она ни была, происходила среди левых сил, или, скажем так, по меньшей мере, левых центристских, а не так, как это было в 1860 году, преимущественно под эгидой местной католической церкви, слепо подчинявшейся в то время Наполеону III, а также ультраконсервативным идеям Пия IX. Так что же все-таки произошло после войны «семидесятого года»? Откуда такая «республиканизация» этой провинции, где *a priori* ничто не предвещало такой радикальной, скажем так, эволюции («радикальной» в англо-саксонском или немецком смысле этого слова, что подразумевает глубокий и характерный отрыв в сторону республиканской «зловещей стихии»). В Савойе «изменение точки зрения» стало тем заметнее, что республиканизация, увеличение количества голосов, получаемых левыми партиями, продолжились, по меньшей мере, до 1920 года, когда местные правые силы получили некоторый вес, как в Шамбери, так и в Альбервилле. Конечно, в нашем распоряжении имеются на этот счет классические объяснения, которые можно применить ко многим другим провинциальным регионам, *a fortiori* парижским, Франции прошлых эпох. В ходе 1870-х годов республика герцогов очень быстро лишается своей жизненной силы и вскоре в итоге превращается в республику Юлиев. Конец сословия именитых горожан начиная с 1875–1880 годов предвещал конец старой аристократической элиты (в Савойе – не обязательно герцогской, она там была просто дворянской). Новым социальным слоям, которые гениально приветствовал Гамбетта, – врачам, нотариусам и особенно адвокатам, – отныне пришла пора сказать свое слово. И кроме того, развитие железных дорог и туризма, начало «белого угля» и все шире распространяющееся образование, в виде публичной школы по образцу Жюля Ферри, – все это большинство населения Савойи переживает как beneficia

ния существующего режима, другими словами, III Республики: в двух североальпийских департаментах накануне Первой мировой войны насчитывалось отныне менее 1% неграмотных – есть о чем заставить мечтать наших педагогов 2000 года. Это превращение, которое кажется *a priori* удивительным, вполне сравнимо с многими другими аналогичными достижениями в остальной части Франции, и заслугу в этом стоит приписать республиканским учреждениям (и это притом что частное, католическое образование, в частности, на уровне средней школы, смогло в свою очередь сыграть неоспоримую роль в том, что касалось приобщения к культуре представителей элиты и даже масс).

Это значит, что остается еще место для тайны. В чем причины такой кардинальной перемены в 1870-е годы, которая показала себя конкретно в 1876 году прореспубликанскими проявлениями в Савойе, о которых мы только что говорили? Предложим гипотезу, и уже будет делом региональных историков сказать, имеет она или нет какую-либо ценность: во Франции быть правым, быть монархистом (другой способ, эквивалентный, объявлять все ту же принадлежность к правым силам) – это значило претендовать в итоге на верность графу Шамбору, единственному претенденту на трон, включившемуся в борьбу за власть в первые годы президентского срока Мак-Магона. Однако граф Шамбор, по правде говоря, звезд с неба не хватал. Он был посредственным лидером, к тому же пресловутых французских правых сил, привыкших к «размножению делением» внутри себя, а следовательно, к саморазрушению, самопогребению, принесению себя в жертву, или самосожжению, это можно назвать как хотите – вечная вдова Бенареса, эти французские правые силы!... Итак, граф Шамбор вызвал разочарование во Франции, не только в Савойе, у своих сторонников активной политикой разделения правых сил, которые он держал как будто на медленном огне, и более конкретно, своим упрямым отказом принять флаг-триколор, своей неразумной привязанностью к белому знамени, при виде которого и перед которым «ружья стреляли бы сами собой»³³.

Но то, что с этой точки зрения было справедливым для «внутренней» Франции, не было ли оно справедливым и для Савойи тоже? У монархистских стремлений в бывшем герцогстве не было особенных причин распространяться на

династию Бурбонов. Они были направлены, если предположить, что они еще существовали, на Савойский дом. Аннексия 1860 года, только она одна, пробила в них сильную брешь, и они моментально устремились к Наполеону III и к (имевшей совсем мало законных прав на престол) династии Бонапартов. И не было никакой мотивации, которая могла бы это аннулировать и заставить монархистов от всего сердца примкнуть к делу графа Шамбора, который был абсолютно чужд, и не без оснований, савойским традициям. Преданность претенденту Бурбону могла себе найти в альпийском регионе (еще!) оправдания только в виде интересов голой политики настоящего момента, в любом случае крайне эфемерных, какими бы подлинно монархическими они не могли в действительности быть. Глупость Шамбора в этой неблагоприятно настроенной среде оказалась тем более губительной для него, если учитывать чисто савойскую обстановку. Итак, отсутствие местных корней удваивало *in situ* политическую неадекватность: Шамбери не мог поладить с Шамбором. И кроме того, бывшие сторонники Кавура, антиклерикалы, которых в Савойе было много, которым уже больше нечего было искать со стороны Италии, массово обратились в сторону Республики... французской, поскольку она тоже была антиклерикальной...

Так открылась широкая дорога республиканскому вторжению, и жители Савойи с 1876 года уже больше не могли ему сопротивляться. Политики, пред ставлявшие левые силы, смогли в таких условиях утвердиться надолго и обеспечить себе широкий круг избирателей в регионе: будь они «чужестранцами», как Теодор Райнах, или «источали местный дух», как это было с чудесным образом избранным Сезар-Константином Амперёром, бесспорным депутатом... республиканцем из Тарантеза; или наконец, тому или иному местному левому политику удавалось положить начало значительной династии. Такие династии были типичны для Третьей республики, как, например, семья Шотан, выходцы из крестьян Валеири³⁴; эта семья дала целую плеяду региональных политических деятелей, таких как Эмиль и Феликс Шотан, а также из нее вышли и политики национального уровня, постепенно терявшие свое савойское поле деятельности, каковым был Камиль Шотан, ставший

* На месте нахождения (лат.).

мэром Тура, и более того – министром и председателем правительства. Камиль Шотан стал в итоге одним из самых известных политических деятелей относительно малоизвестной республики 1930-х годов.

*

И вот мы подошли к несколько сложному десятилетию между двумя мировыми войнами, 1920–1930 годам, и, в качестве короткого вступления, «самой» Первой мировой войне... Она лишила два департамента (Верхнюю Савойю и просто Савойю) 3,5% их населения из-за того, что погибло 18 000 солдат. Высокогорные деревни заметно опустели. Тем временем промышленность, стоявшая на службе войны (пушки, взрывчатые вещества, точные измерительные приборы) и просто промышленность интенсивно развивались в течение этих четырех или пяти роковых лет (1914–1918): в Шедде, Южине, Аннеси и др. (прямо как в другой области в Тулузе), поскольку также Савойя, казалось, должна была быть избавлена от немецкого вторжения, и оно действительно ее миновало.

*

В период между 1919 и 1939 годами политическая жизнь в Савойе лишилась своей драматической или, по меньшей мере, драматургической стороны, которая нам известна по времени поворота в сторону республиканского пути в 1870-е годы, и особенно в 1876 году. В этих условиях движения «качелей» смены политиков воспроизводили, за небольшими исключениями, жизнь в стране. В 1919 году Савойя голосовала за «Национальный блок» Военной палаты. Затем маятник вновь качнулся в сторону республиканских сил, и отныне это была победа, как в региональном, так и в национальном масштабе, Картеля левых сил в 1924 году. Индустриализация также неизбежно вызывала некоторые «законодательные» последствия: один социалист, мэр Южине, вошел, в свою очередь, в состав палаты депутатов спустя несколько лет после этих выборов «в пользу Картеля». В 1936 году, во времена триумфа Народного фронта, депутатская Савойя представлена левыми силами, тогда как Верхняя Савойя более чем когда-либо поворачивает в сторону правых сил. Появляются новые имена, которые независимо от того, образуют ли они династии

или нет, будут доминировать также и после войны: Ко, де Мантон... Со стороны Церкви епископ Аннеси, дворянин и бретонец, принадлежит к «Аксьон франсез», но его духовенство объявляет себя христианскими демократами. Все идет своим чередом, и таким образом можно было поставить «заслон марксизму».

Что касается демографической ситуации, то она претерпевала незначительные изменения. Несмотря на небольшой подъем или рост, численность местного населения все еще оставалась примерно на уровне 500 000 жителей, что совсем ненамного превышает отметку 1861 года. Однако, наблюдались и новые веяния: изменилось направление миграции населения. Савойя была страной массовой эмиграции. И вот она стала принимающей страной, благодаря различным видам деятельности, которые там развивались: естественно, белый уголь, токарное производство металлических изделий (гайки и болты всех видов и др.), и еще сгущенное молоко и сыр грюйер... и зимние виды спорта! Так смогла вырасти на досуге, или, вернее, в работе, очень динамичная социальная группа крестьян-рабочих, которые могли выполнять двойную работу; они были на самом деле рабочими на заводах и фермерами-животноводами в свободное время. Во всех отраслях оживилось производство, что стало предвестником мощного подъема региональной экономики во второй половине XX века, опровергшим пессимистические и даже катастрофические предсказания, которые охотно делают в наши дни «савойско-лигистские» мыслители.

Не пора ли упомянуть об очень специфической проблеме, характерной для департамента Верхняя Савойя? Речь идет вовсе не о «зоне». Ее отделили при Второй империи, в 1860 году, во время аннексии, чтобы удовлетворить требованием местного населения (северного), которое желало сохранить свою успешную торговлю с Женевой и Лозанной, с французской Швейцарией и просто Швейцарией и через ее посредничество – с германскими странами. Она включала в себя (помимо нескольких более старых маленьких зон, датируемых 1815–1829 годами³⁵) несколько важных населенных пунктов, среди которых Эвиан и Тонон, конечно; а также Бонвиль, Салланш, Шамони... и многие другие. Она стремилась избежать разделения Савойи в пользу Швейцарии, которое местное население считало

позорным, но при этом не отказывалось, в том числе и к югу от франко-швейцарской границы, от некоторой швейцарской ностальгии жителей Верхней Савойи, когда они отправлялись на северную окраину своего департамента, ограниченную берегами Лемана. И фактически эта зона стала для ее жителей областью всеобщего процветания, которая продавала женецам и другим жителям французской Швейцарии гораздо больше, чем она у них покупала: она экспортировала вина, дерево, зерно... и в то же время щедро импортировала сахар, кофе, спички и *tutti quanti*. И вот прошли годы; из-за целой серии конфликтных мер и процедур, произошедших между Швейцарией и Францией, зона была практически уничтожена после Первой мировой войны, и последний эпизод, связанный с ее исчезновением, пришелся на 1932 год. Разрушение этой зоны, к тому же не окончательное, вероятно, было ошибкой со стороны Французской республики. Ошибкой, которую в наши дни подчеркивают борцы Савойской лиги. Историческая самокритика по этому поводу действительно вполне оправдана. Но она больше связана с ностальгией, какой бы хорошо обоснованной она ни была. Поскольку уже последнее поколение савойцев прошлого века отныне имели в своем распоряжении все выгоды (пусть даже с нюансами мельчайших недостатков) европейских учреждений, включая свободную торговлю. Это скорее Швейцария продолжает колебаться на пороге необходимого прогресса, которого уже достигла провинция-сестра к югу от нее; швейцарцы, более пугливые, чем савойцы, действительно, боятся пройти последние ступени полной интеграции со старым континентом, находящимся на пути постепенной унификации. И именно эта интеграция, наперекор привычной схеме, сделала бы из Швейцарской конфедерации *зону* нового типа и еще более процветающую, чем она есть сейчас, если бы исчезли, и это тогда было бы практически неотвратимо, великолепные таможенники в кепи, которые придают некий живописный колорит границам Конфедерации.

*

Вторая мировая война была отмечена в Савойе оборонительными боями, которые велись против немцев в июне 1940 года, и таким образом удалось избежать оккупации Шамбери. Кроме того, савойцы сдерживали итальянцев,

можно сказать, успешно и отбивали их татки в направлении Тарантеза и Морьена. Бывшее герцогство объявляло себя, за многочисленными исключениями, естественно, больше сторонниками Петена в 1940 году и даже в 1941, а затем более «сопротивленческим» начиная с 1941 года. До этих пор все проходило по классической схеме. Итальянская оккупация, которая стала особенно чувствоваться начиная с ноября 1942 года, показала себя относительно безобидной (что, однако, ни в коей мере не оправдывает чрезмерное всепрощение по отношению к ней в историографических работах, написанных *впоследствии*). Также, однако, остается верным и тот факт, что были все основания *пост фактум* вспоминать о ней с ностальгией, когда установилась нацистская оккупация, летом 1943 года, которая была гораздо более тяжелой. Потому что *берсальеры* сильно отличались от СС... Итак, кульминация французского Сопротивления была достигнута именно в Савойе, еще до высадок в Нормандии и Провансе, которые полностью изменяют расстановку сил в этой ситуации.

Эта «кульминация» имела место в первые месяцы 1944 года, когда партизаны разместились на плато Глиер... и через короткий промежуток времени были уничтожены. Этот «Капитолий» (?) был совсем близко от скалы Тарпейен. И вот Глиер на несколько недель оказался «первой освобожденной частичкой национальной континентальной территории». Освобожденной ...но на очень короткое время и слишком высокой ценой. То, что Морис Шуман что-то не понял по радио, говоря от имени свободной Франции во время выброски парашютистов... возможно, оказалось одной из причин выбора такого географического расположения партизан, слишком изолированного (Глиер), которое стало для немцев легкой мишенью, где они оставили после себя сто пятьдесят убитых с французской стороны.

В августе 1944 года, напротив, силы регионального Сопротивления, теперь окрепшие, полные воодушевления, вдохновленные продвижением союзной армии, идущей с юга, провели почти полное освобождение департамента Верхняя Савойя, включая крупные города. Тяжелым был итог человеческих потерь за годы оккупации; Морьен был опустошен. Многие тысячи савойцев погибли в боях или пали жертвами гражданского террора – были расстреляны, депортированы, не вернулись из лагерей и т. д. Что касает-

ся «людей напротив», «сообщников» или рассматриваемых в качестве таковых, обоснованно или нет, то можно насчитать 134 человека, к которым была применена высшая мера наказания, и это только по суду «по всем правилам», к этому добавляются многочисленные расстрелы без суда и следствия. Стоит ли причислять их к «достижениям и потерям» неизбежной гражданской войны, как это делают большинство историков; или же мы должны думать, вслед за историком Стефаном Куртуа, что речь *также* шла о сведении счетов, связанном с продвижением к власти Коммунистической партии Франции (будь оно даже утопическим с компромиссной позиции); может быть, эта партия желала устранить или, по меньшей мере, напугать буржуазные элементы и других, кто мог составить препятствие ее политическому и психологическому росту? Мы понимаем, что в том, что касается этой крайне деликатной страны, историку «чужестранцу» как минимум трудно разобраться с определенностью. Итак, я даже здесь ограничился тем, что привел различные имеющиеся в распоряжении утверждения, предложенные к размышлению и тем, и другим, в эпоху (современную), когда разнообразные страсти, и это нормально, значительно остыли в сердце конфедеративной, если не федеральной Европы.

*

Во второй половине XX века Савойя, как и остальные страны Старого света, сначала западные, потом, в наши дни, центральноевропейские и даже Восточная Европа, подошла к тому, что можно было бы назвать «европейским счастьем», каким бы относительным оно бы ни могло быть. После исчезновения нацизма, а затем, в 1953 году, смерти Сталина и постепенного уничтожения шокового большевизма, со всех сторон были изгнаны демоны тоталитаризма; и то, и другое привело бывшее герцогство к беспрецедентному миру, в котором широко принимал участие также и весь регион Рона-Альпы. На первом месте стоял небывалый рост населения: оно увеличилось от полумиллиона жителей (эта цифра была привычной для Савойи в период с 1860 по 1950 годы) до почти миллиона (конец XX века). Этот рост сравним, и он еще плюс к тому существенный, с тем, который происходил в тот же период во Франции (от 40 миллионов до 60 миллионов жителей), а также в Швейцарии.

Помимо этого политическая жизнь в обоих департаментах становится постепенно «более правой», и ощущаются последствия этого, досадные по мнению одних людей и благоприятные для других: конечно, все зависит от политических убеждений каждого. Как бы то ни было, это движение в сторону правых сил, будь то христианско-демократических, голлистских или постголлистских, не является столь существенным и не затрагивает глубоко судьбу провинции, поскольку политические идеи сильно сблизились между собой по отношению к другому лагерю – республиканскому. Если привести знаменитое изречение, в духе Корнеля и немного преувеличенное, то «правые больше не правые, они все левые». Другими словами, клерикализм и просто католицизм отныне очень далеки от того, чтобы делать погоду в савойских правых силах, какими бы динамичными они ни были: один молодой «умеренный» политик из этого региона говорил мне, что у него к духовенству отношение механика: «Меня просят как избранного отремонтировать батареи в церкви или центральное отопление в доме священника. Я подчиняюсь, и все. Это проблемы с трубами. Что касается остального, то у меня практически нет никаких идеологических или политических отношений со священником, каноником, епископом». Преувеличение? Чрезмерное дистанцирование со стороны члена городского совета, консерватора, конечно, высокопоставленного? Возможно. Однако, оно остается показательным.

В списке неудач и среди идей совершенно другого порядка поместим также рассказ о судьбе того «героя» савойской истории вчерашнего и позавчерашнего дня, я хочу поговорить о мифах и реальности «белого угля»: время было уже не то, когда, как в первое послевоенное десятилетие (1954), могли себе позволить заточить целую деревню и даже небольшой городок (Тинь в данном случае) в озере у плотины; и все это для того, чтобы счастливые горожане в разных регионах могли пользоваться своими электробритами, а позже – микроволновыми печами. В любом случае, из-за всеобщей национализации во Франции, после 1945 года, сети электростанций, которые отныне стали принадлежать «Электрисите де Франс», савойцы стали извлекать для себя меньше выгоды (по причине выравнивания цен в стране) из многочисленных местных электростанций. Кроме того, искусственные водохранилища, а так-

же радиоактивные отходы атомных электростанций, были не в почете у экологов, которые стали задавать тон во многих отношениях.

Будущее за «зелеными»? Вполне возможно. Но снег в своей девственной белизне продолжает приносить доход в обоих департаментах, в частности, в Верхней Савойе. Там была развита, еще до и в особенности после Второй мировой войны, мощная индустрия зимнего туризма; он дополнил моду на летний туризм, давно уже укоренившуюся в этих местах. Савойские предприятия, работающие в этом секторе, пользуются в такой обстановке удобствами, которые им дает двойной сезон, холодный и теплый. Мертвый сезон... почти мертв. В общих чертах, безработица, конечно, распространена, но в процентном отношении к активному населению она меньше, чем в остальных районах Франции. Она носит менее массовый характер, чем на средиземноморском Юге, зоне, куда солнце в любое время года манит «соискателей работы», даже и особенно притом, что они не занимаются этими поисками со всей необходимой энергией.

В Савойе количество мест для размещения туристов (более миллиона) пре вышло в 2000 году количество местного населения, будь то коренные жители или недавние иммигранты. Крупные достижения Савойи послевоенного периода или периода до 2000 года, регионального масштаба или выходящие за его рамки, носят названия Снежный план, Зимние олимпийские игры, Реблешон и Бофор (в ущерб... или из-за сокращения большей части горного сельского хозяйства). И еще Южин, Боллоре, BSN-Эвиан, «Карфур» (крупная торговая сеть), естественный парк в Вануазе, университеты в Аннеси и Шамбери (свыше 13 000 студентов), и наконец, туннель под Мон-Бланом... до недавней катастрофы, которая в результате привела к достойному сожаления загромождению долины Шамони, задыхающейся от грузового транспорта.

Печальное бедствие, на самом деле, этот подземный пожар, и это принесло несчастье многим: как в Швейцарии, как и в Австрии, чрезмерное движение транспорта, пересекающего Альпы, вызывает вполне понятную реакцию – недовольство со стороны живущих там людей, и здесь не имеет значения их происхождение. Это одна из составляющих «плохой жизни», конечно, наблюдающейся у меньшинства, которая привела в данном регионе к разви-

тию Савойской лиги, очень четко прослеживающегося в последние годы последнего десятилетия века. Стоит ли напоминать, что в соседних или ближайших странах, также находящихся во власти экономической экспансии, также родились, на Альпийском хребте или в его окрестностях, северо-итальянская лига, стремящаяся к независимости или автономии Падании и швейцарский UDC Кристофа Блошера; не забудем также австрийский FPÖ Георга Хайдера, того самого Хайдера, который, в справедливом негодовании против нашего премьер-министра, решился назвать главу французского государства «карманным Наполеоном». Но справедливо будет сказать, что Патрик Абей, савойский лидер, достаточно популярный в северных долинах бывшего герцогства, удержался от того, чтобы впасть в знаменитые семантические производные, так называемые крайне правые, в которых столько упрекали Георга Хайдера, не без некоторых оснований.

Еще раз потороплюсь сказать об этом, не будем смешивать, не будем путать современных борцов за независимость Савойи, таких как Патрик Абей и Жан де Пенгон с такими как Георг Хайдер, о котором мы знаем только то, что он излишне склонен к словесным выпадам. Что касается Патрика Абея, он прошел классический путь от выпускника высшей школы с улицы Ульм, сертифицированного преподавателя, когда-то «левого анархиста» (по его собственному определению), затем ненадолго члена КПФ, наконец ударившегося в савойский автономизм или стремление к независимости. Он даже носил звание, более показное, чем реальное, первого главы временного правительства Савойи (были бы у де Голля наследники?). В 1998 году г-н Абей получил для Лиги, главой которой он стал, 6% голосов в Верхней Савойе и 4,4% – в Савойе; иногда свыше 10% в некоторых деревнях. Эта организация, такая какая она есть, в октябре 1998 года собрала на свой конгресс в Северие (Верхняя Савойя) примерно тысячу участников. Этот конгресс, как добрый принц, оставлял открытую дверь для вступления в его ряды любого человека, даже если он приехал в Савойю после 26 мая 1996 года... если только этот человек, среди других предпочтительных условий, «принимал идею суверенитета Савойи». Борец той же организации и товарищ Абея, Жан де Пенгон в 1996 году опубликовал шокирующую работу, озаглавленную «Фран-

цузская Савойя». Отказываясь от итальянских корней, также как и от французских, не обращая внимание на общность языка, автор в этой книге³⁶ предлагает на примере Савойи (стр. 140 *sq.*) путь развития для Литвы и других стран Балтии, недавно отделившихся от бывшего СССР, или же еще, вооружившись цитатой из Франсуа Миттерана, автор «Французской Савойи: Истории аннексированной страны» предлагает на модели бывшего герцогства современный путь развития бывших советских республик Центральной Азии, таких как Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан, которые также стали суверенными государствами, к счастью или к несчастью, после удаления коммунистической пуповины. В таких перспективах, признаем это, нет ничего особенно радостного, учитывая низкий уровень жизни и разнообразные внутренние проблемы в этих, не решаемся так их назвать, рискуя не понравиться господам Абею и Пенгону, несчастных странах, расположенных как на северо-западе, так и на юго-востоке от современной России, вряд ли более счастливой, чем они, как нам говорят. Что касается выходцев из внутренних районов Франции, находящихся в Савойе (их, скорее всего, несколько сотен тысяч, некоторые из них родились там, а другие – французы по происхождению), де Пенгон напоминает им, что русские в Крыму, также в принципе иностранцы по отношению к своей новой украинской родине, проголосовали, однако, в большинстве своем за то, чтобы эта обширная территория стала независимой, и они стали полноправными гражданами этой отныне независимой территории. Я признаюсь, что зрелище того, как сейчас корабли российского Черноморского флота ржавеют в порту Севастополя (не говоря уже о некоторых диктаторских режимах в Центральной Азии среди бывших мусульманских «республик» СССР) нисколько не кажется мне ценным образцом и источником вдохновения для жителей берегов озера Аннеси или озера Бурже. Но, возможно, я просто пессимист.

Многие историки, среди которых Гишонне, Греслон, Жан Николя, обрушились с критикой на некоторые из выводов Пенгона, какими бы стимулирующими они не могли показаться в глазах некоторых: мы не можем утверждать, что плебисцит 1860 года, на котором сказали «да», был фальсифицирован, тем более рассматривать его как маскарад, и одновременно требовать в качестве носителей буду-

шего 47 076 бюллетеней, которые на севере Верхней Савойи громко заявляли «да и зона». Также видеть в аннексии «утверждение настоящего экономического краха в Савойе» (де Пенгон, *op. cit.*, стр. 62) — это значит умалчивать о замечательном экономическом и культурном подъеме всей той же страны, ставшей французской при III Республике (Гишонне, «Новая история Савойи», стр. 301 sq.).

За неимением других выгод и каким бы производителем периодических не правдоподобных теорий оно ни было, «заслуга» современного савойского движения³⁷, однако, состоит в том, что оно показало: периферийные автономисты далеко еще не ушли в прошлое; было бы ошибкой навсегда убрать их на полку с аксессуаров историографии о национальностях...

9

Области диалектов «ок»

Мы оставили напоследок наиболее важное из лингвистических различий — между областью диалектов «ок»¹, охватывающих треть французской территории на юге, и областью диалектов «ойл», занимающих основную часть северной территории страны. Это различие относится не только к области семантики. Также оно касается того, что можно назвать «южным вопросом» во Франции, и, в более широком смысле — контрастов между Севером и Югом внутри границ, в пределах которых расположена страна.

Области диалектов «ок» зародились как таковые около 5800, даже 6000 года до нашей эры. Такое утверждение, естественно, не имеет ничего общего с диалектами «ок» или «ойл». Здесь рассматривается, на современной территории «Франции» или за ее границами, контраст, очень древний — уже! — между континентальным Севером и средиземноморским Югом; конечно, этот контраст не стоит возводить в абсолют, поскольку имели место многочисленные контакты между двумя «областями», особенно Юга с Севером. Контрасты и контакты — эту пару нельзя ни разделить, ни разорвать. Как бы то ни было, «кардиальная» цивилизация, пришедшая со Среднего и Ближнего Востока *через* Средиземное море и Южную Италию, привела с собой иммигрантов,

которые сыграли роль основателей местной культуры, особенно когда ассимилировались с коренным населением; скажем в общем, что эти вновь прибывшие принесли с собой земледелие, почти абсолютно новое в этих регионах, находившихся на стадии мезолита, основанной на собирательстве и охоте в этих районах, где они процветали и раньше, еще до 6000 года до нашей эры. Земледелие, пришедшее извне, основывалось, в частности, на выращивании ячменя, на втором месте шла пшеница или мягкое зерно, из которого делали хлеб; здесь тоже прослеживается четкое различие по сравнению с жителями придунайских областей из Рюбане, постепенно мигрировавших наземным путем в северные районы Франции и вообще в Европу: важное место в питании занимала «крахмальная» пшеница, которая тоже происходила с далекого Среднего Востока, но из нее получался пышный хлеб, как из вышеупомянутого мягкого зерна; из него скорее делали каши и сухие хлебцы. Добавим также, что северные выходцы из Рюбане были «чемпионами» по разведению коров и свиней, тогда как наши «кардинальные» южане больше внимания уделяли козам и баранам, также как и ячменю, который в течение тысячелетий оставался у них одним из главных продуктов питания. Правда, быки в южных областях компенсировали свою относительную немногочисленность своими значительными объемами и весом, гораздо более «приличными», чем относительно скромные размеры какой-нибудь южной козы или овцы.

Своеобразие средиземноморских областей Франции – и не только этой страны – заключается в том, что системы земледелия были завезены в Прованс и Лангедок около 5800 года до нашей эры – это за четыре столетия до того, как эти «системы», правда, несколько отличные, начали распространяться на Севере² (с 5400 до нашей эры). Кроме того, название домашних животных и культурных растений не были абсолютно одинаковыми с обеих сторон широтной «баррикады», какой бы проницаемой она ни была, в данном случае. Подведем в этой таблице итог некоторым, упомянутым выше вопросам:

Общие основы земледелия, зародившегося на Среднем Востоке или на Ближнем Востоке, изобретенного там, где-то на крайнем севере Сирии (в нынешних ее границах) и на юго-востоке центральной части Турции (по современной географической номенклатуре) около 9000–8000 годов

до нашей эры, стали сильно различаться в зависимости от того, распространялись ли они по Средиземному морю («кардиальная» культура нашего Юга) или через Дунай (более поздние выходцы из Рюбане на Севере, впоследствии ставшие галлами или французами).

*

Между прочим, констатацией таких фактов устанавливаются точные границы Империи памяти, которой слишком часто некоторые подлинные исследователи, являющиеся при этом людьми политики или метафизиками, даже патафизиками, хотят приписать в большей или меньшей степени наше историографическое наследие. Сельскохозяйственная история Юга пять или шесть тысячелетий, не более того – абсолютно выпадает из памяти. Она основывается исключительно на археологических находках и исследованиях с использованием углеродного метода. Все открытия, совершенные таким образом, однако, очень *реальные*, соответствуют (очень приблизительно) данным, которые уже полностью исчезли из *воспоминаний* мужчин и женщин и сохранялись там только в форме мифов (Деметра и происхождение зерна, Ной и начало виноделия и др.).

«Своеобразные характеристики» двух систем земледелия

	Средиземноморский Юг	Северная половина Франции
Пшеница	Мягкое компактное зерно	Крахмальная
Ее кулинарное предназначение	Хлеб	Каши, сухие хлебцы
Наибольшее внимание, оказываемое определенным видам домашних животных	Козы, бараны	Коровы, свиньи
Приблизительная начальная датировка	5800 год до нашей эры	5400 год до нашей эры

*

Между первыми зачатками земледелия на Юге и галло-романским сельским хозяйством нарбоннской провинции, этого прекрасного зародыша современной Окситании,

был, если так можно выразиться, всего один шаг, и мы его сд елаем, немного слишком бойко, чтобы еще раз установить самобытные характеристики этого обширного региона, более или менее «берегового» по отношению к внутреннему морю. Соха, так отличающаяся от того, что впоследствии станет плугом в северных областях, уже присутствовала на Юге еще даже до римского завоевания. На быка или корову, или на пару быков, которые тянули за собой соху, надевали ярмо, которое впоследствии, из региона в регион, соперничало с лошадиным хомутом, пришедшим от северных земледельцев. Севооборот в Лангедоке был двупольным и оставался таким в течение тысячелетий: за годом под паром следовал год сбора урожая. И напротив, на Севере в разное время восприняли «трехпольную» инициативу. Орошение лугов и плодовых садов, специфичное для французских провинций крайнего Юга, а также для Каталонии и Лигурии, существовало, скорее всего, с римской эпохи. Напомним по этому поводу знаменитый стих одного латинского поэта:

Claudite jam ripas, pueri, sat prata biberunt

(Закрывайте трубы, рабы, луга достаточно напились).

«Южная» жатва производилась серпом, или скорее *вола-ном*, «длинным серпом с узким и слабо изогнутым лезвием»³. Коса для срезания колосьев появилась значительно позднее, с севера пришла на юг, начали ее использовать во Фландрии, а, конечно, не в Провансе. На юге, в средиземноморском климате, зерно молотили на гумне. Достоинства такой «молотьбы» не стоит, кстати, преувеличивать. В этой системе, которая заключалась в том, чтобы пускать лошадей бегать по разложенным колосьям, была масса недостатков, которые отмечал, значительно позднее, каталонский аббат Марсе, столь дорогой исследователю мадам Марсе, и кюре Корнелла из Ривьеры в 1785 году. «Владельцы лошадей заламывали непомерные цены, забирая у земледельца по одному колосу из каждого тридцати. С другой стороны, надо было кормить возчиков (этих лошадей), людей, которые готовы были есть за троих, всегда хотели пить, считали, что пить воду очень вредно и приводили с собой собак, которые после жатвы становились особенно упитанными. Что касается лошадей, которые молотили, они тонули в колосьях до самого брюха и съедали часть их. Не было такого

животного, которое за день молотбы не съело бы около половины меры зерна...». В итоге оказывается, что молотба цепом, распространенная в Северной Франции и в некоторых немногочисленных деревнях Нижнего Лангедока, была более экономичной, более «прогрессивной»⁴?

Виноград и оливковые деревья были завезены в благоприятную климатическую зону (средиземноморскую) сначала греками, потом римлянами. И как онец, многочисленные сельскохозяйственные орудия, более или менее своеобразные для данного региона, относятся также к доримской эпохе, или, самое позднее, к периоду римского завоевания.

Последнее тысячелетие до Рождества Христова было действительно богато событиями, которые предопределялись географическим положением региона. Юг первым испытал на себе влияние эллинизма, благодаря тому, что около 600 года до нашей эры была основана родосская колония в Марселе. Юг также был первым регионом, где оставила отпечаток римская культура, в том числе и в области языка, что вполне естественно явилось предвестником окситанского своеобразия, как в прошлом, так даже и настоящем. Это «первенство» относится к раннему утверждению Нарбоннской провинции, которая вскоре стала производить вино и оливковое масло; она была связана еще до нашей эры с метрополией в Лациуме, который вскоре стал столицей империи. Рим уже не в Риме, он уже весь в Провансе...

Поныне квадратный дом в Ниме, «Антик» в Сен-Ремиде-Прованс, Пон дю Гар служат свидетельством огромного культурного вклада, оставленного «*Urbs*». В течение всего этого периода, короткого, по правде говоря, этому процессу не было равных в Косматой Галлии в Центре и на Севере: это опять же свидетельствовало об опережении Юга в развитии, как за пять или шесть тысяч лет до того. Впоследствии Югу стал принадлежать самый настоящий административный, если не политический, перевес. Римские дороги, которые свидетельствуют о некотором централизме, сходятся, на самом деле, в Лионе, в южной половине Галлии. Геохронологические несоответствия такого рода сохранились. Например, виноградники в галло-романской зоне во времена апогея Империи долгое время были сосредоточены к югу от линии, проходившей между Либурном и Женовой. За эту границу развивающееся виноделие вышло и продвинулось на север только в III веке нашей эры...

...Но виноградники в Нарбоннской провинции не были единственной культурой: перед нами предстает, по меньшей мере, в строго средиземноморской зоне, классическая триада – оливы, виноградники, злаки. О важности последних, например, на равнинах в нижнем течении Роны, говорит загроможденность водяных мельниц в Барбегаль, около Арля. Что касается производства оливкового масла, то археологи часто находят каменные противовесы для выдавливания масла, а также разнообразные сельскохозяйственные и винодельческие орудия, очень похожие на те, что сохранялись в Провансе (и их названия – в провансальском языке близки к латинским) практически до наших дней: то различные типы мотыг (*eissado*), то различного рода кирки (*trenco*, *descaussadou*, *būcaas* или *bigot*) или *poudo* для срезания виноградной лозы, произошедший от «*falx vineatica*» Колуселя. А еще лопаты, топоры дровосеков, лемехи плугов в форме наконечников копья, но гораздо более тяжелые и приземистые, чем оное. И наконец, орудия ремесленников, как по металлу, так и по дереву, чья работа была так важна для местных жителей: «молоты, щипцы, долота, напильники...».

Сельское или «крестьянское» поселение римской эпохи, в свою очередь, представляло собой *oppida* – поселение на возвышенности, более или менее укрепленное... и более или менее опустевшее в эпоху империи, поскольку люди спускались на равнины, где их привлекала большая безопасность, которую им гарантировали римские завоеватели, великие миротворцы перед лицом вечности. Итак, существовали *oppida*, хотя и приходили в упадок, а также *vici*, другими словами, небольшие, но иногда и крупные хутора, предшественники нынешних хуторов, деревень и даже ферм. И затем получили распространение одиночные дома – в этом также сказалось римское влияние. Это знаменитые *виллы*, большие или очень большие владения, их центром был отдельно стоящий дом хозяина, который окружали ферма и хозяйственные постройки. Распространение *вилл*, благодаря римской инициативе и римскому миру, явилось одним из коренных новшеств или достижений на юге на рубеже тысячелетий (в нарбоннской провинции это произошло в последнем веке до нашей эры и особенно в первые века после Рождества Христова). Обычно *виллы* группировали свои постройки вокруг боль-

шого двора, часто снабженного бассейном, вокруг которого располагались жилье владельца и хозяйственные помещения: сараи, конюшни, стойла, риги, чердаки, погреба, кузницы, столярные и ткацкие мастерские и наконец жилища сельскохозяйственных рабочих, рабов и ремесленников, прикрепленных к владению⁵. *Виллы* во многих случаях были предками некоторых современных крупных сельских владений в области дия лектов «ок», как, например, тех, что встречаются на равнине, между Монпелье и морем, ставшей в то время виноградарской или винодельческой, пока в наше время здесь не начали строить огромные магазины... Галло-романская вилла была комфортабельной, даже роскошной, что касалось жилья владельца, происходившего из римлян или выходца из местной элиты, до того кельтской. Она также представляла собой (благодаря мастерским, которые ее окружали) мануфактурное предприятие в этимологическом значении этого слова. *На местах* производили орудия, необходимые для местного сельского хозяйства и для продажи собственной продукции. На больших виллах в средиземноморском Лангедоке (Аспиран, Корнельян, Саллель д'Од...) мы находим в наши дни остатки гончарных печей, находившихся рядом с домом хозяина владения, в которых обжигали амфоры, необходимые для хранения вина. Потом для этого станут использовать бочки, изобретенные к северу отсюда аллоброгами из Дофине, также в римскую эпоху, в окрестностях города Вьенн.

В Нарбоннской провинции разводили баранов, коз, крупный рогатый скот и свиней. Животные, из молока которых делали сыр — овцы, коровы и козы, — паслись в окрестностях Нима или в Жеводане. И наконец, по костям и останкам разнообразной дичи, которые находят в наши дни археологи в выгребных ямах вилл, можно судить, на кого охотились в то время.

Рыбу ловили бронзовыми крючками и сетями с привязанными к ним каменными грузилами. Конечно, рыболовством занимались на море, но также на «соленых озерах» Латт, а устриц ловили в нарбоннских прудах.

Что касается промышленного производства, то здесь выплавляли металл, и археологи часто находят куски окалины с кузнечными щипцами. Таких мест очень много в районе Марти, расположенном в Монтань Нуар.

Процветало здесь и гончарное производство. Изделия из Грофесенка снабженные печатью, долгое время пользовались известностью на широких просторах Империи. Экспорт этой продукции шел через нарбоннский порт. Свидетелями этого, хотя на них и не обращают должного внимания, являются непроданные вазы, горшки, разбитые до погрузки на корабль; они все еще остаются, поскольку никто не знает, что с ними делать, в галло-романском слое археологических раскопок на территории нарбоннского порта. Владельцами горшечных мастерских в южных районах центрального массива, авторами этих куч продаваемой или выбрасываемой керамики были свободные люди, использовавшие труд рабов. Зимой все, рабы и свободные, возили дрова для печей, вазы обжигали весной⁶.

*

В том, что касается городской жизни в Нарбоннской провинции, примером нам может служить Арль, занимавший центральное положение. В эпоху расцвета Империи население Арля составляло *приблизительно* от 5 000 до 10 000 жителей. Миновать этот город на Роне было невозможно, ибо здесь находился понтонный мост на пути из Испании в Италию, соединявший Виа Аурелия (на востоке) и Виа Домиция (на западе). Этот самый понтонный мост продолжал функционировать вплоть до времен нашего Старого режима, настолько Рона была глубокой в этом месте, и для того, чтобы построить настоящий каменный мост потребовались разнообразные инженерные работы, которые в античную эпоху не всегда могли выполнить. На этом мосту всего-навсего одну за другой меняли лодки, по мере их износа, и это в течение жизни примерно пятидесяти поколений, которые прошли, таким образом, со времен Римской империи и до королей династии Бурбонов... Итак, в галло-романскую эпоху через Арль⁷ доставлялись в Галлию товары, приходившие из средиземноморских земель Империи. В обмен через этот город шло в Рим зерно из внутренних областей страны, включая Бургундию. Это было зерно, которое везли по Соне и Роне, а в Барбигале обязательно превращали в муку. Римские поселения представляли для этих будущих провансальцев, каковыми были жители низовьев Роны, великолепный рынок сбыта, поскольку в столице импе-

рии, по достоверным оценкам, насчитывалось от 800 000 до миллиона жителей, включая пригороды, в эпоху триумфа тех удивительных глав государства, какими были Флавии, затем Антонины, прекрасным образцом которых был Марк Аврелий.

*

Виллы и деревни Нарбоннской провинции были духовной и физической обителью галло-наרבоннского пантеона, «старшего сына» римского пантеона. Во главе этого собрания богов стоял, как и следовало, Юпитер, повелитель молний...и таким образом, защитник от молний. Этой способностью защищать от молний, которой наделяли бога-громовержца, в свою очередь широко воспользовалась христианская Церковь в Лангедоке: она приказывала звонить в колокола на колокольне приходской церкви, чтобы отвести угрозу грозы. *Марс* со своей воинственностью с добавлением местного колорита, кажется, также был очень важным персонажем среди языческих богов Нарбоннской провинции. Что касается остальных, то может показаться, что в этой южной трети Галлии существовал целый легион божеств с разнообразными утилитарными функциями. *Меркурий* покровительствовал торговли, *Сильван* – рубке леса и разработке карьеров, *Вулкан* – кузнечному делу, *Бахус* – виноделию (в частности, в Безье ему поклонялись), *Аполлон* – медицине, *Геркулес* – путешественникам. Было еще огромное количество «бессмертных», связанных с многочисленными источниками, начиная с *Немозуса*, ответственного за фонтан в Ниме. Преемственность, конечно, не без разрывов, от античности к католицизму, была обеспечена изначально: скит Нотр-Дам-де-Коллиа (Гар) раньше имел множество алтарей, посвященных Юпитеру, Марсу и галльским Матерям; впоследствии это небольшое святилище было посвящено христианскому отшельнику в VIII веке, и наконец, оно стало местом паломничества, одобренным епископатом, в эпоху модерна и примерно до 1914 года. Конечно, это вопрос места, а не архитектурного воплощения.

Не касаясь более ранних событий, отметим, что сама *христианизация*, постязыческая или антиязыческая, на юге Галлии имела свои достаточно точно установленные

хронологические контуры. Наиболее ранней она была в городах; в Арле были здания и объекты культового христианского назначения, а также епископ, уже со второй половины III века; некоторые свидетельства говорят о том, что религия Христа в этом городе существовала даже раньше, но не обязательно относить ее к концу II века. В аграрном обществе христианские «следы» были более поздними. В Од (современном), Эро и Гарсельские погребальные базилики, датируются V – VI веками⁸. В сельской местности язычество долгое время сосуществовало с новой религией: в первой половине VI века святой Цезарь Арльский, мощи которого уже в наше время недавно получили точную датировку и хронологическое подтверждение благодаря радиоактивным методам исследования, итак, святой Цезарь констатировал, что в его диоцезе источники, фонтаны и священные деревья «продолжали питаться приношениями». В Жаволе, на священном озере в Сент-Андеоле, в середине VI века крестьяне упорно бросали в воду сыры и мотки шерсти в знак почитания местного водного божества, которое они представляли себе в образе человека, любителя даров, приношений и жертв всякого рода. Тогда местный епископ велел построить около озера базилику, посвященную святому Иларию из Пуатье, и поместил в ней мощи этого благочестивого человека. Знаменательный переход языческого культа (источник, фонтан, вода) к христианской религиозности (мощи). И паломничество к озеру Сент-Андеоль продолжалось вплоть до Французской революции. Знаменательная преемственность...или эволюция, уже очень древняя, в своей непрерывности...

Вернемся к более светским вопросам: в конце III века сосуществовали две административные Галлии, Тревизская и Арльская (наша); вполне правдоподобно, что они уже разделились из-за некоторых языковых различий, а не только бюрократических.

Начались нашествия варваров: франки оказали очень сильное влияние на севере Галлии, в частности, на диалекты «ойл», несмотря на то, что они остались привязанными навсегда к своим латинским структурам, но, и в этом заключался главный аспект их своеобразия, отмеченным германизмами. И напротив, это франкское влияние оказалось слабым, даже нулевым, на Юге, где продолжали говорить

на достаточно правильной латыни (будущем окситанском или провансальском языке) и где процветали, в зависимости от эпохи, вестготские или остготские королевства. Их плодотворное культурное влияние не стоит отрицать. Завоевание Хлодвигу на Юге около 670 года не помешали образованию независимой Аквитании. Когда в начале VIII века возникла мусульманская угроза, южный идеал, кажется, моментально реализовался, правда, в худших условиях. В то время сосуществовали Аквитания, Прованс и северный Лангедок, которые, все трое, временно оставались более или менее автономными или даже независимыми перед лицом опасных соседей с севера, с юга и с востока. Когда арабы поднялись с севера и их разбили, как известно, при Пуатье в 732 году, это в ответ спровоцировало новую франкскую «лавину» в форме жестоких контратак, среди которых была и та, опустошительная, которую возглавлял Карл Мартелл. Таким образом готовилась интеграция современной Южной Франции и Каталонии в каролингские структуры, оказавшиеся прочными в плане культуры, но неустойчивыми в том, что касалось повседневного управления.

Превратности политического режима делали свое дело: Юг, до наступления эры христианства, а затем и после то присоединялся к Северу⁹, то отделялся от него. Но культурное своеобразие оставалось, оно проявляло себя начиная с эпохи поздней античности, затем во времена варваров, потом Меровингов; интеллигенция высокого уровня, которую прославили такие писатели, как Озон, Сидоний Аполлинарий, Фортунат и уроженец Оверни Григорий «Турский», показывала интеллектуальное превосходство Южной Галлии, расположенной между Клермоном и Бордо. Прованс того времени был средоточием монахов и епископов, а на Юге, искушаемом арианством и адоптианством, начала распространяться ересь.

Между тем различиям суждено было проявиться в языке. Французский диалект «ойл» был незаконнорожденным сыном латинских наречий, на которые на местах наложился кельтский субстрат (более ранний) и мощный германский «суперстрат» (более поздний). Напротив, на юге разыгрывалась совсем другая пьеса, за пределами необитаемого пространства, которое после варварских вторжений

моментально образовалось между Луарой и Гаронной: с IX–X веков между Жирондой и Камаргом выделилась совокупность протоокситанских диалектов «южного галло-романского языка». В этих регионах местное наречие римлян, легионеров-язычников и христианских проповедников долгое время сохраняло чистоту латинского языка; этот язык был более подлинным и более богатым, как мы упоминали выше. Специфические кельтские, а затем германские выражения «загрязнили» его в меньшей степени, чем в Северной Галлии. Аналогичное явление, характеризовавшееся прекрасной сохранностью языка, наблюдалось примерно в ту же эпоху в Испании и в Италии, но диалектные разновидности там были другие, нежели в области диалектов «ок».

Так и не исчезло полностью стремление к экспансии с востока на запад. В IX веке ее осуществила Лотарингия, не без проблем для себя. Однако, ближе к тысячному году различия между Севером и Югом постоянно оставляли свой отпечаток самыми разнообразными способами. В сельском хозяйстве и в слоях аристократии феодализм и крепостное право получили меньшее развитие на юге, чем в областях между Луарой и Мёзой. Сеньориальные владения, предки крупных сельскохозяйственных угодий, в «Окситании» были менее крупными, чем в других местах. Эта черта, но в других формах, просуществовала вплоть до XIX века и даже до наших дней.

*

Области диалектов «ок» показали себя вполне способными на инициативу и на создание новых учреждений: именно оттуда пришла в X–XI веке в области Клермона, Бриуда, Орийякк и Пюи-ан-Веле вскоре распространившаяся по всей Европе идея Божьего мира¹⁰. Но там не хватало централизаторской воли: побеждала тенденция к географической рассеянности, несмотря на стремление к единству, зарождавшееся в районе Тулузы. На пространстве между Овернью и Пиренеями нельзя было найти ничего, сравнимого с терпеливыми усилиями по укреплению династии Капетингов начиная с 987 года (символическая дата). Южная аристократия, настроенная не столь воинственно, была ослаблена действиями, которыми она располагала к себе. Ее владения действи-

тельно теряли свою жизнеспособность из-за постоянных их разделов между наследниками, в том числе и женщинами. Во времена испытаний «южное» дворянство не шло в сравнение с равными им по положению могущественными северянами, закованными в железо и в жестокие идеи.

Неоднократно (как шесть или семь столетий тому назад, во времена Озона, Сидония, Григория) литературное творчество – устное, письменное, поэтическое – с самого начала эпохи Высокого средневековья открывает дорогу для самобытных талантов Юга. Трубадуры превозносят старопровансальский язык в ущерб латыни; они подчеркивают дворянские ценности и обесценивают клерикальные образцы. Возвращение в обиход римского права, привезенного из Италии в южную Францию через Прованс, способствует в XII–XIII веках началу быстрого распространения нотариусов, этих трубадуров повседневной прозы жизни. Консулаты, первые муниципальные органы, более живые и активные, чем в областях диалектов «ойл», наделяют города, а затем и крестьянские общины, статусом юридического лица. Сначала они распределяют полномочия власти среди дворянства, затем среди городской буржуазии и даже ремесленников или сельского населения. Ячейковая муниципализация и отсутствие макрорегионального единства становятся основными чертами политической жизни на Юге для проретического «либерализма». Все относительно, конечно... В XII–XIII веках три группы сильных мира сего, то есть Плантагенеты, прославившиеся благодаря Альеноре Аквитанской, графы Тулузские и владыки Каталонии или Арагона пытались навести некоторый порядок, и каждый тянул одеяло на себя, на этом экстенсивном Юге по эту сторону Пиренеев, который был тогда всего лишь географическим понятием. Три вора на ярмарке, это значит, что двое из них лишние.

Вопреки всему своеобразие Юга находило выражение в романском искусстве, в противоположность более позднему готическому стилю, который прежде всего черпал свои корни в Иль-де-Франсе и Нормандии. В самом сердце «южной зоны», не заботясь о постепенно исчезающих административных границах, четко ограниченная географическая область произвела на свет, преодолев диалектное

разнообразие, языки «ок», общие для поэтов-*трубадуров* и чиновников. Эта область включает в себя юг Центрального массива и даже выходит за его пределы; она, грубо говоря, соответствует древним провинциям или попросту областям Керси, Тулузен, Альбижуа, Руэрг, Геводан, Нарбонне, Нимуа. В терминах (которые историки иногда употребляют) «провансальские» или «лимузенские» язык или поэзия, таким образом, в данном случае мало точности. Поскольку роль первого плана в этой кристаллизации письменности и устной формы языка «ок» сыграли военно-монашеские ордена, такие как госпитальеры святого Иоанна и тамплиеры. Крошечная община святого Евлалия в Руэрге, в которой достаточно было монахов-рыцарей, также внесла свой солидный вклад в этот языковой процесс, более, нежели крупные романоговорящие сообщества в Лиможе или Марселе.

*

Присоединение южной «туманности» к Франции, ее захват капетингской галактикой произошел в XIII веке в ходе крестового похода против катаров, или альбигойцев, и последующей аннексии.

Присоединение Лангедока к Франции касалось не только частных судеб большей части областей «ок», судеб, важных, конечно, для строительства французской общности. Это присоединение поставило также обширную проблему катарской ереси на юге, *alias* религии альбигойцев. «Ловушка для глупцов», – эта катарская ересь, сказал мне однажды Жорж Дюби, потрясенный тем нагромождением глупостей, которые только могли быть написаны об этом странном явлении; но несмотря на это кажется, что в какие-то моменты они открывают что-то из сокровищницы человеческих познаний. Но однако, в наши дни положение дел уже совсем не такое, как тогда, когда на него сетовал Жорж Дюби. Наши знания о катарах сделали большой шаг вперед за последнюю четверть века, благодаря работам одного крупного юриста, ставшего историком, Жана Дювернуа, а также благодаря исследованиям специалиста по грамотам Анны Бретон и профессора Шиффола.

Итак, что же такое катарская ересь, та которая получила на территории современной Франции свое такое блестя-

щее и такое несчастливое развитие на территориях нынешних наших департаментов Верхняя Гаронна, Арьеж, Од, Тарн и в восточной части Эро¹¹. Что касается этой квинтэссенции «ереси», в наше время мы уже почти не верим в далекое влияние дуалистической идеологии (принцип Добра против принципа Зла), которая имела бы нехристианское происхождение. Или, если точнее, мы верим в дуализм в данном случае, но христианского происхождения! Вышеупомянутое «псевдо-влияние», по этой гипотезе, сейчас уже устаревшей, шло, возможно, от древних учений восточных, даже иранских мыслителей, начиная с Зороастра (VII–VI века до нашей эры?) и Манеса (III век нашей эры). Но в реальности катарская ересь была прежде всего неким подобием «крайне левого христианства», если хотите охарактеризовать ее таким умышленно анахроничным образом.

Если быть точными, катары восстановили, более или менее сознательно, некоторые традиции, идущие от первых евангельских христиан. Такие поиски альбигойцами «корней» могли быть даже несколько «марцианитскими», то есть отрицающими некоторые положения Ветхого Завета. Как бы то ни было, катарская мысль¹², вместе с Деяниями Апостолов и святым Матфеем, считает, что Церковь Божия – это не какое-то строение из камня или из дерева, которое таким образом подвержено всякого вида отклонениям: они могли быть милитаристскими – превращением «Святого места» в крепость, или же «модными» отклонениями – чрезмерной роскошью, уже давно осужденной Священным Писанием. В данном случае речь могла идти об осуждаемом избытке материальной роскоши, золота, серебра, художественных излишеств во внутреннем или внешнем убранстве церквей, как городских, так и сельских. В реальности, по видению катаров, Церковь Божия не имела ничего общего со всей этой мишурой; она представляет собой просто Мистическое тело, которое образуют в своей совокупности «настоящие христиане», «праведники»: они берут на себя миссию распространять уроки Святого духа, который нисходит прямо на них.

Эта нематериальная Церковь, в основном духовная, получила от Христа власть соединять и отпускать, короче говоря, отпускать грехи, ту власть или способность, которой ни в коей мере не обладала, несмотря на свои утверждения

противоположного, лжецерковь, римская и папская, та, которая, как говорили, драла шкуру и управляла испорченная мирскими богатствами.

Настоящая (катарская) церковь воздерживалась от убийств и насилия, в этом она отличалась от образа из Эпинала с епископами в сапогах и шлемах или инквизиторами-убийцами, которых еретические полемисты любили изображать, даже в виде карикатур, отдавая себе отчет в том, что в этом было, бесспорно, зерно истины, хотя бы частично, и как бы мало оно ни было, оно все же присутствовало в их сатирах и антиклерикальных нападках. «Добрая Церковь», с другой стороны, «держалась вдали от «плотской грязи»; она предотвращала в принципе любой блуд, даже в браке, вплоть до того, если он происходил, о, это уже слишком!, между мужем и женой. Они были крайними ригористами, даже если существовали, в этой области, некоторые уступки небу или скорее полу, поскольку плоть слаба (смотрите по этому поводу иногда скабрзное «Совершенство» Гийома Белибаста). В любом случае, эта идеология была направлена на заботу о чистоте, желательной, если не выполнимой невинности, и, по крайней мере, теоретическом воздержании; она проходила и будет еще проходить красной нитью сквозь две тысячи лет христианства; а также, абсолютно независимо, среди религий Индии (весьма характерен в этом отношении пример с воздержанием Саньязи).

Оставим в стороне область наслаждений, добровольно запрещенных, и продолжения рода (стоило бы скорее говорить на тему отказа от продолжения рода или об анти-сексуальности) и скажем, что догматика катаров обращалась также к проблемам хозяйства, труда, и если можно так сказать, *бизнеса*. В этом направлении альбигойцы верны святому Матфею, опять же ему, а также посланиям Петра и Павла (к жителям Эфеса, к римлянам): «Не укради и не пожелай того, что принадлежит ближнему твоему».

После этих разнообразных экскурсов (насилие, секс, собственность и владение землей, но еще в большей степени деньгами и т.д.) катарская тематика возвращается к центральным духовным ценностям; это, в частности, отказ от лжи, от лжесвидетельства, от богохульства и даже от любого злословия, а также от клятвы, которая также осужда-

лась. И наконец, «еретики» должны были уважать закон, правила Справедливости и Правды, что приводило просто-напросто к тому, чтобы подражать в своем поведении Иисусу Христу и подвергаться гонениям, как он! Нельзя было быть более христианином, и в этом не было ничего от Зороастра. Монах Томас А. Кемпис, позднесредневековый автор бессмертного «Подражания Иисусу Христу», не смог ничего найти такого, чтобы противопоставить этим последним заповедям.

Добавим также, что альбигойская церковь могла представлять собой и церковь пятидесятников; Наполеон Пейра говорил о ней также как о «церкви Параклета»¹³. Эта неортодоксальная церковь действительно широко смотрит на крещение, не ограничиваясь крещением водой, как его задумал святой Иоанн Креститель в начале евангельского повествования: южная «Новая ересь» предлагает в качестве важного дополнения к крещению водой крещение без воды, вдохновленное историей Сошествия святого Духа на головы учеников во время первой Пятидесятницы, о которой рассказывается в Деяниях Апостолов. Отсюда напрямую происходит удивительный обряд «Консоламентум», специфического для катаров таинства – изысканного и практичного. Уже и католическая Церковь сильно упростила обряды. Ритуалы, конечно, абсолютно понятные, как приношение в жертву животных, широко практиковавшееся в античности, как языческой, так и библейской¹⁴, и, с другой стороны, обрезание (законность которого мы ни в коей мере не оспариваем), не забывая также и о крещении путем погружения в воду, столь дорогим православным христианам (оно, конечно, в редчайших случаях могло вызывать простудные явления у младенцев, и мы были свидетелями такого случая), итак, такие ритуалы католическая Церковь заменила крещением путем легкого окропления водой, таким образом не представляющего угрозу, которой смачивают лоб и голову младенца. Катары предельно упростили этот обряд, поскольку они проповедовали чисто духовное «крещение»: материальность жидкости, изливаемой тем или иным способом – воды, масла, крови – была сведена к нулю в «Консоламентуме»: это таинство проходило в форме возложения рук и Святой книги служителем на голову посвящаемого (взрослого) при активном и коллективном

участии присутствующих «еретиков», и все это сопровождалось благочестивыми чтениями, подобранными для соответствующего случая. Уже упомянутый изысканный практицизм обряда «Консоламентум» проявляется также и прежде всего в том, что он носил абсолютно синтетический, или скорее соединительный, характер. Это альбигойское таинство выступает одновременно в роли *крещения*, уже упомянутого здесь, но также в качестве *конфирмации* (Святой Дух!), и еще *покаяния*, *миропомазания*, *мистического брака* (между божественным Святым Духом и душой верующего), и наконец, *посвящения*; верующий, один раз прошедший «консоламентум», тем самым возводится в практически еkkлeзиастический ранг «Доброго христианина» или Праведника. Только одно из семи таинств католической Церкви не «захватывается» этим удивительным «всеобъемлющим» «консоламентумом». Речь идет о евхаристии: среди еретиков она понизилась в своем статусе и была сведена, лишившись роли таинства, к простой трапезе из освященного хлеба. Это принятие пищи, значение которого не стоит преувеличивать, могло быть, однако, дополнено символическим поеданием «хлеба насущного», который был не чем иным, как соответствующим образом принятым Законом Христовым. Несмотря на исключение евхаристии, или, принимая во внимание антиевхаристию, можно только восхититься, в чисто техническом плане, этим процессом унификации полудюжины таинств и сведением их к одному-единственному «Консоламентуму», одновременно утешающему и священному. Впечатляющая храбрость... Снимаем шляпы!

А где же во всем этом дуализм? Действительно, в бесконечном потоке теолого-политической литературы, повторяем, авторы много раз настаивали на первоочередном характере идеологии дуализма в стране катаров: Добро против Зла, Свет против Мрака и т. д. Такая позиция не исключает или преуменьшает все элементы, «превышающие два», то есть троичность, четырехчленность и т. д. И толкует беспрестанно о «манихействе» этих славных людей из Каркассона или из Безье примерно 1200 года, которое пришло к ним напрямую от Манеса первых веков нашей эры, нехристианском, если оно только было когда-нибудь таковым. Мы понимаем, что подобные утверждения (на самом деле, гипотезы) могли раньше очаровать мно-

гие поколения исследователей, крупных теологов, таких как отец Донден, или видных историков из северных областей, среди которых Арно Борст, Стивен Рансиман и Ганс Содерберг. И тем более сильным становилось это очарование, когда думали, что таким образом в древнем Лангедоке углубляется подлинно нехристианский угол зрения в идеологии, и это исключительное явление в европейской культуре, будь она южной, которую считали поначалу «христианской на 150%», если взять выражение, дорогое крупному немецкому писателю Виктору Клемпереру. Это нехристианское интеллектуальное направление, даже при всей своей проблематичности и построенное «на глиняных ногах», не заканчивалось в XIII веке, ни *a fortiori* в XV веке. Его продолжали до наших дней! Манихейство, бывшее катарское, является так называемым наследием темных или дохристианских веков (Зороастр), вновь стало популярно в XX и XXI веке благодаря реинкарнации в манихейских идеях и практиках нашего времени, неизбежно сопровождавших самые разнообразные тоталитарные режимы, уничтожавшие расовых или классовых врагов; и даже, уже в новой ипостаси, эти манихейские понятия стали обязательными спутниками демократической мысли 2000 года, которая энергично борется, имея, с одной стороны, политкорректность, новую религию, светскую и блистательную, Прав человека, которые олицетворяют хорошее; с другой стороны, внешний Мрак Расизма, этнической Дискриминации, которые олицетворяют плохое, проклятое и т.д. Впрочем, не все ложно в этих «анализах», за исключением того, что «бинарное» наследие не идет, на самом деле, ни от Зороастра, ни от Манеса через катаров, но скорее всего от «иоанновского» христианства (Евангелие от Иоанна, первое послание этого апостола, Апокалипсис и др.), действительно через катаров, а также другими путями, вплоть до крупных «бинарных» идеологических систем нашей эпохи, которые на самом деле опираются время от времени на то или иное простейшее противопоставление Добра и Зла, Правильного и Неправильного.

Говоря о дуализме лангедокских катаров XIII века, мы не будем в ограниченном объеме данной работы ка-

* Тем более (лат.).

саться всех нюансов и тонкостей в различиях между абсолютным дуализмом и умеренным дуализмом. Сатана, гений Зла, является ли он на самом деле, по выражению Ламартина, «падшим архангелом, вспоминающим Небеса», короче говоря, падшим ангелом, созданным Всевышним в самом начале и ставшим одиозной фигурой («умеренная» точка зрения); или же перед лицом Всемогущего, создателя Всего, вышеупомянутый Сатана воплощает во всей своей радикальности завершенное Могущество Пустоты, Ничто, «Nihil» или «Nichts» у немцев, того, что физики нашего времени, в совсем другой области, называют «энергией пустоты». Вместо того, чтобы бросаться в такие тонкости, от которых знаменитая мадемуазель Тузелье немного утомилась в течение своей длительной и плодотворной работы, скажем, повторим или подчеркнем, вместе с Жаном Дювернуа, что дуализм катаров из областей «ок» (и других тоже) времен Высокого средневековья¹⁵ глубоко, и даже полностью, отличался от дуализма Манеса и его учеников, повторим еще раз. У него дуализм *первичен*. Он строит, он сообщает изначально полную доктрину Манеса и манихеев в своих изначальных и последующих структурах. И напротив, у катаров дуализм – самое больше последствие, конечно, важное, но *вторичное*, производное, результат, не решимся сказать, осадок фундаментально христианских доктрин, или христианско-демократических, построенных, употребим тавтологию, вокруг Христа, и, возможно, более того (нюанс по отношению к официальному средневековому христианству), – вокруг Святого духа, в духе Иоакима де Фиоре. Добавим, что дуализм, при условии что он не является «полным и абсолютным», – это привычный для Средневековья факт, типичный также для нормального христианства, даже тривиальный (в любом случае, нисколько не «еретический»), в таком виде, каким он установился после тысячного года. В таких условиях «дуальная» или бинарная катарская ересь – всего лишь вариант по отношению к христианским нормам средневековой духовности – Бог против Дьявола! – какой ее принимали папы, соборы и бесчисленная масса народа, как на севере, так и на юге. Дуализм катаров – это не отклонение и не метеорит, упавший с другой идеологической планеты, он представляет собой всего лишь крайний случай.

Добавим, что более или менее постоянное зрелище (не смотря на некоторые перерывы) действий «Зла» в Мире, эпидемий, войн, голода и т. д., могло лишь подтолкнуть наших предков или предшественников в ту древнюю эпоху к тому, чтобы представлять себе Мир как театр достаточно трагических теней, которые время от времени пронзает ослепительный Свет, идущий от Бога в его славе и от Церкви в ее величии.

*

Сейчас скажем вкратце о событиях (в Лангедоке и на Юге) XI–XIV веков, рассматривая их с позиций альбигойской ереси, Крестового похода с севера и французской аннексии. Как христианская или паракристианская ересь, ересь катаров, в строгом смысле этого слова, была достаточно распространена в XI и даже в XII веке в разных странах Европы: тогда можно было найти ее адептов в Кёльне, Бонне, Майнце, Суассоне, Льеже, Орлеане и, конечно, дальше на юге, о чем свидетельствовали полыхавшие то здесь, то там костры, на которых их сжигали, и тлеющие после них угли, вызывавшие тревожные раздумья у клириков, оставшихся верными официальной Церкви. Но очень скоро репрессии или даже просто враждебность со стороны безмолвствующего большинства отодвинула эти проявления нонконформизма на задний план, по меньшей мере, в северных областях. Сфера распространения ереси сжалась, или, скажем так, катарская ересь была как древняя звезда, которая сжалась... и зажглась вновь с еще большей силой. Она «потеряла север», сконцентрировав свои силы на юге, особенно после 1170–1190-х годов (французский протестантизм прошел тот же путь, с севера на Юг...и не говоря уже о регби...!). Вторая звезда также зажглась между Лионом и Дюранс, звезда вальденской ереси¹⁶. Как будто на самом деле в воздухе витала ересь. С конца XII века и на протяжении всего XIII века катары присутствовали прежде всего в балканском регионе (*богомилы*), в Северной Италии (*патарены*), а также в Лангедоке и графстве Фуа (*праведники*). Была ли сеньориальная или княжеская власть Юга более мягкой, нежели в восточной Германии или северной Франции? Дело было в том, что они терпимо относились к «ереси» и решали этот вопрос полюбовно: так было в случае с графами Тулузскими. Они даже дошли до

того, что стали заигрывать с ней, это касается графов. Некоторые дамы из этой знатной семьи Фуа даже перешли грань и непосредственно обратились в религию праведников. Новые верования были настолько распространены на Юге, что знаменитый святой Бернар Клервосский в 1145 году поехал с миссией в Тулузу и Альби, чтобы попытаться отвлечь жителей от ереси, но его усилия оказались тщетными. Название «катары» появилось около 1163 года (в Германии) и в дальнейшем его смысловое значение изменилось. В 1167 году один епископ-богомил из Константинополя (?), некий Нисетас или Никинта, даже, возможно, присутствовал (?) на проходившем на Юге съезде лидеров еретиков¹⁷ в Сен-Феликс-де-Караман (?). Подчеркнем по этому поводу, что г-н Шиффоло практически не верит даже в само существование такого собора, тем более епископского. Появление вальденской ереси (в долине Роны, затем Дюранс) пришлось на 1170–1182 годы. Апогей катарской ереси, как в Лангедоке, так и в Арьеже, пришелся на начало XIII века и совпал с «царствованием» графа Раймона VI Тулузского. Примерно в то же время (1206 год) святой Доминик, все в той же большой южной провинции, предпринял попытку контрпропаганды; он стал бороться с ересью ее же собственным оружием – евангелические проповеди, образцовая жизнь в бедности, которой жили ученики «доминиканцы» (напомним, что катары, любившие добровольную бедность, находили пара ллель с тенденциями «отказа от богатства», которые в ту же эпоху имели место в ниществующих орденах, как у францисканцев, так и у доминиканцев. Именно в этом вопросе наблюдалось соперничество между еретиками и целым блоком «нормального» католицизма, испытавшего на себе влияние «Поверелло»).

Инициатива святого Доминика так и не принесла ощутимых результатов. Нужно было как-то «противодействовать» успешно распространявшейся ереси. По призыву папы Иннокентия III рыцари из Иль-де-Франса, Нормандии и Бургундии в рамках крестового похода открыли военные действия против «альбигойцев», как они их называли; за этим последовали территориальные завоевания. В 1215 году Симон де Монфор, предводитель крестоносцев, захватил в плен графа Тулузского. С 1216 по 1224 год лангедокское (и катарское) контрнаступление нанесло

поражение северным завоевателям. Но новые крестоносцы под предводительством короля Франции Людовика VIII спустились в долину Роны (1226 год) и затем вновь взяли почти полный контроль над Лангедоком. После многих жестоких расправ, в первом ряду среди которых фигурирует казнь на костере в Монсегюре (1244), графство Тулузское было присоединено к французской короне (1271). Это было значительное событие: оно окончательно скрепило *connubium* средней и южной части области диалектов «ок» с капетингским королевством. Кроме того, этому нелегальному сочетанию предшествовали акты насилия, которым не было равных по степени в других окситано-французских союзах, в частности, с Овернью (XIII век), Борделе (1453 год) и Провансом (1480-е годы). На короткий период между 1295 и 1325 годами катарская ересь возродилась благодаря проповедям братьев Отье, с которыми они выступали в высокогорной деревне Монтайю в Арьеже.

*

В действительности не было преемственности с другой ересью, гугенотской, которой суждено было обосноваться в Лангедоке ...и далеко за его пределами, начиная со второй четверти XVI века. Однако в старой и новой ересях прослеживались некоторые параллелизмы и даже схожесть их генезиса, раннего или более позднего. Так же, как катарская ересь, Реформация сначала получила развитие на севере, потом была изгнана оттуда и более свободно сохранялась на Юге, где она подвергалась гонениям, особенно жестоким в XIII и XIV веках, но не была полностью подавлена даже во времена последующих поколений протестантов, которых, тем не менее, преследовали в XVII веке. Катарская ересь была пробным ударом внутрихристианского неортодоксального движения. Неудачный удар! У альбигойской ереси не было средств для проведения ее политики. Гугеноты, напротив, располагали таким великолепным источником общественного резонанса, каковым было книгопечатание Гутенберга. Они могли таким образом утвердиться окончательно, несмотря на все преграды, с реками крови, проливаемой с обеих враждующих сторон, что происходило много раз. Все те же протестанты развязали таким образом настоящую идеологическую

войну внутри Франции, прежде всего направленную ими против римской Церкви и ей суждено было продлиться несколько столетий, с перерывами: про тестанты, которые находились вне католицизма, затем янсенисты, которые находились внутри него, антихристианская философия Просвещения, революционная борьба с христианством, антиклерикализм, иногда достаточно болезненный, XIX и первых лет XX века, и затем установление новых гражданских религий нашего времени. Несчастные катары, лишенные всего или практически всего, были совсем неспособны добиться подобного успеха. *После них*, в течение жизни шести следующих поколений и до более позднего утверждения протестантизма, в этот период не было больше столь жарких дебатов об идеях или догмах, скорее шла борьба между группировками в рамках войн или придворных ссор: Арманьяки против Бургиньонов, а затем многочисленные партии без каких-либо серьезных различий в доктринах, во времена Большого раскола... Но и в рамках повествования об областях «ок» важно подробно остановиться на проблематике южной ереси и борьбы с ней. Хотите вы того или нет, но это — составляющие французской общности, которая является одним из главных сюжетов данной работы. Это «составление» прошло как с худшими (массовые убийства в Безье в XIII веке), так и с лучшими последствиями: французские левые силы, республиканские, достоинства которых нельзя оспаривать, при этом не обязательно телом и душой к ним принадлежать, итак, французские левые силы, в частности, на Юге, играющие такую важную и решающую роль в национальном масштабе, опираются, помимо всего прочего, на идею, насколько бы мифической она иногда ни была, относящуюся к ереси, борьбе с ней, унификации, частично принудительной, Севера и Юга.

В более скромном масштабе, в конце XIII века были заложены первые камни, на самом деле антикатарские, готической эпохи в областях «ок», и на первом месте среди ее свидетельств стоит собор Сент-Сесиль в Альби, строительство которого началось в 1282 году; но также¹⁸ были и Нотр-Дам в Родезе (1277) и еще, на этот раз вдалеке от альбигойства, Нотр-Дам в Клермон-Ферране (XIII–XIV века...); и наконец, поздний собор Сент-Мари д'Ош, уже полностью постальбигойский со всех точек

зрения (1489). Области диалектов «ок» и, в частности, зоны катарской ереси, и те, и другие были областями с высокой культурой и в предшествующую эпоху стали свидетелями расцвета, примерно одновременного (но совсем не обязательно эти два явления были связаны между собой), поэзии трубадуров и приверженцев ереси. Борьба с ней, со своей стороны, в итоге «генерировала», как говорят в наше время, некоторое обновление культовой архитектуры (готика), сделав таким образом из этого региона «ок» сад Марии и установив там другие женские культы. Славные праведники и их адепты, всегда составлявшие лишь меньшинство, конечно, активное среди населения своей большой и малой родины, вероятно, обошлись бы без этого благородного архитектурного посвящения Богу, которое, вдобавок ко всему, противоречило их самому главному пожеланию, поскольку они выступали хулите лями красивых церквей и роскошных культовых построек.

И наконец, «катарская эпопея» с негативным опытом борьбы против ереси надолго оставила последствия в том, что касается воскрешения провансальского или окситанского движения, называйте его, как хотите, – это возвращение к жизни было наполовину светским с XIX века (парадоксально, в этой связи говорить о провансальском движении, поскольку крупная провинция на юго-востоке – Прованс – была далеко в стороне от катарской ереси, этого явления, которое, во время своего расцвета, было свойственно Лангедоку и лишь стороной коснулось Арьежа). В любом случае, Наполеону Пейра¹⁹ (родившемуся в 1809 году), протестантскому пастору с Юга и хорошему историку южных ересей, принадлежит заслуга в этом воскрешении или возрождении *post factum*, и его слова произвели удивительно чарующее воздействие на великого Мишле. Обладавший интуицией, Пейра был автором «Истории альбигойцев», последние тома которой, во время их появления на свет (1880), озарили светом III Республику, даже «Красный Юг». Пейра хорошо почувствовал, и в этом он явился предшественником Дювернуа, что влияние Зороастра и Манеса не оказало большого влияния на зарождение альбигойской теологии (мы сказали бы сейчас, что они не имели с ней практически ничего общего, если только не говорить о сравнительной истории).

Прекрасный писатель и даже мастер стиля, Пейра справедливо заметил в катарской ереси продолжение мыслей Иоанна и теологии Параклета, основанной на Любви и на Слове. Таким образом определенная «еретическая» тенденция без обиняков противопоставила себя (в XIII веке) тому, что решительный Пейра считал, в свое время, самой Сутью главного притеснения: а именно, колоссальная церковь святого Петра, папское и римское Святилище, которое держало мир в страхе, Иоанн против Петра. В этом были хорошие сюжеты для размышления, также дуалистские, в своем необычном стиле. И этого было достаточно, чтобы окситанисты и неокатары (они существовали) признали в Пейра одного из своих учителей и почетного предтечу некоторого постальбигойского взрыва: он обрел плоть и кровь при V Республике после фильма Клода Сантелли «Катары», также изобилующего захватывающими сюжетами ... и неизбежными ошибками.

Вхождение в средние века областей «ок» в состав областей «ойл», которое не обошлось без кровопролития, обозначило движение Юга в сторону Севера и частичный его отрыв от своих древних средиземноморских тропизмов. «Франция» извлекла из этого выгоду, оттеснив за Пиренеи каталоно-арагонское государство (что касается споров о владении Руссильоном, то это «оттеснение», как мы уже видели, обрело полный и необратимый характер только с 1659 года). Но задолго до этой даты королевство Капетингов уже с XIII века держало Окситанию со всех сторон через Овернь и Лангедок. Кроме того, полным ходом осуществлялась интеграция еще двух крыльев в состав Франции. Крыло, представленное Жирондой и Гасконью, потеряло свою независимость (или свою англоманию?) в 1453 году, когда англичан изгнали из Бордо. Провансальское крыло французы мирно «проглотили» начиная с 1482–1483 годов.

Попытаемся в данном случае избежать анахроничных выражений, таких как колониализм и *тем более* геноцид. К Окситании, по меньшей мере, к ее лангедокским частям, сначала применили насилие французские власти. Затем, как случается у супругов, долгое время проживших вместе, даже состоящих в странном браке, или вступивших в супружеские отношения вопреки своей воли (возьмите для примера Анну Бретонскую...), Окситания

постепенно привыкла к Северному государству. Капеллингская королевская власть не приходила с пустыми руками. Ей было чем задобрить и тех, и других. Клирики в Тулузе или Каркассоне были признательны ей за то, что она консолидировала монополию (практически угнетающую) папистской веры. Она также узаконила муниципальные структуры, отчего возгордилась южная буржуазия. И наконец, она предложила минимум правосудия и возможности продвижения в военной карьере для крестьянства и дворян. Конечно, и речи быть не может о том, чтобы рисовать в розовом цвете этот союз, где не обходилось без конфликтов и даже «домашних сцен», иногда достаточно жестоких. Но никогда, в целом, дело не доходило до развода.

В XIV и XV столетиях, жестоко отмеченных серьезными кризисами (эпидемиями чумы, Столетней войной и др.) *на местах* зародились и начали развиваться крупные административные органы региона. К тому же их появление было желанным для монархии. В состоянии административной «микроцефалии», в котором тогда находился данный регион, у нее не было ни средств, ни стремления практиковать массивные стратегии прямого управления; в данном случае они были бы абсурдными. Среди сильных местных организаций, которые таким образом будут составлять своеобразие и гордость Юга, назовем в первую очередь штаты Лангедока и тулузский парламент; последний, как и аналогичные структуры в других регионах, был, если можно употребить такое выражение, воплощением королевского централизма с децентрализаторским подтекстом! Парламентарии, несмотря на то, что были желанными фигурами для монархии, нисколько не были соглашателями по отношению к ней. И начнем с того, что они были местными...

Вторая половина XIV века в областях «ок», по меньшей мере, в их южных или юго-западных частях, прошла под знаком замечательной личности графа Фуа (и сеньора Беарна) Гастона Фебуса (1331–1391). Он обеспечил превращение беарнского виконтства в «фактически суверенное княжество», каковым оно и оставалось до 1620 года (и это даже притом что это княжество в основном старалось во всем поддерживать *внутренние* обычаи, эффективно контролировать, как дипломатическими, так и военными метода-

ми, *внешнее* окружение, даже самое ближнее). Фебус как историческая личность был забыт в период между XVI и XVIII столетиями. Но восхитительная рукопись его «Книги об охоте» с миниатюрами принесла пиренейскому князю широкую известность и увековечила его имя как живописца и охотника. За последнее столетие выпущено в свет много роскошных факсимильных фотографических изданий его книги. В них восхищают прекрасные иллюстрации знаменитого текста, датированные концом эпохи Средневековья. Эта книга знакомит с дикой фауной XI–XV веков: сокращение количества населения из-за войн или эпидемий чумы, происходившее начиная с 1348 года, привело к увеличению численности диких животных всех видов, обитавших в горах на юге, где стали разрастаться леса, – Южных Альпах, Севеннах и Пиренеях, столь дорогих, в первую очередь, сердцу знаменитого Фебуса²⁰. В 1440-х годах начался мощный подъем экономики и рост населения, а после 1453 года, когда закончилась война с англичанами, люди взялись за освоение целины, стали возделывать недавние пустоши, заросшие деревьями и кустарниками, хотя в них и водилась в избытке дичь²¹...

*

В конце XV века, после окончательного присоединения Прованса и Марселя (начало 1480-х годов), Окситания, или, по меньшей мере, то географическое пространство, которое иногда называли этим именем, приобрела свои почти современные очертания. Оставались за пределами этой территории только районы Ниццы (до 1860 года), Конта (папское владение в течение всего периода Старого режима) и Беарн, попавший более чем на столетие под власть пиренейской династии Альбре-Наварр (из которой произошел Генрих IV).

В этих условиях стало возможным дать определение этой так называемой «Окситании», уже практически образовавшейся. Фактически она соответствовала обширной зоне между Альпами и Пиренеями, где говорили на романских языках («не на языках «ойл»»), которую французы объединили и благодаря этому уберегли от зависимости от Италии, Каталонии, Кастилии. В конце концов, присоединение какой-нибудь из частей областей «ок» к одной из этих трех стран было бы вполне возможно, но история

распорядилась иначе. «Южный акцент», который разнообразен в своих оттенках, но кажется одинаковым для слуха неспециалистов из Парижа, и поныне отличает большинство жителей и уроженцев этой странной области. Окситания – это большой корабль, который плывет, потушив все огни, сквозь темную ночь, как я когда-то написал в книге про Монтанью...

На заре Ренессанса культура здесь становится многообразной: французский язык («ойл»), начиная с 1480–1490 годов, осуществляет первый прорыв в эту расширяющуюся область. Явления меценатства (которые проявляли король Рене в Экс-ан-Провансе, агенты пап в Авиньоне, «Веселая мудрость» и «Цветочные игры» в Тулузе) сопровождал или лежали в основе литературного и другого творчества, которое далеко не сводилось только к парижским, лигистским, лионским образцам. Театральные представления на религиозные сюжеты давались на местном диалекте, заменив в различных регионах искусство трубадуров. Если говорить более конкретно, то характер землевладения был более свободным, даже более современным: внесеньориальные владения (сельские владения, находившиеся в полной собственности земледельцев, без вмешательства со стороны сеньора) были гораздо более распространенным явлением на юге, нежели на севере. Крестьяне-южане необыкновенно дорожили «открытой» максимой: «нет сеньора без титула», тогда как северяне вынуждены были покоряться жесткому девизу: «Нет земли без сеньора». В Лангедоке и Провансе налог был «реальным», установленным в соответствии с размерами полей и качеством земли; в Парижском бассейне он был «поголовным» и буквально был «по головам». Население Юга по своей государственной принадлежности подчинялось королю Франции. Но оно практически везде управлялось, еще в XVI веке, представительными ассамблеями трех сословий, или «*estats*». Полудемократическая община, которая характеризовала расцвет власти в этом регионе, дублировалось, таким образом, региональными представительными органами, неким подобием предтечи конституционного режима, однако, с тенденцией к олигархии. Это было то, что американский историк Рассел Мейджор

* Лигистский – относящийся к бассейну Луары (прим. пер.).

назовет монархией (ограниченной) эпохи Ренессанса. Другие элементы, «демократические», несмотря ни на что, по меньшей мере, в течение длительного времени, как, например, знаменитые княжеские роды Юга (Альбре, Фуа, Арманьяк и др.) были обречены на исчезновение, хотя и славное. Тем более что на некоторое время в принадлежавшей им главной роли их заменили другие семьи, пришедшие с севера, но развернувшие свою деятельность на Юге. Возьмите к примеру Роанов (бретонцев) и Монморанси (парижан), которые встали во главе мятежей южан против королевской власти в XVII веке. Поражение этих лидеров облегчило, в свою очередь, окситанской буржуазии и мелкому и среднему местному дворянству восхождение к вершинам власти.

Своеобразные черты Юга проявились, с другой стороны, благодаря предпочтительному принятию протестантизма, *hic et nunc*. Но не следует считать этот процесс исключительно характерной чертой Юга; изначально факты принятия гугенотской веры имели место в городах по всей Франции, как в Мо, так и в Тулузе, как в Кане, так и в Монпелье. На Юге тропизм по отношению к гугенотам изначально был негативным к репрессиям; их действительно постепенно вытеснили из северных областей жестокими наказаниями, которые исходили от монархического государства, армии, Сорбонны и парламента Парижа. Однако эта католическая «сила» теряла свою мощь и смягчалась по мере удаления от «центров притяжения» централизованных решений. В качестве остаточного островка выживания, протестанты сконцентрировались, консолидировались и сплотились в зоне в форме полукруга, на почтительном расстоянии от столицы, на территории гугенотского «*полумесеца*», который шел от Ла Рошели до Нима и Женева, проходя через Тоннен, Монтобан, Соммьер. Однако, на Юге и, в частности, на южной территории Центрального массива, в областях «ок» (Руэрг, Геводан, и, конечно, в Провансе, Оверни, Аквитании), сохранились мощные блоки католической веры.

Весьма примечательной, трагической и подлинно провансальской, на территории этого «*полумесеца*» была история вальденсов с восточного берега Роны²². Дальние последователи Пьера Вальдо, или Вальдеса, и Лионских бедняков, эти «еретики» основали в Валь де Дюранс и, в

частности, вокруг поселений Мерендол и Кабриер, ставших благодаря им знаменитыми, новый и скромный Иерусалим. Они порицали ложь, отказывались давать клятвы, не верили в Чистилище и, принимая для своей паствы импровизированных исповедников, не являвшихся священнослужителями, «нелегально практиковали» Таинство покаяния. Это вызывало возмущенные нарекания со стороны «настоящего» католического духовенства, единственно компетентного в данной области, по меньшей мере, в принципе. К этому у вальденсов, и особенно у их Бород²³ добавлялся решительный «донатизм»²⁴: они на самом деле считали, что священник-блудодей (который, например, только что вышел от проститутки) не мог освящать хлеб для евхаристии тем более превращать его в тело и кровь Христа, что бы ни думали по этому поводу римские теологи. Священники, не соблюдавшие обет целомудрия, который им предписывал принятый ими целибат, теряли, по мнению вальденсов, свою способность совершать пресуществление. Также вальденская ересь враждебно относилась к смертной казни, и это враждебное отношение нам может показаться весьма актуальными: оно объяснялось в то время абсолютной верностью библейской заповеди «Не убий». С другой стороны, ни папы, ни епископы не были окружены для вальденсов ореолом святости, поскольку они считали себя несправедливо гонимыми официальной епископской властью. И наконец, последняя черта, предвосхищавшая протестантскую Реформацию: почитание Богоматери и святых не был в почете у последователей Вальдеса. И однако, несмотря на эти поверхностные элементы сходства с новыми доктринами реформации, ничто не предвещало того, что вальденсы, после трех столетий независимости, войдут в подчинение протестантизма, как южного, так и швейцарского или идущего с северных берегов озера Леман. Тем не менее они душой и телом предали этому «слиянию» во времена Франциска I, а точнее в 1532 году. Им пришлось по этому поводу отказаться, немного поворчав, но не более того, от своей веры в человеческую свободу и эффективность добрых поступков. Таким образом, они приняли крайне суровую догму о предопределении, на которой несколько позднее Кальвин неплохо поживился. Чтобы еще более угодить сторонникам Реформации, вальденсы, на

манер гугенотов, сократили до двух количество таинств, оставив только причащение и евхаристию, вместо тех семи таинств, которые они сохраняли на протяжении столетий, как официальная католическая Церковь. И наконец, все те же вальденсы, как только они стали «протестантами», как бы поверхностно это не выглядело вначале, были вынуждены пойти на большие расходы, по доброй воле, конечно, чтобы финансировать типографское печатное издание реформированной Библии на французском языке. Это «составление» Библии было, к тому же, одним из эпизодов того, что Адольф Брюн назвал проникновением французского языка на Юг, которое было очень решительным в течение XVI столетия, по меньшей мере, в письменной культуре и, в частности, благодаря книгопечатанию.

Последствия такого превращения, имевшие более чем местное значение, оказались плачевными: в 1545 году вальденсы из Валь де Дюранс, незадолго до того перешедшие в веру, которую будут называть гугенотской, оказались жертвами массовых репрессий, организованных по распоряжению парламента Прованса или под его «прикрытием» и все это при Франциске I, который в первые десятилетия своего правления зарекомендовал себя гораздо менее суровым или менее жестоким (Франц-Оливье Жисбер описал эту кровавую историю в своем недавно опубликованном романе). Перефразируя Габриэля Одиэно, видного исследователя этой общины, также сломленной преследованиями, можно сказать, что вальденсы из Дюранса сначала совершили концептуальное или идеологическое самоубийство, отказавшись от своей идентичности сохраняемой в течение более чем трех столетий, в пользу протестантских убеждений, привезенных с северо-востока или с севера, как германских или немецких, так и идущих из французской Швейцарии или северной Франции. И потом за этим актом самоубийства (чисто символическим!) последовали, как мы только что видели, убийства или геноцид, свершенный недалеко от берегов Дюранса (1545 г.) силами сбирок, которых прислали провансальские судьи, чтобы убивать «кого надо». И тем не менее, пламя сопротивления вальденсов не угасло, и впоследствии оно полыхало в Пьемонте, но также в Ломбардии, Тоскане, Романии, на Си-

цилии...даже в Уругвае, доставленное туда переселенцами-приверженцами гугенотской веры. Что касается Прованса, то там решительное и весьма спорное отношение парламента из Экса, занимавшего в данной ситуации ультракатолическую позицию, возможно, явилось одной из причин не столь широкого последующего развития протестантизма в этой провинции, в отличие от нижнего Лангедока, где парламент Тулузы, находившийся, вероятно, слишком далеко, не смог ввести настолько эффективные репрессивные меры. Не стоит недооценивать резонанс репрессивных и превентивных мер в истории «еретического движения» в эпоху Возрождения: в областях «ок» массовые убийства вальденсов «защитили» (!) Прованс от вторжения Реформации. В Италии показательный костер Савонаролы (1498) также заранее сыграл «защитную» роль, — о, насколько эффективную, увы, — против распространения идей Реформации на полуострове в последующие десятилетия.

*

Говоря опять же о протестантской экспансии и католическом сопротивлении, мы можем с пользой принять во внимание несколько южных или окситанских монографий, а путешествия братьев Платтер, Феликса в середине XVI века, и Томаса-младшего с 1595 по 1599 годы, должны нам позволить конкретизировать некоторые аспекты того, о чем уже было сказано по поводу удивительных религиозных разногласий того времени: братья Платтер оставили нам образ обоих явлений, как гугенотской, так и католической веры, в импрессионистской, даже ...барочной манере, но от этого он не теряет очертаний системы. Католическое пространство находилось на востоке, в Конта и Провансе, в Авиньоне и Марселе, среди земель и больших городов Прованса; и некоторые города могут действительно послужить для нас показательными образцами, не решаюсь сказать, указательными столбами. Затем весь центр этого самого крупного региона «ок» становится, напротив, протестантским и с трудом, но продолжает таковым оставаться: Ним, Монпелье, севеннские города. И наконец, к югу отсюда снова царит доминирующий католицизм, в агрогороде Нарбонне, лишившемся, конечно, своего торгового блеска как римской, так и

средневековой эпох, но все еще верном римской Церкви; и еще прежде всего две великих аквитанских сестры остаются также католическими, по доброй воле или силой – это Тулуза и Бордо. Обратим также свой взгляд на запад, но на этот раз на оплот Реформации, остающийся в меньшинстве: гугенотский Монтобан и скромная цепь маленьких протестантских городков (Тоннен, Кларак...), разбросанных в долине Гаронны...

За нехваткой места, на этих нескольких страницах мы приведем только два знаменательных примера. С одной стороны, это будет крупный провансальский католический город, между прочим, портовый, то есть Марсель. С другой стороны – это город в Лангедоке, средней важности, но владевший высоким назначением в гугенотской среде – Ним.

Марсель. Феликс Платтер посетил этот большой порт и прилегающий к нему город приблизительно в 1555 году, но он сообщает об этом мало подробностей, настолько он был занят на берегах Канебьер своими проблемами (несварение желудка, колики и т. д.). Напротив, младший брат Томас, посетивший город при Генрихе IV, не скупится на информацию о жизни в Марселе: рыболовство, таможня, береговые укрепления, галеры и жалкое существование каторжников, запах, который источает порт, средоточие всяческих отбросов, хозяйственных и других, местное правительство города и провинции во главе с герцогом Гизом-младшим, оппортунистом или скорее бесчестным человеком, разные типы кораблей, от яликов и тарган до судов с высокой палубой, между которыми стояли *«mezas barcas»*, крупная торговля с Левантом, местные экзотические зверинцы, мастерские по работе с кораллами, по производству драгоценного стекла, женские моды, сеть водоснабжения, акведуки и другие приспособления, карнавалы попеременно с религиозными процессиями, – все это разнообразие не скрылось от взгляда Томаса. Если точнее, то именно католическая сторона жизни города увлекла молодого человека более, нежели морское сообщение и торговые возможности этого крупного центра торговли. Папизм, скажем мы, и особенно реликвии, которые он детально описывает: только в марсельском аббатстве Сен-Виктор он смог увидеть могилу Семерых Спящих, выдолбленную в скале, а еще пещеру Марии Магдалины-грешницы с отпечатками ее колен

на камне, крест святого Андрея, положенный в деревянный ящик, чтобы его не повредить, забальзамированные тела двух святых женщин и могилы шестерых святых мужей, кувшин из белого камня, из которого Иисус омыл ноги апостолам, а может быть амфора, из которой Мария-Магдалина омывала ступни Христа (или просто, как отмечает Платтер, который в данном случае выступает немного как «вольтерьянец», римская урна для хранения праха умерших?). И еще был железный ларец, где находилась голова святого Виктора, включая торс, покрытая серебром, и три головы других святых мужей и женщин, и эти женщины входили в число знаменитых одиннадцати тысяч девственниц, а еще бок святого Лазаря, посеребренный кусок настоящего креста Христа, две головы невинных младенцев, убитых Иродом, рука святого Кассиана, зуб апостола Петра (в драгоценной шкатулке), палец святого Мартина и палец святого Антония, волос из бороды святого Павла, воткнутый в серебряную голову, с накладным золотом, с длинной бородой из этого металла; ар оманное масло, которым Мария-Магдалина смазывала нашего Спасителя, палец Марии-Магдалины и пять рук разных святых, среди которых левая рука святого Виктора. Только эти одна голова и рука святого Виктора при продаже стоили бы 300 000 турецких ливров, то есть столько же, сколько гвоздь из креста Христа, который затем был выкован в форме подковы и хранился в церкви в Карпантра; или в пять раз больше, чем большой боевой корабль, продаваемый, правда, без парусов и снастей, и в сто или более раз дороже, чем картина, приписываемая Микеланджело, «Воскрешение Лазаря», — прекрасное произведение искусства и на самом деле главная работа Себастьяно дель Пьомбо, в наши дни составляющая гордость лондонской Национальной галереи, куда она попала после долгого пребывания в соборе в Нарбонне, где Томас Платтер и имел возможность полюбоваться ею в 1599 году. Такое соотношение, между произведением Микеланджело и рукой святого Виктора, в наши дни было бы обратным, или даже больше! Мощи — это телесная, или, в более общих терминах, физическая связь, которая соединяет божественное с человеческим, как это показал Питер Браун. Они не заслуживают, в том числе и марсельская реликвия, всех этих грубых насмешек, которые на них обрушивали сначала Кальвин, а потом Вольтер. В лю-

бом случае, реликвии иллюстрируют католическую духовность той эпохи, основанную ...в данном случае на материальном начале, «материалистическую» духовность, которая достаточно сильно отличалась от протестантской религиозности, согласно которой в отношениях между человеком и Богом было что-то прямое и нематериальное, прекрасно обходившееся без вещественной сущности, имея она прозаически телесное происхождение (волос из бороды святого Павла) или минеральное (кувшин Марии-Магдалины или ком земли, взятый с поля, где Бог сотворил Адама, – дар одного паломника, вернувшегося из Палестины, который доставил самое большое удовольствие Томасу Платтеру).

Добавим, что в Марселе, в Авиньоне и в других местах речь шла о народной религии, поскольку за процессиями Битых и других Кающихся, проходивших в этом «фокейском городе» в феврале, когда выносили мощи святого Лазаря и святого Виктора, следовали тысячи облаченных в капюшоны жителей города, принадлежавшие ко всем слоям общества. Гугенотское вторжение потерпело полное поражение в Марселе и не смогло вырвать с корнем, как раз напротив, старую религию как народа, так и буржуазии, какой бы при этом реликтово папистской она ни казалась; она претерпела глубокое обновление на берегах Канебьер благодаря барочным и посттридентским инициативам духовенства Контрреформации²⁵, *Platter dixit.*

*

Католические контрфорсы Прованса, как в Авиньоне, так и в Марселе, тем не менее представляли собой сильный контраст с просекой света протестантизма, которая начиналась от Севенн и шла до моря, проходя через Ним, Эг-Морт, Монпелье... В Ним, о котором мы сейчас поведем речь, Феликс Платтер попал в октябре 1552 года. Он посетил арены и познакомился, конечно, в общих чертах, с разнообразными конфигурациями города: в первой четверти XVI века город функционировал, среди других его «ролей», как коллектив благочестивых сельскохозяйственных работников, которых озаряли впечатляющие чудеса, замеченные вокруг изображения Прекрасного Креста. Все это перевернулось

начиная с 1530 года; новые испытания обнищанием, от которых страдали низшие классы, пробудили в руководящей элите, проникнутой духом ренессансного гуманизма, неистовую волю к регулирующей деятельности: обязательная работа для попрошаек, опека властей над бродягами, которых в случае необходимости заковывали в железо и отправляли на галеры. Мэрия Нима в 1532 году закрыла местный публичный дом, рассадник венерических болезней, которые были привезены из Америки за тридцать пять или тридцать семь лет до того. Местные муниципальные власти, при всем светском характере своего состава, считали себя вправе реформировать монастыри и следить за чистотой нравов монахинь. На этой морализаторской волне «ересь», которой было суждено в этих местах большое будущее, набирала себе сторонников в достаточно больших количествах. Несколько сменивших друг друга епископов, происходивших из рода Брисонне из Турени, находившиеся под покровительством Маргариты Наваррской, которая и сама была открыта для гуманизма в духе Эразма Роттердамского, были одновременно абсентеистами (что устраивало городских вольнодумцев) и сообщниками Реформации, пока она оставалась умеренной (что было не всегда...). Гугенотская вера стала распространяться еще в большей степени, по мере того как клирики Нима, которые, плюс к тому, сильно симпатизировали новым идеям, проявляли все меньшую бдительность по отношению к неортодоксальным учениям, чем их авиньонские собратья, находившиеся под практически прямым контролем суровой папской власти. С 1534 года (еще одно свидетельство роста, как интеллектуального, так и экономического) одна средняя школа в городе, «распространительница» авангардных педагогических методов, стала действовать в интересах «секты» гугенотов. В этом городе с населением от 6 000 до 7 000 жителей, гордившихся своими памятниками римской эпохи, но где были грязные притоны, и глухие переулки, время традиционного католицизма осталось позади. Попытки и костры могли затормозить распространение протестантизма, но захват власти кальвинистами стал казаться неизбежным в 1561 году, с началом волнений и иконоборческого движения. Что касалось развития промыш-

ленности, производства шерстяных и особенно шелковых тканей, то в XVII и XVIII столетиях они были в основном сконцентрированы в Ниме. Когда Феликс проезжал через Ним в довольно счастливом 1552 году, символ экономического оживления, торговая биржа, в частности, служившая для обмена, находилась на площади Калад, старинной площади недалеко от кафедрального собора. И еще одно свидетельство хорошей обстановки состояло в том, что голод и эпидемии чумы не разоряли больше город...

В конце XVI века, когда Ним посетил Платтер младший, обстановка полностью изменилась, но это было логично, принимая во внимание предшествовавшие события. Захват власти кальвинистами происходил с 1560 по 1595 годы, в Ниме он был практически полным. Все или почти все католические церкви были разрушены в промежутке между этими датами, и в данном случае можно говорить о *фактическом* иконоборстве, даже притом что Кальвин всегда выступал против, с твердостью, которая делает ему большую честь, полного иконоборчества *де юре*. Интеллектуальная элита, придерживавшаяся протестантских религиозных убеждений, во главе которой находилась именитая семья выходцев из Германии, Писториус, задавала тон среди горожан Нима, так что действительно никто не мог поставить под сомнение моральное и культурное превосходство этих просвещенных людей. Для восстановления католической религии в Ниме, которое так и осталось лишь частичным, понадобились несколько поколений, и даже веков... Само собой разумеется, что Томас Платтер не нашел ни одной реликвии на тех местах, ибо мало что осталось от старинных храмов города. Этим реликвиям выпала доля, практически аналогичная той, которая досталась в районе Лодев²⁶ голове святого Пульхрана, покровителя Лодев, которую гугеноты вытащили из раки, где она раньше хранилась; в начале религиозных войн ее гоняли как футбольный мяч городские дети под предводительством хулиганов.

*

Сквозь острые религиозные разногласия проступает главный факт: франкофония продолжает развиваться в области «ок» в начале 1600-х годов, так сказать, со всех

сторон, в продолжении того, что уже было сказано здесь о времени, относящемся к 1520-м годам. Гугеноты и, например, реформистские проповедники, объединившиеся в районе Юзе, на своих собраниях, охотно пользовались «национальным» (французским) языком, изобилующим окситанизмами и с таким произношением, которое соответствовало для того времени крайне выраженному «южному акценту». Но это уже неважно...

Что касалось католической Церкви и муниципальных органов управления, там также говорили или, по меньшей мере, писали, на французском языке (но также на латыни, частично, как это было в случае с духовенством). Оставим в стороне окситанский Центральный массив, менее доступный и поэтому еще некоторое время остававшийся верным языкам «ок», в том числе и в письменной практике. Конечно, народ и даже элита по всему Югу продолжали говорить на различных диалектах «ок» в повседневной жизни. Но если рассматривать это в масштабах многовековой истории, можем ли мы сказать, что они «отошли назад, чтобы лучше прыгнуть»? Простая констатация, и в этой констатации нет ни неуместной иронии, ни презрения по отношению к языкам «ок».

*

Ни религиозное своеобразие, ни перемены в языке не создают полной картины. Поскольку период развития литературного творчества снова оказался длительным на просторах Юга, где элита (но не простой народ) изучала и знала национальный язык. Впервые там появляются крупные франкоязычные писатели между 1550 и 1600 годами: Монтень, Ла Бозети, Монлюк, Брантом, даже д'Обинье... Заполняющий все лес (ойл) тем не менее не должен скрывать за собой несколько прекрасных деревьев (ок). В конце XVI века и в течение первых двух третей XVII века строго диалектная литература (которая, плюс к тому, обновлялась в жанре плутовского романа, в театральном искусстве и в барочном направлении) процветала в Эксе, Авиньоне, Безье, Ажане благодаря таким именам, как Брюэй, Зербен, Кортет, Мишаль и некоторые другие. Она была не лишена своеобразия и привлекательности. Эта региональная драматургия оставалась живой и в XVIII веке: достаточно недавно превосходный гасконский историк Кристиан Демпла

опубликовал остававшуюся долгое время неизданной комедию «Свадьба Камарду»²⁷, поздний беарнский фарс, написанный около 1750 года. Одной из главных интриг была шумиха, поднятая, чтобы сорвать свадьбу старого вдовца с очень юной девушкой.

Однако, вернемся к XVI веку и скажем, что Нострадамус, пророк из Прованса, со своей стороны остается одним из самых популярных, если не самых читаемых, авторов во французской и даже мировой литературе, с тех пор как его перестали рассматривать как писателя для определенной «аудитории». Этот расшифровщик будущего за четыре года «предвидел» жестокую смерть Генриха II в 1559 году, смертельно раненного на турнире, где ему выкололи глаз:

Юный лев победит старого
На поле брани в странном поединке.
В золотой клетке глаза ему вырвет.
Из двух уроков один, затем умереть, жестокая смерть.

Еще более показательное «предзнаменование» бегства в Варенн, в случае с королем Людовиком XVI в 1792 году, чью голову отсечет нож гильотины, которая сопровождала революционные «бури»:

Из ночи выйдут через лес Королев
Двое на грифа, Эрн белый камень.
Черный монах в сером в Варенн:
Избранный курс причина бури, огонь кровь режет.

И Нострадамус, «не сбавляя темпа», предсказал и Людовика XIV (Из мраморного кирпича будет иметь маленькие стены), затем Наполеона (император родится недалеко от Италии и т. д.).

Было бы, естественно, гораздо более разумным считать, что «Мишель де Ностр Дам» был крайне далек от того, чтобы предсказывать будущее, ему пр осто нравилось в завуалированной форме с позиции наблюдателя описывать события близкого или далекого прошлого. Его центурии с неясным смыслом, его металлические десятисложные стихи выдают очень талантливого поэта, равного или даже превосходящего наших лучших сюрреалистов, включая Брето-

на; его священнодействие над приготовлением джема на основе сахара также делает его предшественником его южного земляка Оливье де Серра, который тоже был великим мастером по джемам перед лицом Вечности, в те времена, когда сахар действительно и постепенно отодвинули в конец пиршества, на десерт²⁸. И наконец, если говорить о религиозной политике, Нострадамус был «центристом» в духе Екатерины Медичи, Монтеня или Генриха IV, то есть занимал позицию посередине, враждебно относясь к любого рода фанатизму²⁹.

*

В XVII и XVIII столетиях на фоне некоторого экономического отставания ставшего одной из составляющих³⁰ «южного вопроса», были достигнуты замечательные успехи как эпохи классицизма, так и постклассического периода. Они могли идти «свыше», то есть от властей Версаля или Монпелье (Южный канал, сеть дорог, созданная штатами Лангедока). Или же они внезапно возникали «из низов», как было с мелкими и средними хозяевами мануфактур: подумаем, например, о производстве сукна в Лангедоке или Каркассоне, которое экспортировалось в земли Леванта, правда, это производство стимулировалось Кольбером. К этому добавлялся рост местной экономики, который касался не только сельского хозяйства. Можно ли говорить в этих условиях (как это часто делают окситанисты) о наступившей уже маргинализации Юга в последнем столетии Старого режима? Факты городской жизни противоречат этому утверждению: во времена от Людовика XIV до Людовика XVI Лион, Бордо и даже Марсель (несмотря на чуму 1720 года) были динамичными городами в королевстве. Несмотря на то, что отставание Юга продолжало быть заметным, хотя и несколько смягченным, это не должно заслонять собой постоянные попытки наверстать отставание или даже перегнать...

В областях «ок» особенно примечательным был рост Марселя и Бордо. В Бордо общий рост торговли, основанной на перевозке рабов, самой по себе аморальной, составил 4,5% с 1717 по 1789 годы. Что касается колониальной торговли, то эта цифра составила 4,9%; такие цифры достойны Тридцати Славных лет нашей IV и V Республики. В Марселе, несмотря на эпидемию чумы

1720 года, общая численность населения в течение XVIII века выросла от 80 000 жителей до 120 000 жителей (город + пригород). Рост на 50% – это и интересная цифра, но еще достаточно скромная, это даже меньше, чем вдвое. Но вернемся к экспорту сукна из Лангедока, к импорту из Леванта и к импорту в целом, а также к заходящим в порт кораблям: в Марселе их количество удваивается, увеличивается в пять или даже в десять раз. Как и в Бордо, происходит значительное обогащение людей в расчете на душу населения, даже притом что распределение было социально³¹ не справедливым. Та же самая картина наблюдается даже в таких маленьких городах, как Орийяк, которого едва коснулся демографический рост – его население составляло 6 000 человек как в начале, так и в конце XVIII века. Орийяк – городок, затерянный в Центральном массиве, глубокая Окситания! И тем не менее, здесь происходит тоже самое, что в Марселе и Бордо только в меньшем масштабе и с той лишь разницей, что изменения носили скорее качественный, чем количественный характер. С 1720 года там начали сносить городские укрепления, уже давно устаревшие, служившие напоминанием о древней небезопасной эпохе. В 1774 году их разрушили окончательно: Орийяк вышел из своей скорлупы служившей защитой при осаде в разные исторические эпохи. И еще улицы через регулярные промежутки времени стали тщательно мыть водой, несмотря на то, что крупный рогатый скот, овцы и свиньи продолжали ходить по всему городу. Здесь как и в других местах скотобойни вывели за пределы города, а могилы – за стены церквей. Грамотность в Орийяке возросла с 42% до 58% населения в век Просвещения³².

*

Выше мы говорили о лангедокском сукне, о том, как его учитывали в марсельском наблюдательном комитете, как только его грузили на корабли, чтобы отправить потребителям и на рынки Леванта. Но в самом Лангедоке, где родился премьер-министр Флёри, церковный деятель и кардинал (умер в 1743 году в девяностолетнем возрасте, все еще занимая свой пост), благодеяния правительства сыпались розовым дождем на Лодев, город-производитель сукна, родной город Флёри, и он своими забота-

ми стимулировал этот город, благодаря монополии на производство сукна для обмундирования французской пехоты. Выгодная привилегия! Кардинал из Лодев, который стал всемогущим в Версале и Париже, вплоть до своей смерти в 1743 году, был человеком *открытий*, и это было очень в духе Поппера³³, во всех смыслах, которыми французская политика Старого режима наделяла это слово: открытие для либеральных держав, морских, протестантских и капиталистических, другими словами, для Англии и Нидерландов; открытие (относительное) для религиозных меньшинств, подвергавшихся большим или меньшим гонениям, таких как янсенисты и гугеноты; и наконец, открытие для экономического роста, происходившего независимо от стимулирующих мер, конечно, эффективных, идущих со стороны политической власти. Прелат Флёри был также добросовестным священником, одним из тех людей, которым судьбой и долголетием было предопределено представлять Бога на некоторой части земной территории в течение трех четвертей века. Бога, и в еще большей степени Монарха... Ему служил Флёри, и еще несколько епископов...

На самом деле, стоит поговорить здесь подробнее о личностях других четырех южных прелатов (из областей «ок»), которые благодаря своей полулиберальной позиции внесли вклад в изменение политической обстановки в сторону «открытия» на всей национальной территории, под влиянием государственного импульса, к которому эти люди имели прямое или косвенное отношение. Этих четырех церковных деятелей звали Фенелон, Дюбуа, Флёри и Берни. В нашей историографии существует тенденция предавать их забвению, поскольку на первый план ставили таких знаменитых или чудесных кардиналов-министров XVII века, такими были Ришелье и Мазарини, а также чудесных южных политических деятелей, светских, либеральных или радикальных, даже социалистов, которые, бесспорно, оставили свои великие имена в анналах истории Франции: Гамбетта, Жоре, Комб и *tutti quanti*.

В исследованиях, посвященных периферии и специально Югу, я считаю, следует отдать должное этой четверке.

1. Сначала о Фенелоне (1651–1715). Он был родом из Перигора и очень тесно связан с реформатским дворянст-

вом своей провинции, которая принадлежала к областям диалектов «ок», он проповедовал дефляцию личной верховной власти монарха³⁴: «Закон, а не человек должен править. У короля нет ни другого настроения, ни другого интереса, чем те, которые есть у нации, им управляемой. Фенелон попал в немилость к Людовику XIV и, хотя никогда не был министром, все же оказал не менее сильное и плодотворное влияние, интеллектуальное и политическое, на регента Филиппа Орлеанского, и через преподавание – даже на молодого Людовика XV.

2. Теперь о Дюбуа. Этот политический деятель, которого звали Гийом, родился в Брив-ла-Гайярд, на улице Фрер, в 1656 году, в месте, которое можно назвать, с географической и лингвистической точки зрения, северо-западной Окситанией. Дюбуа воплощает в себе символ социального восхождения, скромно начатого его предками, затем довершенного его собственным молниеносным взлетом. Он опровергает своим примером утверждение, часто выдвигаемое по поводу Кольбера, согласно которому продвижение семьи или достижение министерской должности при Старом режиме подготавливалось издавна, на протяжении достаточно длинного ряда поколений, с помощью возвышения семьи и ее постепенного роста, сначала к купечеству, потом к мантии, и наконец, к важным постам в государстве (мантия Совета), и в заключении, утверждение членов семьи на правительственных должностях высшего уровня (общий контроль за финансами, пример Кольбера). Однако в истории семьи Дюбуа все было совсем не так. Сначала было долгое и медленное восхождение, затем равномерное движение и потом молниеносный взлет у нашего героя. Что касается его происхождения, то его представляют как выходца из крестьянской среды, вполне возможно, из Беарна. Но с конца XVI века род Дюбуа обосновался в городе Брив. Прадед был хирургом, дед – адвокатом в гражданском и уголовном суде (этот суд действительно служил традиционным трамплином для восхождения по местной лестнице почестей); отец этого великого человека был аптекарем, занимаясь в случае необходимости и медицинской, и фармацевтической практикой одновременно. Во всем этом нет ничего сенсационного, но в то же время все это исключительно почетно, поскольку и отец, и дед,

и прадед, все трое в разное время были консулами города Брив. Что в действительности свидетельствует о лидерской позиции в общине города, которая не доверяла муниципальные обязанности первому встречному. Гийом Дюбуа, чье детство по многим параметрам заставляет вспомнить детство Гамбетты, в 6 лет стал учеником одной небольшой школы (начальной, сказали бы мы) в Бриве при церкви настоятеля Сен-Мартен. Затем его покровителем стал один купец из Брива, состоятельный и щедрый; он оплатил шесть лет обучения в местном коллеже отцов христианской доктрины, где мальчик получил среднее образование и стал превосходным латинистом. Там же он приобрел вкус к политической философии (Маккиавелли) и химии. Позднее занятиям этой наукой будет предаваться герцог Орлеанский, который станет его учеником и будет находиться под сильным влиянием учителя. В 1669 году «тинейджер» Дюбуа получил свое первое причастие из рук епископа Лиможа. В 1672 году, если отбросить нелепые домыслы о незаконнорожденном ребенке и тайном бракосочетании, он получил, благодаря маркизу де Помпадур, королевскому наместнику в Лимузене, место в коллеже Сен-Мишель в Париже, на улице Бьевр, коллеже, основанным когда-то одним из предков наместника. Эти милости от Помпадура и от других именитых граждан Брива или Лимузена, показали, что они благосклонно относились к юному Гийому, одаренному ребенку, прекраснейшему ученику... Продолжение истории одновременно исключительное и классическое: юный Дюбуа, закончив свое обучение, становится помощником главы коллежа Сен-Мишель, важного церковного деятеля, связанного с семьями, представлявшими правящую верхушку королевства. После того, как он был воспитателем в нескольких благородных домах, Дюбуа познакомился с семьей герцогов Орлеанских, семьей брата короля. Дюбуа стал воспитателем герцога Орлеанского, будущего регента, и смог таким образом получить доступ, когда наступил подходящий момент, к креслу министра, а затем и премьер-министра при своем бывшем воспитаннике. Это он полностью придумал проанглийскую, даже паневропейскую дипломатию регента. Таким образом Дюбуа стал провозвестником, далеким и совершенно неизвестным, великих «евро-

пеистов» нашего XX столетия, таких как Бриан, Стреземанн, Роберт Шуман, Аденауэр, Гаспери и некоторых других³⁵. Плюс к тому, он принял политику относительно терпимости своего покровителя Филиппа, в частности, по отношению к янсенизму и даже протестантам, а также стратегию экономического стимулирования в духе Лоу; и то, и другое, в дипломатическом и религиозном аспекте, оставило свой глубокий след на годах регентства герцога Орлеанского.

3. Эркюль де Флёри, с которым мы уже встречались на страницах этой книги, и который позднее превратит свое имя в более христианское Андре-Эркюль, родился в 1653 году в Лодев (современный Эро), в семье сборщиков налогов как светских, так и церковных; его отец был сборщиком королевских податей. В данном случае речь идет о семье провинциальных финансистов с Юга, которые служили и алтарю, и трону, но также были связаны с благородными судейскими семьями, землевладельцами и дворянами Лангедока, такими как Раншен и Сарре. Юный Эркюль, как и его предшественник Дюбуа, представлял собой тип человека будущего, вплоть до нашего времени: это был одаренный ребенок с Юга, который блестяще учился в Париже; затем он вошел, благодаря своим заслугам, в круг правящей элиты столицы, то есть королевства. С шести лет Эркюль, благодаря своим родителям, пользуется влиятельной дружбой двух важных персон из Лангедока, популярных при дворе молодого Людовика XIV. Речь идет о кардинале Бонзи и маркизе Кастри. Итак, Эркюль блистательно проходит курс школьного обучения. Сначала он учится в коллеже Наварры, на горе Сент-Женевьев, затем в коллеже Людовика Великого, и наконец в коллеже Аркур, современном лицее Сен-Луи. Это были те три учебных заведения, которые Сен-Симон, оставаясь, как всегда, любезным, называет «эти маленькие дешевые коллежи» (sic). Эркюль, которому была предопределена духовная карьера, стал затем каноником в Монпелье в 1668 году (это было возвращение – символическое? – в родную страну). Вернувшись в Иль-де-Франс, он стал в 1675 году духовником королевы благодаря постоянной поддержке со стороны кардинала Бонзи. Он получил степень лицензиата по теологии в 1676 году. В 1678 году он стал одним из восьми духовников короля, в 1680 году он

был депутатом ассамблеи духовенства. Он был принят в лучшее общество, был любезным и остроумным, но совершенно не склонным к плотским удовольствиям (насколько нам это известно), он был в добрых отношениях в общении с высокопоставленными мужчинами (и женщинами) из разных придворных клик, но сам никогда не принадлежал ни к одной. Он был в хороших отношениях с иезуитами. Он был в замечательных отношениях с семьями Кольбер, Виллеруа, Аркур, Ноай, Кейлю, Виллар и Ламуаньон де Бавиль. Даже слишком замечательных! Людовик XIV считал его чересчур светским человеком и только в 1699 году пожаловал ему посредственное южное епископство Фрежю; итак, это была карьера, прекрасно начавшаяся, впоследствии менее успешная, хотя и не закончившаяся крахом.

В Фрежю, другом «главном городе» области «ок», Флёри пробыл около пятнадцати лет. Как активный прелат, он занимался благотворительной кассой, маленькой семинарией, синодами диоцеза, образованием для мальчиков и девочек; он боролся против янсенизма, но без излишней горячности; он оставался сдержанным (придерживался умеренных католических убеждений) по отношению к происпанскому фанатизму. Короче говоря, он уже придерживался относительно срединных, или «центристских» позиций, которые и будут ему присущи. Ни янсенист, ни ультрамолинист. В 1707 году, когда непредвиденно разгорелась война за испанское наследство, он проникся, кажется, глубоким патриотизмом (что бы на этот счет ни говорил Сен-Симон) перед лицом захватчиков, савойцев и других. Он их встретил с минимальной долей вежливости. Однако, город Фрежю утомил его, и он желал снова вдохнуть воздух двора. В начале 1715 года он отказался от своего епископства, а затем, в июле, уехал из этих мест. Его паства жалела о нем. Но отныне Людовик XIV, по образцу Виллеруа и маркизы де Ментенон, выразил ему полное доверие после нескольких лет «чистилища».

23 августа 1715 года Его Величество, незадолго до своей смерти, назначил «бывшего епископа Фрежю», которому было уже далеко за шестьдесят, на пост воспитателя маленького дофина, будущего Людовика XV. Это был шаг к успеху. Запоздалый шаг! В том возрасте, когда другие

думают об уходе на покой, Флэри начинает свою карьеру. Она будет блестящей и больше не будет связана ни с Лодевом, ни с Фрежю, короче говоря, с Югом, даже притом что семья старого епископа смогла себе позволить в XVIII веке значительно расширить свои владения в Лангедоке, пользуясь могущественным влиянием такого высокопоставленного родственника и прелата, ставшего главным министром.

Флэри (связанному с Югом или нет) было с кого брать пример. Он придерживался, хотя и с меньшей мерой духовности, линии как «ок», так и «ойл», будучи продолжателем своего почти земляка – архиепископа Фенелона, родившегося в семье перигорского дворянина и положившего начало пацифизму, который охотно подхватят Флэри и молодой Людовик XV. И в более близком соседстве, объективно говоря, идейным учителем Флэри был другой южанин из области «ок», кардинал Дюбуа, который, в отличие от «благодушного Эркюля» из Лодева, не очень проявил себя как священнослужитель, разве что в последние годы своей жизни; но он был, также и прежде всего, и это для нас гораздо важнее, изобретателем политики открытия, в частности, дипломатической, принципы которой Флэри, старательному ученику, оставалось лишь приложить на практике.

4. Первое «восхождение в Париж» в большой политической истории Франции людей южного происхождения, наделенных значительным талантом и продвинувшихся благодаря тому социальному трамплину, которым время от времени служил духовный сан и даже епископская должность, продолжилось, хотя и менее блестяще, в случае с другим кардиналом Франсуа-Иоашимом де Пьером, позднее кардиналом де Берни, который родился в Ардеше в 1715 году, в год кончины Людовика XIV, и умер в Риме в 1794 году, назавтра после великого парижского Террора, который эффективно прекратился в месяц термидор того же года, за несколько месяцев до смерти Берни³⁶. Старый житель или бывший житель Ардеш, отдавал ли он себе отчет о всей важности термидорианского поворота? Знал ли он, что это уже начало конца якобинской революции, которую он так ненавидел? Как бы то ни было, перипетии долгой жизни этого аббата эпохи Просвещения (ставшего еще в молодом возрасте князем Церкви) подводят итог всего

века Просвещения. Берни был младшим сыном в дворянской семье из Лангедока, очень знатной, но без гроша. Он был учеником в коллеже Барнабит в Бур-Сент-Андеоль (Виваре) и говорил с ужаснейшим южным акцентом, и затем молодой Берни продолжил свою карьеру, став блистательнейшим студентом в коллеже Людовика Великого, где он усилием воли избавился от своего акцента за несколько месяцев; затем он стал мелким аббатом и прославился в парижских салонах своими стихами и успехом у дам. Берни был искренним, подлинным католиком, лишенным, конечно, всякого фанатизма, но также и соблазнителем, дамским угодником, с которым не побоялся бы соперничать сам Казанова. У этих двух мужчин было, кажется, несколько общих побед на любовном фронте, в частности, среди прекрасных венецианских монашек. Это значит, что в качестве «мужчины для женщин» Берни на сто локтей ниже Казановы, тем более нет в нем ничего общего с де Садом, с которым, однако, Роже Вайян время от времени пытался его сравнивать.

Изначально именно поэзия – снова галантная – сделала Берни известным как писателя. Она его продвинула вплоть до Французской Академии, членом которой он стал в 1744 году, в 29 лет. «Вы слишком мол оды, – сказали ему, – чтобы так рано входить в Дом инвалидов». Насмешки на него не действовали, и он с самыми благими намерениями, или почти так, вступал в связи с известнейшими дамами из парижских салонов того времени: герцогиней де Мэн, мадам Жоффрен и особенно с маркизой де Помпадур, оказавшей гораздо большее влияние на политический курс. Именно через нее он добился в самом начале своей карьеры назначения на должность посла Франции в Венеции. Там он стал (возможно?) любовником одной из дочерей Людовика XV, инфанты с большой грудью. Молодую женщину затем отдали замуж недалеко от этого крупного порта на Адриатике. Но собственно прорывом и заслугой бывшего лангедокского аббата была дипломатическая миссия, которую все тот же Людовик XV ему доверил: она заключалась в том, чтобы достичь союза Франции с Австрией, знаменитого изменения союзнических отношений 1756 года. Эта операция прошла удачно и выявила в Берни зерно гениальности: наш герой был действительно одним из первых (и видный историк

Бенвиль это настойчиво подчеркнет), кто понимал, какую огромную опасность представляет для Франции прусский динамизм, что моментально компенсировалось обходным маневром – заключением нашего союза с Австрией в 1756 году. Берни, ставший на короткий срок министром иностранных дел (1757–1758), действует на этом посту по логике «правого» политика: союз католических держав (Франции и Австрии) против протестантского блока (Пруссия и Англия). Десять лет спустя, под эгидой своего друга и врага министра Шуазёля, Берни, ставший к тому времени полностью пацифистом во внешней политике, проводит, напротив, левую или, по меньшей мере, левоцентристскую политическую линию, и она была разумной и умеренной. Он в действительности был одним из тех, благодаря кому стала возможной окончательная ликвидация иезуитских организаций, – это была дань, которую Людовик XV отдал Просвещению, или так называемому Просвещению. Эта кампания, направленная против иезуитов, к тому же умеренная, повторим еще раз, со стороны нашего ардешского дворянина, была одним из этапов его великолепной духовной карьеры. Берни стал архиепископом Альби и вследствие этого вернулся в земли «ок» и стал неустанно заботиться о благе прихожан своего диоцеза, во время всего этого альбигойского и провинциального периода своей жизни, когда, кажется, ни одна аквитанская дама не явилась скрасить жизнь великого прелата из долины Тарн. Затем Берни был послом в Риме. Там он принимал участие в выборах двух пап, насколько возможно профранцузски настроенных; он держал свой дом открытым, жил в роскоши, стал любовником молодой итальянской принцессы и очень умело отстаивал римские интересы версальского двора.

Берни – это в некоторой степени Эдгар Фор XVIII века, но с еще большим шармом и менее выраженным низкопоклонством, чем это было у знаменитого биографа Лоу и видного политика IV и V Республик. Берни был противником снобизма, деликатным честолобцем, карьеристом, лишенным вульгарности выскочки, скромным соблазнителем; это был светский человек, который хотел, чтобы священники проповедовали суровую мораль, но который, однако, следовал в своей личной жизни своим желаниям и делал то, что ему нравилось. Он

был набожным католиком, но при случае рабом своих страстей и удовольствий...

В Риме во времена Революции он сделался защитником умеренной и даже критичной позиции по отношению к французским эмигрантам, которые, на его вкус, были слишком возбужденными подстрекателями. Короче говоря, Берни представлял собой южный центризм, поскольку в областях «ок» появились в начале царствования Людовика XV еще несколько человек с подобными взглядами, в частности, Дюбуа и Флэри, которых мы уже встречали на страницах этой книги...

Берни, Флэри, Дюбуа с Фенелоном в хвосте, как сказал бы Сен-Симон, — это некоторый способ уехать из областей «ок» или заговорить об областях «ок», и напомнить о том, что в период Регентства (1715–1723) наблюдалось некоторое перемещение важных людей, и в окружении Филиппа Орлеанского на высшем уровне в 1715–1720 годы и даже раньше оказывались уроженцы Дофине, Перигора, Лимузена, Лангедока... и даже Шотландии. В некотором отношении лю ди, удостоившиеся доверия герцога-регента, с точки зрения провинциального происхождения, иногда даже социально были маргиналами, по меньшей мере, людьми с периферии, если использовать в данной работе наш современный язык. Они представляли собой среду, достаточно сильно отличающуюся от той, откуда при Людовике XIV выходили верные слуги монархии, такие как Кольбер, Ле Теллье, Лувуа, семья Фелипо, Вуазен, Шамийяр, семья Виллерау... и другие деятели, выросшие в Парижском бассейне, в этой пропитанной готической древностью обстановке, которая станет затем централистской и в конце концов якобинской. Выходцы из этой среды в течение веков служили опорой в проведении королевской стратегии. Речь всегда шла о том, чтобы собрать армию, воевать, устранить английских или голландских конкурентов. Речь шла о том, чтобы оттолкнуть или бесцеремонно «подвинуть» соседние державы. Подход Дюбуа, Флэри и Берни на втором этапе был более гибким. Эти южане, и это также верно по отношению к Фенелону и даже Тансену, не были главными ультрарапатриотами или супернационалистами. Понятно, что с неким обновленным окружением Филипп Орлеанский, а затем его венценосный племянник Людовик XV могли вес-

ти политику, менее амбициозную и более примирительную по отношению к прогрессивным силам – протестантским державам на северных горизонтах и проводить более европейскую и еще более пацифистскую стратегию в том, что в итоге станет, под влиянием или при содействии Шуазёля, стилем Берни 1760-х годов...

Берни, блестящий ученик в самом окситанском коллеже в Бур-Сент-Андеоль (вспоминается тяжеловесное и восхитительное барочное убранство, которым украшена одна из главных церквей этого города, типичного для берегов Роны как со своей особой судьбой); Берни, который в своем значительном литературном наследии, как в прозе, так и в стихах, нисколько не гнушается выдающегося присутствия Юга во французской словесности, будь они на французском языке или на языке «ок»; и наконец, Берни, государственный деятель Юга по преимуществу, поскольку он был архиепископом Альби, то есть видным членом штатов Лангедока и находился, с другой стороны, в априорном поле воздействия Тулузского парламента; Берни демонстрирует нам таким образом две основные сферы деятельности государственной власти в областях «ок» в последнем столетии бурбоновского «абсолютизма»: я имею в виду его достижения в области культуры и государственных учреждения.

*

XVIII век ознаменовался действительно многочисленными литературными произведениями, внесшими вклад во французскую культуру, авторы которых были из Лангедока, а также из Прованса или Окситании. Сошлем здесь на научную *Историю* этой самой литературы «ок», составленную Робером Лафоном и Кристианом Анатолем, и ограничимся тем, что упомянем об удивительном интеллектуальном потенциале, практически уникальной для Франции, деревни Обе (современный Гар), откуда одновременно вышел шедевр диалекта «ок» в фантастической литературе, «Jean l'ont pris» или «Jean l'an pris» аббата Фабра, викария в этом приходе; и другой шедевр, на этот раз на французском языке, другого писателя народа, в том смысле, что Менетра³⁷ в парижском регионе также принадлежал к народу: речь идет о Дневнике и воспоминаниях Пьера Приона, принадлежавшего к кате-

гории высших или средних слуг в замке Обе, уроженца Авейрона³⁸. В Руэрге также можно отметить появление редких произведений, в 2000 году известно только «счастлиное меньшинство», например, метеорологический и поэтический «Дневник» господина Муре из Сен-Жан дю Брюэль (Авейрон), чья проза, но, тем не менее, не научное изложение, во всех отношениях достойна стиля такого великого провансальского и мирового натуралиста, каким был Жан-Анри Фабр. Приведем здесь всего несколько строчек из тысяч других фраз, которые вышли когда-то из-под пера Муре:

21 марта (1757 года) на лугах можно было увидеть ноготки.

22. Бешеный волк напал на пастуха в 2 лье от Сен-Жан дю Брюэль и сожрал бы его, если бы его хозяин не пришел ему на помощь. Последний без оружия бился с волком и убил его, но волк успел укусить его тоже, хозяину посчастливилось не заболеть бешенством, потому что он принимал лекарства, а пастух от этого умер.

23. Каштаны, поздние деревья, находятся в самом соку, дети делают рожки из их коры.

26. Виноградники также в самом соку.

Речка Дорби вышла из берегов, несмотря на то, что дождя не было уже довольно давно, снега растаяли в Эсперу, где находятся ее истоки.

29. Бук, миндаль, молодые вязы цветут в Кантобре, в 2 лье к западу от Сен-Жан, расположенного на более низкой местности. В чаще кустарника начинают распускаться листья.

Муравьи побежали по меловой долине.

4 апреля. Луга начали зеленеть в Сен-Жан, там можно увидеть много цветов маргариток. Миндаль цветет, на грушах распускаются бутоны.

8. В деревне много ос, мух, несколько видов бабочек, ноготки цветут, на яб лонях раскрываются бутоны, кое-где показываются маленькие листочки.

9. Несколько жителей вынесли летнюю одежду.

10. Появились летучие мыши. Мухи стали назойливыми. Сливы и груши цветут, яблони еще нет. Река все еще полноводная из-за таяния снегов в горах Эсперу, Эгуаль...

13. Сухость уже чувствуется. Рожь поднимается, очень редко разбросанная, а пшеница хилая.

Слышно кваканье жабы.

18. Змеи выходят из-под земли. Кукушка поет.

21. Сливы, груши, вишни, яблони начинают зеленеть: тутовые деревья, каштаны остаются еще голыми.

25 апреля. Первый раз в этом году появились ласточки.

Бутоны на каштанах начали распускаться, а на тутовых деревьях еще нет.

Перестали держать огонь зажженным в караульном зале.

27. Первая весенняя обработка виноградников...

Читать это произведение утомительно, поскольку в нем огромное количество страниц такого содержания, но в принципе оно достаточно хорошо написано...

*

Что касается различных учреждений, то эпоха классицизма и эпоха Просвещения характеризовались двумя особенностями: во-первых, это было развитие (хорошо изученное и не всегда однозначное) монархического централизма, в том виде, в котором его воплощали в главных городах региона (Эксе, Бордо...) интенданты из различных финансовых округов юга: они происходили из парижской технократии и пользовались поддержкой католической иерархии. Бавиль, интендант в Монпелье, преследователь протестантов, представитель государственной администрации, был некоронованным королем Лангедока в течение всей второй половины царствования Людовика XIV. После отмены Нантского эдикта (1685) и по этой причине этот человек, вместе с Симоном де Монфором, стал, по праву или нет, одним из главных «негодяев» в исторической драматургии Лангедока. Акт 1685 года показывает стремление Версаля навсегда затмить гугенотский «полумесец» во имя бессердечного централизма, передаваемого епископами.

Одновременно региональные административные органы – и в этом парадокс – укрепляют и расширяют в эпоху Просвещения свои полномочия, по меньшей мере, в нескольких провинциях земель «ок», которым посчастливилось сохранить у себя эти органы. На самом деле, антагонизм по отношению к процессу централизации в большей степени кажущийся, нежели реальный: в конце концов, штаты Лангедока, настолько гордые своей автономией, позволяют собой руководить местным прела-

там... которые были лучшими представителями национальной власти в деле антикальвинистских репрессий! Это был диалектический или иезуитский синтез между ЗА (королевским) и ПРОТИВ (региональным)... При такой двусмысленной обстановке в Лангедоке сословная ассамблея сохраняла свои полномочия на сбор налогов и на равных договаривалась с Людовиком XV, который, бесспорно, был менее авторитарным правителем, чем его прадед Людовик XIV. В конце XVIII века синтез (вероятно, конфликтный) и *connubium* между двумя сущностями – централизмом и регионализмом – стали очень тесными, по меньшей мере, в нескольких областях. В Провансе, например, некоторые интенданты дошли до того, что «перешли во вражеский стан»; они стали громогласными защитниками своих подопечных перед Королевским советом.

Обращаясь к более частному вопросу – южным парламентам – скажем, что их развитие, при всем прочем позитивное, было также и крайне характерным. Сосредоточимся на примере тулузского парламента³⁹. Он был очень галликанским и в начале 1760-х годов выступил против иезуитов, тогда уже сходивших со сцены, также он был противником проримского, пропапского ультрамонтанства, предпочитая ему галликанизм, сильно франко-французский, пора об этом сказать. Бдительность парламента еще удвоилась, подстегнутая инициативами против иезуитов, которые исходили от большинства «сенаторов» тулузского Верховного суда. Отныне она повернулась против всех религиозных отклонений, включая протестантов! Поскольку гугенотов также подозревали в том, что они смущали людей и подрывали общественный порядок. И вот еще злосчастное дело Кала: купец-протестант из Тулузы Жан Кала был ложно обвинен в убийстве своего сына якобы для того, чтобы помешать тому обратиться в католичество. Итак Жану был вынесен тулузским парламентом несправедливый приговор, и он был абсолютно незаслуженно казнен (1762). Вольтер, благодаря энергичному воздействию на общественное мнение, заставил реабилитировать Кала и пересмотреть приговор. Однако примечательно, что почти сразу после этого скандала с убийством человека, тулузский парламент полностью изменил свою тактику, скажем даже, что по отношению к протестантам этот парла-

мент больше не применял никаких репрессий. Его судьи на Цветочных играх присуждали отныне призы стихам либерального толка, и сам парламент начиная с 1769 года позволил признавать *де факто* браки и процедуры передачи наследства людей другой веры. Это больше не была простая терпимость из безразличия, как это уже бывало раньше в начале 1750-х годов, но принципиальная терпимость, согласно которой преследование людей иного вероисповедания считалось неразумным и абсурдным. Дух Просвещения одержал победу в «розовом городе», который был даже в XVI веке одной из столиц лигистов, крайне нетерпимых, что ни для кого не является секретом.

В этих условиях неудивительно было, что среда парламентариев Юга и, если говорить более обобщенно, среда независимых судов, в конце XVIII века и уже после гибели Старого режима, в начале XIX века, была охвачена сочувствующим и благоразумно умеренным либерализмом. Шарль де Ремюза (1797–1875), который начиная с царствования Людовика XVIII и до Наполеона III был одним из отцов либеральной доктрины и даже всей системы доктрин либерализма, доводился сыном генерального адвоката в независимом суде в Провансе, а его мать по прямой линии происходила из семьи первого председателя парламента Тулузы⁴⁰. Шарлю де Ремюза было с кого брать пример. По семейной традиции, он пришел к либерализму, как ходят к источнику за водой.

*

Позволено ли нам в тот момент, когда разразится Французская революция на Юге, как и в других местах, столько всего изменится и коренным образом будут пересмотрены бесчисленные привычки и обычаи, которые, казалось, веками там укоренились; итак, позволено ли нам в некотором роде сделать паузу и охватить одним, но широким взглядом Старый режим на Юге в целом: ему не обязательно требовалось умереть и он протянулся со времен Ренессанса на почти десяток поколений. Мы выберем одну проблему, занимающую центральное место в Лангедоке, но также в Гаскони и, если говорить в более общих чертах, в Аквитании, и в Руэрге тоже: это будет «протестантский вопрос», и мы выберем для этих целей город, желательно небольшой, но, как нам хорошо из-

вестно, чем меньше на Юге, городское сообщество, тем оно более городское... Этим городом будет Милло, в современном департаменте Аверон, бывший Руэрг. Мы рассмотрим городское сообщество Милло, подвергшееся сильному влиянию «ереси», которая там то процветала, то приходила в упадок... чтобы потом снова начать решительное наступление. Бросим взгляд в прошлое, более чем на 300 лет назад, и вот какая картина предстанет перед нами, дополняющая то, что нам известно о событиях конца XVI века: гугенотский Ним находился в конфронтации с католическим Марселем, но никогда не выступал открыто против него⁴¹.

Милло, что в Руэрге, у подножия Ларзака, расположен на высоте 365 метров недалеко от древних галло-романских гончарных мастерских. В 785 году город был резиденцией вигери и его приближенных. В 1172 году он стал принадлежать Арагону, поэтому, вероятно, мы находим там в практически первозданном виде прекрасные устные легенды, ведущие свое происхождение от легенд об основании аббатства Монсерра, крупного каталонского и барселонского монастыря, расположенного, на самом деле, в Арагонском королевстве. Затем Милло попал под власть графов Тулузских, и наконец, в 1271 году стал французским. В XIV и XV столетиях судьба города была обычной... и незавидной: эпидемии чумы, войны... Но начиная с последнего столетия Средневековья город стал производителем сукна, с 1437 года там начали проводиться ярмарки. Скромное начало экономического возрождения... Демографический рост в XVI веке здесь был существенным... как и в других местах: 3 500 жителей около 1515 года, 5 500 – около 1547 года. В тексте Томаса Платтера (младшего) нам рассказывается об этом городе в 1599 году, и там «если бы мне представился случай обосноваться, – пишет он, – никто бы никогда не узнал, что со мной случилось, настолько это место находится глубоко среди гор. Именно здесь, в заключении говорит Платтер, и эта фраза значимая, – *находят убежище протестанты во времена преследований*». Действительно, Милло, превратившемуся таким образом в город беженцев, выпала привилегия иметь одну из первых протестантских церквей в королевстве, если верить виконту де Тюренну, который писал об этом *позже*, в 1588 году. Помимо общих причин

установления протестантизма, отметим некоторое влияние, на местном уровне, которое оказывала евангелическая «среда», где вдохновительницей выступала Маргарита Наваррская. Начиная с 1550–1554 годов в некоторых нотариальных документах, являющихся брачными контрактами, говорится о «бракосочетании» церкви Иисуса Христа⁴². Новые идеи частично завоевали местное дворянство, и первые местные проповеди, которые произносил один пастор из Женевы, датируются 1560 годом; по поводу начального развития протестантизма, в нашем распоряжении имеется превосходный *Дневник* одного кальвиниста из Милло (1560–1582). В ноябре 1561 года протестанты Милло захватывают монастыри и церкви⁴³, и это происходит одновременно с началом религиозных войн. Примерно в то же время один монах-францисканец женится и, что знаменательно, становится кожевником. В июне 1563 года вся община Милло заявляет, что они «за Евангелие», претендуя таким образом на монополию, возможно, излишнюю, в том, что касается возросшей важности Нового завета, приспособленного на женеvский лад. Восемьсот жителей города присутствовали на собрании гугенотов, созванном по этому поводу. Вполне очевидно, что оставшиеся в Милло католики (а они оставались!) не решались ничего сказать, ни требовать для себя свободы отправления культа. Это род «тотального», если не тоталитарного общинного феномена, который был описан Морисом Агюльоном для ближнего Прованса. Крюссоль, глава протестантов, берет город под свою защиту. Гугеноты пытаются, часто силой, обратить в свою веру жителей соседних деревень. Монлюк, ревностный католик, лишенный угрызений совести, «борец папистского сопротивления», угрожает им ответными мерами. Парламент Тулузы в том же 1563 году обрушивается на них с бранью. В 1566 году, во время «папистского» контрнаступления, был найден компромисс: три консула – два католика и один протестант. Но в 1567 году Торин, мелкий дворянин, кальвинист и жестокий человек, установил в городе нечто вроде диктатуры, протестантской, конечно. Сен-Жерменский эдикт (1570) придал католикам некоторые силы, но не более того. Но Варфоломеевская ночь (благодаря вызванной ею реакции протеста или ее последствиям) привела на местах к все большему росту господства протес-

тантов. В 1567 году «миротворческий» эдикт не смог отныне ничего изменить в сущности Милло, ставшего полностью гугенотским городом, и это, по меньшей мере, на два поколения, если не больше. В 1573 году в Милло основали коллеж, дававший среднее образование, гугенотской направленности. Консулат и мэрия города были в руках у протестантов. Церковный совет заставил соблюдать добрые нравы, и в протестантской среде вплоть до XVIII века фактически не было незаконнорожденных детей. Каким бы ни был возможный обман, можно только испытать крайнее удивление перед этой непогрешимой добродетелью, пуританской, вот подходящее слово, кальвинистских женщин и девушек в Руэрге времен Старого режима. Год основания коллежа – 1573 – был также и годом созыва протестантских «Генеральных штатов», на самом деле прежде всего южных протестантов, в Милло. Это был один из первых истоков того, что станет в продолжении 1580–1590-х годов очень эфемерными Объединенными Провинциями Юга, которые соберут на основе достаточно представительных органов и под эгидой Генриха Наваррского, впоследствии Генриха IV, протестантов и умеренных католиков. В масштабах региона начиная с 1585 года протестантский Милло противостоит лигистскому Родезу. Что касается населения Милло, то его численность, возможно, упала из-за войны и ее плачевных последствий до 4 000 человек около 1595 года. В начале 1600 годов несколько католических священников с трудом вернулись в город, чтобы служить для той четверти жителей, которая осталась в лоне римской Церкви, к которым добавились, также в городе, католические иммигранты, принадлежавшие к рабочему сословию, приехавшие из бедных областей Центрального массива. В руках протестантов (75% населения города) оставались консулат, городской совет, суд, образование, благотворительность, и они оказывали сопротивление «вторжению» иезуитских проповедников. В феврале 1615 года за антипапистским мятежом последовали неоднократные скопления сотен вооруженных людей в масках, также сторонников гугенотов.

Затем последовали войны Рогана, последний этап религиозных конфликтов, на этот раз ограниченный территорией юга Франции и Ла Рошелю. Ассамблея протестантских

церквей собралась в 1620 году в Милло, который был главной базой для военных и политических операций реформистской партии. Среди лидеров, присутствовавших на этом «саммите», можно было заметить Бетюн-Сюлли, Бурбон-Малоза и знаменитого Рогана – плеяда крупных сеньоров, приехавших с севера, чтобы руководить мятежами на Юге.

При Людовике XIII последняя религиозная война «разбушевалась» с 1620 по 1629 годы, когда произошла «милость Але» – поражение гугенотов, хотя и далеко не полное⁴⁴ и стратегический поворот: в Милло, как и в других местах, стали приниматься некоторые меры по «депротестантизации». В 1631 году консулат стал состоять из равных частей – два католика и два протестанта. Коллеж снова попал под контроль, хотя и частичный, римской Церкви. Доминиканцы, бенедиктинцы, капуцины а также, священники, живущие среди мирян, все преисполненные пылкости, стали приезжать, чтобы обосноваться в городе. Выделяются два периода: католическая реконкиста при помощи местных и региональных мер в период с 1629 по 1661 год и применение репрессивных указов, которые издавал Людовик XIV в Версале с 1661 по 1685 год. Кальвинистские церемонии отныне могли проводиться только при соблюдении сильно ограничивающих их условий, и в знак протеста против таких мер в феврале 1663 года начались гугенотские волнения. Королевский совет ответил на это несколько месяцев спустя, изгнав кальвинистов из мэрии и с консульских должностей. Это также было время начала сноса храмов. Появилось местное Общество Святого Таинства в католическом приходе, которое получило новые силы и ожило благодаря визитам епископа. Коллеж, управлявшийся раньше в равных частях католиками и протестантами, стал теперь на 100% католическим. Но было еще, однако, достаточно далеко до капитуляции гугенотов: 9 октября 1683 года пастор, в храме вместе со своим народом, в присутствии кюре и представителя епископа отверг суровое предупреждение галликанской Церкви, датированное 1682 годом, которое рекомендовало отречение от их веры в пользу «разделенных братьев»; и отречение, коллективное, неискреннее и вынужденное, все же произошло 11 сентября 1685 года в мэрии, которая была в данных

обстоятельствах символическим местом. Последнее гугенотское крещение праздновали 7 сентября 1685 года. 18 октября произошла отмена Нантского эдикта. 2 ноября был разрушен храм. Еще в 1688 году новообращенные Милло подписывают, не по своей воле, а по принуждению, текст о верности католической вере и королю. Однако, в 1689 году на этом фасаде единодушие стали появляться некоторые трещинки: новообращенные стали менее прилежными на процессиях во время праздника Тела Господня. Но насилие камизаров 1703 года мало их привлекало: они боялись обвинений в сговоре с севеннскими мятежниками и постоянно демонстрировали свою верность королю перед де Боналем, католическим судьей, отличавшимся относительной терпимостью. В этой «демонстрации» превозносилась верность монарху, но не выражалось ничего определенного в отношении католической Церкви. В 1695 году пресекли одно подпольное собрание местных протестантов, впрочем, пресекли мягко... Стоял даже вопрос о создании службы инспекторов, чтобы наблюдать за новообращенными, с системой разделения городских кварталов на участки, как в Монпелье. Несмотря на то, что камизары как таковые не «добрались» до Милло, участники еще одного подпольного собрания, где руководящую роль играли вдовы, в 1712 году понесли суровое наказание. Еще в 1731 году епископ Родеза «проливал слезы» над заблуждениями и упрямством так называемых новых католиков из Милло. При этом не прекращались многочисленные успешные попытки их обращения на путь истинный; с 1701 по 1709 годы об этом хлопотали иезуиты, потом белые кающиеся монахи. Были основаны католические школы для девочек в 1700, 1726 годах... Также в городе населялись и братья из христианских школ, которым предстояло заниматься обучением народа. В период с 1730 по 1739 год было особенно много случаев обращения в католицизм, часто искренне, насколько нам известно. Однако треть населения оставалась гугенотами, и на этом дело не заканчивалось. После 1730 года протестантские церкви Руэрга официально присоединились к протестантской провинции Севенн, и они достойно заслужили благодарность своей кальвинистской «родины». В «десятилетие Шуазёля», другими словами, 1760-е годы, когда едва

утихли бури процесса Кала, восторжествовала, наконец, не без помощи Вольтера, уже подлинная терпимость. Уже наст упил тот период, когда протестантов перестали упоминать в списках, хранившихся в мэрии, как возмутителей общественного порядка из-за их церемоний и других культовых мероприятий, которые, тем не менее, активно проводились. Сосуществование папистов и гугенотов, иногда неприятное для обеих сторон, но ставшее отныне бесконфликтным. Жители Милло, вместо того чтобы ссориться по догматическим вопросам, все больше ориентируются, при «старом» Людовике XV и при Людовике XVI, на производственную деятельность: дубильное и кожевенное дело, изготовление перчаток, и на этом поприще выделились хозяева мастерских и рабочие из протестантов. Эдикт о веротерпимости 1787 года будет не только, как когда-то Нантский эдикт, счастливой констатацией *фактического* сосуществования на основе отказа обеих сторон от драматизации обстановки во имя общего дела.

В непрекращающемся поединке между защитой и нападением, кирасой и копьем, чтобы не говорить о блиндаже и пушке, Милло постепенно выбрал, начиная с 1680-х годов, первый компонент в этой альтернативе. Нужны были *камизары*, потрясающие копьем, шпагой, ружьем. Но также чувствовалась потребность и в *жителях Милло*, которые в 1685 году уступили натиску и якобы отреклись от своей веры, «павших духом», что некоторые несправедливо по считали возмутительным, а затем постепенно при Людовике XV вернули часть потерянных позиций; тогда как сторонник Реформации Антуан Кур строил новые протестантские церкви, несмотря на нападки, после отмены Нантского эдикта, со стороны Короля-Солнца и Бавиля, но также они подвергались освистанию конвульсивных излишеств камизаров. В этом отношении случай Милло был символическим для областей «ок» и, в более широком смысле, областей «ойл»: его жители сумели под знаком и видимостью гибкой ловкости, которую некоторые несправедливо считали недостойной и отталкивающей, сохранить свободную гугенотскую мысль в узком кругу, также как и полную независимость в размышлениях о сосуществовании. Руэрг в лице этого небольшого городка, скромно оказывавшего сопротивление, достоин, та-

ким образом, занять особое место⁴⁵ в итоговых заметках о Старом режиме в Окситании этими несколькими строчками. Авейрон Милло способствовал, действуя таким образом, выживанию французского протестантизма, который до наших дней еще представляет собой значительную силу в распространении терпимости, либерализма, открытия и рационального приспособления.

*

Революция на Юге.

Французская революция перевернула все в областях «ок», также как и в областях «ойл»: общее восприятие феномена революции в южных областях в ее наиболее активной фазе и, если мне простят это слово, «разрушительное» (1793), может быть затронуто здесь, для начала, с точки зрения сельского населения, которое составляло, имеет смысл напомнить, более 80% населения, говорящего на окситанских диалектах, в частности, это касается тех людей, которые не имели вообще или имели крайне малый доступ к знаниям, хотя бы элементарным, в области французского языка. И действительно, крестьянское движение на Юге, которое сопровождало, стимулировало, подстегивало Революцию, было в высшей степени самобытным, поскольку оно расшатывало и даже разрушало сеньориальную систему, включая феодальное землевладение. В данном случае это представляет собой контраст с прошлым: поскольку наиболее типичные крестьянские восстания при Старом режиме во всей его мощи, я хочу сказать, восстания в Аквитании в XVIII веке, называемые восстаниями кроканов, за редким исключением выступали только против налогов, которые они считали непомерными; против размещения войск, которое их угнетало; и против дороговизны зерна, которую они периодически рассматривали как невыносимую⁴⁶. Итак, на Юге, как и в других местах, в 1789 году наметился двойной разрыв: с прошлым, и он был менее радикальным, и с сеньориальной системой, против которой отныне будут выступать, в отличие от предыдущего столетия. Это значит, что не стоит ни с чем спешить, поскольку выступление против сеньоров на окситанском Юге было достаточно поздним в том судьбоносном году, каким был 1789-й, по сравнению с другими регионами Франции, как «ойл», так и фран-

ко-провансальскими, Эльзасом и др. Действительно, в Дофине, Эльзасе и Франш-Конте с июля-августа 1789 года начались крестьянские выступления против сеньоров. Однако в областях «ок» подобные акты протеста антифеодального характера со стороны аграрного населения происходили сначала, в большом масштабе, только в Виваре: затем они перекинулись в Дофин. Но в Виваре недолго царил покойствие: уже в течение следующего периода, с сентября 1789 года по сентябрь 1791 года, значительная часть аграрного Юго-Запада, где говорили на диалектах «ок», в свою очередь бросилась на борьбу против сеньориальных прав, полевой подати и десятины (против последней, по правде говоря, выступали уже давно, с подъемами и спадами, начиная с периода протестантской Реформации, но тогда речь шла, в некотором роде, о том, что касалось поборов со стороны сборщиков десятины, о побочном по отношению к классическому феодализму налогу). Хронология начала революционной активности на Юге, поскольку области «ок» подключились к ней позднее, чем другие провинции, показывает, что Юг действовал, находясь под влиянием примеров с Севера или ближайшего Северо-Востока. Однако, как только революционный механизм был запущен на Юге, в частности, в Аквитании, он стал сразу стремительно набирать обороты. Тем не менее отметим, что изначально южные, в частности, аквитанские движения не были глубоко политизированными с самого начала. Какими бы на самом деле ни были влияния, идущие с Севера, они оказали воздействие на крестьянскую массу, но ей нужно было перебродить самой, поскольку она не была особенно восприимчивой к заумным идеологиям, *политизирующим*, воинствующим, привнесенным в ее среду из городов.

Политизация сельского населения в областях «ок», конечно, происходила, но она была несколько запоздалой и стала набирать силу после бегства Людовика XVI в Варенн (июнь 1791 года), которое вызвало немедленную реакцию. И поэтому именно эта политизация, несколько поздняя (агитация, идущая из городских клубов, якобинской и другой направленности, «прибытие» лидеров и главарей восстания из городов и др.), будет характеризовать в большой степени сельские волнения 1792 года, в частности, в Гаре, на юге Ардеш, в Нижних Альпах, в Кантале... И на этот раз

восстания заполыхали на достаточно большой части территории Юга, как на «счастливых» землях средиземноморского Лангедока, так и в окситанской глубинке, в Центральном массиве. С одной оговоркой: «не все крестьяне восстали», а только «некоторые...», поскольку как участники волнений, восставшие, нападающие на сеньории и *тем более* поджигатели замков, всегда представляли собой, как на Юге, так и в других местах, всего лишь меньшинство среди сельского населения, конечно, активное и заставляющее с собой считаться.

В 1793 году на «сельской сцене», где разыгрывались драмы и иногда трагедии, происходит новый поворот. Революционные перемены неизбежно повлекли за собой серьезные экономические трудности, хотя и не стоит их за это подвергать слишком суровой консервативной критике. И тут значительная или даже большая часть крестьян стала воспринимать с отвращением, с неприязнью или даже с ненавистью те же самые революционные перемены, которые она вначале приветствовала, начиная, естественно, с ликвидации прав сеньоров. Несмотря на большое количество местных волнений, сельскому Югу не довелось узнать ничего подобного огромному по своим масштабам мятежу в Вандее. Но ограничимся тем, что приведем один пример: в тулузском регионе о настороженности крестьян свидетельствовало их отвращение к поставкам городам в обмен на обесценившиеся ассигнации зерна — продукта их труда, и это говорит о некотором направлении взглядов у производителей кукурузы и пшеницы на юго-западе Аквитании⁴⁷.

То, что имело историческое значение для *деревень*, без особых изменений можно перенести и на *города*: такой активист, как священник Рив, классический аббат эпохи Просвещения, бывший библиотекарь замечательных книжных собраний в Межане в Экс-ан-Провансе, смог вести, в Марселе и в Эксе, с далеко идущими последствиями и значительными успехами, политику «*Бешеного*» революционера, как его не колеблясь окрестил видный американский историк Губерт С. Джонсон, ученик Альбера Собуля и Мишеля Вовелля⁴⁸. Смерть аббата Рива в октябре 1791 года не положила конец этим бурным волнениям, не прекращавшимся в течение целого года. Дело аббата Рива продолжил маркиз д'Антонел, арльский аристократ, также

ставший революционером, с красными каблуками и красным колпаком⁴⁹, и один из видный провансальских политиков тех бурных лет (1789–1792), впоследствии ставший бабувистом. И напротив, кардинал Берни, как мы уже говорили, который родился и вырос в Ардеш и частично делал свою карьеру на Юге (он был архиепископом Альби), смог разумно сохранить и даже поддерживать свою центристскую позицию вплоть до времени расцвета террора якобинцев и монтаньяров, когда давление со стороны ультраправых сил дворянских эмигрантов в Риме, где он служил послом, чувствовалось со всех сторон в его окружении.

Рив, Антонель, Берни и затем Ривароль: судьбы у них разные, эти деятели оказались вовлеченными в водоворот событий, предрешить исход которых им не удалось. Начиная с 1793 года в *городской* среде областей «ок» происходит поворот в общественном сознании, вызванный состоянием экономики, которая находилась в полном развале, вплоть до того, что такое положение воспринималось некоторыми как отчаянное: резко возросла смертность в 1793–1794 годах, особенно в городах (повышение уровня смертности до 30–40% в городах Нижнего Лангедока⁵⁰), как результат того, что материальное положение стало крайне тяжелым для народных масс в городах, как и для сельских общин и даже для простого народа вообще. Воодушевление и даже агрессивность федералистского и жирондистского движения, направленного против монтаньяров и против Робеспьера (май-июнь 1793 года), проявилось очень ясно в Варе, а также в Ниме и в меньшей степени в Эро. Умеренная буржуазия, в том числе и протестантская (взять, к примеру, случай отца де Гизо в Гаре), отвернулась от революции, которую она изначально приняла с симпатией. Кроме того, в 1790 году, и на этот раз в лагере решительно контрреволюционного настроения, в лагере Жале в Виваре выразили недоверие со стороны поборников чистого и истинного католицизма по отношению к новой фазе невероятных социальных перемен, когда гугеноты со всех сторон, из Севенн и из других мест, в 1789 году стали играть определенно чересчур важную роль, по мнению многих папистов. Отчаянные предприятия в Монтобане и особенно в Ниме («Драка» 1790 года⁵¹) также говорят, хотя и не-

сколько преждевременно, об ожесточении позиции большинства папистов по отношению к революционным процессам, которые стали, как мы теперь знаем, необратимыми, именно они заложили основу демократической законности, которая постепенно утверждалась впоследствии, вплоть до нашего столетия; но в масштабе того времени и сиюминутных интересов эти процессы были крамольными и разорили не одного человека. Французская революция очень быстро поставила области «ок» в невыгодное положение, несмотря на то, что у нее там были сторонники, хотя и в меньшинстве. По отношению к ним традиционная элита и даже новая или модернистская элита Юга с трудом принимала упразднение важных органов управления этого огромного региона (штатов Лангедока, провинциальных парламентов и др.). Добавим также, что элита плохо переносила дехристианизацию, а еще хуже – отправку молодых людей, становившихся солдатами Республики, на границы. С другой стороны, Революция разорила крупных торговцев; например, она задержала на долгие времена развитие некоторых наиболее крупных средиземноморских городов, как это хорошо показал Бартоломе Беннассар на примере Тулона, где первая резня прошла в 1792 году как последствие «якобинского радикализма». Затем маятник качнулся в сторону жирондистского федерализма, наступила контрреволюционная военная и морская оккупация со стороны англичан в 1793 году. Начиная с этих дат численность населения Тулона упала на 75% (в сравнении с 1790 годом, когда в этом городе насчитывалось 28 000 жителей). Только из-за репрессий со стороны Конвента и Фрерона, «который не знал снисхождения» (конечно...) погибло 700 человек. Однако в Тулоне, военном порту, имевшем большое значение для Директории, как позже и для Империи, численность населения возросла до 22 000 жителей в 1799 году, а затем до 33 000 человек в 1812 году.

В Марселе кризис оказался более длительным: более трети торговцев эмигрировали начиная с 1793 года вследствие военной оккупации города армией Конвента, и на месте было вынесено 300 смертных приговоров в городе, или скорее против города ставшего, в качестве ответной реакции, федералистским. В результате новой резни, в прериале (июнь 1795 года), погибло свыше ста человек.

Из-за континентальной блокады крупной марсельской торговле удалось действительно вернуть себе всю ее силу и ожить только после 1815 года, и Марсель стал отныне и еще на несколько лет важным портом, где роялизм, как логическое следствие, стал представлять собой «Закон и Пророков».

Ривароль, южанин, также вошедший в парижское хорошее общество, станет выразителем интересов «реакции» в ходе революционных событий, реакции на Юге и вообще во Франции по отношению к этой переделке всего, плодотворные результаты которой (в дальней перспективе) часто скрываются от глаз этого автора, настолько он одержим сегодняшним днем и негативными последствиями этого великолепного разрыва со всем старым.

*

«Скользнем» на полтора десятилетия вперед, через время Консульства и Империи: в 1815 году Наполеон и его сторонники сошли со сцены, это были последние исторические личности одиннадцати революционных лет. И сразу стало ясно, что собой представляет Юг на самом деле, по меньшей мере, в своем большинстве – «старорежимный», пробурбоновский, реваншистский и несущий ответственность за Белый террор. А потом Реставрация с Деказом и Виллелем поставила к власти (исходящей из Парижа и верховной) дворян или именитых горожан Юга. Их благонамеренные умы, несмотря на то, что они были отмечены мягким либерализмом, привлекали доброго Людовика XVIII.

Новое превращение, хотя и лишенное единодушия, появилось на Юге (после 1830 года) под сенью зонта Луи-Филиппа, а затем сразу после падения этого государя (1848). В основном оно было обязано своим появлением в наиболее высоко развитых районах Окситании тому влиянию, которое оказывали на низшие сословия буржуа и мелких буржуа, ставших республиканцами. Пропаганда первых социалистов также сыграла и здесь некоторую роль: в 1849–1851 годы появился на свет «Красный Юг», который распространялся по побережью Лангедока и вплоть до Лимузена.

Такое «южное красное движение» не появилось вдруг во всеоружии ниоткуда, но также оно не возникло только

во время правления одного монарха Орлеанской династии. В 1815 году даже за пределами протестантских зон, прослеживалось заметное безразличие по отношению к роялизму на границах Од и Эро, в таких районах, как Битерруа, Нарбонне, даже Минервуа⁵² ... Как бы то ни было, несмотря на многочисленные превратности судьбы, этому левому партикуляризму в большом регионе было суждено укорениться на века. Из удела меньшинства он постепенно превратился в окончательный выбор большинства. С течением времени он стал представлять собой мощную силу поддержки: именно она способствовала консолидации III Республики и, когда настал момент, принесла левым силам победы в национальном масштабе. Это настоящий гносеологический прорыв по отношению к «белому духу Юга» начала XIX века.

Равароль

Антуан «де» Ривароль (1753–1801), воплощающий в себе некий дух контрреволюции, представляет собой типичный пример интеллектуала окситанского происхождения из скромной среды, которого возросшая социальная мобильность, частая в этих кругах на Юге, неожиданно вознесла до важных в масштабе страны позиций в области литературы и даже политики.

Его дед (неграмотный) был родом из Пьемонта, служил солдатом-наемником в Испании и обосновался в Лангедоке, Бог знает почему. В Ниме в 1720 году он женился на дочери портного, выходца из Але. Этот портной был мелким буржуа и был связан с математиком и физиком Депарсье, членом Академии наук. Итак, неграмотный солдат переделал свою фамилию на французский, или скорее южнофранцузский манер – из Ривароли в Ривароль. Среди детей этой ит ало-нимской пары был один священник, ставший кюре неподалеку от Авиньона; одна дочь вышла замуж (за человека из более знатной семьи, чем она сама) за господина из благородного рода Де Баррюэль, хорошо известного в регионе Гар в Баньоль-сюр-Сез; другая дочь осталась незамужней и в качестве тети или «tata» воспитывала своих племянников и племянниц; и наконец, был еще сын Жан, который жил в Ниме, как и его родители, и в свою очередь стал «*pater familias*» пятнадцати детей, среди которых Антуан, наш будущий знаменитый Ривароль.

Жан Ривароль, отец многочисленного семейства, сначала работал в шелковой мануфактуре, затем был хозяином постоянного

двора, школьным учителем, сборщиком разнообразных налогов и податей.

Его судьба не была абсолютно исключительной в среде мелкой буржуазии Юга того времени: он был человеком образованным, латинистом, страстно увлеченным древней историей и литературой, знал итальянский язык, писал стихи (его профессия, хотя и в течение очень недолгого времени, школьного учителя предполагала достаточно высокий культурный уровень). С помощью «tata» он успешно воспитывал своих многочисленных детей. Будучи хозяином постоянного двора, он не без корысти проявлял общительность: его иногда будут обвинять в том, что он не совсем честно выписывает счета за приготовленные блюда.

Антуан учился в иосифитском коллеже в Баньоле, который был основан при Людовике XIV и по инициативе принца де Конти, сеньора этих мест и кузена короля. В коллеже в нем пробудился интерес к грамматике, истории, математике, физике, естественным наукам. Ему прочили будущее священника: «Ты будешь капелланом^{*}, сын мой». Молодой человек, находясь под покровительством местного епископа, магистра де Ла Бом, рано попал в семинарию в Авиньоне, и вот он уже с тонзурой, красивый парень в сутане. Не более чем аббат Фабр, который был крупным окситанским (*in partibus*) писателем той эпохи, Ривароль пытается играть в антиклерикального семинариста. В Авиньоне, традиционно южном городе, но также и понтификальном городе в тот период, монахи просто «кишели»: антонианцы, доминиканцы, кордельеры, августинцы, кармелиты, бенедиктинцы, тринитарии, селестинцы, обсервантинцы, иезуиты, францисканцы, францисканцы-реколлеты, ораторианцы, реформированные августинцы, члены третьего ордена монашеского братства из крупных орденов, разнообразные монахи, пожертвовавшие свое имущество монастырю, кающие ся монахи всех видов (серые, черные, белые, красные, фиолетовые), а также самые разные монахини. Помимо университета, естественно, церковного, в Авиньоне можно было встретить еще три городских семинарии; в одной из них юный Ривароль считался надеждой общины. Будучи кандидатом в священники, он был принят у де Баррюзелей, где продемонстрировал свой талант южной общительности, которым затем поразил парижские салоны.

В начале царствования Людовика XVI он уехал из Баньоля сначала в Лион, затем в Париж, и сменил облачение священника

^{*} Священник на лангедокском диалекте (прим. ред.).

на гражданскую одежду, но при этом не приобрел ни неудовлетворенности, ни язвительности Жюльена Сореля. Сначала он был клерком у нотариуса в Лионе, потом интеллектуалом-карьеристом, сделавшим блестящую карьеру в столице, и стал (он, бывший окситанец) певцом французского языка^{*}, прямо как провансалец Сиейес стал защитником третьего сословия.

Когда события 1789 года и последующих лет принесли свои подчас горькие плоды, Ривароль проявил себя в Париже, а затем в эмиграции как один из самых одаренных полемистов на службе контрреволюции. Между блестящими отрывками и нападками на якобинцев или (впоследствии) на незадолго до того появившегося Бонапарта, он, как и Токвиль, мог демонстрировать примеры удивительного пророческого предвидения.

Задолго до того, как произошло то, что он предвидел, Ривароль написал: «Забавно было бы увидеть однажды, как философы и отступники последуют за Бонапартом на мессу, скрежеща зубами, и как республиканцы будут гнуть перед ним спину (...). Забавно было бы, если бы он создал однажды ленты (орденские) и награждал бы ими королей; если бы он делал людей принцами и породнился бы с какой-нибудь древней династией... Несчастье на его голову, если он не всегда победитель!»

И еще он добавил во время другого своего пророческого озарения: «Какой Бурбон не понадобится после нашей ужасной революции? Поскольку закон ность рано или поздно вернет королей и убьет Бонапарта».

В своей манере, Ривароль (он умер в 1801 году) смог предвидеть только еще грядущие злоключения Наполеона Бонапарта, установление монархии, по правде говоря, в большей степени императорской, чем королевской, и в итоге реставрацию кого-либо вроде Людовика XVIII. Несмотря на то, что монархия Бурбонов, едва появившись вновь, продержалась очень недолгий срок, самое меньшее, что мы можем сделать, это отдать должное дару предвидения у этого сына хозяина постоянного двора в Ниме, ставшего затем семинаристом в Авиньоне, ожидая лучшей, или худшей, доли.

*

Олицетворением побед левых сил была такая привлекательная и сильная личность, как Леон Гамбетта, «Южанин» в самом лучшем смысле этого слова. Он родился в

^{*} Discours sur l'univirsalite de la lanque francaise, 1784.

1838 году в семье бакалейщика из Кагора, итальянского происхождения, и в детстве Леон говорил на диалекте «ок», прежде чем «приняться» за французский; в его горячем красноречии сохранились следы его первого диалектного образования. Сначала он учился у святых отцов Пресвятого Сердца в Кагоре, а затем в маленькой региональной семинарии (но без духовного посвящения), и в возрасте 10 лет Леон страстно увлекся историей, переводами с латинского языка, публичными выступлениями. Затем он учился в лицее в Керси, потом изучал право в Париже и в 1861 году стал адвокатом, а в 1868 году – республиканским депутатом. И вот в день 4 сентября 1870 года, в день трудного основания того режима, который все еще правит нами, он стал министром внутренних дел, в 32 года. Он был, вместе с другими политическими деятелями, «создателем» III Республики и, должно быть, занимает в сознании французов такое же почетное место, какое американцы выделяют для Вашингтона и Джефферсона, чьи фигуры вырезаны на горах Рашмор. С Гамбетта человеческая несправедливость и преждевременная смерть (1882) распорядились иначе⁵³.

*

Юг времен революций, скажем так, между Тюрго и Гамбетта (сквозь великие потрясения 1789–1815 годов, мелкие волнения XIX века – 1830, 1848 годы, и южные Коммуны 1871 года в Нарбонне и в других местах), представляется в розовом и черном цвете. С одной стороны, древняя, высокоразвитая культура – то, что видится в розовом свете. Благодаря раннему принятию римского права современные концепции собственности, называемой «квиритарной», процветали там со времен Средневековья и до XVIII века; этот тип собственности был полным и нефеодалным, по сравнению с традиционными способами владения, которыми пользовались собственники в Северной Франции; они очень долго, вплоть до 1789 года, в отличие от южан, находились в зависимости от пережитков сеньориальных прав. С другой стороны, и это уже видится в черном цвете, что касается экономических перемен и, в более общем смысле, «количественных» изменений, обширные области «ок», казалось, были погружены как будто в сон, несмотря на прекрасные достижения

местного масштаба, которым они были обязаны портовым городам, таким как Бордо, Марсель и др.. Если выбрать такие критерии, как уровень грамотности, телосложение людей как знак хорошего уровня жизни, индустриализацию, производительность сельского хозяйства, можно констатировать, что Юг (во времена первых работ в системе государственного учета, которые осуществлялись в 1820–1840 годах такими людьми, как д'Анжевиль, Дюпен и др.) казался «стоячим болотом», если говорить об экономическом развитии. Естественно, мы должны внести нюансы в эту пессимистическую картину. На самом деле, «пелены» отставания в развитии еще закрывают обширные южные регионы, в частности, в Центральном массиве. Но нити, ниточки⁵⁴ переплетения заметно растущие, вырисовываются в долине Гаронны, в Борделе, Тулузене; затем они идут через порог в Норуз вплоть до средиземноморского Лангедока, такого процветающего, и по провансальским берегам; затем они поднимаются, с равнин в горы, в долину Роны, до Арля и Авиньона, до Лиона и Сент-Этьена, выходя уже за пределы собственно Окситании. Именно с этих областей, к тому же, долгое время остававшихся очень хрупкими, но уже занимавшими привилегированное положение, в XX веке начнется блестящее восстановление роста областей «ок». На заре 1990-х годов, когда солнце и голубое небо играют более значительную роль, нежели уголь из земли и суглинков с плато, в определении основ превосходства региона, французский Юг имеет тенденцию к тому, чтобы функционировать как «*sunbelt*», или «солнечный пояс»; он привлекает массу иммигрантов самого разного возраста. Наибольшее их число (как работоспособных, так и пенсионеров) едут из северных районов, но также из средиземноморских стран, как христианских, так и мусульманских. Географические оценки отставания и развития имеют, таким образом, тенденцию становиться противоположными. И в наше время уже не в Лилле или Нанси, а в Тулузе или Монпелье находятся самые активные зоны развития в национальном масштабе.

Это благоприятное движение вперед пошло на пользу данным регионам, но в ущерб их этническому своеобразию. Защитники самобытности и неповторимости областей «ок» справедливо забили тревогу по этому поводу.

Некоторые стали рассматривать это как угрозу, как когда-то французскую централизацию, и эта новая судьба Юга вызвала в качестве ответной реакции требования, носящие характер меньшинства, периферийный, даже национальный характер. Но это вопрос достаточно старый: уже почти целое столетие на разных, вполне определенных территориях давал о себе знать «провансальский» или «окситанский» выбор, одновременно скромный и живучий, в виде небольших группок и стойкий. На восточном берегу Роны фелибриж Мистраля крутился вокруг «троицы» Мистраль – Обанель – Руманий и был монархистским и правым, он существовал с середины XIX века и до Второй мировой войны. И напротив, окситанизм, на западном берегу реки, считал себя левым и был связан, среди других, с каталонскими соседями в период 1945–1950. Рене Нелли, Робер Лафон, Ив Рукетт и многие другие в свое время оживляли собой это движение. Значительные разногласия долгое время разделяли Прованс и Лангедок, левый и правый берега в долине Роны, сторонников Фредерика Мистраля и Луи Алибера. На самом деле, фелибры на востоке и окситанцы на западе, и те, и другие пишут или писали на языке «ок», придерживаясь двух разных орфографических традициях. Это была битва между «а» и «о» на конце слов. Из-за нее пролилось больше чернил, чем крови.

*

Если говорить о кровопролитии или о том, что оно символизирует, то факт, что во время Второй мировой войны в регионах «ок» не наблюдалось «этнических» заносов в сторону оси Берлин-Рим, таких заносов, которые можно было констатировать во Фландрии, Бретани, а также, что неизбежно, в Эльзасе. Конечно, режим Виши восстановил, или скорее утвердил немного, преподавание провансальского языка в общеобразовательных учреждениях (эту инициативу подхватил и закон Дейксонна в 1951 году, от имени одного социалиста-руководителя, который явился его автором), но на территории между Клермон-Ферраном, По, Марселем и Монпелье не наблюдалось систематического и значимого отхода от француз-

* Движение за возрождение провансальской литературы.

ской общности в сторону нацистской Германии, или фашистской Италии, или франкистской Испании. Есть все-таки одно исключение, но его легко понять, если и не простить, принимая в расчет ...очень необычные обстоятельства того времени. Речь идет о районе Ниццы, который, бесспорно, входил в окситанскую (или провансальскую) область, поскольку диалект Ниццы – это одна из разновидностей южноокситанского или среднеокситанского наречия, которое включает в себя лангедокский, и, на самом деле, провансальский язык⁵⁵. Именно в Ницце в январе 1941 года были созданы по инициативе Энцо Гарибальди, внука великого агитатора с полуострова Гарибальди, «*Gruppi di azione nizzarda*». Падение фашизма летом 1943 года быстро положило конец этому предпрятию, у которого, в любом случае, не было ничего общего со стремлением к диалектному или лингвистическому воскресению в местном или региональном масштабе⁵⁶.

Совсем в другом контексте, бесконечно более приятном, само собой разумеется, я упоминал недавно о такой сильной личности, как Робер Лафон: родом из Нима, южанин, родился в 1923 году; это сложная и, конечно, многогранная личность – писатель, романист, поэт, но при этом в нем присутствует дуализм *homo doctus* и *homo politicus*^{*}, страстно увлеченного историей литературы и общественной борьбой. «Упрямый, как красный осел» (выражение принадлежит Иву Рукетт), он в 1945 году, когда ему было 22 года, стал выпускать ежемесячное издание под названием «*L'Ase negre*» («Черный осел»), которое претендовало на выражение идей левого окситанизма: таким образом, отметив свою собственную территорию, красные лангедокцы (позднее, розовые) отменили фелибров с другого берега Роны, которые, по их мнению, были слишком «белыми», реакционерами и ретроgrадами, если верить тем, кто их обвинял на западном берегу Роны. «Возьми фелибриж и сверни ему шею». В самый разгар процветания Тридцати славных лет, в начале шестидесятых годов, шахтерский кризис в Деказвилле символизировал особенный, специфический и даже точечный упадок некоторых отраслей промышленности на Юге, унаследованных от Людовика

* Наставник (лат.).

** Политик (лат.).

XVIII или, как говорил Альфонс Дюпрон, наследие посткольбертизма. Это вдохновило Лафона и некоторых его товарищей на социальную и даже политическую борьбу, то есть за социалистические идеалы. В плане литературы Лафон упорно желал «сокрушить все возможности, которыми наделяли южную прозу, от Мистралья до Жионо, не минуя Доде». (Не будем даже говорить о Шарле Морра, который был фелибром в молодости). Но быть таким «сокрушителем», не значило ли это нападать на более сильного противника, настолько могущественными были эти трое великих писателей. Люди читают Доде, Жионо, Мистралья... Будут ли еще читать Лафона через пятьдесят лет? Наш герой резонно ответит, что это не его проблема, и будет прав, Рукетт считает Лафона одержимым, на личностном уровне, такими призраками, как Народ, Секс и Разум, или же, в плане духовности, – Спасение, Грех, Смерть, что приближало бы нашего автора к некоторому базовому христианству («левому»?), врожденному в областях «ок»: барочно-папистскому или кальвинистско-севеннскому, в зависимости от случая. К этому добавляется «инвективная квадрига» – это когда писатель пытается, как это делали до него многие другие, выступить против войны, несправедливости, эксплуатации и всякого рода проявлений трусости. Обширная программа, как сказал бы генерал де Голль! Как если бы трусость не была, время от времени, началом мудрости. Посмотрите на наше время... В ответ на заданный до того вопрос об увековечении произведений хочу сказать, что две главные книги должны пережить борьбу, длившуюся несколько десятилетий, которую вел этот Сизиф из окрестностей Нима, который сейчас на пенсии в Тоскане: я имею в виду его магистральную «Историю окситанской литературы», написанную в соавторстве с Кристианом Анатолем, и в еще большей степени – его «Историю Окситании», какой бы тенденциозной она иногда не выглядела бы. Она является результатом сотрудничества литератора, то есть самого Робера Лафона, и настоящего историка Аквитании, очень мало известного в наши дни, Андре Арманго.

*

Поддерживаемые «Calendretas», школами начального обучения окситанскому языку, регионалистские требова-

ния Юга, или, если предпочитаете, областей «ок», не только обрушились очертя голову на централизаторские традиции. Против них с фланга поднялась волна патриотизма и профранцузских настроений, которые у избирателей в Лангедоке и Провансе были вызваны потоком иммигрантов из Алжира: черноногих и мусульман было много на средиземноморском побережье. Они не проявляли друг к другу большой нежности. Их взаимные нападки внесли свой вклад в успех, которым пользовался в тех местах Национальный фронт, столь дорогой для недавних французских алжирцев или для некоторых из них, которых окситанизм, вежливо говоря, по меньшей мере поначалу, заботил крайне мало.

Даже самые старые территории Красного Юга находились под влиянием НФ. В 1984 году каждый пятый избиратель (немного больше, немного меньше) в Альп-Маритим и Буш-дю-Рон голосовал за НФ. В городах картина была аналогичной, даже иногда за НФ отдавали больше голосов в Монпелье, Марселе, Тулузе и Ницце... С тех пор были взлеты и падения, но Юго-восток и особенно вышеупомянутый регион ПАЛБ⁵⁷ остался избирательным участком для некоторых представителей крайне правых сил, которые, к тому же, в настоящее время – о, парадокс – охотно причисляют себя, в частности, в Мариньяне, к провансалистскому наследию. Но сторонники Лафона (в отличие, во зможно, от последователей Мистралья) видели, вероятно, это продвижение не очень ясно. Экс-ан-Прованс и Безье также довольно рано были затронуты влиянием НФ. В Марселе в этот период блок «Марсель Секюрите», близкий к «лепенистам», получил уже 5,9% голосов. Партия Жана-Мари Ле Пена укрепила свои позиции в динамичной городской среде окситанской области; в этом ее различие со старым пужадизмом, который был связан с территориями с немного замедлившимся развитием, какими бы достойными уважения они ни были, такими как Керси, Авейрон и Севенн. Кто говорил о «лепенизме» десять или пятнадцать лет назад, охотно упоминал Прованс – Альпы – Лазурный Берег, Ланге-

* Старый пужадизм – националистическое, шовинистическое, антипарламентское движение Пьера Пужада (сер. 50-х гг. XX в.), организатора «Союза защиты торговцев и ремесленников» (*прим. ред.*).

док – Руссильон и, во вторую очередь, Аквитанию. Помимо «черноногих», «зараза» достигла многочисленных «родных французов», как говорят в смешном лексиконе нашего времени. Опираясь на великолепное исследование Паскаля Перрино⁵⁸, скажем, что на муниципальных выборах 1980 года Национальный фронт представлял списки «наедине» в Ницце и в Монпелье; его кандидаты были представлены в других местах, на «Юге», в списках «традиционных правых сил», в частности, в Грассе, Антибе, Тулоне... В 1999 году во всех департаментах «ок», которые находятся на побережье Средиземного моря, имеется или имелся максимум голосов за Ле Пена или Мегре: так было в Альп-Маритиме, Варе, Буш-дю-Роне (и Воклюзе, который не на море), а еще Гаре, Эро, Оде⁵⁹...

*

А как же правые силы на Юге? Естественно, не стоит о них судить по посредственным результатам, которые отмечаются вот уже примерно двадцать лет на национальном уровне у тех, кого называют умеренными правыми и даже правыми республиканцами (как если бы еще оставалось некоторое количество роялистов в нашей стране!). По их поводу хорошим тоном в среде людей, которые любят «стрелять по машинам скорой помощи», *тем более* по катафалкам, считается говорить, что «во Франции среди правых за последние двадцать пять лет в искусстве управлять страной были одни ничтожества». И добавлять, что то же самое происходит, и когда лидеры этих самых правых сил находятся в оппозиции. Такие серьезно пессимистические суждения, очевидно, сильно преувеличенны, даже когда они основываются на бесспорной истине. Но на самом деле, что убило эти умеренно правые силы (до их последующего воскрешения, которое каждый надеется считать близким...), так это в наименьшей степени отсутствие таланта у правых лидеров, которые часто представляют собой примечательные личности, чем их неспособность объединить, консолидировать наши «галльские племена» – это почти дьявольское искусство, в котором, напротив, среди левых Франсуа Миттеран был признан мастером. В любом случае, эти пренебрежительные суждения не соответствуют действительности в региональном масштабе, в том, что касается правых сил (умеренных) в

областях «ок». Помимо все еще находящихся под их контролем бастионов в южных зонах Центрального массива, которые остаются верными и иногда традиционалистскими в лучшем смысле этого слова, им также удалось одержать несколько побед в равнинных областях, как в Лангедоке, так и в Провансе: в Марселе Жан-Клод Годен, христианский демократ и бывший преподаватель, после многолетнего поединка с Гастоном Дефферром смог одержать трудную победу в мэрии «фокийского города». К западу оттуда, в Монпелье, напротив, Франсуа Дельма, «модерантисту», пришлось уступить свое место социалисту Жоржу Фрешу, а в Тулузе династия, если не правая, то, по меньшей мере, центристская и очень просвещенная, отец и сын Боди, в течение нескольких десятилетий отдавала весь свой блеск «розовому городу».

*

Рассказ о правых умеренных силах на Юге, представляющих собой меньшинство, непреодолимо приведет нас к «Красному Югу», который столь долгое время был «доминирующим и уверенным в себе» в этих же областях, если нам будет позволено употребить здесь выражение достаточно дурного вкуса, которое генерал де Голль состряпал совсем по другому поводу...

*

На самом деле, существовал или существует Красный Юг, уже встречавшийся в XIX веке, Красный полумесяц южной Франции, «заповедная зона исторических левых сил». Историки, начиная с Генри Лернера⁶⁰, не затрудняют себя объяснениями по этому поводу. Они предлагают список факторов, неполный и беспорядочный: превосходство мелкой крестьянской собственности (мелкие собственники против крупных), влияние светского образования, враждебность, более или менее активная, по отношению к католицизму, падение рождаемости, часто раннее, несмотря на Церковь, конечно, старые «еретические» традиции (альбигойцы, протестанты), древние общинные, городские структуры (Ним и др.) на базе гражданского республиканизма на итальянский манер, эгалитаризм, виноделие на мелких участках, оказывающее демократизирующее воздействие (Безье, Нарбонн-ла-Руж...), антимилитаризм, если не паци-

физм. Что я еще знаю... Левые силы, разделенные на куски, но никогда на крошки, постепенно воплощались в разные формы: республиканцы, чью инициативу подхватили радикалы, затем социалисты, и наконец, коммунисты, даже троцкисты... Большинство этих групп были достаточно одаренными, чтобы однажды объединиться под эгидой Франсуа Миттерана, что и происходило с 1970 года. Их лидеры обладали неоспоримыми способностями, и их забрасывали с баз Иль-де-Франса вплоть до областей на крайнем Юге. (Мы вспомнили о Леоне Блюме, депутате от Ода в период между двумя мировыми войнами, которому удалось объединить икру с кассуле, парижскую светскость и красное вино, аристократию, вынимающую пробки, и демократию, делающую бочки). Грузовики-цистерны винодельческого синистризма, наполненные до краев, несущие чаяния и голоса мелкого люда, таким образом смогли подниматься до столицы и определять «наверху» успех большинства социального прогресса или, по меньшей мере, тех решений, которые по этому поводу считались наиболее прогрессивными. У левых сил на Юге были свои взлеты и падения, свои вершины (комбизм, Картель левых сил, Народный фронт после Освобождения, «его величество» миттерантизм). А затем свои тальвеги, бесконечно разные, конечно, одни по сравнению с другими: Национальный блок, Виши, голлизм 1958–1969 годов, если не эфемерный (?) ширакизм. Левые силы на Юге преодолели свои слабости; они смогли управлять своим разделением и делаться совсем маленькими при «переходах через пустыню». При Виши, например, «Депеш де Тулуз», для которой это время, как и для многих людей, было годами «тощих коров», итак «Депеш» смогла возвести свое искусство компромисса на метафизический уровень (Генри Лернер). Что не мешало этой иллюстрированной газете широко вернуть себе размах вместе с замечательным Жаном Байле «глашаемым Юго-запада», ставшим одним из тайных властителей IV Республики, который сам был верен демократическим, светским.. и в итоге консервативным концепциям бывшей радикальной партии, все еще солидно обосновавшейся в Аквитании. Что касается других периодов «тучных коров»,

* Негативное и пессимистическое отношение к ситуации в стране (*прим. пер.*).

например, после 1981 года, то пример такого департамента, как Арьеж, конечно, в демографическом смысле стареющего, но полностью взятого в руки социал истической партией сверху донизу, от Канигу до арьежской равнины, за исключением, все же, нескольких небольших городков, в этом отношении остается красноречивым. И можно сказать то же самое или почти то же самое о современном департаменте Од.

Нужно ли упоминать в связи с этим о масонском влиянии? Оно существовало, вне всякого сомнения, но оно не обязательно сыграло определяющую роль: среди примерно тридцати левых политиков⁶¹, перечисленных господином Лернером в замечательном тексте, который мы уже цитировали, говоря об эпохе III и IV Республик, можно найти всего лишь примерно шесть или семь человек, которых можно определить как масонов, следуя определению, данному *ad hoc* в большом словаре Даниэля Лигу⁶²; самым знаменитым из этих масонов был, как и следует, Эмиль Комб. Эта энциклопедия «Братьев», несмотря на свой объем, не имела претензии на то, чтобы быть исчерпывающей, но, как мне кажется, она достаточно хорошо отметила вехи тенденций. Масонство, конечно, было одним из «двигателей» южных левых сил, но несколько не единственным.

*

У Красного Юга были свои достоинства (в частности, во время Соппротивления, когда его лучшие представители объединились с правыми, не замешанными в коллаборационизме). Тем более бесспорны эти заслуги, что цвета со временем потускнели, красный превратился в розовый, более или менее яркий в зависимости от места, группы, людей. Проблематичен один «очень красный» эпизод, к которому имеет отношение лишь небольшая фракция левых борцов Соппротивления, самая экстремистская для того времени. Речь идет не о чистке вообще, а о конкретных случаях – расстрелах без суда⁶³ в 1944–1945 годы. Будем придерживаться тех цифр, которые дает в наши дни Институт истории; возможно, они занижены, поскольку неизбежно неполные. Но в любом случае они

⁶¹ По этому поводу (лат.).

неопровержимы в том, что отражают подлинную картину. В двадцати девяти южных департаментах (области «ок» плюс Руссильон⁶⁴), для которых приводятся эти данные, насчитывалось 3 347 случаев казни без суда на 8 042 случаев в восьмидесяти четырех исследованных департаментах. Итак, можно утверждать, что на 34,5% департаментов (Юг областей «ок» плюс Руссильон) пришлось 41,5% расстрелов. Но эта «вилка», если можно так выразиться, сужается, если мы рассмотрим пятнадцать департаментов (опять же южных, все в тех же границах⁶⁵) – в каждом из них имели место свыше ста случаев расстрелов без суда. Таким образом, мы пришли к тому (опять же по отношению к общему количеству – восьмидесяти четырем департаментам, где было совершено 8 042 казни), что в данных пятнадцати департаментах произошло 2 669 расстрелов. Другими словами, в 17,85% департаментов, самых «мотивированных», имели место 33,19% расстрелов. Это и есть тот самый проблематичный эпизод. В данном случае Красный Юг еще краснее, чем можно было подумать. Плотность населения в этих пятнадцати южных департаментах, о которых здесь говорится, не была в среднем выше, чем в других департаментах, где было совершено меньше расстрелов, будь то на Севере или на Юге. И однако в среднем в каждом из этих департаментов из пятнадцати насчитывалось 177,9 расстрела, и это притом что из шестидесяти девяти «более умеренных» департаментов отмечалось в среднем всего 77,9 случая казней, то есть 43,8% от предыдущей средней цифры (южной «экстремистской»). Разница не гигантская. Но тем не менее она значимая.

Среди причин этого «переизбытка» расстрелов *в некоторых частях Юга* (не везде на Юге) стоит, конечно, отметить вполне понятное желание отомстить за зверства, которые совершали немцы или их присмешники. Упомянем также «атмосферу» гражданской войны, с ее прискорбными сопутствующими явлениями, в разных частях страны. «Атмосфера, атмосфера...», – говорил когда-то ювелир Арлетти. Факт заключается в том, что большое количество этих расстрелов без суда имело место до Освобождения, то есть действительно в атмосфере гражданской войны. Но этого «оправдания» недостаточно. Стоит ли также, как это было в Савойе, тот или иной

взрыв насилия⁶⁶, расценивать как желание коммунистов и сочувствующих им, а также «экстремистских» элементов смутить часть местной элиты, даже средний класс и народные массы, в данном случае не только петенистов, но и просто придерживавшихся правых позиций, которые могли бы создать препятствие на пути к власти для КПФ в региональном, если не национальном масштабе? Красный Юг в этом деле не всегда являл примеры человеческой нежности. Сейчас все было бы по-другому. Другие времена, другие нравы! Из ряда вон выходящие обстоятельства, в которые был погружен Юг, объясняли такие поступки, но от этого они не становились более законными. Тот факт, что вся южная часть сама по себе освободилась в 1944 году, также внес свой вклад в неразбериху, иногда кровопролитную. Когда говорят о самоосвобождении, стоит, кстати, внести некоторые уточнения и упомянуть о том, что когда немецкие войска покидали эти территории, это позволило утвердиться там новым французским властям, иногда мало *регулируемым*, и не обязательно при этом присутствовали *регулярные* войска союзников или французской армии, чтобы навести элементарный общественный порядок. Добавим, конечно, в качестве оправдания, что в других департаментах, не имевших отношения ни к Югу, ни к Окситании, не входивших в число тех пятнадцати департаментов «ок», наиболее пострадавших, в них также совершались многочисленные расстрелы без суда: я имею в виду, например, Об и Финистер.

*

Рассматривая в исторической ретроспективе области «ок», такие контрастные, такие неоднородные, убеждаешься, что они хранят наследие прошлого и воспринимают новшества. Юг действительно сохранил надолго или же поздно воспринял те структуры, которые Север как политический и стратегический очаг национальной власти либо оставил в прошлом, либо перерос. Среди этих «базовых данных», чудесным образом сохранившихся и на более долгий срок, чем в других областях, в окситанской зоне, приведем, ссылаясь на то, что уже было изложено в этой книге, упорную живучесть неуступчивого гугенотского меньшинства; барочную и впечатляющую набожность

братств кающихся; этому не было аналогов по другую сторону Луары, и на местах это представляло собой материализованные славные реликты Контрреформации, установившейся в Марселе и других местах в посттридентском или латинском духе. Упомянем еще о неискоренимой привязанности южан к местным политическим институтам, муниципальным и прочим, основанным на принципах представительства и децентрализма, и о их неприятии, как это показали многочисленные мятежи в XVII веке, вмешательства парижских властей в налоговую политику. Стоит также отметить ностальгические и горячие требования возвращения к католическому и монархическому прошлому, которые конкретизировались в Белый террор 1815 года; позднее установление революционных и красных тенденций, таких заметных после 1851 года, которые утвердились в таком виде в этих областях многими годами позднее, чем в северных городах; сохранение на всей территории южных провинций некоторого отставания в экономическом развитии; и, конечно, долгое время поддерживавшееся блестящее сохранение языков и диалектов «ок». Это своего рода музей, в лучшем смысле этого слова, музей живой человеческой истории, а не окаменелых останков. Итак, наследие прошлого и новшества. Республиканские и социалистические идеи более чем на протяжении целого столетия развивались в одном из своих основных направлений вокруг таких личностей, как Гамбетта и Жан Жорес; творчество Мистрала вдохновило различные течения периферийного регионализма; во французском *sunbelt*^{*} возникал и существует поныне разнообразный образ жизни, характерный для постиндустриальной эпохи или связанный с высоконаучным индустриальным развитием.

В конце концов, мораль этой истории об областях «ок» или скорее о сосуществовании «ойл»-«ок» в том, что называется сосуществованием. Согласно с этим, в эпоху тандема «Матиньон–Елисейский» дворец одна половина Франции правит с благословения другой половины (посмотрите на самые последние социологические опросы, благоприятно высказывающиеся об этом соотношении; они достаточно красноречиво свидетельствуют об этом). По аналогии можно сказать, что долгое время области

* Солнечный пояс (англ.).

«ойл» (то есть примерно, как минимум, сорок департаментов) управляли областями «ок» (около тридцати департаментов), и второй партнер не очень возражал против такого сосуществования старого типа, в которое он тоже активно вносил свой вклад и из которого извлекал самые разнообразные выгоды. Признаем, конечно, что эти выгоды не всегда полностью компенсировали недостатки: централизацию, чрезмерную, излишнюю, в частности, идущую из Парижа, ради выгоды областей «ойл» и др. Нынешнее превосходство левых сил плюс ко всему дает некоторые преимущества областям «ок», поскольку традиционные бастионы «синистризма» во Франции находятся, до некоторой степени, больше на Юге, нежели на Севере. Достоинство Юга в том, что там перевес на стороне левых сил, не столь значительный как на Севере, но, тем не менее, он есть, он традиционный, и, вероятно, просуществует длительное время.

*

В 2000 году Окситания представляет собой такую картину: около тридцати департаментов, 13 миллионов жителей⁶⁷ (среди которых много пенсионеров, приехавших с Севера). С другой стороны, согласно цифрам, достоверность к оторых всегда можно гарантировать, и которые точно представляют собой, во многих случаях, «потолок» скорее, чем среднее количество или нижнюю отметку, «от 2,5 до 3 миллионов человек говорят (?) на различных разновидностях окситанского языка, от 5 до 6 миллионов человек его более или менее понимают (?)». Окситания также основывается на городах, таких как По, Монпелье, Бордо, Орийяк, Лимож, Клермон-Ферран, Валанс, Авиньон, Марсель, Ницца, и его особенность – в диалектном разнообразии, и эти диалекты делят язык, как призма, изучающая лучи света: итак, существует североокситанский диалект, который включает в себя лимузенский (иногда дорогой трубадурам) и овернский; затем провансальско-альпийский, сразу к югу от франко-провансальской зоны, скажем, *в общем*, непосредственно к югу и западу от Валанса. И еще есть южноокситанский или среднеокситанский диалект, который по существу или в противоречии между собой включает в себя лангедокский и провансальский диалекты (прибрежные), к этому добавляется «нисар» (диалект жителей

Ниццы) на крайнем юго-востоке. И наконец, на западе, отличающиеся особой оригинальностью гасконский и беарнский диалекты⁶⁸.

Реальная и чисто лингвистическая обстановка связанная с окситанофонией или, скорее, окситанофониями, многочисленными, поскольку язык разделен на региональные диалекты, в 1991 году изменилась в худшую сторону: тогда, в начале последнего десятилетия XX века, даже в XXI веке в «Лангедоке-Руссильоне» хорошо понимают язык «ок» всего 11% опрошенных, от 4 до 5% опрошенных могут поддержать хотя бы короткую беседу, «и менее 2% часто употребляют свои языковые знания в этой области». Здесь можно только сожалеть о путанице, которую допустили при опросе, между окситанским и каталонским языками, между Лангедоком и Руссильоном, но тенденция кажется все же достаточно ясной⁶⁹.

Обилие провинций, очень часто престижных (Прованс, Овернь...), из которых состоит область «ок», создает некоторые сложности в сфере политики и самоопределения. Поэтому ей трудно найти общий способ выражения... или скорее некую общность, в некотором роде выражающую интересы всего многообразия провинций. Однако, существуют партии или политические объединения, основанные на окситанизме, но мы не оскорбим их, если скажем, что их вес достаточно невелик, в любом случае, они гораздо менее значимы, чем исключительно культурные движения и организации, которые развились все на той же земле «ок», хотя и, так сказать, побочным образом.

Итак, до сих пор функционирует прямо с шестьдесят восьмого года ОРК (Окситанский Революционный Комитет), далекая ипостась левых тенденций 1960–1970 годов, сконцентрированная на воспоминаниях о «*Gardarem lou Larzac*». И еще есть одна «окситанская партия», главой которой является один из сельских мэров в районе Пюи-ан-Веле; он хочет быть федералистом в сообществе с басками, савойцами и др. и с малыми или не очень малыми народами Европы вообще. И наконец, НОП (Национальная Окситанская партия), основанная в Ницце в 1959 году, до сих пор представлена в Интернете и поддерживает «независимость Окситании». Гораздо более значимым, но менее причастным к политике в строгом

смысле слова является Институт окситанских исследований, представленный своими подразделениями в разнообразных департаментах областей «ок». В Безье окситанская библиотека, основанная когда-то при очень активном участии Ива Рукетт, находится под патронажем того, что когда-то было МЦОД (CJDO) (Международный центр окситанской документации), а сейчас стало называться CIRDOC. Она представляет собой незаменимый источник для исследований, хотя и несколько спорный, что в наши дни признают даже некоторые из ее основателей. Только в экономическом районе Юг-Пиренеи свыше 300 предприятий включили в свое название слово «окситанский». В 1970-е годы, как это хорошо подметила Ирина де Чирикофф, окситанизм больше не уравнивался с антиевропейскими тенденциями, когда борцы этого движения были так враждебно настроены против вступления Испании и Португалии в европейское сообщество из-за возможности опасной конкуренции в овощеводстве и особенно в виноделии. Однако в наше время окситанисты стали в высшей степени европейцами. Итак, виноделы Лангедока стали массово покидать тот окситанский корабль-цистерну, на который некоторые из них, в том числе замечательный и приятный во всех отношениях Маффр-Боже, взошли несколько лет назад, в благоприятное для Ларзака время. Все те же виноделы продолжают, без всяких окситанских коннотаций, отныне отстаивать свои собственные интересы, выступая, например, против импорта вин испанского производства, как это было в августе 2000 года. Водителям грузовиков, на которых доставляются вина испанских производителей, приходится иногда несладко, когда они, только что преодолев Пиренеи, оказываются на дорогах французского Юга, и их то там, то здесь берут в оборот местные виноделы... Перспективы областей «ок» отнюдь не кажутся плохими: их департаменты практически все, на самом деле, фигурируют среди традиционно южных зон, где смертность среди рабочих и служащих лишь немного превышает смертность среди занимающих высшие должности и представителей свободных профессий (в отличие, например, от Бретани и Арморики вообще, а также Севера-Па-де-Кале, где различия, не в пользу менее благополучных групп, гораздо более ощутимы⁷⁰). Итак, на

Юге более демократические структуры, в наиболее социальном смысле этого прилагательного. И еще, если оставить в стороне Канталь, Крёз и Коррез, то во всех департаментах «ок», можно сказать, численность населения будет расти, стабилизироваться или оставаться на том же уровне (как в случае с Авейроном) на протяжении 2000–2020 годов⁷¹. Но будет ли это выросшее население через двадцать лет сохранять связи, достойные такого названия, с культурой «ок»? Ответ на этот вопрос, мне кажется, должен быть положительным, но исследователи, слушатели, деятели культуры, борцы всякого рода, с любой стороны, лингвисты, регионалисты, автономисты – все они действительно вправе задавать такой вопрос.

Заключение

Сейчас мы подошли к некоторым выводам по поводу рассмотренных периферийных областей:

1. Присоединение разных регионов носило, если так можно сказать, *двоjakий* характер; говоря *в общем*, начиная с XIII века регионы «ок» соединялись с регионами «ойл»; в любом случае, этот процесс в широком смысле слова был непредвиденным последствием Крестового похода против альбигойцев. В случае с *окситанскими* зонами вообще, включая все провинции (Лангедок, Прованс, Овернь и др. в период с XIII по XVIII века), речь идет об основном лингвистически периферийном регионе; о самой большой части, в некотором роде, французского синтеза за пределами собственно зоны «ойл» (несколько доминирующей). Напротив, интеграция незначительных, мелких меньшинств в национальную общность¹, которые я упоминал в предыдущих главах, осуществлялась между двумя основными датами: этот процесс мог начаться с 1453 года, первого этапа офранцуживания, еще очень неполного, областей басков, и завершиться в 1766–1769 годы, когда были присоединены Лотарингия и Корсика. В промежутке между ними можно отметить присоединение или «возвращение», в зависимости от ситуации, Бретани в XVI веке, Эльзаса, Фландрии и Руссильона – в XVII веке. И наконец, в 1860 году имело место присоединение Савойи.

2. Размещение Франции в этих различных регионах происходило, здесь имеет место эвфемизм, часто в довольно грубой манере; так было, например, в Эльзасе, Бретани, Руссильоне, на Корсике и в некоторых регионах Юга, особенно в Лангедоке, но не в Провансе, и, конечно, не в Оверни. Французские войска далеко не всегда проявляли жестокость по отношению к местным жителям, достаточно было послать армию в тот регион, который жела-

ли присоединить. Но стоило только армии там появиться и расположиться, как неизбежно начинались проявления насилия в отношении местного населения. Отметим, тем не менее, что такое происходило не всегда; так, страна басков, которая *в общих чертах* была присоединена между 1450 и 1620 годами, не столкнулась с подобными явлениями насилия. Не в этом ли одна из причин относительно мирных в прошлом отношений между французами и басками на севере Пиренеев, в отличие от того, что происходит на испанской стороне между, скажем так, басками и кастильцами? Добавим по этому поводу, что династия Альбре-Наваррская (правящая в тех местах) была выброшена из Испании в XVI веке, и ее вхождение в высшую аристократию и в число французских принцев Старого режима облегчило положение во франко-баскских отношениях.

3. Несмотря на уже упомянутые случаи насилия, несколько не повсеместные, повторим еще раз, подданные или местные жители (возможно, поначалу их притесняли) той или иной периферийной зоны в конце концов смирялись с присоединением, даже принимали или одобряли его либо пассивно, либо активно. Стоит ли всегда, повторяюсь, говорить о смирении, или же о принятии факта? Или о связях, по-настоящему эффективных, установленных по доброй воле, продиктованных чувствами, или настоящей преданностью² по отношению к французской общности? Можно во всех случаях констатировать более или менее существенное сближение между регионом и нацией; сближение, которое предвосхищало будущее мирное присоединение к французской общности. Также, несмотря на то, что это воспоминание для многих французов болезненно, можно было бы упомянуть Эльзас 1910–1913 годов; эта провинция, или часть ее, в итоге согласилась, благодаря дарованной ей внутренней автономии, с идеей ре-германизации. То, что имело ценность для Германии, могло бы, после всего, послужить примером также и для Франции применительно к другим регионам.

4. И, однако, достаточно долго имели место движения сопротивления, и это даже после столетий сосуществования центра и периферии. Действительно, мятежи гораздо чаще встречались в периферийных зонах, нежели среди «центральных» провинций, очень долгое время бывших

французскими или, скажем так, офранцузенными, таких как Иль-де-Франс, Пикардия или Шампань... возможно, потому, что центральное государство было менее сильным в областях, расположенных «по краям». Эти движения сопротивления, проходившие в форме недовольства, не всегда бывали связаны с желанием независимости или автономии. Они скорее принимали классическую форму отказа от уплаты налогов, особенно когда речь шла о подати на соль, очень не любимой в народе; в частности, так было в Бордо в 1548 году, в Бретани около 1675 года, в Стране басков и Руссильоне в XVII веке и т. д. В некоторых случаях мятежи заходили так далеко, что могли определять региональный партикуляризм, я имею ввиду, например, мятеж Монморанси в Лангедоке в течение 1632 года; однако Монморанси, восставший против центральной власти, происходил из знатного северного рода. Я упомяну еще мелкие восстания басков в интересах местной ассамблеи Билцар во времена Людовика XIV.

5. Какими бы ни были эти вторичные явления, мы должны, тем не менее, констатировать, что присоединение в общих чертах выполнило свою «миссию». То же самое замечание будет к тому же верно, без всякого сомнения, по отношению к другим крупным европейским странам, начиная с России и заканчивая Испанией, то есть для Германии, Италии и даже Англии, принимая все же во внимание специфику ирландского вопроса. Однако в этой группе европейских стран достижения Франции являются одними из самых примечательных, парадигматических, как с точки зрения экономии средств, так изысканности методов и длительности результатов. Целая серия исторических обстоятельств привела к тому, что в итоге оказалось успехом. С XIII века, когда был присоединен Лангедок, и до XVIII века, когда началась интеграция Лотарингии и Корсики, преданность королю представляла наиболее общий способ связи. Эта верность, эта связь обеспечивала на основе преданности, наполовину феодальной, отношения между центром и периферией. Помимо этого, такой способ унификации оставлял существовать в отдаленных провинциях некоторое количество структур, в частности, в форме местных языков и региональных собраний трех сословий, на чем сильно настаивал американский историк Рассел Мэйджор. Старый образ монарха как сеньора-заступника

сохранял всю свою силу, даже для тех частей населения, которые были в географическом отношении удалены от Парижа (удалены также от долины Луары), где находились основные очаги централизма. Затем, когда эта династическая преданность начала ослабевать, Французская революция переняла эстафету и дала новую силу интегрирующему централизму с помощью уловки, в частности, гражданства и «добровольного присоединения». Рассмотрите в связи с этим праздник Федерации на Марсовом поле в 1790 году, которым хотели выразить это чувство коллективного согласия.

Поскольку в связи с Французской революцией возник вопрос, я хочу порассуждать о ней «пространно», как предложил Франсуа Фюре, и оценить ее как огромный переворот, который происходил между 1789 и 1880 годами, вплоть до того времени, когда III Республика освятила, наконец, окончательно революционные преобразования, происходившие в недрах нашей нации, вплоть до того времени, когда мы достигли, на определенном этапе нашей истории, необратимых изменений, кажется! XIX век был эпохой, когда периферийные регионы были очень широко подчинены, или, по крайней мере, сплавлены с центром через посредничество префектов с ответным участием в принятии демократических решений; это участие и принятие решений понемногу, скажем так, установились после 1877 или 1880 года. Мужчины и гораздо позднее женщины на периферии получили гражданские права, право голоса, право получать начальное образование, а затем высшее. Светское, бесплатное, обязательное образование стало одним из предметов гордости Республики. Утвердились процессы обмена; у национальных меньшинств частично отобрали их язык или их диалект «в обмен» на гражданство, на принадлежность к французской общности, со всеми вытекающими отсюда благотворными последствиями, которые, как кажется, бесспорны: среди «плюсов» упомянем, опять же повторяясь, участие во власти благодаря праву на голосование и свободе голосования; доступ к просветительской силе образования и к карьере, обеспечивающей продвижение по социальной лестнице; эта карьера, в свою очередь, была обусловлена благодеяниями, которые несло с собой начальное и даже среднее или высшее образование. Компенсировалось ли *одно*, то есть потеря языка, *другим*,

то есть доступом ко многим «национальным» благам? Пусть каждый сам об этом судит! Но одно можно сказать с уверенностью: многие мужчины и женщины из периферийных меньшинств, будь то фламандцы, бретонцы, окситанцы, баски или корсиканцы, согласились на эту жертву с легким сердцем, это надо признать. По меньшей мере, чувство глубокого разрыва, часто почти совсем отсутствует в народном подсознании. Для многих людей все происходило само собой. Правильно это или неправильно? Историк не может выносить свое суждение по этому поводу, его дело понять, даже констатировать. Сами факты должны говорить за себя.

Однако, мы должны отметить, что проявления партикуляризма исчезли не сразу. В некоторых случаях – совсем наоборот. В период между 1850 и 2000 годами периферийные движения возникали, мне кажется, в пяти эпизодах.

1. Вначале, в период, который продлился с 1850 по 1914 год, на Корсике, в Стране басков, в Бретани, во Фландрии, в окситанских зонах выдвигались требования главным образом культурного порядка, мало связанные с политикой. Нужно ли в них видеть, повторяюсь, явление бумеранга в результате приобщения к культуре? Можно с уверенностью говорить о том, что III Республика, распространяя благое деяние и свет образования практически на всех граждан, тем самым способствовала национальной интеграции, но также она оживляла во всей просвещенной части населения желание обрести те самые знаменитые *корни*, которые были неотделимы от местного фольклора, который стали лучше знать, изучать именно благодаря благотворному влиянию того самого образования.

2. Второй период – это период между двумя мировыми войнами, то есть с 1914 по 1939 годы, когда начался рост политического сознания, в Бретани это сопровождалось актами саботажа достаточно безобидными. Это начало политического сознания принимало форму, в частности, образования организаций борцов, которые были одновременно активистами и традиционаместными. Обычно их лидеры вдохновлялись словами, идущими от консервативных правых сил, Церкви или, точнее, некоторой части клира, среди которых фигурировали несколько священников, гораздо реже – кто-либо из епископата. Некоторая ответственность

за это выпадает на долю светского ультрацентрализма, который республиканские партии предлагали порой в абсолютной форме, без каких-либо нюансов; требования реакционных «папистских» элементов могли с этой точки зрения задеть или «обидеть» «добрую волю» (?) левых сил, которые были сами виновны в своих позициях излишней централизации. Своими интригами пронемецкие и даже пронацистские элементы во Фландрии, Эльзасе и Бретани или профашистские элементы на Корсике в итоге смогли эксплуатировать наивность некоторых частей региональной элиты; эта элита в данном случае демонстрировала удивительную простоту по отношению к опасным лидерам, располагавшимся за пределами системы, таким как Адольф Гитлер, и Муссолини. Каудильо или генералиссимус Франко держался в стороне и практически совсем не интересовался захватом Руссильона (в 1940–1941 годы его больше волновало Марокко).

3. Второй мировой конфликт в период с 1933 по 1945 годы изменил существо проблемы. В самом худшем случае бывший регионализм, такой, как мы только что упоминали, вступал в соглашение с оккупантами. Впоследствии, уже в послевоенный период, многочисленные периферийные движения отодвинулись на задний план, и централизм вновь обрел былую силу. Но затем, в 1950–1960-е годы, произошел новый поворот! Регионализм ожил, но на этот раз в среде левых или крайне левых сил на политической карте; за исключением, возможно, Корсики, где положение, с этой точки зрения, гораздо менее понятно. Начиная с 1968 года региональные *борцы* формулируют свои предложения, в которых как будто смешиваются периферийные и ультралевые требования; и с этой смесью, с этими позициями или положениями региональная *элита*, по правде говоря, с некоторым трудом соглашается; в Стране басков стоит считаться с влиянием ЕТА, в Бретани те, кто закладывали бомбы, претендовали на то, что они действовали во имя местной независимости и автономии, часто они сеяли страх, редко – смерть (все-таки один такой случай был). На самом деле, в некоторых крайних случаях те, кто в них участвовали, действовали по собственной инициативе или от имени кучки единомышленников, жестоких или менее жестоких; однако, они чувствовали моральную

поддержку в регионе, и с этим нельзя не считаться. Будь они реформистами или революционерами, им все же трудно в большинстве периферийных регионов преодолеть планку в 5% или 10% на выборах. Обстоит ли дело сейчас таким же образом? В любом случае, организмы «провинциальной» экономической экспансии долгое время не доверяли этим новым зелотам, они крайне редко вели с ними какие-либо общие дела, за исключением одного случая, который имел место при достаточно неясных обстоятельствах на Корсике.

4. С 1981 по 1999 год протесты со стороны регионов вошли, кажется, в стадию относительного умиротворения, если исключить, по правде говоря, отдельный случай с Корсикой. Возможно, когда левые силы пришли к власти, они смогли удовлетворить (распределив «должности») тайные чаяния (которые до того времени не формулировались) части борцов; иногда они были прозаическими и меркантильными, поскольку надо как-то жить; до того, как президентом стал Миттеран эти борцы в отдаленных провинциях посвящали себя региональным проблемам... Или же это произошло потому, что проблема переместилась в другую область? Иммиграция из стран Магриба (которая сильно возросла) породила в первом поколении пролетариат, часто недовольный, а во втором поколении – меньшинство юных французских арабов, чьи требования могут сочетаться с некоторыми проявлениями насилия, в частности, в пригородах. И тут во Франции произошло осознание, не касавшееся никаких политических вопросов; оно выдвинуло вперед экзистенциальное единство, фактическое единообразие, которое соединяет между собой всех исконных французов и даже европейцев, будь они бретонцами, эльзасцами, фламандцами, жителями Руссильона, итальянцами, поляками или португальцами. И наконец, силы интеграции, которые сами по себе явились продуктом общества потребления, капиталистического и продажного, часто отдаляют молодых людей от поисков «корней», которыми они занимались. Мы видим, как утверждаются ценности интернациональной культуры: рок-музыка ослабляет иногда *fest noz*³, все еще очень живой⁴, тем не менее; преподавание английского языка без особых трудностей торжествует над изучением гасконских диалектов. Есть все же одно исключение: островное

положение Корсики отстраняет ее от процессов ассимиляции. Этот остров, кажется, действительно сопротивляется, возможно, именно из-за своего островного положения, процессу интеграции; этот «корсиканский» регион, совсем не такой маленький, как можно подумать, кажется, представляет собой последнее препятствие на пути ассимилирующей силы нации в самом сердце Средиземного моря. До некоторой степени Корсика бросает вызов странам Европейского континента с их тенденциями к унификации и даже смешению культур, этому континенту, пересеченному многочисленными шоссе, унифицированному средствами массовой информации, освобожденному от утомительной обязанности иметь паспорта.

И наконец, французское национальное сознание брало иногда верх над периферийным партикуляризмом, поскольку ему самому угрожала новая *космополитичная культура* со значительными способностями к поглощению других культур, и в этом смешении многих народов наши народы с маленького евразийского мыса в некотором роде «растворяются», безжалостно и беспощадно; эти народы подчиняются процессам разрушения или обновления (?) культуры, перед лицом которых престиж их собственной культуры имеет мало значения. Вот как сейчас англо-американский язык выступает как «сабир», ломаный язык или преобладающее средство общения. Кроме того, волна теле- и аудиопродукции идет к нам с другого берега Атлантики и даже из Гонконга. Упомянем, наконец, об отмене национальных границ, как это было предусмотрено различными документами по унификации Европы. Окажется ли Франция способной в таких условиях принять унификаторские меры в отношении к своему новому населению, в особенности иммигрирующему из Магриба и Сахары, те меры, которые ей так хорошо удавались в прошлом по отношению к бывшим периферийным меньшинствам? Итак, в данном случае мы стоим перед проблемой, которую можно в достаточной степени сравнить с той, которая возникала перед Соединенными Штатами по отношению к их собственным иммигрантским меньшинствам. Франции практически безупречно удалось включить в свой состав региональные периферийные меньшинства, говорившие на германских, провансальских и многих других языках. Вполне можно предположить,

что в будущем ее ждет и второй такой успех, более важный, более ясный, в отношении новых иммигрантов. Самое меньшее, что можно сказать, этот успех нельзя заранее гарантировать.

5. Но история оказывается решительно непредсказуемой! «Что я знаю?»... Изменила ли корсиканская инициатива «Матиньона» в 2000 году еще раз ситуацию? Сыграл ли новый подъем социальных движений, в целом начавшийся с 1995 года, роль катализатора по отношению к территориям проживания меньшинств, а также для приграничных зон? Рождается ли сейчас новый цикл протеста в регионах⁵, не только на острове, где это обычное явление, но также и на французской периферии (континентальной)? Это мы скоро узнаем...

Примечания

Примечание к предисловию

¹ Le Figaro за то число.

Примечания к введению

¹ Зато, мы исключаем из нашего исследования многочисленные культуры языка «ойл», иными словами, франкоговорящие, нормандцев, пикардцев, бургундцев, жителей Шампани и др.

² Об армянском меньшинстве во Франции и в других странах см. Arméniens d'aujourd'hui // Cahiers de l'Orient. 2000. 1 trim.

³ О некоторых типичных аспектах этой ирландской иммиграции «современной» эпохи см. крайне интересную работу: De Broglie G. Mac Mahon. P.: Perrin 2000. P. 15–21.

⁴ ... о которых недавно появилась хорошая книга Жака Соле *Etre femme en 1500*, которая нас «выводит», наконец, с проторенной дорожки и из обычных представлений о женщинах, которых били (нет, их били не всех...)... Можно сослаться также на Susan Pedersen. *The Future of feminist history. Perspectives* // American Historical Assoc. Newsletter. 2000. Vol. 37. № 2. Но, какого черта говорить о *феминистской* истории. История женщин подошла бы более...

⁵ См. ниже главу, посвященную этому (Савойя и др.).

Примечания к первой части: Нелатинские меньшинства

Глава 1. Эльзас

¹ Dollinger Ph. *Histoire de l'Alsace*. Toulouse: Privat, 1970. P. 61; Dreyfus F.-G. *Histoire de l'Alsace*. P.: Hachette, 1979.

² Ibid. P. 65–66.

³ Ibid. P. 74.

- ⁴ Hug M. La situation en Alsace // *Langue Française*. 1975. №25. P. 112–120, в частности, стр. 115. то же примечание для Бретани, Фландрии, Страны басков.
- ⁵ Стоит ли говорить, против принятого, о коротком XIX веке (выражение принадлежит господину Франсуа Лафону)? Возможно, война 1870 года, в которой уже были заложены истоки Первой мировой войны (1914–1918) и, таким образом, Второй мировой войны (1939–1945), была значительным разрывом, который подготовил начало долгого XX столетия (1870–1989), который, в свою очередь, включил в себя вооруженное перемирие (1870–1914), тридцатилетнюю войну (1914–1945) и холодную войну (1945–1989). Таким образом, прослеживается путь от депеши Эмса до разрушения Берлинской стены, я повторяю, с 1871 до 1989 года. Около двенадцати десятилетий подряд.
- ⁶ V Республика, напротив, как до, так и после 1981 года, умела вести децентрализаторскую политику.
- ⁷ Reimeringer E. Un communisme regional? Le communisme alsacien. Actes du colloque de Christian Gras et Georges Livet. Régions et Régionalismes en France du XVIII siècle à nos jours». P.: PUF, 1977. P. 361–392; Livet G. Histoire de Colmar. Toulouse: Privat, 1983. P. 230.
- ⁸ Kershaw I. Hitler. P.: Flammarion, 2001. Vol. 2. P. 488.
- ⁹ Lambert P., Le Marec G. Partis et mouvements de la collaboration. P.: Grancher, 1993 (тенденциозно, но насыщено фактическим материалом).
- ¹⁰ Vogler B. (dir.). L'Alsace, Beauchesne. P., 1987.
- ¹¹ О Германне Биклере см. Dictionnaire Dominioque Venner в ee Histoire de la collaboration. P.: Pygmalion, 2000. P. 549.
- ¹² Kershaw I. Op. cit. P. 951.
- ¹³ Ibid. P. 1067.
- ¹⁴ С декабря 1945 года по декабрь 1974 года «Последние новости Эльзаса» как двуязычное издание (другими словами, выходили под знаком и под маркой основной части газеты, издававшейся на немецком языке) переживали период значительного упадка, от 83,2% до 39,06% по сравнению с чисто французским изданием, выходившем на одном языке, которое стало преобладающим в те же самые годы, с 16,80% достигшее 60,94% от общего количества распространенных экземпляров. Падение впоследствии продолжалось, и в 2000 году двуязычное издание представляло не более 17% от общего тиража. С позиции сильного большинства, четырех читателей из пяти, «журналистский» *Hochdeutsch* скатился на ступень мелкого меньшинства, менее одного германоговорящего читателя из пяти эльзасских читателей ПНЭ, при

этом франкофоны представляют сейчас соотношение «четыре к пяти». За каких-то полвека произошел радикальный переворот в пропорциях. Меры, принятые ректором Дейоном в 1982 году, когда были введены три еженедельных часа немецкого языка в школе для детей, будут иметь четко видимый эффект — если будут — только в ходе следующих десятилетий XXI века (Ж. Антуан, работа, цитируемая ниже, стр. 690)...

¹⁵ Le Figaro, 12 августа 2000.

Глава 2. Лотарингия

¹ Parisse M. Histoire de la Lorraine. Toulouse: Privat, 1987. P. 13.

² Но при этом речь не идет о сколько-нибудь развивающемся прогрессе немецких диалектов в романоязычной части: в течение восемнадцати столетий (до 1871 года) Мец оставался постоянным центром латинской, романской, а затем французской культуры. Отсюда скандал (по этому поводу) с немецкой аннексией, отсюда «трагическая ошибка» Бисмарка...

³ Parisse M. Op. cit. P. 191.

⁴ Ibid. P. 236.

⁵ Ibid. P. 272.

⁶ Ibid.

⁷ По поводу битвы у Белой горы (холм недалеко от Праги), где богемские протестанты потерпели поражение от императора Фердинанда II (1620), см. известную книгу Chaline Jean-Pierre: La bataille de la Montagne Blanche. Paris, Noesis, 1999.

⁸ Cp. Muratori A. Stanislas. P.: Fayard, 2000.

⁹ Taveneaux R. Histoire de Nancy. Toulouse: Privat, 1987. P. 297.

¹⁰ Le Roy Ladurie E., Aron J.-P., Dumont P. Anthropologie du conscrit français 1819–1826. Paris-La haie, Mouton, 1972. См. также Le Roy Ladurie E. Le Territoire de l'historien. P.: Gallimard. Vol. II. P. 99–135.

¹¹ Heimatbund — лига страны; Heimatrecht — право страны.

¹² Lehideux F. Mémoires. P.: Pygmalion, 2001.

¹³ Lambert P., Le Marec G. Op. cit. P. 206 sq. В этой работе, «идеологическая» тенденция которой не представляет собой никакой тайны, содержится, тем не менее, крайне интересная информация.

¹⁴ «Присоединенная» Лотарингия, и в этом было дополнительное осложнение, была частично затронута странной системой «государство-партия», которая свирепствовала в гитлеровской Германии и завоеванных странах, система, по которой не германское государство, а Нацистская партия (Gauleiter) в принципе управляла на местах. В реальности, региональный гаулайтер Жозеф Бюркель оставался ответственным лицом NSDAP

(Нацистской партии) в своем Gau (немецком) Сарр-Палатинате, но он не мог присоединить к этому Gau часть аннексированной Лотарингии. Там Бюркель был всего лишь главой гражданской администрации. Что, конечно, нисколько не было «утешением» для жителей Лотарингии, в любом случае моментально превратившихся в подданных фюрера (Ian Kershaw. *Op. cit.* P. 476).

Глава 3. Фландрия

- ¹ О том, что предшествует, и о том, что следует, см. замечательную работу Coornaert E. *La Flandre française de langue flamande*. P.: Ed. Ouvrières, 1970.
- ² Ibid. P. 59 sq.
- ³ Defoort E. *Une chatelaine flamande, Marie-Thérèse Le Boucq de Ternas, 1873—1961*. Ed. Des Beffrois, 1985. P. 15.
- ⁴ В этом видимом противоречии — слабое место этой, тем не менее, очень интересной книги: Toussaert J. *Le sentiment religieux en Flandre à la fin du Moyen Age*. P.: Plon, 1963.
- ⁵ Именно в 1067 году Дюнкерк был впервые упомянут в тексте, где граф Фландрии жалует одному аббатству право собирать десятину в некоторых местах, в число которых как раз и входил Дюнкерк, который был тогда, кажется, всего лишь укрепленным поселением; около примерно 1170—1180 годов эта община получила значительный статус города. Население Дюнкерка развивалось в следующих границах: 5 000 жителей с 1621 по 1666 годы; 10 515 в 1685 году; максимум 14 000 в 1706 году; затем 10 000 или 11 000 между 1713 и 1745 годами; подъем до 13 700 в 1736 году; 16 000 в 1770 году; 27 000 в 1789 году. Cabantous A. *Histoire de Dunkerque*. Toulouse: Privat, 1983. P. 36—37 и p. 89.
- ⁶ Trénard L. *Histoire des Pays-Bas français*, Toulouse: Privat, 1974. P. 197—226, в частности, стр. 219, и Coornaert E. *Op. cit.* P. 308 sq.
- ⁷ Эту идею в смягченном виде можно найти в формулировке, раньше распространенной в регионе Лилля: «Север (департамент) работает, платит налоги и производит на свет детей ей».
- ⁸ Defoort E. *Jean-Marie Gantois dans le mouvement flamand en France, 1919—1939*. Коллоквиум Гра-Ливе, цит. произв., стр. 327—336, а также, независимо, Dejonghe E. *Un mouvement séparatiste dans le Nord et le Pas-de-Calais sous l'Occupation (1940—1944): le Vlaamsch Verbond van Frankrijk // Revue de l'histoire moderne et contemporaine*. 1970. № 17. P. 50 sq.
- ⁹ См. случай И. Соје в Бретани, на самом деле очень типичной личности (в какой-нибудь другой провинции) для левого регионалиста, в том числе ли нгвистического.
- ¹⁰ Defoort E. *Jean-Marie Gantois...* *Op. cit.* P. 335.

- ¹¹ Lambert P., Le Marec G. Op. cit.
- ¹² Badinter R. L'Abolition. P.: Fayard, 2000.
- ¹³ Lambert P., Le Marec G. Op. cit. P. 234 sq.

Глава 4. Бретань

- ¹ Delumeau J. Histoire de la Bretagne. Toulouse: Privat, 1969. P. 118 sq.
- ² Основания. Ренн и его окрестности в античности. Музей Бретани, 2000 год.
- ³ Это очень известная теория каноника Фальк'уна.
- ⁴ Furet F., Ozouf J. Lire et Ecrire, l'alphabétisation des Français de Pascal à Jules Ferry. P.: Minuit, 1977. Т. 1. P. 190–191 и 328 sq.
- ⁵ Annuaire du Collège de France. 1983–1984. Изложение лекций Э. Ле Руа Ладюри. С. 745.
- ⁶ Delumeau J. Op. cit. P. 347 sq.
- ⁷ Мы сказали бы сейчас «постоянная», та, которая собирается между сессиями штатов провинции.
- ⁸ Слово «ректор» обозначает кюре.
- ⁹ Hermon-Belot R. L'Abbé Grégoire ... Prif. de O. Mona. P.: Seuil, 2000.
- ¹⁰ *Armor* на бретонском берегу, в противоположность внутреннему *Arcoat*.
- ¹¹ А не 240 000 человек, как напишет Р. Руо в журнале *Les Temps modernes*, «Histoire du mouvement breton», аout 1973. P. 170–193, в частности, стр. 176.
- ¹² Couderc A.-M. Bécassine inconnue. P.: Ed. Du CNRS, 2000.
- ¹³ См. Berger S. Les Paysans contre la politique: l'organisation rurale en Bretagne (1911–1974). P.: Seuil, 1975.
- ¹⁴ Текст цитируется по: Wright G. La revolution rurale en France. P.: Ed. De l'Epi, 1967.
- ¹⁵ Спасибо М. П. за указания, которые она мне дала по этому поводу.
- ¹⁶ Однако существовали учителя, придерживавшиеся левых взглядов, несмотря ни на что благожелательно настроенные по отношению к бретонскому языку и старавшиеся его сохранять. Так было в случае с И. Со́йе... чья дочь – один из наших видных историков (см. de Montrémy J.-M., Mona O. Bretonne, laïque... // L'Histoire. № 196. P. 14 sq.).
- ¹⁷ Antoine G., Cerquiglini B. (dir.). Histoire de la langue française. III, 1945–2000. P.: Ed. Du CNRS, 2000. P. 667, и Denis M. Mouvement Breton et fascisme. Signification de l'échec du second EMSAV, коллоквиум Гра-Ливе. Op. cit.
- ¹⁸ Denis M. Mouvement Breton et fascisme... Op. cit. P. 489–506, в частности. стр. 499.

- ¹⁹ Histoire de la Bretagne et des pays celtiques. Vol. 5. D'une guerre à l'autre 1914–1945. Skoltreizh, 1994 в частности; и Venner D. Op. cit.
- ²⁰ Ibid. P. 610.
- ²¹ Эрве Ле Ботерф в замечательной книге, которую он посвятил Бретани во время войны (Paris, France empire, reed. 2000) и, в частности, бретонскому Сопротивлению, которое он представил по возможности в наиболее благоприятном свете, итак, Ле Ботерф усиленно настаивал на прискорбной абсурдности этой «казни» аббата Перро.
- ²² Op. cit. P. 211 sq.
- ²³ Philippon J. Services secrets contre cuirasses. P.: Nouvelles editions latines, 2000.
- ²⁴ ²⁴ Притом что кажется, что антисемитизм, который является «смертным грехом» во всех смыслах этого слова, не стоял на первом месте ни у режима Виши, ни у коллаборационистов, ни у бретонских националистов, конечно, прогермански настроенных. Но в этом вопросе я бесконечно осторожен, поскольку не располагаю текстами, которые могли бы подтвердить или опровергнуть такое предположение с моей стороны. Я в высшей степени открыт для любых уточнений в этом вопросе, как в ту, так и в другую сторону.
- ²⁵ См. замечательную работу Огю Р. Les collaborateurs. P.: Seuil, 1976. P. 195. Его можно дополнить также, в полном масштабе, «Словарем коллаборационистов» Доминик Веннер, в ее Histoire de la collaboration. Op. cit.
- ²⁶ Перро не имел ничего общего с этим посмертным именованием (Огю Р. Op. cit. P. 258).
- ²⁷ См. выше, примечание 24.
- ²⁸ Кот дю Нор, округ и кантон в Динане.
- ²⁹ Rigoulot P. Les enfants de l'épuration. P.: Plon, 1993.
- ³⁰ В том же духе можно упомянуть, хотя и совсем не в регионалистской струе, книгу: Chaix M. Les Lauriers du lac de Constance. P.: Seuil, 1974 (reed. 1998). А также, очень литературную, в гармонии, как мы надеемся, с нашим предложением (вышеизложенным), великолепную работу, трагикомористическую: Dufay F. Le voyage d'automne. P.: Plon, 2000.
- ³¹ Комитет по изучению и связям бретонских интересов.
- ³² По поводу Бретани во времена германской оккупации, помимо уже приведенных книг, следует также обратиться к книге бывшего мэра Ренна: Fréville H. Archives secretes de la Bretagne, 1940–1944. Rennes: Ouest-France, 1985. См. также уже указанные произведения: Delumeau J. Histoire de la Bretagne, 1969; Meyer J. Histoire de Rennes. Toulouse: Privat, 1972; Bois P. Histoire de Nantes. Toulouse: Privat, 1977; Le Gallo Y. Histoire de Brest. Toulouse: Privat, 1976; Le Roy Ladurie E. Le Territoire de

l'historien. P.: Gallimard, 1973–1978; Berger S. Les Paysans contre la politique...; Burguière A. Bretons de Plozévet, P.: Flammarion, 1975; Les minorités nationales en France // Les Temps modernes. 1973. Aout-sept.

³³ Текст цитируется по Le Spectacle du monde, сентябрь 2000.

³⁴ Antoine G., Cerquiglini B. Op. cit. P. 684.

³⁵ Мы употребляем это слово «на англо-саксонский манер», в чисто техническом смысле, без всяких пренебрежительных коннотаций по отношению к заинтересованным лицам.

Глава 5. Страна басков

¹ Hagège C. Halte à la mort des langues. P.: Odile Jacob, 2000. P. 85.

² В общем, я благодарю профессора Кристиана Деппа из университета По и области Адур за информацию, так любезно мне предоставленную о регионе, который он очень глубоко знает.

³ Desplat Christian, в кн. Bidart P. Société, politique, culture en Pays basque. Bayonne, Elkar, 1986. P. 195.

⁴ Последний стих Песни о Роланде...

⁵ Lefèbre Th. Les Modes de vie dans les Pyrénées atlantiques orientales. These. P.: Colin, 1933.

⁶ См. по этому поводу интересную работу: Haritschelhar J. Etre basque. Toulouse: Privat, 1983. P. 220.

⁷ Выражение «se mettre au vert» (1. выехать за город отдохнуть. 2. сменить атмосферу на более свободную. 3. переждать, отсидеться.) может иметь несколько значений, в которых нет ничего пренебрежительного: так, например, профессор одного испанского университета, найдя атмосферу невыносимой в по-настоящему университетском городе в Южном Ёскади, где он преподавал до того времени, уехал, чтобы найти себе должность в каком-нибудь французском университете, в По или где-то в другом месте, чтобы вдохнуть там, наконец, воздух свободы как академической, так и другой.

⁸ Библиография по этому сюжету достаточно объемная, мы использовали, в частности, исследование Letamendia P. Nationalismes au Pays basque. Talence: Presses universitaires de Bordeaux, 1987.

⁹ На выборах в законодательные органы в марте 1986 года левые националисты получили 3,8% голосов во французской Стране басков.

¹⁰ Ménage G. L'Hyil du pouvoir. Vol. II. P.: Fayard, 2000. P. 387.

¹¹ Ibid. P. 392.

¹² Journal du Dimanche. 2000. 16 juin.

¹³ Ménage G. Op. cit. P. 525, примечание 1.

- ¹⁴ Последний из известных террористических актов «Ипаретарак» датируется 21 октября 2000 года в Камбо-ле-Бен в Атлантических Пиренеях; он был совершен около агентства недвижимости с помощью газовой гранаты. Итак, если можно так выразиться, «неприятности еще не закончились».
- ¹⁵ Беснаказанность за этот «невинный» политический акт понятна. Лучше уж мелкая кража, чем бомба... Однако, представьте себе, какая кошмарная участь ждала бы диссертанта, пришедшего в капюшоне «забрать», таким образом, из архивов, путем практически публичного ограбления, какой-нибудь документ, необходимый ему для продолжения научных изысканий...
- ¹⁶ Префект Атлантических Пиренеев подал жалобу на этот счет.
- ¹⁷ Antoine G., Cerquiglini B. Op. cit. P. 684.
- ¹⁸ Это остроумное выражение принадлежит господину Рафаэлю Драи (tribune juive, 26 октября 2000).
- ¹⁹ Monde, 2000 17 oct.
- ²⁰ На интересной специальной странице «Монд» (12 ноября 2000) представляет молодежь французской Страны басков как все более и более увлеченную делом независимости. Также там идет речь о новой региональной молодежной транспиренейской организации Айка, про-автономистской, и по ее поводу мнения расходятся: с одной стороны, это мнения борцов, а с другой стороны — более подозрительное отношение со стороны Службы общей информации... Несколько грамотных социологических опросов помогли бы, вероятно, получше разобраться в реальных устремлениях молодого поколения в ФСБ.

*Примечания ко второй части:
Латинские меньшинства*

Глава 6. Руссильон

- ¹ Обо всем этом и последующем см. два хороших тома нашего бывшего ученика и друга: Sagnes J. Le Pays catalan. Vol. I и II. Pau: Société nouvelle d'édition régionale et de diffusion, 1983. P. 74 sq.
- ² Ponsich P. Des Wisigoths aux Arabes et aux Carolingiens: Sagnes J. Op. cit. Vol. 1. P. 139—175, в частности стр. 154—155.
- ³ Благодаря Церкви и духовенству, как регулярному, так и секуляризованному, вестготы смогли умерить с помощью христианской идеи божественной справедливости «германскую или римскую концепцию о монархической власти. Закон Ресесуинта, выдвинутый в 654 году на восьмом соборе в Толедо, уже провозглашал: *Ты будешь королем этого народа, если ты будешь*

postupать по справедливости (si recta facis), а иначе ты им не будешь! « Это тон — и в этом был источник — знаменитых арагонских *fueros*, которыми потом присягали каталонские короли» (Ponsich P. // Sagnes J. Op. cit. Т. 1. P. 151).

- ⁴ Nadal-Farreras J., Wolff P. Histoire de la Catalogne. Toulouse: Privat, 1982. P. 342.
- ⁵ Calmette J., Vidal P. Histoire du Roussillon. P.: Honoré Champion, 1975. P. 158; Durliat M. Histoire du Roussillon. P.: PUF, coll. — «Que sais-je?», 1962. P. 79.
- ⁶ В Руссильоне в XVI веке наблюдался, тем не менее, экономический подъем, в частности, благодаря формированию «железной аристократии» разумеется, в рамках развития ремесленного производства и металлургической промышленности: Nouvelle Histoire du Roussillon, под руководством Jean Sagnes. Perpignan, Le Trabucaire, 1999. P. 205 (посвящение М. Ларгье).
- ⁷ Marcet A., Sagnes J. Le Pays catalan. Т. 1. P. 514.
- ⁸ Здесь я выражаю благодарность М. Ларгье, великолепному знатоку населения Руссильона и Лангедока в прошлом, за его бесценные советы, касающиеся времен Старого режима в его регионе или регионах.
- ⁹ В кн.: Sagnes J. et al. Op. cit. P. 538.
- ¹⁰ Католическая церковь после II Ватиканского собора, к несчастью, «отстранила от должности» этого «Георгия» под достаточно смешным предлогом: этот святой, кажется, никогда не существовал!
- ¹¹ Gran Geografia comarcal de Catalunya, 1985 (Grande géographie de Catalogne), том XIV, посвященный Руссильону, стр. 32.
- ¹² Этот подъем в Перпиньяне в XVIII веке принял достаточно феноменальные и космополитичные масштабы: в этом, очевидно, отчасти заслуга движения испанских пиастров. М. Ларгье в своих научных изысканиях недавно опубликованных, которые он проводил по материалам архивов города и региона, отметил несколько случаев разорения христиан и евреев, в пределах от 700 000 до 1 миллиона турецких ливров в финансовых и торговых отношениях с Кадиксом и др. Все это довольно значимо.
- ¹³ По мнению мадам Алис Марсе (в частной беседе со мной по поводу первого варианта этой книги, короче говоря, настоящего текста о периферии в Histoire de la France, Seuil), не следует говорить о том, что «Людовик XIII завоевал Руссильон», но скорее о том, что «каталонцы, восставшие против мадридского господства, отдали графскую корону королю Франции с тем условием, что не будет аннексии». Я очень охотно признаю это уточнение со стороны такого видного каталонского историка. Впечатление о «завоевании» создается для времени Людовика XIII и Людовика XIV уже долгое время, даже с точки зрения

многих каталонистов. Но я по доброй воле допускаю, что историк, достойный так называться, не должен доверяться такому «впечатлению».

- ¹⁴ По поводу этого выражения «выгодный» мадам Марсе спрашивает себя или меня: «выгоды для кого?». Я охотно признаю, что выгоды некоторого отсутствия войны были неравномерно распределены между теми, кто ими пользовался. Однако, я позволю себе считать, что мир сам по себе — это уже выгода для всех; все это наглядно демонстрирует западноевропейская пацифистская мысль начиная от Фенелона и, напротив, опыт жестоких войн за пределами Европы с 1945 по 2000 год.
- ¹⁵ Мадам Марсе спорит с этим «немного». Я принимаю ее критику, но остается верным то, что ни одно из антицентралистских движений при Старом режиме, как северокаталонских, так и других, не сравнится по жестокости и активности (взаимной) с восстанием камизаров. Религия сильнее, чем этнос? Ни одно движение, кроме, действительно, войны в Вандее, которая также не была этнической, а была политической, религиозной и социальной.
- ¹⁶ Обо всем предшествующем см. Marcet A. Cholvy G. // *Le Languedoc et le Roussillon*. Roanne: Ed. Horvath, 1982. P. 281.
- ¹⁷ *Nouvel Observateur*, 1988. 25–31 mare, написанная Моной Озуф рецензия на работу: Agulhon M. *Histoire vagabonde*. P.: Gallimard, 1988.
- ¹⁸ Притом что, нужно об этом повторять еще и еще, руссильонские диалекты в устном народном употреблении были близки к диалектам (ок) Нарбонны, даже Безье, а также близки к барселонскому или официальному южнокаталанскому языку. В то время существовал междепартаментальный континуум «ок-каталанский».
- ¹⁹ По: *Gran Geografia comarcal de catalunya*. Op. cit. P. 117, Sagnes J. Op. cit. T. II. P. 780 sq. и 862.
- ²⁰ Региональный язык: мадам Марсе замечает мне, что это выражение не подходит. Но какое прилагательное следует употреблять в этом случае?
- ²¹ Помимо вышеупомянутых ссылок, приведенных в примечаниях к этой главе, отметим здесь еще несколько работ, которые были для нас важными: Calmette J., Vidal P. *Histoire du Roussillon*. P.: Honoré Champion, 1975; Calmette J. *Le Roussillon à travers les ages. Chronologie et commentaires* (par J. Calmette et P. Vidal). Toulouse, 1944; Durliat M. *Histoire du Roussillon*. P.: PUF, coll. «Que sais-je?», 1962; *Gran Geografia comarcal de Catalunya*. T. XIV. Barcelone, 1985; Pascot Jep. *Légendes, Contes et Récits catalans*. Toulouse: Privat, 1973; две фундаментальных работы, вышедших в издательстве «Прива» по истории Северной Каталонии.

нии: Wolff P. Histoire de la Catalogne. Toulouse: Privat, 1982, последняя глава и, того же автора, великолепная Histoire de Perpignan. Toulouse: Privat, 1985; и еще два толстых и добротных тома: Sagnes J. Le Pays catalan. T. I и II. Pau: Société nouvelle d'édition régionale et de diffusion, 1983.

²² Четвертая страница обложки этой книги, Plon, 1973. На самом деле, обдумывание этой книги, очень интересной, было гораздо более долгим и разумным, чем отмечается в этом «горячем» тексте.

²³ Figaro, 2000. 11 aout.

²⁴ Ibid. По: Chirikoff I. de.

²⁵ Ibid.

²⁶ Последний пункт, возможно, спорный: мадам Марсе сожалеет, что я процитировал Филиппа Вольфа, который руководил изданием «Истории Каталонии», а не ее саму, которая действительно внесла важный вклад в эту работу. Но не общая ли это участь? Я сам тоже когда-то внес свой вклад в написание «половины толстого тома» «Экономической и социальной истории Франции», издававшейся под руководством моего учителя Фернана Броделя, который написал для нее всего несколько страниц, конечно, необычайно насыщенных информацией, как все, что выходило из-под его пера. Однако, когда эту работу цитируют, ссылаются всегда на имя Броделя и никогда на мое. Но я даже и не думал о том, чтобы на это пожаловаться. По правде говоря, я и сейчас об этом не думаю.

Глава 7. Корсика

¹ Суровость корсиканской *вендетты* объясняется также изначально (согласно исследованиям англо-саксонских историков) тем фактом или поверьем, что душа умершего (душа жертвы), постоянно блуждающая и присутствующая, нуждается в отмщении и даже его требует.

² Serpentine A.-L. Bonifacio Ajaccio. La Marge, 1995.

³ Vergé-Franceschi M. Histoire de Corse, 2 vol. P.: éd.: Du Félin, 1996. Vol. 1.

⁴ Serpentine A.-L. Op. cit.

⁵ Antonetti P. Histoire de la Corse. P.: Laffont, 1983. P. 216.

⁶ Положение, по которому сторона (Генуя) могла теоретически оставить за собой право выкупить через некоторое время проданный объект (Корсику), возместив получателю (Франции) основную цену и расходы на получение.

⁷ Самая последняя публикация о Паоли — это, что крайне символично, работа о принце Наполеоне: Charles Napoléon Bonaparte et Paoli. P.: Perrin, 2000.

- ⁸ Эти цифры можно сравнить с современными данными по США: 250 миллионов единиц огнестрельного оружия на количество населения, немного превосходящее эту цифру.
- ⁹ Pomponi F. Histoire de la Corse. P.: Hachette, 1979. P. 283.
- ¹⁰ Цитируется по: Pomponi F. Ibid. P. 351 sq.
- ¹¹ Arrighi P. et al. Histoire de la Corse. Toulouse: Privat, 1971. P. 425–428.
- ¹² «Земля низко» — это французское, особенно южное, выражение. На Севере Франции говорят скорее: «Тяжело возделывать землю».
- ¹³ Gregori J. Nouvelle Histoire de la Corse / J. Martineau (éd.), s. 1, 1967. P. 363.
- ¹⁴ Culioli G.X. Le Complexe corse. P.: Gallimard, 1990. P. 236 sq.
- ¹⁵ Война, стоит ли об этом напоминать, *априори* не является интегрирующей силой: отправка молодых жителей Эльзаса на русский фронт начиная с 1941 года нисколько не сблизила их с нацистской Германией... как раз наоборот!
- ¹⁶ Обо всем этом см.: Kershaw I. Op. cit. P. 494, 784–785, 864.
- ¹⁷ По этому поводу обратитесь к известным работам М. Грациани, который уточняет некоторые преувеличенные цифры.
- ¹⁸ Figaro, 2000. 14 oct.
- ¹⁹ Vergé-Franceschi M. Histoire de la Corse. P.: Ed. Du Félin. Vol. 2. P. 503.
- ²⁰ Lacoste Y. Géopolitique des régions françaises. T. III. P.: Fayard, 1987. P. 1065 sq.
- ²¹ Ménage G. L’Oeil du pouvoir. II. Face aux terrorismes 1981–1986... Corse. Pays basque. P.: Fayard, 2000.
- ²² Жан-Поля де Рокка-Сепра долгое время «там» называли Серебряным лисом из-за его волос и высоких способностей в области политики. В последние годы даже говорили по его поводу «Белый лис»...
- ²³ Корсиканское регионалистское движение.
- ²⁴ О сардинском влиянии на «Севере» в наше время часто упоминалось, также как для Савойи — о влиянии лиги По и «итальянизирующих» элементов (Rossi J.-M., Santoni F. Pour solde de tout compte. Les nationalistes corses parlent. P.: Denoël, 2000).
- ²⁵ Pasquini P. цитата по: Figaro, 2000. 14 oct.
- ²⁶ Ménage G. Op. cit. Отметим по ходу, что женщины, так широко представленные на континенте в ультраэкстремистском движении, каковым было «Аксён директ» (Натали Менигон, Жоэль Оброн...), долгое время, кажется, не были особенными активистками в ФНОК. Недавно появившаяся в свет книга Mattei Marie-Нйline. «Le prix du silence» (Ed. Michel Lafon, 2000), представляет ли она собой новый поворот, с этой точки зрения? Автор, сочувствующий национализму, написала эту книгу

во время своего пребывания в тюрьме в Флёри-Мерожи за попытку получения выкупа за похищенного директора гольф-клуба в Спероне.

²⁷ Согласно «Valeurs actuelles» (28 июля 2000), примерно 2 миллиарда франков субсидий получила Корсика от Европы за последние шесть лет до 2000 года. Куда именно отчисляются или перебрасываются эти деньги?

²⁸ Figaro, 2000. 14 oct.

²⁹ Figaro, 2000. 28 oct.

³⁰ По мнению двух журналистов, объяснение такого невмешательства и молчания со стороны президента связано с тем, что глава голлистского государства придерживался следующей идеи: «Лучше подождать, пока Жоспен сам запутается в собственной лжи и извлечь из этого выгоду, чем слишком рано встать на ясные и твердые позиции по этому вопросу», и такое установление позиций было тем более опасным, особенно профранцузских, что рисковало оказаться «отставшим от жизни» (sic). Что бы подумал на этот счет генерал де Голль, который в этих делах предпочитал вмешательство, ясное и твердое, в пользу национального единства, будь оно даже децентрализованным (Angeli C., Mesnier S. Chirac père et fils. P.: Grasset, 2000. P. 150). Отметим, наконец, напоследок, что господин Жюппе предложил, как пишет «Monde» от 3 ноября 2000 года, организацию референдума на самой Корсике, чтобы островитяне могли высказать свое мнение, хотя бы они или не хотят оставаться в составе Франции. И наконец, в ноябре 1999 года Жак Ширак несколько отмежевался от проекта Жоспена и даже заговорил о «нации» (французской) и о ее желательном единстве.

³¹ Этот вопрос был поставлен на собрании в Корт, проходившем в середине октября 2000 года («Monde», 2000. 17 oct.).

³² Процессы, которые могли к этому привести, достаточно неоднородны. Поскольку, как хорошо написала Шанталь Дельсоль, — я процитирую приблизительно: «Если бы сегодня организовали референдум, было бы очень сомнительно, чтобы французы с континента потребовали предоставить Корсику ее собственной судьбе, если бы корсиканцы потребовали бы того, чтобы остаться в составе Франции» (Figaro, 2000. 14 oct.). Решимся ли мы сказать, что «в данном случае превалирует принцип материального интереса? В конце концов чехи без особых угрызений совести расстались со Словакией, отстающей в развитии провинцией, которая им дорого обходилась и препятствовала вхождению их в клуб для богатых, которым является единая Европа. Французы считают, что Корсика им обходится слишком дорого. Корсиканцы, за исключением смутянского

меньшинства, хорошо знают, что континент сильно улучшает их уровень жизни за счет поставок через море...». Таким образом, мы присутствуем при пантомиме двух музыкальных стульев между островом и континентом.

³³ Figaro, 1999. 25 oct.

Глава 8. Франко-провансальская зона: Савойя

¹ Обратитесь по этому поводу к кн.: Walter H. Le Français dans tous les sens. P.: Robert Laffont, 1988. P. 146 sq.

² Все это и последующее излагается по новой кн.: Histoire de Savoie. Privat, Toulouse, под руководством Поля Гишонне (1996). Мы также использовали старую Histoire de la Savoie, Privat, 1984, которая предшествовала той, которую мы только что упомянули выше. Она также вышла под редакцией Поля Гишонне.

³ См. по этому поводу исследование Bernard Rémy в Mélanges, посвященных Бернару Гросперрену, собранных Vergé-Franceschi. Bibliothèque des études savoisiennes. Т. 1. Montmélian, 1994.

⁴ Ресурсы, финансовые и другие, графа Савойского в середине XIII века достигали лишь десятой части доходов короля Франции (старая Histoire de Savoie. Op. cit. P. 177).

⁵ Muchembled R. Une histoire du Diable. P.: Seuil, 2000. P. 58 и далее.

⁶ Ibid. P. 57.

⁷ По правде говоря, в наше слишком «жаркое» из-за парникового эффекта время этот небольшой ледниковый период эпохи барокко начинает приобретать образ ностальгической прохлады.

⁸ Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil. P.: Flammarion, 1988, chap. IV.

⁹ Menabrea H. Histoire de la Savoie. Montmélian: Ed. La Fontaine de Siloé, 1999.

¹⁰ «Второе сословие», другими словами, дворянство.

¹¹ Mistral F. Trésor du Félibrige, art. cabano.

¹² Guichonnet P. Nouvelle Histoire de la Savoie. Op. cit. P. 220.

¹³ Ibid. и работы Жана и Рене Николя.

¹⁴ См. главу Ж. Николя о Революции в Савойе в кн.: Guichonnet P. Nouvelle Histoire de la Savoie. Op. cit.; а также две основных книги Жана Николя: Annecy sous la Révolution, Annecy, Société des Amis du Vieil Annecy, 1966; Révolution française dans les Alpes. Toulouse: Privat, 1989.

¹⁵ Frèche G., Frecht G. Les prix des grains, des vins et des légumes à Toulouse (1486–1868). P.: PUF, 1967. P. 133.

¹⁶ Nicolas J. Annecy sous la Révolution. Op. cit. P. 74.

¹⁷ Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. P., 1989. P. 200, 247.

- ¹⁸ Ibid. P. 247; рассмотрите также аналогичную судьбу Людовика XVII после смерти его родителей и участь детей Штауффенберга в Германии в 1944–1945 годы.
- ¹⁹ Робер Бадинтер по поводу гильотины.
- ²⁰ Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes... Op. cit.
- ²¹ По: Menabrea H. Histoire de la Savoie. Op. cit.
- ²² Nicolas J. La Révolution française dans les Alpes. Op. cit. P. 222.
- ²³ Жан Николя в кн.: Guichonnet P. Nouvelle histoire de la Savoie. Op. cit. P. 254.
- ²⁴ Вокансон — гениальный механик эпохи Людовика XV, техника которого плохо вписывалась в «органицизм» человеческого общества, созданного историей.
- ²⁵ Текст цитируется по: Эю Ле Руа Ладюри в Histoire de France, P.: Hachette, 1993, L'Ancien Régime. Vol. III. P. 308.
- ²⁶ Maistre J. de Evres, Considérations sur la France / Edition critique par J.-L. Darcel. Slatkine. P. 30 sq.
- ²⁷ Le Roy Ladurie E. Saint-Simon ou le Systême de la cour. P.: Fayard, chap. VI.
- ²⁸ Это превращение, которое проходило от отказа до самопожертвования, в том числе и на гильотине лица, в котором был заинтересован какой-нибудь «террорист», было хорошо объяснено Местром в 1794 году в письме (прцитированном ниже) к маркизе Коста:

«Я чувствую, что человеческий разум трепещет при виде этих волн крови невинных, которая смешивается с кровью виновных. Не без робости, мадам, и даже не без некоторого религиозного ужаса я чувствую, как меня направляют к тому, чтобы я *обратился*, или скорее *прикоснулся* к одной из самых глубоких точек божественной метафизики (...). Однако, в том плачевном состоянии деградации и несчастья, на которое мы обречены, все люди во все века верили, что наказания (страдания, а также умерщвление плоти, лишения, аскеза) невинности имели двойную силу в том, чтобы подавить действие зла и изгнать его. Отсюда идея этого воздержания, этих добровольных лишений, которые всегда считались приятными божеству и полезными человеческой семье (...).

Отсюда, в частности, среди нас эти ордена (религиозные, монашеские и др. ордена) с ужасающей суровостью, изолированные от мира, чтобы быть *громоотводами*. Но пролитие невинной крови в особенности во мнении всех этих людей надеялось той мистической силой, о которой я вам только что говорил. Отсюда идея жертвоприношений, старая, как мир: и обратите внимание, что агрессивные или глупые, странные для человека своим инстинктом животные, такие как плотоядные животные, хищные птицы, змеи, рыбы и др. никогда не прино-

сились в жертву. Пифагор напрасно восклицал: «Невинные овцы, что вы заслужили?» Ему не верили, поскольку ни один человек не был вправе искоренить естественную мысль. За немногими исключениями, которые соответствовали другому принципу, в жертвы выбирали всегда самых ценных по полезности животных, самых нежных, самых невинных, самых близких человеку по их инстинкту и их привычкам, одним словом, самых *человечных*, если мне позволено так выразиться; и злоупотребление этой идеей породило человеческие жертвы. Многого не хватает до того, чтобы невинная кровь, которая льется сейчас, стала бесполезна для мира. Во всем есть своя причина, которую мы однажды узнаем. Кровь небесной Елизаветы была, возможно, нужна для того, чтобы уравновесить генеральный план революционного трибунала, а кровь Людовика XVI, возможно, спасет Францию».

²⁹ «Мой племянник — буйный сумасшедший», — так говорил, повторим, епископ и кардинал Феш, дядя Бонапарта, вскоре после апогея (хрупкого, прелат это знал) великой Империи.

³⁰ Эти три царствования прошли одно за другим с 1814 по 1849 годы.

³¹ Febvre L. Philippe II et la Franche-Comté: these de letters. P., 1911.

³² Этот термин не казался обидным для савойцев. В Аннеси была и до сих пор существует «улица Аннексии».

³³ Точно эта фраза звучала как «шаспо уйдут сами» (Мак-Магон изрек ее в 1873 году. Шаспо — уставная винтовка французской армии того времени).

³⁴ Верхняя Савойя (округ и кантон Сен-Жюльен).

³⁵ Полная карта этой зоны и более мелких зон, на которые она была разделена, находится в кн.: Guichonnet. P. Nouvelle histoire de la Savoie. Op. cit. P. 306.

³⁶ Издано Сабидита во французской Швейцарии, 1996.

³⁷ Савойская лига насчитывает сейчас свыше 4 000 членов. Она является «членом-наблюдателем» в группе депутатов-регионалистов в Брюсселе в рамках Единой Европы (вместе с шотландцами, бретонским UDB и др.); объединенной Европы, которую всегда радует возможность «прицепиться» к Франции, которую она рассматривает как слишком централистскую... Лига родилась из группки «Регион Савойя», основанной в 1972 году. К ней присоединилась Конфедерация торговли и ремесла и моментально — некоторые люди из Национального фронта, которых вдохновил пример Ломбардской лиги (согласно «Figaro», 14 августа 2000). Но Патрис Абей, помимо всего, разорвал связи со своими борцами в долине По. Как бы то ни было, лига накопила фонд недовольства в регионе, которое существовало и раньше нее и было широко распространено. В этом недовольстве, очевидно, нет ничего исключительного, поскольку оно

свирепствует или процветает в разнообразных формах во многих регионах, периферийных и нет, в разных странах Европы. Одна только Франция насчитывает, как каждый знает, шестьдесят миллионов поводов, не считая поводов для недовольства. В случае с Савойей, и не только с Савойей, мы спросим себя, например, по праву или нет, вместе с «лигистами», почему эта провинция должна прежде всего ориентироваться на Лион (столицу региона Рона-Альпы), а не на Женеву, естественный рынок сбыта; или же, более законный вопрос: почему руководство, столь долгое время, кажется, пребывавшее беззаботным, Общества туннеля Монблан располагалось в Париже, а не «на местах», в Северных Альпах, где, возможно (?), оно смогло бы лучше предвидеть известную катастрофу... Случай с Савойей тем более интересен, что здесь идет речь, и это уникальный факт на французской периферии, о движении без собственной языковой базы, кроме французского языка; франко-провансальские диалекты в этом районе Альп сильно потеряли свой старый статус...

Глава 9. Области диалектов «ок»

¹ По поводу областей «ок» я уже высказывался во многих работах, написанных мной или в соавторстве (*Histoire du Languedoc, Paysans de Languedoc, Montaillou, Lieux de mémoire, Territoire de l'historien*, Pierre Prion scribe, два тома Платтера и др.). Об этих проблемах см. также: Lafont R., Armengaul An. *Histoire de l'Occitanie*. P.: Hachette, 1979; Nora P. *Lieux de mémoire, Le Roy Ladurie E. Nord-Sud. Vol. II. La Naton. Vol. II.*, P.: Gallimard. 1986, библиография, стр. 140; Le E. Roy Ladurie. P. 117–140. *Un théoricien du développement: Adolphe d'Angeville // Le Territoire de l'historien*. P.: Gallimard, 1973; Furet F., Ozouf J. *Lire et Ecrire, l'alphabetisation des Français de Calvin à Ferry Jules*. P.: Minuit, 1977. T. 1; Roger Ch. *Les deux France, histoire d'une géographie // Cahiers d'histoire*, 1979. P. 393–415; Demonet M. *La statistique agricole de la France, vers 1850, диссертация, Paris-1, 1985; Ourliac P., Gazzaniga J.-L. Histoire du droit privé français de l'an mil au code civil*. P.: Albin Michel, 1985.

² Большое спасибо моему коллеге Жану Гилэну из Коллеж де Франс за информацию и советы, которые он мне любезно дал по этому вопросу.

³ Marcet Alice в кн.: Cholvy G. *Op. cit.* P. 278 (где речь идет, по правде говоря, о Руссильоне, в этом отношении практически ничем не отличавшемся от Лангедока).

⁴ *Ibid.* P. 279.

⁵ По: Cholvy G. et al. *Op. cit.* P. 75.

- ⁶ Barruol G. // Cholvy G. Op. cit. P. 81–82, 84.
- ⁷ Я благодарю Синте из Арльского музея за те сведения, которые он мне любезно предоставил по этому поводу и по последующей истории Арля, по эпохе поздней Античности и расцвету Высокого средневековья.
- ⁸ Barruol G. // Cholvy G. Op. cit. P. 91 sq.
- ⁹ А. Кельтская Галлия. Римская империя и период после падения Римской империи; Галлия эпохи Каролингов. В. Римская область Нарбоннез до империи и разнообразные периоды автономии Аквитании или Прованса в ходе второй половины 1 тысячелетия (А. Галльская общность; В. Разделение Север-Юг).
- ¹⁰ Barthélemy D. L'an mil et la Paix de Dieu. P.: Fayard, 2000. P. 306 sq.
- ¹¹ Brenon A. Le Dico des Cathares, carte. P. 210.
- ¹² Здесь мы более чем в буквальной манере следуем изысканиям Анны Бренон в ее Archipels cathares. Cahors, Dige Ed., 2000, стр. 163 sq. Мы благодарим также господина Шиффоло, профессора Авиньонского университета, за те уточнения, которые он нам любезно высказал, исходя из своих глубоких познаний в этом обширном вопросе. Мы, конечно, принимаем в расчет различие во мнениях разных авторов по этому вопросу касательно рассматриваемой эпохи.
- ¹³ Про Наполеона Пейра см. ниже.
- ¹⁴ Мы оставляем в стороне проблему человеческих жертвоприношений, в духе ацтеков, например, которые были изгнаны из иудейской и христианской традиции после несвершившегося жертвоприношения Исаака Авраамом.
- ¹⁵ Мы употребляем этот термин в том значении, как говорят «прекрасный XIII век».
- ¹⁶ Обратитесь по этому вопросу к великим работам Габриэля Одиэно (см. ниже, примечание 22).
- ¹⁷ Само существование, или, по мнению некоторых, несуществование этого «собора» является предметом ученых споров среди специалистов (информация любезно предоставлена господином Шиффоло).
- ¹⁸ См. работу Schäfke W. La France gothique... P.: Artaud, 1990. P. 142–187.
- ¹⁹ Brenon A. Archipels... Op. cit. P. 34 sq.
- ²⁰ Tucoo-Chala P. Gaston Phébus, prince des Pyrénées. Pau: Ed. Deucalion, 1993.
- ²¹ Этот новый подъем демографии и экономики составляет одну из главных тем наших Paysans de Languedoc, 1966 (часть 11, глава 2). Приведенная здесь хронология тенденций полностью выверена по прекрасной работе Bou G. Sculpture gothique en Rouergue. Rodez, 1971. P. 9–11 sq.

- ²² Audisio G. Les Vaudois, histoire d'une dissidence, XII–XIV siècles. P.: Fayard, 1998.
- ²³ Бороды были проповедниками вальденской ереси. В их названии есть эмоциональная коннотация выражения привязанности, обращения к дяде. Они думали, что «лучше подчиняться Богу, чем людям». Также о них и о вальденской ереси см. «вальденскую» главу у Анны Бренон в *Le Pays cathare*, под редакцией Жака Берлиоза, Paris, Seuil, 2000. P. 125–147.
- ²⁴ Донатизм — «ересь», название которой происходит от имени Доната, инакомыслящего начала IV века из Северной Африки.
- ²⁵ О Марселе и Ниме в XVI веке см. наш *Siècle des Platter*. Vol. I, partie 3, и vol. II, стр. 24–48. 144–156, 229–258 и далее (P.: Fayard, 1995 и 2000).
- ²⁶ Le Roy Ladurie E. Histoire du Languedoc. P.: PUF, 1974. P. 64.
- ²⁷ Le Mariage de Chamardou, опубликован Кристианом Депла. Pau, ed. Du Hédas, s. d. Подробное исследование об окситанском театре того времени (XVI–XVII века) вы найдете в: Le Roy Ladurie E. L'Argent, l'Amour et La Mort en pays d'oc. P.: Seuil, 1980 (первая часть), работе, написанной в сотрудничестве с Филиппом Гарди.
- ²⁸ Laudan R. La diététique aux XVI et XVII siècles // Pour la science, октябрь 2000; Serres O. de. Théâtre d'agriculture. Grenoble: Ed. Dardet. Vol. II. P. 357 sq. (рецепты известного лангедокского писателя).
- ²⁹ Cottret B. La Renaissance, 1492–1599, Ed. De P.: 2000. P. 53 sq. Также см. интересную работу: Prevost R. Nostradamus, le mythe et la réalité. P.: Laffont, 1999.
- ³⁰ Об этих проблемах общего отставания в развитии и, напротив, активного роста отдельных секторов или местностей, в различных регионах, портах и городах на «Юге» в XVIII и даже в XIX веке можно посмотреть наши работы или работы с нашим участием, Histoire du Languedoc. Op. cit.; Histoire de la France urbaine (Seuil, 1981. Т. 3, также обращаясь, в частности, к работам о Бордо Жан-Пьера Пуссу), и наконец, Territoire de l'historien (Seuil, 1973 и 1978, Vol. 1 и 2. Anthropologie militaire, D'Angeville и др.).
- ³¹ Carrière Ch. Négociants marseillais au XVIII siècle. Marseille, Institut historique de Provence, 1973. Vol. 1. P. 46–47, 49, 63, 209...
- ³² Grimmer C. Vivre à Aurillac au XVIII siècle. Aurillac, Imprimerie Gerbert, 1983.
- ³³ См.: Popper K. La Société ouverte et ses ennemis. P.: Seuil, 1979.
- ³⁴ Либеральные воззрения бывшего жителя Перигора Фенелона были хорошо исследованы в кн.: Jaume L. La Liberté et la Loi. P.: Fayard, 2000. P. 49 sq; Фенелон не забывал о том, что Перигор был провинцией, обладавшей самоуправлением, и его связи

- с маркизом (перигорским) Дю Ло Д'Альманом, другим либералом, не были лишены значения. Я благодарю Жозель Шеве за бесценную информацию, которую она мне предоставила по этому поводу.
- ³⁵ Chaussinand-Nogaret G. Le Cardinal Dubois (1656–1723). P.: Plon-Perrin, 2000 (основной).
- ³⁶ О Берни, см. работы: Rouart J.-M. Le Cardinal des plaisirs. P.: Gallimard, 1988; Desprat J.-P. (P.: Perrin, 2000); Vaillant Roger (P.: Grasset, 1988), а также мемуары самого Берни (Mercure de France, 1980).
- ³⁷ Ménétrea J.-L. Le Journal de ma vie: Jacques-Louis Ménétrea, compagnon vitrier au XVIII siècle. Daniel Roche (éd.), P.: Albin Michel, 1988.
- ³⁸ Ср. Jean-l'ont-pris аббата Фабра в научной публикации Филиппа Гарди в нашей совместной работе L'Argent, L'Amour et La Mort en pays d'oc (ор. cit.). а также Pierre Prion, scribe, опубликованном Э. Ле Руа Ладюри и Орестом Ран ёном (из университета Джона Хопкинса). Paris, Gallimard, 1985.
- ³⁹ Bien D. The Calas Affair. Princeton: Princeton University Press, 1960.
- ⁴⁰ Roldan D. Rémusat Ch. de. Certitudes et impasses du libéralisme doctrinaire. P.: L'Harmattan, 1999.
- ⁴¹ См. выше в нашем параграфе, посвященном Платтеру.
- ⁴² Ален Молинье очень хорошо изучил эту проблему протестантского влияния на брачные договоры в Севенн и др. с 1540–1560 годов.
- ⁴³ Frayssenge J. Millau, 1668–1789. Société catholique..., et protestante. Millau: Librairie Trimolet, 1990. См. также этого же автора в сотрудничестве с Anne Bloch. Les Etres de la brume et de la nuit. P.: Ed. De Paris, 1994 (о каталонском и руэргском мифе Жана Гарена).
- ⁴⁴ Генри Киссинджер в первых главах своей Diplomacy (во французском переводе Diplomatie. Paris, Fayard, 1996) говорит нам о том, что относительно умеренная позиция Ришелье по отношению к сторонникам Реформации во время «милости в Але» шла у него от заботы о том, чтобы наладить отношения с протестантскими князьями в Германии, чтобы создать противовес опасности гегемонии Габсбургов, и это наперекор католическому общему знаменателю, присутствующему и у них, и у кардинала.
- ⁴⁵ См. выше в главе «Савойя» различие между Widerstand и Resistenz, которое можно применить и к данному случаю: *Активное сопротивление* камизаров и *пассивное сопротивление* жителей Милло.
- ⁴⁶ Berce Y.-M. Histoire des Croquants. P.: Seuil, 1983.

- ⁴⁷ Ado Anatoli. Paysans en revolution, Paris, Ed. De la Soci  t   des etudes robespierristes, 1996 (значительная книга...).
- ⁴⁸ Ibid. и Johnson H.C. The Midi in revolution. Princeton, 1986. P. 237.
- ⁴⁹ Стр. 190 ero Midi in Revolution. Про Антонеля далее см.: Serna P. Antonelle (Pref. de M.Vovel). P.: Ed. Du F  lin, 1997.
- ⁵⁰ D  mographie et Crises en Bas-Languedoc, 1670–1890. H  l  ne Berlan et al. Montpellier, IRHIS, 1992, параграф, посвященный демографическим кризисам в революционную эпоху.
- ⁵¹ В этой «Драке» участвовали в июне 1790 года нимские католики, часто из простонародья, против городских протестантов или протестантов из Севенн.
- ⁵² Cholvy G. Civilisations populaires r  gionales... Op. cit. P. 454.
- ⁵³ Amson D. Gambetta. P.: Tallandier, 1994.
- ⁵⁴ См. по этому поводу диссертацию, покойного Bernard Lepetit. Les villes dans la France moderne. P.: Albin Michel, 1988.
- ⁵⁵ Walter H. Le Fran  ais dans tous les sens. P.: Laffont, 1988. P. 143.
- ⁵⁶ Lambert P. Le Marec G. Op. cit. P. 245 sq.
- ⁵⁷ ПАЛБ = Прованс-Альпы-Лазурный Берег.
- ⁵⁸ B: Histoire de l'extr  me droite en France, изданной под редакцией Winock Michel. P.: Seuil, 1993. P. 252 sq.
- ⁵⁹ Figaro, 2000. 24 oct.
- ⁶⁰ Lerner H. // Cholvy G. Histoire du Languedoc, de 1900    nos jours. Toulouse: Privat, 1980. P. 203 sq.
- ⁶¹ Мы употребляем это слово по англо-саксонскому обычаю без всякой пренебрежительной коннотации.
- ⁶² Ligou D. Dictionnaire de la franc-ma  onnerie. P.: PUF, 1987.
- ⁶³ Amouroux H. La Grande Histoire des Fran  ais apr  s L'Occupation, V, Les R  glements de comptes (septembre 1944 – octobre 1945). P.: Laffont, 1991–1999. P. 615 sq. (таблицы и статистические данные).
- ⁶⁴ Нижние Альпы, Верхние Альпы, Приморские Альпы, Ардеш, Арьеж, Од, Аверон, Буш-дю-Рон, Канталь, Коррез, Кр  з, Дордонь, Дром, Гар, Верхняя Гаронна, Жер, Жиронда, Верхняя Луара, Ло, Лозер, Пиренеи, Атлантические Пиренеи, Верхние Пиренеи, Восточные Пиренеи, Тарн, Тарн и Гаронна, Вар, Воклюз, Верхняя Вьенна.
- ⁶⁵ Нижние Альпы, Приморские Альпы, Ардеш, Арьеж, Буш-дю-Рон, Дордонь, Дром, Верхняя Гаронна, Жер, Жиронда, Ло, Верхние Пиренеи, Вар, Воклюз, Верхняя Вьенна.
- ⁶⁶ Для сравнения и по поводу аналогичного «взрыва» в прошлом мы приведем примечательную работу: Corbin A. Le Village des cannibals. P.: Aubier, 1990, о факте коллективной антидворянской и символически антипрусской агрессии в Дордони (август 1870 года).

- ⁶⁷ Figaro, 2000. 15 août., исследование Ирины де Чирикофф.
⁶⁸ Walter H. Le Français dans tous les sens. P.: Laffont, 1988. P. 143.
⁶⁹ Gérard A., Cerquiglini B. Op. cit. P. 684.
⁷⁰ Monde, 2000. 13 sept.
⁷¹ Le Courrier, territoires et espaces ruraux. P.: 2000. № 104. P. 7.

Примечания к заключению

- ¹ Хотя и не всегда следует этому доверять: посмотрите на Корсику.
² С этой точки зрения два замужества Анны Бретонской могут послужить примером, по меньшей мере, метафорическим. Насильственный брак Анны Бретонки с Карлом VIII. Затем, когда она овдовела, брак по любви с Людовиком XII...
³ Бретонский ночной праздник.
⁴ Последние международные кельтские манифестации в Бретани в 2000 году были на редкость мощные и крайне удачные, по мнению наблюдавших.
⁵ Оставив в стороне всякие вопросы о протесте, следует рассказать здесь о прошедшем недавно конгрессе школ по изучению региональных языков в Вильнёв-сюр-Ло. Там были сделаны различные объявления, как, например, об открытии в этом году ста двуязычных классов и о создании в ближайшем будущем специального конкурса для приема на работу преподавателей, владеющих двумя языками, для второй ступени (Le Monde, 9 и 31 октября 2000). Отметим также совсем недавнее появление замечательной статьи Жана-Франсуа Шане, в которой он показывает, что ни Французская революция, ни Церковь, ни Республика, ни даже школьные учителя никогда не относились враждебно, как это им слишком часто приписывает народная к региональным языкам (Chanet J.-F. La question des langues régionales... // Histoire. 2000. № 24. P. 52–59).

Библиография

Литература по французским регионам, или «периферии», обширна. Здесь вы найдете только ограниченное число источников, наиболее близких к темам работ и интересам автора.

Abbad Fabrice (sous la dir. de). La Loire-Atlantique. Saint-Jean-d'Angély: Éd. Bourdessoules, 1984.

Agulhon M. La Vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la Révolution. P.: Société des études robespierristes, 1970.

– Histoire vagabonde. P.: Gallimard, 1988.

Albiser M. Patrimoine et Culture en Lorraine. Metz: Éd. Serpenoise, 1980.

Alfonsi N. Déclaration à l'Assemblée de Corse, réunion du 28 juillet 2000. [Точка зрения корсиканского политика, который, между прочим, претендует на французскую и профранцузскую позицию...]

Allard J.-M. Reliques et Reliquaires limousins. Bibliothèque municipale de Limoges, 1988.

Allières J. Les Basques. P.: PUF, 1999.

Altuna J. et al. Les Bastides du Béarn et du Pays basque. Toulouse: Diagram, 1997.

Amouroux H. La Grande Histoire des Français après l'Occupation. V. Les Règlements de comptes (septembre 1944-octobre 1945). Paris: Robert Laffont, 1991–1999. [О данных по расстрелам без суда за 1944–1945 годы, в частности, в «Midi d'oc»]

Antonetti P. Histoire de la Corse. Paris: Robert Laffont, 1983.

Appolis E. Le Diocèse civil de Lodève. Albi: Imprimerie coopérative du Sud-Ouest, 1951. [Об административной и социальной истории Лангедока – основной источник]

Arrighi P. et al. Histoire de la Corse. Toulouse: Privat, 1990.

– Le Livre des dictons corses. Toulouse: Privat, 1976 (rééd. 1987).

– et Pomponi Francis. Histoire de la Corse. Paris: PUF, 1984.

– et Ettori Femand et al. Histoire de la Corse. Toulouse: Privat, 1971. [Фундаментальная работа по историографии острова, написанная авторами – представителями «предпоследнего поколения». Что касается периода между двумя войнами, полезные ссылки (стр. 403) на ливорнскую «*Telegrafo*» и (корсикан-

скую) «*Atlante linguistico*» Джино Боттилиоли, вторая ссылка, даже по мнению авторов, менее достойна критики, чем первая, какой бы лапидарной она ни показалась.]

Azéma J.-P. et al. Jean Moulin Paris: Flammarion, 2000. [В частности (с. 28–39), «сага», в итоге трагическая, об одном ребенке из Безье; и, между прочим, разнообразные данные о «сопротивлении» жителей Безье государственному перевороту 1851 года.]

Barraqué J.-P. Du bon usage du pacte : les passerries dans les Pyrénées occidentales à la fin du Moyen Âge // *Revue historique*. 2000. No. 614. P. 307. [Об одной из границ областей «ок».]

Bazille F. Correspondance recueillie par Didier Vatume. Montpellier: Les Presses du Languedoc, 1992. [Мемориал и «могила» для художника, который был, наряду с Курбе и еще несколькими живописцами, одним из великих пейзажистов области «ок»]

Bec P. La Langue occitane. P.: PUF, 1963.

Belloin G. Renaud Jean, le tribun des paysans. P.: Les Éditions ouvrières, 1993. [О борце за интересы крестьян и к тому же коммунисте с французского юго-запада.]

Belmont A. Des ateliers au village: thèse. Presses universitaires de Grenoble, 1998. [О ремесленном производстве во франко-провансальских областях при Старом режиме.]

Benoit F. Histoire de l'outillage rural et artisanal (1947). Marseille: Laffitte Reprints, 1982. [Замечательная книга об этнографии Юра.]

Berger S. Les Paysans contre la politique : l'organisation rurale en Bretagne (1911–1974). P.: Seuil, 1975.

Berlioz J., Brenon A. et al. Le Pays cathare. Les religions médiévales et leurs expressions méridionales. P.: Seuil, 2000.

Berthe M. Le Comté de Bigarre, un milieu rural au bas Moyen Âge. Paris: Sevpen, 1976.

Bêteille Roger. Rouergue terre d'exode. P.: Hachette-Littérature, 1978.

Bien D. L'Affaire Calas / Trad. par Philippe Wolff. Toulouse: Eché, 1987. [О тенденциях в Тулузском парламенте, ставших по-настоящему «либерализаторскими», в конце царствования Людовика XV, сразу после злосчастного дела Кала и его завершения]

Biget J.-L. (sous la dir. de). Histoire d'Albi. Toulouse: Privat, 1983 (éd. de poche, 2000).

Bois J.-P. Bugeaud. P.: Fayard, 1997. [Вклад одной личности, происходящей из северной Окситании, в военное и колониальное будущее Франции, благодаря постепенному терпеливому продвижению семьи]

Bois P. (sous la dir. de). Histoire de Nantes. Toulouse: Privat, 1977.

Bou G. La Sculpture en Rouergue à la fin du gothique. Rodez: Carrière, 1971. [Интересная книга об обстановке на юге Центрального массива во время экономического роста после 1450 г.]

Bougard P. (sous la dir. de). Le Pas-de-Calais. Saint-Jean-d'Angély: Éd. Bordessoules, 1989.

Bourdon, S. / Dossiers de l'art // L'Objet d'art. 2000. Avril. [Себастьян Бурдон – великолепный художник великой эпохи, живописец из Монпелье очень высокого уровня. См. также каталог творчества этого художника на 2000 г., составленный Жаком Тюилье (Montpellier, musée Fabre, juillet 2000)]

Boyer H., Gardy P., Martel P. et al. Le Texte occitan de la période révolutionnaire. Montpellier: Section française de l'Association internationale d'études occitanes, 1989.

Bravard Y. Tignes, vie, mort et résurrection d'une communauté montagnarde. Chambéry, 1987.

Brenon A. Les Cathares : pauvres du Christ ou apôtres de Satan. P.: Gallimard, «Découvertes», 1997.

- Le Dico des Cathares. Toulouse: Milan Éd., «Les dicos essentiels», 2000.

- Les Archipels cathares. Dissidence chrétienne dans l'Europe médiévale. Cahors: Dire Éd., 2000.

Bubenicek M. Le Pouvoir au féminin. Une princesse en politique et son entourage: Yolande de Flandre (1326–1395): thèse dactylographiée de l'École des Chartes, Vol 4. P., 1994.

Bulletin du Comité flamand de France. [Периодический орган, издаваемый в Хазебруке, в частности, февральский номер за 2000 год посвящен проблеме билингвизма во французской Фландрии (статья Кристиана Каспера).]

Burguière A. Bretons de Plozévet. P.: Flammarion, 1975. [Важно]

Butel P. Les Dynasties bordelaises. P.: Penin, 1991.

Cabantous A. (sous la dir. de). Histoire de Dunkerque. Toulouse: Privat, 1983.

Cahiers de doléances du Comté de Sault (Aude). Éd. Accès, 1998. [Выдержки из журнала, в которых сильно преувеличивается бедственное положение и нищета с целью вызвать жалость и добиться освобождения от налогов...]

Calmette J. (sous la dir. de). Le Roussillon à travers les âges. Chronologie et commentaires. Toulouse: Privat, 1944.

- et Vidal P. Histoire du Roussillon. P.: Honoré Champion, 1975.

Canard enchaîné 2000. 20 sept. [Важная статья об изначальном «солипсизме» проекта «Матиньон-2000» относительно Корсики, разработанного без участия министров нынешнего французского правительства]

Carrière Ch., Courdurié M., Rebuffat Fenéol. Marseille ville morte, la peste de 1720. Marseille: J.-M. Garçon, 1988.

Carrière Ch. Négociants marseillais au xviiie siècle. Contribution à l'étude des économies maritimes. Marseille: Institut historique de Provence, 1973. [Важно: об интенсивном росте марсельской экономики в эпоху Просвещения]

Castellani Ch. Histoire de la Corse. Vichy: Aedis, 2000. [Интересная хронология. В этой работе, однако, полностью умалчивается о влиянии Муссолини на Корсике в период между двумя войнами. В том же издательстве у этого автора выходила небольшая книжка о Паскале Паоли]

Catalogue de l'exposition Gérard Ambroselli. Mairie de Colmar, nov. 2000. [Жерар Амброзелли – художник, свидетель освобождения Эльзаса]

Catalogue du fonds Saint-François-de-Sales. Bibliothèque municipale d'Annecy, 1986. [К вопросу об «обязательном католицизме»... и об элите савойского общества]

Chartier R. Les deux France. Histoire d'une géographie // Cahiers d'histoire. 1979.

Chaussinand-Nogaret Gu. Les Financiers de Languedoc au XVIIIe siècle. P.: Sevpen, 1970. [Важно]

Chevé J. Au pays des mille châteaux. La noblesse du Périgord. P.: Perrin, 1998. [В этой работе рассматривается дворянство с Юга и из области Жаку-Ле-Крокан.]

Cholvy G. (sous la dir. de). Histoire de Montpellier. Toulouse: Privat, 1984.

- et al. Histoire du Languedoc de 1900 à nos jours. Toulouse: Privat, 1980.

- et Guilaine J., Barruoi Gu, Bourin-Derruau M., Michel H., Marcet A. et al. Le Languedoc et le Roussillon. Roanne: Éd. Le Coteau, Horvath, coll. «Civilisations populaires régionales», 1982. [Важно.]

Chomel V., Behnont A., Favier R. et al. Dauphiné, France, de la principauté indépendante à la province (XIIe–XVIIIe siècles). Presses universitaires de Grenoble, 2000.

Collomp A. La Maison du père : famille et village en Haute-Provence aux XVIIe et XVIIIe siècles. P.: PUF, 1983. [О семейных структурах областей «ок»]

Colombani J.-M. Les Infortunes de la République. P.: Grasset, 2000. [Франция, рассматриваемая «в овале» корсиканского зеркала. В частности, с. 71, «О Корсике»: сегментная система на этом острове]

Conte A. Hommes libres. P.: Plon, 1973. [Эмоциональная, «как на вулкане», автобиография знаменитого каталонца]

Coornaert E. La Flandre française de langue flamande. P.: Éd. ouvrières, 1969. [Важно]

Corbin A. Archaïsme et Modernité en Limousin au XIXe siècle (1845–1880). 2 vol. P.: Marcel Rivière, 1975.

- Le Village des cannibales. P.: Aubier, 1990. [Случай каннибализма, нечто среднее между народным бунтом и патриотическим линчеванием... в Дордони XIX века]

Corse, Écologie, Économie, Histoire... Christine Bonneton Éditeur.

Cremadeills J. (sous la dir. de). L'Aude de la préhistoire à nos jours. Saint-Jean-d'Angély : Éd. Bordessoules, 1989.

Culioli G. X. Le Complexe corse. P.: Gallimard, 1990. [Значительное произведение, в частности, об автономизме в период между двумя войнами (иногда с уклоном в сторону Муссолини), Сопrotивлении на острове (1940–1943). Автор цитирует газету, автономистского, направления, называвшуюся «*А Муфрона*» (Муфлон); выходившую регулярно с 1920 года; эта «искрометным» изданием, как достаточно справедливо отмечает Г. Кулиоли]

Defoort E. Une châtelaine flamande, Marie-Thérèse Le Boucq de Ternas, 1873–1961. Dunkerque: Éd. des Beffrois, 1985.

Dejonghe R. Un mouvement séparatiste dans le Nord et le Pas-de-Calais sous l'Occupation (1940–1944) : le Vlaamsch Verbond van Frankrijk // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1970. No.17.

Delorme Ph. Les Grimaldi, 700 ans d'une dynastie. P.: Balland, 1996. [О владельцах одного из самых больших в наше время состояний на восточной границе областей «ок»; повествование ведется с тех далеких времен, когда Сен-Симон, говоря о Гримальди, писал, что Монако – это такая скала, с которой, где бы вы ни находились, «всегда можно плюнуть в море»]

Delsol Ch. Éloge de la singularité. P.: La Table ronde, 2000. [В частности, в главе X этой книги – проблемы возможной тирании на клановой основе]

Delumeau J. (sous la dir. de). Documents de l'histoire de la Bretagne. Toulouse: Privat, 1971.

- Histoire de la Bretagne. Toulouse: Privat, 1969 (rééd. 1987).

Demarolle J.-M., Le Moigne François-Yves. Histoire de Sarrebourg. Metz : Éd. Serpenoise, 1981.

Demonet M. La Statistique agricole de la France en 1852 : thèse. P.-I, 1985. [Работа, опубликованная в 1990 году EHESS (Школой высших знаний в области общественных наук) под заголовком «Tableau de l'agriculture française»]

Denis M. Mouvement breton et fascisme. Signification de l'échec du second EMSAV // Actes du colloque dirigé par Christian Gras et Georges Livet «Régions et Régionalismes en France du XVIIIe siècle à nos jours». P.: PUF, 1977. P. 489–506.

Desprat J.-P. La Belle Histoire de Gironde. Desprat éditeur, 1998. [О личном почитании реликвий в областях «ок» в средние века и в современную эпоху см. с. 49 и далее]

- Le Cardinal de Bernis. P.: Perrin, 2000.

Devos R., Joisten Ch. Мœurs et Coutumes de la Savoie du Nord au XIXe siècle. Annecy : Académie salésienne, 1978.

Deyon P., Frémont A. La France et l'Aménagement de territoire, 1945–2015. Dexia : Éditions locales de France, 2000.

Dollinger Ph. (sous la dir. de). Documents de l'histoire de l'Alsace. Toulouse : Privat, 1972.

- Histoire de l'Alsace. Toulouse : Privat, 1970.

Dreyfus F.-G. Histoire de l'Alsace. P.: Hachette, 1979.

Dubourg Jacques. Histoire des abbayes d'Aquitaine. Pau : Princi Neguer, 1999.

- Histoire des bastides de Midi-Pyrénées. Bordeaux: Éd. Sud-Ouest, 1997.

- Les Guerres de religion dans le Sud-Ouest. Bordeaux: Éd. Sud-Ouest, 1992.

Dufay F.. Le Voyage d'automne. P.: Plon, 2000. [Интересный рассказ в биографических перипетиях писателя Робера Бразийяка – представителя оригинальной каталанской литературы, на который до сих пор немногие авторы обращали внимание]

Duparc P. La Formation d'une ville, Annecy, jusqu'au début du XVIe siècle. Annecy : Les Amis du Vieil Annecy, 1973.

Dupuy André. Histoire chronologique de la civilisation occitane. En 3 volumes (essentiels). Genève: Slatkine, 1998.

Durliat M. Histoire du Roussillon. P.: PUF, «Que sais-je?», 1962.

Écho des carrières: Bulletin de l'Association culturelle des « Juifs du pape ». [Издание, специализирующееся на истории евреев в Провансе и Конта: См., например, в № 20 за 3-й триместр 1999 года статью Д. Янкую с хорошей документальной базой о провансальских евреях в эпоху короля Рене]

Enjalbert H. (sous la dir. de). Histoire de Rodez. Toulouse: Privat, 1981.

- et Cholvy Gérard. Histoire du Rouergue. Toulouse: Privat, 1979 (rééd. 1987).

Envol: journal d'action laïque de l'Ardèche. Décembre 2000. No. 505. [Это периодическое издание приводит свидетельства о неизбежных колебаниях, свойственных светской мысли в Ардеше (другими словами, в Северном Лангедоке), столь типич-

ных для некоторых областей «ок». Боб Девиль и Марсель Пикье протестуют против организации там *католического* факультета, что, кажется, не грозит беспорядками. Одновременно в том же номере Жан-Мари Гарде с радостным чувством пишет о недавнем восстановлении прекрасного *миссионерского креста*, датируемого прошлым веком, в деревне Ру]

Esprit. Août-sept. 2000. [Специальный номер, очень важный, посвящен работе историков и их воспоминаниям. Как ни странно, в журнале ничего не говорится о крайне важной *истории сельской Франции* (например, в Окситании, см. начало нашей главы IX) в первые 4 000 лет ее существования; мемуарная часть здесь нулевая, чтобы не сказать, отрицательная, поскольку все базируется на археологических находках и датировках по углеродному методу]

Ettori F., Pomponi F., Ravis-Giordani G. et al. Corse... Le Puy: Éd. Christine Bonneton, 1979. [Более чем основательный труд, энциклопедия... В частности, с. 52, о периоде между двумя войнами, и далее]

Fabre Abbé. «Jean-l'ont-pris», roman d'oc, publié et traduit dans «L'Argent, l'Amour et la Mort en pays d'oc», par Emmanuel Le Roy Ladurie et Philippe Gardy. P.: Seuil, 1980.

Fad'ra M. Horlogers savoyards. De l'horlogerie à la naissance du décolletage en Savoie. Thonon-les-Bains : L'Albaron, 1990.

Figeac-Monthus M. Les Lur'Saluces d'Yquem, XVIIIe–XIXe siècles. Bordeaux : Mollat, Fédération historique du Sud-Ouest, 2000.

Fontette F. de. Les fractures de l'unité linguistique // Mélanges offerts à Pierre Drai. P.: Dalloz, 2000. P. 557 sq. [Энергичное выступление в защиту французского языка против некоторого регионализма. Пусть читатель сам оценит!]

Frayssengc J. (avec Anny Bloch). Les Êtres de la Brume et de la Nuit. Les Éditions de P., 1994. [Важные данные о фольклоре Аверона относительно Жана Грена, волка-оборотня, в котором можно найти удивительное сходство с каталанским фольклором и «мифами» аббатства Монсеппа]

- Millau, une ville du Rouergue sous l'Ancien Régime (1668–1789). Société catholique et protestante. Millau: Trémolet, 1990.

Fréville H. Archives secrètes de la Bretagne, 1940–1944. Rennes: Ouest-France, 1985.

Furet F., Ozouf J. Lire et Écrire, l'alphabétisation des Français de Calvin à Jules Ferry. P.: Minuit, 1977.

Galliou P., Jones M. Les Anciens Bretons, des origines au XVe siècle. P.: Armand Colin, 1993.

Jean-Marie Gantois dans le mouvement flamand en France, 1919–1939 // Christian G. et Georges U. Actes du colloque «Ré-

gions et Régionalismes en France du XVIIIe siècle à nos jours». P.: PUF, 1977. P. 327–336.

Gardette Pierre. [О франко-провансальском языке можно посмотреть в разных публикациях института Пьера Гардета, изданных Лионским католическим университетом (rue du Plat, 69288, Lyon Cedex 02)]

Genoux C. Histoire de Savoie. Montmélian : La Fontaine de Siloé, 1997. [Переиздание старой, но все еще полезной работы, в частности, в том, что касается хронологии и т. д.]

Gilles H. Les États de Languedoc au XVe siècle. Toulouse: Privat, 1965.

Godechot J. La Révolution française dans le Midi toulousain. Toulouse: Privat, 1986.

Goyheneche E. Le Pays basque. Pau, 1979. [Крайне важно]

Gran Geografia comarcal de Catalunya. Vol. XIV et XV. Barcelone : Fondation de l'encyclopédie catalane, 1985.

Gras Ch., Uvet G. Actes du colloque «Régions et Régionalismes en France du XVIIIe siècle à nos jours. P.: PUF, 1977.

Graziani A. M. et al. Les Feux de la Saint-Laurent (Une révolte en Corse au XVIIe siècle). Ajaccio: Éd. A. Piazzola, 2000. [Фундаментальная работа «конца века», принадлежащая Грациани, видному корсиканскому историку нового поколения: большая диссертация о «Корсике в глазах Генуи» и генуэзской Корсике; работы о корсарской войне, Сампьеро Корсо, о прибрежных сторожевых башнях и, наконец, хроника Корсики (все это в основном издано А. Пьяццола)]

Gregori J. Nouvelle Histoire de la Corse. P.: Éd. Jérôme Martineau, 1967. [Хронологические данные, немного устаревшие, с точки зрения методики, но все еще полезные; и плюс к тому, с. 361 и сл. – несколько важных параграфов об истоках ирредентизма на острове в XIX веке, в частности, под покровительством аббата Джоберти в 1840-е годы]

Grimmer C. Vivre à Aurillac au XVIIIe siècle. Aurillac : Gerbert Imp., 1983.

Guichonnet P. Histoire de l'annexion de la Savoie à la France. Les véritables dossiers secrets de l'annexion. Montmélian : La Fontaine de Siloé, 1999.

Guigou J.-L. Les territoires ruraux dans le nouveau contexte // Le Courrier des territoires et espaces ruraux. 2000. No. 104. [В частности, с. 7]

Guilaine J. (sous la dir. de). Pour une archéologie agraire. P.: Armand Colin, 1991.

- et Pàure Daniel et al. Histoire de Carcassonne. Toulouse : Privat, 1984.

Guiral P. Monsieur Thiers. P.: Fayard, 1986. [Примечательная жизнь провансальца, преуспевавшего в Париже и стяжавшего там почести]

Guiraud P. Patois et Dialectes français. P.: PUF, 1971.

Hagège C. Halte à la mort des langues. P.: Odile Jacob, 2000.

Haritschelhar J. (sous la dir. de). Être basque. Toulouse : Privat, 1983.

Hellénisme et Hippocratisme dans l'Europe méditerranéenne. Montpellier : Université Paul Valéry, 2000. [О медицине в Монпелье при Старом режиме]

Higounet Ch. (sous la dir. de). Histoire du Périgord. Toulouse : Privat, 1983.

- (sous la dir. de). Histoire de l'Aquitaine. Toulouse : Privat, 1971.

Hilaire Y.-M. (sous la dir. de). Histoire du Nord-Pas-de-Calais. Toulouse : Privat, 1982.

Histoire de la Bretagne et des pays celtiques. Vol. V. (D'une guerre à l'autre, Bretagne 1914–1945). Morlaix : Skol Vreizh, 1994.

Histoire de l'Alsace / Sous la dir. de Ph. Dollinger. Toulouse : Privat, 1970.

Histoire de la Savoie / Sous la dir. de P. Guichonnet. Toulouse : Privat, 1973 (эта же работа, переработанная и дополненная, под редакцией Поля Гишонне под названием «Nouvelle Histoire de Savoie» (avec la collab. de J. Nicolas et al. Toulouse : Privat, 1996). [Крайне важно])

Histoire et Généalogie de la maison de Gramont. P.: Schlesinger, 1874. [Грамоны – известное семейство, пользовавшееся покровительством фаворитки Генриха IV; род, который имел впоследствии большое влияние во французской Стране басков при Старом режиме]

Histoire. 2000. No. 244 (специальный номер, посвященный Корсике).

Hug M. La situation en Alsace // Langue française. P.: Larousse, 1975. No. 25. P. 112–120.

Izquierdo J.-M. La Question basque. P.–Bruxelles: Complexe, 2000. [Последние разъяснения...]

Jaume L. La Liberté et la Loi. Les origines philosophiques du libéralisme. P.: Fayard, 2000. [О доктринах великих южных прелатов либеральной направленности, возвысившихся в Париже при Людовике XIV и позднее: здесь, Фенелон. В частности, с. 49–61 и далее; превосходно]

Jeanroy A. La Poésie lyrique des troubadours. 1934, rééd. Slatkine Reprints. P.: Honoré Champion, 2000.

Johnson H C. Thé Midi in Révolution. A Study of Régional Political Diversity 1789–1793. Princeton University Press, 1986.

Joutard Ph. Les Cévennes : de la montagne à l'homme. Toulouse: Privat, 1999.

Julien J. Haute-Alsace, le département du Haut-Rhin. P.: Éd. J. Delmas, 1985.

Lacoste Y. Géopolitique des régions françaises. 3 vol. P.: Fayard, 1987.

Lafont R., Armengaud André. Histoire de l'Occitanie. P.: Hachette, 1979. [Важно]

- L'Occitanie. P.: Seghers, 1987.

- et Anatole Christian. Nouvelle Histoire de la littérature occitane. Vol 2. P.: PUF, 1970. [Фундаментально]

Lambert P., Le Marec G. Partis et Mouvements de la collaboration. P.: Grancher, 1993. [Работа, иногда тенденциозная, но богатая подробностями о Фландрии, области Ниццы и Бретани в XX веке]

Larcan A. Les militaires... de Jacques Callot // Le Pays lorrain. 1992. No. 1. P. 7–14. [Некоторые аспекты «бедствий войны» и о тех, кто их спровоцировал или кто в них был виновен, в частности, в Лотарингии в период Тридцатилетней войны]

Laurent R., Gavignaud-Pontairie G. (sous la dir. de). La Révolution française dans le Languedoc méditerranéen : 1789–1799. Toulouse: Privat, 1987.

Lauriol C. La Beaumelle, un protestant cévenol entre Montesquieu et Voltaire. Genève–Paris: Droz, 1978. [Южная интеллигенция, из «ок» в «ойл» и наоборот...]

Le Blévec D. La Part du pauvre. L'assistance dans les pays du Bas-Rhône du XIIe siècle au XVe siècle (Languedoc, Provence, Comtat). P.: De Boccard, édition diffusion, 2000.

Le Boterf H. La Bretagne dans la guerre (1938–1945). P.: France-Empire, 2000. [Фундаментально]

Lebrun F. (sous la dir. de). L'Ille-et-Vilaine. Saint-Jean-d'Angély : Éd. Bordessoules, 1984.

Lefebvre Th. Les Modes de vie dans les Pyrénées atlantiques orientales: thèse. Armand Colin, 1933.

Le Gallo Yves (sous la dir. de). Histoire de Brest. Toulouse : Privat, 1976.

Leguay J.-P. (sous la dir. de). Histoire de Vannes et de sa région. Toulouse : Privat, 1988.

Le Moigne F.-Y. (sous la dir. de). Histoire de Metz. Toulouse : Privat, 1986.

Le Roy Ladurie E. [Среди наших работ, где говорится об истории областей «ок», приведем: «Les Paysans de Languedoc»; «Montaillou»; «Pierre Prion, scribe»; два тома «Siecle des Platter»; «La Sorcière de Jasmin»; «L'Histoire du Languedoc» в серии «Que sais-je?» и др.]

Le Roy Ladurie E. Un théoricien du développement : Adolphe d'Angleville // Le Territoire de l'historien. P.: Gallimard, 1973.

- Du couvre-chef aux polystyrènes // Annales ESC. Sept.-oct. 1966. P. 1165 sq. [По поводу книги: Moscovici S. Les Vieilles Industries de la vallée de l'Aude]

- et Aron J.-P., Dumont P. Anthropologie du conscript français, 1819-1826. P.-La Haye : Mouton, 1972. [О контрастах между Севером и Югом в уровне жизни и т.д.]

- Histoire du Languedoc. P.: PUF, 2000. [Издание пересмотренное и исправленное]

- Le Territoire de l'historien. 2 vol. P.: Gallimard, 1973-1978.

- Les Paysans de Languedoc. P.-La Haye : Mouton, 1966 et 1974.

- Montailhou, village occitan, de 1294 à 1324. P.: Gallimard, 1975.

- Résumé des cours, 1983-1984 // Annuaire du Collège de France. 1984. 84e année.

Lespagnol A. (sous la dir. de). Histoire de Saint-Malo et du pays malouin. Toulouse : Privat, 1984.

Letamendia P. Nationalismes au Pays basque. Talence : Presses universitaires de Bordeaux, 1987.

Ligou D. (sous la dir. de). Histoire de Montauban. Toulouse : Privat, 1981.

Ligou D. Dictionnaire de la franc-maçonnerie. P.: PUF, 1987. [Известная личность на Юге, Даниэль Легу хорошо разбирался в проблемах масонства в областях «ок»]

Livet G. (sous la dir. de). Histoire de Colmar. Toulouse: Privat, 1983.

Livet G., Rapp F.. Histoire de Strasbourg. Toulouse : Privat, 1987. [Южная интеллигенция, из «ок» в «ойл» и наоборот...]

Lovie J. Poilus savoyards (1913-1918). Chronique d'une famille de Tarentaise. Chambéry : Jacques Lovie, 1981.

Lunel A. Juifs du Languedoc, de la Provence et des États français du pape. P.: Albin Michel, 1975. [Об одной из могущественных составляющих областей «ок» в средние века, в их средиземноморской «версии»]

Maistre H. de. Joseph de Maistre. P.: Perrin, 1990.

Maistre J. de. Œuvres. I. Considérations sur la France / Édition critique par Jean-Louis Darcel. Genève : Éditions Slatkine, 1980.

- Considérations sur la France / Préface d'Alain Peyrefitte. P.: Imprimerie nationale, 1993. [Одно из самых значительных произведений великого савойского «эмигранта», если можно его так называть]

Manselli R. Spirituels et Bégains du Midi / Traduction par Jean Duvernoy. Toulouse : Privat, 1989.

Marcet A., Clancier Georges. Le Roussillon : Autrement, 1988.

- (en langue catalane). Brève Histoire des terres de la Catalogne du Nord. Perpignan : Trabucaire, 1989.

Marchini Antoine. *À propos de la Casinca (1770–1968)* : thèse. Université de Nice, 1998. [Расширение семьи было корсиканским «завоеванием» в начале XX века в такой же степени, как «вечная структура» социологии острова...]

Marseille, l'aventure industrielle [aux XIXe et XXe siècles] // Marseille. 2000. № 190.

Marteel J.-L. Cours de Flamand... méthode d'apprentissage du dialecte des Flamands de France (Westhoek). Condé-sur-Escaut : Miroirs Éditions, 1992. [Основная работа о сущности ФФФ, то есть Французской Фландрии, говорящей по-фламандски]

Marteilhe J. *Mémoires d'un galérien du Roi-Soleil* / Édition établie par André Zysberg. P.: Mercure de France, 1982. [Удачи и злоключения одного южного протестанта при Людовике XIV]

Mattei M.-H. *Le Prix du silence*. Neuilly-sur-Seine: Michel Lagon, 2000. [Размышления женщины о корсиканском национализме: вопреки бытующему мнению, он не является «исключительно» мужским]

McPhee P. *Les Semailles de la République dans les Pyrénées-Orientales, 1846–1852. Classes sociales, culture et politique* / Pré. d'A. Corbin. Perpignan : Les Publications de l'Olivier, 1995. [Важно]

«Méditerranée, de Courbet à Matisse», exposition au Grand Palais, P., septembre 2000. [Французские живописцы XIX–XX столетий на «южных берегах» Средиземного моря. Среди тех, кто открыл или вновь открыл Средиземное море (в областях «ок» или северной Каталонии) для всей страны или для всего мира, можно назвать Курбе, Моне, Мейссонье, Сезанна, Майоля, Вальта, Боннара, Марке...]

Mélanges offerts à Bernard Grosperin / Recueillis par M. Vergé-Franceschi. Bibliothèque des études savoisiennes. T.1. Montmélian, 1994.

Menabrea H. *Histoire de la Savoie*. Montmélian: La Fontaine de Siloé, 1999.

Ménage Gilles. *L'Œil du pouvoir. II. Face aux terrorismes 1981–1986. Action directe, Corse, Pays basque*. P.: Fayard, 2000. [Важно]

Météorologie et Catastrophes naturelles dans 'la France méridionale à l'époque moderne: Actes du colloque de 1992 recueillis par Anne Blanchard, Henri Michel et Élie Pelaquier. Montpellier: Université Paul-Valéry, 1993.

Meyer J. (sous la dir. de). *Histoire de Rennes*. Toulouse: Privat, 1972.

Michaud J. (sous la dir. de). *Histoire de Narbonne*. Toulouse: Privat, 1981.

Minois G. Histoire de la Bretagne. P.: Fayard, 1992. [Важно]
Les minorités nationales en France // Les Temps modernes.
Août – septembre 1973.

Molinier A. Esquisse d'une histoire du notariat en Languedoc oriental, des origines à la fin du XVIIe siècle // Gnomon (Revue internationale du Notariat). Février 1996.

- et Cholvy G., Saint-Jean R. de. Histoire du Vivarais. Toulouse : Privat, 1988. [Важно, в частности, об Оливье де Серре и о религиозных войнах 1620-х годов, особенно разрушительных в Виваре]

Moqueries savoyardes. Monologues polémiques et comiques en dialecte savoyard (1594–1604) / Édition établie par Anne-Marie Vurpas, préface de Gaston Tuaillon. Lyon: La Manufacture, 1986. [Автор предисловия к этой работе – не кто иной, как один из самых крупных специалистов по франко-провансальской культуре]

Muratori-Philip A. Le Roi Stanislas. P.: Fayard, 2000. [В частности, с. 140 и сл.: о Лотарингии в XVIII веке; фундаментально]

Naissance, Enfance et Éducation dans la France méridionale du XVIe au XXe siècle. Hommage à Mireille Laget. Montpellier III – Université Paul-Valéry.

Napoléon (Le prince). Charles, Bonaparte et Paoli. P.: Perrin, 2000. [Последняя по дате работа о Паоли]

Nguyen V. Aux origines de l'Action française. P.: Fayard, 1991. [О провансальском фоне морасской мысли]

Nicolai J.-B. Vive le roi de Corse : notes et documents sur Théodore de Neuhoff. Ajaccio : Cyrnos et Méditerranée, 1981.

Nicolas Jean. [Помимо разных произведений, Жан Николя любезно предоставил нам досье по проблемам Савойи, как историческим, так и современным]

Nicolas J. Nicjls et Renée. La Vie quotidienne en Savoie aux XVIIe – XVIIIe siècles. P.: Hachette, «Littérature», 1979.

Nicolas J. Annecy sous la Révolution, 1792–1799. Société des Amis du Vieil Annecy, 1966.

- La Révolution française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. Toulouse: Privat, 1989.

- La Révolution française dans les Alpes, Dauphiné et Savoie. P.: Payot, 2000 (P.: Payot, 1989).

- La Savoie au XVIIIe siècle, noblesse et bourgeoisie. P.: Maloine, 1977. [Крайне важно]

- et Vincent B., Gauthier F. et al. Mouvements populaires et Conscience sociale. P.: Maloine, 1985. [Разнообразные статьи о восстаниях в областях «ок», а также в других периферийных областях]

Niebor C. Q. De Bolonia à Montpellier. Evocation y reminiscencias de Henri de Mondeville y de Guy de Chauliac // Workshop. Marcelli, Ancône, 1999 nov. P. 37, 41.

Nières C. (sous la dir. de). Histoire de Lorient. Toulouse: Privat, 1988.

Nirascou G. Enquête sur Perpignan et le Roussillon // Le Figaro. 2000. 26 déc. [По мнению автора, политическое каталонское движение на севере пиренейской цепи чисто не представляет большого значения, и ему свойственны позиции рассудительного ненасилия; но в этом тексте также содержатся некоторые данные (помимо Unitat Catalana), о Partit per Catalunya, Esquerra republicana и Juventut nacionalista, которые, однако, если верить Жерару Нираску, – мелкие группы]

Nora P. Lieux de mémoire. II. La Nation. P.: Gallimard, 1986. [Фундаментально]

Nouvelle Histoire du Roussillon / Sous la dir. de J. Sagnes, avec la participation de M. Clavel-Léveque, G. Larguier, A. Marcet et al. Perpignan: Trabucaire, 1999.

Ory P. Les Collaborateurs, 1940–1945. P.: Seuil, 2000. [Крайне важно, когда, в частности, речь идет о некоторых периферийных регионах]

Otis Leah L. Prostitution in Medieval Society. The History of an Urban Institution in Languedoc. Chicago: University of Chicago press, 1985. [Об окситанской «любви»... помимо искусства трубадуров]

On Florence. La Société industrielle de Mulhouse, 1826–1876 / Préface de Louis Bergeron. Presses universitaires de Strasbourg, 2000. [Точки зрения и данные об эльзасском, в данном случае мюлузском ВПО (Высшем протестантском обществе)]

Ourliac P., Gazzaniga J.-L. Histoire du droit privé français, de l'an mil au Code civil. P.: Albin Michel, 1985.

Ozouf J., см. Furet François.

Pacteau de Luze S. Les Protestants et Bordeaux. Bordeaux: Mollat, 1999. [О протестантском возрождении в Жиронде, особенно начиная с 1750 года]

Parisse M. (sous la dir. de). Histoire de la Lorraine. Toulouse: Privat, 1977 (rééd.).

Pascot J. (sous la dir. de). Légendes, Contes et Récits catalans. Toulouse: Privat, 1973.

Les Patrimoines. Éditions du Dauphiné libéré (Grenoble). [Серия небольших по объему работ, очень информативных и представляющих большой интерес, появившихся в последние годы XX века; они касаются, если говорить, в частности, о Савойе, альпийских живописцев, укреплений, альпийских войск, Морьен как исторической области и др.]

Pelaquier É. et al. Démographie et Crises en Bas-Languedoc, 1670–1890. Montpellier: Irhis, 1992.

Peronnet M. (sous la dir. de). Chaptal. Toulouse: Privat, 1988. [Один житель Лангедока, штурмующий науку.. и власть]

Pinaud Pierre-François. Cambacérès. P.: Perrin, 1996. [Один юрист из Монпелье, завоевывающий «парижскую власть»]

Pingon J. de. Savoie française... Histoire d'un pays annexé. Saint-Gingolph: Cabedita, 1996.

Platch'ou [Местный журнал о морской Фландрии (французской), в первом триместре 2000 года вышли 11 номеров]

Pomponi F. Histoire de la Corse. P.: Hachette, «Littérature», 1979.

- (sous la dir. de). Histoire d'Ajaccio / Avec la contribution de P. Silvani. Ajaccio: Éd. La Marge, 1999.

Ponsich P. Des Wisigoths aux Arabes et aux Carolingiens // Sagnes Jean. Le Pays catalan. Pau: Société nouvelle d'éditions régionales et de diffusion, 1984. P. 139–175. [Этот сборник «Pays catalan» сам по себе представляет важнейшую работу, составленную под редакцией Жана Саня]

Population et Avenir. 2000. No. 649. [Статистические таблицы на с. 7: не считая Парижа, девять или десять аггломераций и наиболее крупные коммуны во Франции все «принадлежат» к бывшим периферийным меньшинствам или являются их спутниками; это Лион и Гренобль (франко-провансальская зона), Марсель-Экс, Тулон, Монпелье, Тулуза, Бордо и Ницца (области «ок»), Страсбург (Эльзас), Нант (почти Бретань), Лилль, Дуэ и Лан (спутники расширенной Фландрии, которая сама по себе является франкоговорящей и/или говорящей по-нидерландски, внутрифранцузской и за пределами границ). Это говорит о том, что история периферийной Франции составляет в итоге важнейший аспект «истории Франции». Что касается собственно Франции «ойл», то в ней насчитывается *только одна* очень большая аггломерация, гигантская, и это, конечно, Париж)]

Premiers Paysans du monde. Naissance des agricultures / Sous la direction de Jean Guilaïne. P.: Éd. Errances, 2000. [Крайне важно про области «ок»]

Placide R., Monique V. Les Transformations d'une société rurale. La Maurienne (1561–1962). P.: Armand Colin, 1964.

Raulin H. L'Architecture rurale française, Savoie. P.: Berger-Levrault, 1977.

Reimeringer B. Un communisme régional? Le communisme alsacien // Régions et Régionalismes en France du XVIIIe siècle à nos jours / colloque Christian Gras et Georges Livet. P. 361–392.

Ricalens H. Castelnau-dary au temps de Catherine de Médicis. Toulouse: Presses de l'Institut d'études politiques de Toulouse, 1999.

Ricketts P. T. Contributions à l'étude de l'ancien occitan: textes lyriques et non lyriques en vers. Birmingham: AIEO (Association internationale d'études occitanes), 2000.

Ricœur P. La Mémoire, l'Histoire, l'Oubli. P.: Seuil, 2000. [Прекрасные исследования об истории и памяти, но при этом полная некомпетентность в вопросах аграрной истории, в частности, Окситании, датируемой... исключительно углерод между 5800 и 300 годами до нашей эры. Философы памяти и анти-памяти должны обращать больше внимания на такие данные]

Rigoulot P. L'Alsace-Lorraine pendant la guerre 1939 – 1945. P.: PUF, 1998.

- La Tragédie des Malgré-nous. P.: Denoël, 1990. [О драме жителей Эльзаса-Лотарингии после 1940 года]

- Les Enfants de l'épuration. P.: Plon, 1993. [В частности, глава, названная «Мало, Танги... и автор их времени», об Олье Мордреле]

Roelker N. L. Jeanne d'Albret, reine de Navarre, 1528–1572. P.: Imprimerie nationale, 1979. [Женщина, находившаяся у власти, протестантка, уроженка Беарна, то есть южанка]

Roldá D. Charles de R. Certitudes et impasses du libéralisme. P.: L'Harmattan, 1999. [О семейных и южных истоках некоторого либерализма]

Rossi J.-M., Santoni F. Entretiens avec Guy Benhamou. Pour solde de tout compte. Les nationalistes corses parlent. P.: Denoël, 2000. [Уж не за эту ли книгу господин Росси был убит, подло, и это самое меньшее, что можно сказать...]

Rouart J.-M. Bernis, le cardinal des plaisirs. P.: Gallimard, 1998.

Rouch M. L'Aquitaine 478–781. P.: EHESS, 1976. [Фундаментально]

Rouhaut R. Histoire du mouvement breton // Temps modernes. Août 1973. P. 170–193.

Sagnes J. (sous la dir. de). Histoire de Béziers. Toulouse: Privat, 1986.

- (sous la dir. de). Histoire de Sète. Toulouse: Privat, 1987.

- (sous la dir. de). Le Pays catalan. 2 vol. Pau: Société nouvelle d'éditions régionales et de diffusion, 1984. [Крайне важно]

Saint-Robert Ph. de. [Опубликовал в журнале «Lettres», выступающем в поддержку французского языка, 2000. № 27 (февраль), важный материал по региональным языкам, в котором принимали участие многие его сотрудники.]

Schäfer W. La France gothique... Les cathédrales / Trad. de l'allemand. P.: Arthaud, 1990. [Полезно в отношении южной готики]

Séguy J. Le français parlé à Toulouse. Toulouse: Privat, 1978.
Serpentini A. L. Bonifacio: thèse d'histoire. Ajaccio: La Marge, 1995.

Silvani P. [Этот автор выпустил о своем острове около двенадцати важных работ, среди которых: *Bandits corses*; *Ça s'est passé en Corse*; *Et la Corse fut libérée*; *La Corse des révolutions*; *Histoire d'Ajaccio*; *La Légende des Corses*; *L'Or bleu de la Corse*. Приведем также его прекрасную статью в «Монд» (1993. 6 сентября) об освобождении Корсики, «клановых разборах Жиро – де Голля»]

Silvani P. *La Corse des années ardentes*. P.: Albatros, 1976.

Songeon J. Just Songeon et le Patois savoyard. Littérature, Poèmes, Chansons. Annemasse: Presses de Savoie, 1980.

Soudan P. *Au pays du Mont-Blanc. Histoire de Passy*. Bonneville: Plancher Imp., 1978.

Stivell A. [Дает краткое описание вклада в интрукельский и «франко-бретонский» диалог в «Монд» за 10 мая 2000]

Stouff L.-S. *Arles à la fin du Moyen Âge: thèse de l'Université d'Aix-en-Provence*. Éditions de l'Université Lille-III, 1986.

Sweets J. F. *Clermont-Ferrand à l'heure allemande*. P.: Plon, 1996. [Очень критическая работа о некоторой «приблизительности», на редкость пристрастной и «прискорбной», допущенной в знаменитом фильме, который составил собой целую эпоху и в котором речь шла о североокситанской столице времен немецкой оккупации]

Taveneaux R. (sous la dir. de). *Histoire de Nancy*. Toulouse: Privat, 1978 (rééd. 1987). [Среди работ этого замечательного историка с Востока приведем здесь: *Le Jansénisme en Lorraine, 1640–1789*. P.: Vrin, 1960]

Toussaert J. *Le Sentiment religieux en Flandre à la fin du Moyen Âge*. P.: Plon, 1963.

Trenard L. (sous la dir. de). *Histoire des Pays-Bas français*. Toulouse: Privat, 1972.

- *Documents de l'histoire des Pays-Bas français*. Toulouse: Privat, 1974.

- *Histoire d'une métropole: Lille–Roubaix–Tourcoing*. Toulouse: Privat, 1977.

- *Histoire de Lille, de Charles V à la conquête française (1500–1715)*. Toulouse: Privat, 1981.

Tucóo-Chala P. (sous la dir. de). *Histoire de Pau*. Toulouse: Privat, 1989.

- Gaston F., prince des Pyrénées (1331–1391). Pau: Deucalion, 1993. [Важно]

Turbé S. *Ataxie pour Hazebrouck*. P.: Éd. Baleine, «Le Poulpe», 1998. [Любопытный роман, который рассказывает о фламанд-

ском национализме во Франции с юмористической ссылкой на аббата Гантуа]

La Vaufrage au XXe siècle / Sous la dir. de Jean-Marc Roger. Nîmes: FAG Nîmes, 2000. [Вонаж – область к востоку от Нима, сильно «пропитанная» протестантизмом]

Venard M., Chiffolleau J. Histoire de la France religieuse / Dirigée par J. Le Goff et R. Rémond. Vol. II. Du christianisme flamboyant à l'aube des Lumières XVIe–XVIIe siècle (contributions de F. Lebrun, M. Venard et J. Chiffolleau). P.: Seuil, 1988. [Данные по протестантизму в регионах, о значении которого в областях «ок», в Эльзасе и др. мы знаем]

Venner D. Histoire de la Collaboration. P.: Pygmalion, 2000.

Verdaguer P. Henri Bosco et l'utopie méridionaliste // French Review (USA). 2000. Vol. 74. No. 1. P. 106–119.

Vergé-Franceschi M. Histoire de Corse. 2 vol. P.: Éditions du Félin, 1996.

Vermes G. (éd.). 25 communautés linguistiques de la France. T. I. Langues régionales. P.: L'Harmattan, 1988.

Vic C. de (*alias* Devic), Vaissète J. Histoire générale de Languedoc. 15 vol. Toulouse: Privat, 1974.

Villani P. Mezzogiorno tra riforme e rivoluzione. Roma – Bari: Laterza, 1973. [В плане сравнительной истории: южный вопрос]

Vogler B. (sous la dir. de). L'Alsace. P.: Beauchesne, 1987.

Wallace P. G. Communities and Conflict in Early Modern Colmar, 1575–1730. New Jersey: Humanity Press International, 1995.

Walter H. Le Français dans tous les sens. P.: Robert Laffont, 1988; Le Livre de poche, 1996. [Картография региональных языков и разнообразные данные]

Weber E. La Fin des terroirs. P.: Fayard, 1983. [Многочисленные данные по областям «ок»... и другим]

Wilcox G. De la cueillette à l'agriculture // Pour la science. 2000. No. 274 (août). [Важный текст о начале возделывания злаковых культур на Средиземном море в период между 10300 и 8300 годами до нашей эры, в частности, в северной Сирии; все это, если можно так выразиться, для последующего использования в Провансе и Лангедоке, куда эти «дары востока» придут ... около 5800 года до нашей эры]

Wilson S. Feuding, Conflict and Banditry in Nineteenth-Century Corsica. Cambridge University Press, 1988. [Крайне важно]

Winock M. (sous la dir. de). Histoire de l'extrême droite en France. P.: Seuil, 1993. [В этой книге содержатся важные тексты, касающиеся «продвижения на Юг» Национального фронта]

Wolff Ph. (sous la dir. de). Documents de l'histoire du Languedoc. Toulouse: Privat, 1969.

- (sous la dir. de). Histoire de la Catalogne. Toulouse: Privat, 1982.

- (sous la dir. de). Histoire de Toulouse. Toulouse: Privat, 1974 (rééd. 1986 et 1988).

- (sous la dir. de). Histoire du Languedoc. Toulouse: Privat, 1967 (rééd. 1988).

- Commerce et Marchands de Toulouse, 1350–1450. P.: Plon, 1954.

- Le Diocèse de Toulouse. P.: Beauchesne, 1983.

Wytteman Jean-Pierre (sous la dir. de). Le Nord, de la préhistoire à nos jours. Saint-Jean-d'Angély: Éd. Bordessoules, 1988.

Zysberg A, Cm. Marteilhe Jean.

Содержание

Предисловие	5
Благодарность... и разъяснения	8
Предисловие	9
Введение	14
Часть первая. НЕЛАТИНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА	21
Глава 1. Эльзас	23
Глава 2. Лотарингия	42
Глава 3. Фландрия	56
Глава 4. Бретань	74
Глава 5. Страна Басков	114
Часть вторая. ЛАТИНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА	147
Глава 6. Руссильон	149
Глава 7. Корсика	181
Глава 8. Франко-провансальская зона: Савойя ...	236
Глава 9. Области диалектов «ок»	293
Заключение	381
Примечания	390
Библиография	412

Эмманюэль Ле Руа Ладюри
История регионов Франции

Редактор И.В. Александров
Художественный редактор А.К. Сорокин
Художественное оформление Д.А. Морозов
Компьютерная верстка В.Г. Верховзин

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.05.2005
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,68. Тираж 1000 экз. Заказ № 4751

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14